

СЛОВО РЕДАКТОРА

По решению редколлегии журнала «Вестник Челябинского государственного университета» в настоящем выпуске публикуются статьи участников Всероссийского научно-практического семинара по программе повышения квалификации «Когнитивная лингвистика и когнитивное терминоведение», впервые организованного Челябинским государственным университетом совместно с Общероссийской общественной организацией «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов» (Челябинск, 20–23 марта 2013 г.). Проведение семинара стало знаменательным событием, поскольку приурочено к двум юбилейным датам: 10-летию Российской ассоциации лингвистов-когнитологов и 10-летию кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Цель семинара – обсуждение актуальных проблем когнитивной лингвистики и когнитивного терминоведения, позволяющее повысить научную квалификацию участников в вопросах методологии когнитивных исследований, роли и места когнитивизма в системе современных научных парадигм, в осмыслении когнитивных аспектов функционирования языковых единиц в различных сферах коммуникации.

Проблематика семинара привлекла внимание более 30 представителей вузовской науки из Перми, Екатеринбурга, Оренбурга, Магнитогорска, Красноярска, Санкт-Петербурга и Челябинска. Слушатели познакомились с работами ведущих российских ученых в области когнитивной лингвистики и когнитивного терминоведения, приняли участие в работе круглого стола, посетили выставку работ челябинской научной школы.

Настоящий выпуск включает два раздела. Статьи первого раздела «Теоретические и методологические проблемы когнитивной лингвистики и терминоведения» отражают содержание работ ученых, выступивших на семинаре с лекциями. Открывает раздел программная статья научного руководителя семинара доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Президента Российской ассоциации лингвистов-когнитологов Н. Н. Болдырева. В ней формулируются важнейшие теоретические установки и методологические принципы изучения языка в рамках когнитивного под-

хода, вводится понятие интерпретирующей функции языка и предлагается единая система его описания с учетом взаимодействия трех аспектов языкового оперирования знанием: собственно репрезентативного, семиотического, интерпретационного. В статье Е. И. Головановой представлен анализ основных направлений развития когнитивного терминоведения в России, выявляется система базовых идей и методологических принципов изучения терминов с когнитивных позиций, определяются приоритетные области научных поисков. Статья Е. Н. Азначеевой посвящена особенностям системно-гносеологического и когнитивно-дискурсивного подходов к исследованию профессионального сознания и профессиональной языковой личности. В статье З. И. Комаровой обосновывается необходимость создания системной методологии современной полипарадигмальной лингвистики, раскрываются принципы, постулаты и концепты системной методологии, характеризуется четырехчастное строение эпистемической цепочки «методология – метод – методика – технология». Л. А. Нефедова анализирует в своей статье проблемы имплицитности художественного текста в связи с глубиной его понимания, с позиций наложения первичной имплицитности на вторичную, выявления имплицитных приращений за счет знаний, структурированных в виде фреймов. В исследовании С. А. Питиной рассматривается феномен межнаучной интеракции в когнитивной лингвистике и смежных лингвистических науках. Е. В. Шелестюк выявляет специфику лингвокультурного переноса при переводе путем анализа четырех оппозиций (локальный – целостный; осознанный – неосознанный; связанный с глубинными / с поверхностными структурами оригинала и перевода; связанный с социальными статусами языков оригинала и перевода).

Второй раздел «Актуальные проблемы когнитивного изучения терминологии, текста и дискурса» объединяет статьи слушателей семинара. В своих публикациях авторы предлагают широкий круг терминоведческих и общеязыковых проблем, рассматриваемых на основе когнитивного подхода. В работах терминоведов обсуждаются вопросы вариативности терминологии (О. Б. Бурдина), особенностей построения терминов-словосочетаний

(В. А. Генералов), внутрисистемной дифференциации специальной лексики (А. И. Глазырина), функционирования терминов в текстах (О. В. Боярская), лексикографического представления терминосистем (В. Г. Будыкина). В центре внимания ряда статей находится специфика разноуровневой репрезентации индивидуальной (Н. А. Бурмакина) и коллективной языковой личности: национальной (Н. В. Иванченко), профессиональной (Т. М. Матвеева), конфессиональной (А. Г.-Б. Салахова).

Интерес исследователей привлекают когнитивные основы организации грамматических категорий: категории состояния в английском (А. В. Павлова) и категории залога в немецком языке (М. А. Римская). Значительная часть статей посвящена многоаспектному анализу различных видов дискурса: рекламного (С. Л. Кушнерук), экономического (К. Р. Типиева), политического (Н. Н. Кошка-

рова, О. А. Солопова), медийного (Я. А. Бохан, Т. А. Воронцова, Е. В. Иванова, А. В. Таскаева), педагогического (М. А. Самкова), художественного (О. Л. Заболотнева, А. Н. Зарецкая, С. С. Краева, Н. В. Мамонова, Н. С. Олизько, Н. В. Пестова, Е. В. Титова, О. В. Томберг). Особое внимание в статьях данного раздела уделяется проблемам изучения поликодового текста (Н. Ю. Григорьева, И. В. Степанова) и электронного дискурса (М. В. Коновалова, П. В. Часовский).

Надеемся, что публикуемые материалы будут стимулировать коллег к активному научному поиску и получению новых данных о связи языка, сознания и деятельности человека.

Ответственный координатор семинара,
редактор выпуска
д-р филол. наук, проф. Е. И. Голованова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ

Н. Н. Болдырев

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Научно-исследовательская работа выполнена в рамках государственного задания
Министерства образования и науки РФ, проект № 6.2772.2011

Рассматриваются теоретические установки и методологические принципы изучения языка в рамках когнитивного подхода. Вводится понятие интерпретирующей функции языка. Предлагается единая система описания с учетом взаимодействия трех аспектов языкового оперирования знанием (собственно репрезентативного, семиотического, интерпретационного) как результата реализации языком трех основных функций: когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей.

Ключевые слова: теория, методология, репрезентация, интерпретация, функция, знание, семиозис, концепт, категория.

Знания человека о мире и языке находятся в процессе постоянного изменения, поскольку человек, как и язык, на котором он общается, живет и развивается в непрерывно меняющемся мире, являясь его неотъемлемой, природной составляющей. Этот тезис имеет самое непосредственное отношение к правильному пониманию сути и принципов когнитивного подхода к изучению языка, роли знаний человека в его языковом поведении, в ежедневном процессе формирования и передачи новых смыслов. Структура и содержание человеческого сознания, его знания и мнения о мире, в котором он живет, его стереотипы и представления о норме, а также система коллективных и индивидуальных ценностей и оценок оказывают непосредственное влияние на структуру и содержание языковых форм и выражений в их коллективном (система языка) и индивидуальном (конкретные высказывания и тексты) аспектах, на структуру и содержание самих языковых функций и их реализацию.

Взаимодействие различных факторов онтологии мира, сознания и языка в процессе вербального общения обеспечивает, в конечном итоге, эффективность или неэффективность концептуального взаимодействия и межличностной ориентации говорящих, их ориентации в мире вещей и идей. Это требует обращения, особенно в исследованиях когнитивной направленности, к различным теориям и эмпирическим данным, связанным с изучением и описанием всех сторон этого взаимодействия.

«Если считать, что язык отражает тот способ, с помощью которого человек представляет себе мир, – подчеркивает Дж. Лакофф, – то необходима теория языка, отражающая человеческий опыт» [15. С. 350].

Поэтому в качестве **теоретических основ** исследования языка с когнитивных позиций, помимо классических теорий семантического, структурного или функционального направления, следует рассматривать современные теории языковой концептуализации и языковой категоризации, общую теорию репрезентации знаний в языке, теорию языковой интерпретации. Данные теории раскрывают принципы и механизмы формирования системы языка, языковых категорий, общих значений и конкретных смыслов не только с опорой на систему коллективных и индивидуальных знаний человека о мире, но и в контексте реализации языком его основных и вспомогательных функций. Важно при этом не забывать о методологических принципах и конкретных методах анализа, которые характеризуют соответствующее направление исследований.

К числу **основных методологических принципов** когнитивного исследования языка, в частности, необходимо отнести те ключевые положения и исходные установки вышеназванных теорий, которые определяют направления, методологию и конкретную программу исследования тех или иных языковых категорий, явлений и форм. Наиболее значимыми из них являются: а) понятие **антропоцентризма**, оз-

начающее признание ведущей роли человека в организации и использовании языка; б) *междисциплинарный характер исследования*, предполагающий использование данных других наук о сознании, языке и речевой деятельности; в) понимание *языка как когнитивной способности*, тесно связанной с другими когнитивными способностями человека; г) *многоуровневость значений* языковых единиц, т. е. необходимость выхода за рамки собственно языковой системы в процессе изучения языковых значений и обращение к когнитивным контекстам разного уровня сложности в виде различных систем знаний о мире; д) *уровневый характер* процессов языковой концептуализации и категоризации и некоторые другие, частные принципы (см. подробнее: [6]). Остановимся на некоторых вопросах теории и методологии когнитивных исследований языка, из числа перечисленных выше, несколько подробнее, тем более что многие из них до сих пор остаются в стадии разработки и требуют дальнейших уточнений.

В первую очередь, как представляется, требует уточнения сам перечень основных функций языка. Вернемся к утверждению о том, что человек живет в постоянно меняющемся мире, частью которого он является. Соответственно меняются его знания об этом мире, к которым он апеллирует и которые использует в процессе различных видов деятельности и в контексте которых происходит его общение с другими людьми. Чтобы лучше понять связь языка с окружающим миром и знаниями о нем, необходимо задать себе вопрос и попытаться на него ответить: что представляет собой мир вокруг нас. Ответ окажется не таким простым. С одной стороны, можно сказать, что окружающий нас мир – это природа, общество, различные сферы бытия и деятельности человека: его семья, быт, внутренний мир, повседневное формальное и неформальное общение, профессиональная деятельность, социальная сфера, политика, экономика, культура, образование, государство, общественная деятельность и т. д., – и это, естественно, далеко еще не полный перечень всех взаимосвязей человека с окружающим миром.

С другой стороны, такое многообразие аспектов, в которых мир являет себя человеку, подводит к очевидному выводу о том, что мир вокруг нас – это определенная сеть отношений. При этом в центре этих отношений находится сам человек, его сознание, его повседневное

взаимодействие с миром (с природой, обществом, семьей, государством, миром идей). Не вызывает сомнений и то, что основная роль в этом взаимодействии принадлежит языковому общению: человек познает мир, общается с миром, ориентируется в нем, главным образом, с помощью языка. «Границы моего языка, – писал Л. Витгенштейн, – означают границы моего мира» [10. С. 80]. Соответственно основные функции человека в мире связаны с языком, с его функциями. Другими словами, связь языка с миром и знаниями о мире проявляется в его основных функциях.

Традиционно в отечественном и зарубежном языкознании принято считать, что язык выполняет две основные функции – познавательную (когнитивную) и коммуникативную (общения). В то же время прямо или косвенно ученые всегда выделяли целый ряд так называемых дополнительных функций: эмотивно-экспрессивную, эстетическую, фатическую, метаязыковую (Р. О. Якобсон), ориентирующую (Е. С. Кубрякова), поэтическую (М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман), ритуальную или перформативную (Э. Бенвенист, Дж. Остин), манипулятивную (воздействия) и другие. Все эти дополнительные функции, со всей очевидностью, связаны с языковой интерпретацией и реинтерпретацией мира и знаний о мире.

Само понятие дополнительности данных функций, с одной стороны, вероятно, призвано подчеркнуть их самостоятельный статус, а с другой стороны, непосредственную связь с основными функциями. В то же время в этом противопоставлении обнаруживается некоторая несистемность и определенное противоречие, с точки зрения единой системы языковых функций. Возникает естественный вопрос о том, какую конкретно базовую функцию из двух вышеназванных дополняет та или иная частная функция или она дополняет их вместе как отдельная составляющая. Функциональное сходство используемых языковых средств (интерпретация и реинтерпретация знаний о мире) наводит на мысль о том, что язык выполняет, не две, а три главных функции. Другими словами, логично поставить проблему несколько шире и предположить, что помимо когнитивной и коммуникативной, язык выполняет третью, тоже основную – интерпретирующую функцию, которая так или иначе связана или обуславливает выполнение языком множества дополнительных функций. Это дает основание говорить о наличии определенной, отдельной,

общей системы языковой интерпретации, объединяющей все частные, или дополнительные, функции и средства их реализации, в единую языковую функцию.

В пользу этого предположения свидетельствует и тот факт, что еще в работах Ч. Пирса, Н. Хомского, Р. Джэкендоффа, Р. Павилёниса и других ученых в разных формулировках давно прослеживалась мысль о том, что языковые выражения приобретают конкретное значение и смысл только в рамках определенной концептуальной системы, т. е. являются результатом интерпретирующей деятельности человека (см., напр.: [11; 12; 16; 18]).

Выполнение языком трех главных функций и их взаимосвязь подтверждается также существованием трех основных систем языковой концептуализации и языковой категоризации мира: лексической, грамматической и модусной, или интерпретирующей. *Лексические категории* репрезентируют наше знание мира как таковое, что имеет непосредственное отношение к когнитивной функции. *Грамматические категории* определяют то, как это знание репрезентируется в языке и схематизируется в соответствии с правилами и принципами вербальной коммуникации (коммуникативная функция). *Модусные категории* передают способы интерпретации этого знания отдельными носителями языка (интерпретирующая функция) (подробнее см.: [1–5; 7–9]).

Только в единстве когниции, коммуникации и интерпретации может быть полностью раскрыта природа языка как когнитивной способности, обеспечивающая взаимодействие человека с внешним миром во всей полноте его биологических и социальных функций, бытовой и профессиональной деятельности, а также в плане самоанализа и репрезентации собственного внутреннего мира. Усваивая язык, отмечала Е. С. Кубрякова, мы усваиваем не только отдельные знаки, но и системы категоризации мира, системы опыта и знаний, а также системы ценностей [14. С. 33].

Данное утверждение, со всей очевидностью, означает, что каждое языковое явление следует анализировать с позиций реализации языком его основных функций: того, как язык передает знания о мире, как эти знания обеспечивают процессы общения и взаимопонимания людей, их ориентации в обществе. Развивая далее эту мысль, логично предположить, что когнитивные исследования языка направлены на изучение способов репрезентации и опериро-

вания знанием в языке, т. е. требуют комплексного освещения, как минимум, **трех главных аспектов языка**: собственно репрезентативного, семиотического и интерпретационного.

По своему определению, **собственно репрезентативный аспект** связан с языковыми формами представления знаний в процессах концептуализации и категоризации мира, т. е. с типами и языковыми форматами знаний, которые используются в коммуникации. **Семиотический аспект** раскрывает специфику семиозиса (означивания языковых единиц), т. е. когнитивных и языковых механизмов формирования языковых значений и смыслов на системном и функциональном уровнях соответственно. Различные способы и механизмы интерпретации мира и вторичной интерпретации знаний о мире с помощью языка раскрывают суть **интерпретационного аспекта** языкового оперирования знанием.

Собственно **репрезентация знаний в языке** является результатом двух основных познавательных процессов, осуществляемых с помощью языка – концептуализации и категоризации. Следствием этих процессов становится выделение объектов и событий окружающего мира разной степени сложности и их осмысление в качестве единиц знания разного формата. В концептуальной системе человека эти единицы знания представлены в виде общих тематических концептов (см. подробнее: [1; 7]) и категорий разного уровня обобщения. Как известно, категоризация объектов в языке происходит на трех основных уровнях: базовом, суперординатном и субординатном (в терминологии Э. Рош, подробнее см.: [19–21]). При этом собственно репрезентативный аспект языка предполагает, в первую очередь, первичную концептуализацию и категоризацию мира (и первичную репрезентацию знаний о нем соответственно), которая осуществляется, в основном, на базовом уровне и представлена в главном значении слов преимущественно конкретно-предметной и конкретно-признаковой семантики. Другими словами, знание о мире в этом аспекте представлено преимущественно лексически репрезентированными концептами и лексическими категориями: ДОМ, ЧЕЛОВЕК, СЕМЬЯ, РАБОТА, КНИГА, ХОДИТЬ, БЕГАТЬ, КРАСНЫЙ, ЗЕЛЕНый, ПРЯМОЙ и т. д.

Связь собственно репрезентативного аспекта с семиотическим, коммуникативным проявляется в том, что концептуальные единицы представлены в языке именно в том формате, в

котором они используются в вербальной коммуникации для передачи, получения и понимания информации, т. е. ориентированы на принципы и механизмы формирования, передачи и понимания смыслов в процессе общения, адаптированы к ним (предметные, признаковые, служебные слова, морфологические формы, синтаксические конструкции, текстовые единицы и т. д.). Потребность в использовании этих знаний в вербальной коммуникации и обуславливает необходимость концептуализации и категоризации мира и репрезентации знаний о нем именно в языковой форме.

Взаимосвязь первичной репрезентации знаний с интерпретацией обусловлена отбором определенных объектов и реалий для концептуализации и категоризации и, соответственно, языкового обозначения. Репрезентация знаний и вербальная коммуникация в любой форме неотделимы от интерпретации, поскольку человек в процессе своей познавательной деятельности всегда выделяет и обозначает объекты интенционально, под влиянием целого ряда факторов: физических (среда обитания), социальных (социальная среда и уровень жизни), профессиональных (образование и практическая деятельность) и т. д. (см. подробнее: [2]).

Например, собрания, встречи, заседания разного характера в образовательном учреждении называют *совещанием* или *советом*, в лечебном учреждении – *конференцией* или *консилиумом*, в научной организации – *круглым столом*, *симпозиумом*, *конгрессом*, на производстве – *планеркой*, в политических кругах и бизнес-структурах могут называть *брифингом*, *форумом*, *съездом*, в криминальной среде – *сходкой* или *стрелкой*, среди молодежи и в неформальных объединениях – *тусовкой* и т. д. При этом словарный запас и запас знаний о разных сферах человеческой деятельности, ее структуре и содержании, естественно, различаются у представителей разных профессий, разных социальных групп и жителей разных территорий. С собственно репрезентативной точки зрения интерпретация (как первичная концептуализация и категоризация) ограничена целевым отбором концептов и категорий и их соответствующих обозначений и может проявляться в оценочных компонентах системных значений этих обозначений (*магазин – ларек; дом – дворец; улица – проспект – закоулок; старый – дряхлый; идти – бежать – мчаться* и т. д.).

Р. И. Павлиненис, например, специально подчеркивал отличие концептуальной системы,

отражающей познавательный опыт человека во всем его богатстве и разнообразии, от концептуальной картины мира отдельного носителя языка как системы мнений, которая воплощает выбор, предпочтение, отдаваемые в ней определенному концепту или концептуальной структуре в качестве мнения этого носителя языка [16. С. 209, 239–240]. Проводя различие между терминами «объективная концептуальная система» и «индивидуальная концептуальная система», он рассматривал объективную концептуальную систему как абстракцию от реальных индивидуальных концептуальных систем разных людей [16. С. 259].

Семиотический аспект оперирования знанием в языке, в свою очередь, имеет непосредственное отношение к первичному и вторичному означиванию языковых единиц. С одной стороны, тот или иной смысл закрепляется за определенной языковой единицей в виде ее значения в процессах первичной концептуализации и категоризации. С другой стороны, эта единица используется для формирования и передачи различных смыслов в высказывании в процессах вторичной обработки знаний, их интерпретации. При этом в плане репрезентации знаний языковые знаки способны передавать концептуальное содержание разного уровня сложности и в разном формате (подробнее см.: [5; 9]). На уровне системы они передают тематические концепты и разные категории, на функциональном уровне, в процессе коммуникации – различные ситуативные, операционные концепты, или конкретные смыслы.

Слово *яблоко*, например, вне контекста его употребления означает, прежде всего, ‘плод определенного дерева’, а в ходе реального общения может передавать разные смыслы: ‘продукт питания’ (*Сидеть на яблоках / Яблочная диета / Съешьте яблоко*), ‘товар’ (*Цены на яблоки выросли*), ‘яблоневый сад’ (*У них в хозяйстве одни яблоки / Сторожить яблоки*), ‘форма яблока’ (*Кони в яблоках / Глазное яблоко*), ‘сбор урожая’ (*Ездить на яблоки*), ‘время сбора урожая яблок’ (*Когда были на яблоках*), ‘уровень жизни, достаток’ (*Не может себе позволить яблок купить*), ‘продукт из яблок’ (*Пирог с яблоками / Гусь с яблоками / В пироге – одни яблоки*), ‘предмет раздора’ (миф. *Яблоко раздора*), ‘предмет желания, мечта’ (*Золотое яблоко*) и т. д.

Семиотический аспект репрезентации знаний и его непосредственная связь с коммуникативной функцией (передача знаний в формате

вербальной коммуникации) представлен прежде всего в лексико-грамматических и грамматических категориях, которые и раскрывают своим составом, структурой и содержанием законы и принципы вербальной коммуникации на определенном языке. Различное осмысление языковой единицы в процессе коммуникации может быть следствием вторичной концептуализации и категоризации объектов и событий, их индивидуальной интерпретации человеком в контексте модусных, интерпретирующих категорий: оценки, отрицания, аппроксимации, экспрессивности, эвиденциальности, тональности и т. д.

Интерпретация как когнитивная и языковая деятельность всегда опирается на типизированные схемы знания, многие из которых представлены в репрезентативном аспекте языка как коллективного феномена, в системе языковых категорий, что лишней раз подчеркивает неразрывную связь когнитивной и интерпретирующей функций. Как процесс вторичного познания она избирает своим объектом знания о мире, то, как он репрезентирован в коллективном сознании. Хотя речь говорящего и отражает субъективный образ объективного мира и индивидуальную картину мира, подчеркивает Е. С. Кубрякова, все это преломлено через коллективные сведения о мире, уже «пропущенные» через язык [13. С. 10].

С точки зрения психологов, «когнитивная деятельность не является беспредпосылочной. Ее адекватность предполагает наличие предданной «гипотезы» об устройстве мира, заранее сформированной готовности действовать в определенном направлении» [17. С. 6–8]. В качестве таких гипотез и выступают коллективные схемы знаний о мире, представленные в языке в виде различных языковых форматов, которые обеспечивают включенность когнитивной системы в мир и ее развитие в этом мире.

Связь интерпретации с репрезентацией и коммуникацией, в свою очередь, обеспечивается тем, что **языковая интерпретация может проявляться в трех основных типах**, которые реализуют соответственно **три ее главных целевых функции**: селекции, классификации и оценки.

Первая, **селективная функция** способствует концептуализации окружающего мира и проявляется в языковых обозначениях соответствующих концептов. Этот тип языковой интерпретации представляет собой **часть физического познания мира**, которое приводит

к образованию индивидуальных концептуальных систем. Последние различаются по структуре и содержанию способами выборочной (селективной) репрезентации мира. Очевидно, что концептуальная система отдельного человека включает основные характеристики окружающей его природной и социальной среды, его образа и уровня жизни.

Например, концептуальная система обычного жителя села, в основном, охватывает понятия, связанные с сельскохозяйственным трудом и ведением домашнего хозяйства, такие как: ЗЕМЛЯ, ОГОРОД, ДОМАШНЕЕ ХОЗЯЙСТВО, СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ОРУДИЯ, УРОЖАЙ, РЫНОК, ПОГОДА, ЦЕНЫ, СЕМЬЯ, ПРАЗДНИКИ, ТЕЛЕВИДЕНИЕ и т. д. В сравнении с преподавателем университета он может иметь слабое представление о современных направлениях в искусстве, музыке, литературе. Напротив, даже хороший преподаватель вуза не аграрного профиля, скорее всего, владеет весьма поверхностными знаниями о сельском хозяйстве. Его концептуальная система в большей степени ориентирована на использование таких понятий, как: ПРОЦЕСС И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ, ОПРЕДЕЛЕННАЯ ДИСЦИПЛИНА, ЛИТЕРАТУРА, СПОРТ, СЕМЬЯ, ПРАЗДНИКИ, ПУТЕШЕСТВИЕ, ИНТЕРНЕТ, ТРАНСПОРТ и т. д.

Можно сказать, что концептуальная система отдельного человека индивидуально ориентирована и служит скорее как система преимущественно неязыковой ориентации в мире, в котором он живет. Собственно языковая интерпретация внутри этой системы сводится, прежде всего, к обозначению вещей и событий окружающего мира. В то же время эти средства обозначения реалий и понятий (особенно сленг или профессиональный жаргон) также маркируют отличия концептуальных систем разных людей, их разное восприятие мира. Это часто проявляется в разной интерпретации одного и того же события. Для машиниста или проводника поезда, например, приезд к месту назначения может означать конец рабочей смены, отдых, а для пассажира, напротив, – начало интенсивной работы и т. д.

Классифицирующая функция интерпретации связана с классификацией объектов и формированием абстрактных понятий и имен для создаваемых классификаций: *живые объекты, природные явления, артефакты, экономические процессы, языковые категории* и т. д. Соответствующий тип языковой интер-

претации можно считать частью **ментального познания мира** (т. е. освоения знаний о мире), имеющего отношение к вторичной концептуализации и вторичной категоризации. Классифицирующая интерпретация использует язык не только для обобщений и создания абстрактных понятий, но и для обозначения событий и состояний внутреннего мира человека, его мыслей, чувств, эмоций (*любить, бояться, переживать, независимость, порядочность* и т. д.). На основе вербальной рефлексии о своих чувствах и переживаниях, она приводит к выработке собственного мировоззрения, системы ценностей, включая осознание наличия других концептуальных систем и их отличий: *Корреспонденты спросили пожилую женщину, как им с мужем удалось прожить вместе 60 лет. Она ответила, что они родились и выросли в то время, когда сломанные вещи чинили, а не выбрасывали.*

Оценивающая функция обеспечивает особый, свойственный именно человеку, стиль языковой интерпретации знания – оценочную интерпретацию, т. е. оценочную концептуализацию и оценочную категоризацию. Данный тип языковой интерпретации предполагает схематизацию опыта в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей, принятых в рамках той или иной культуры. Это – исключительно языковая система межличностной ориентации в мире, коллективно-индивидуальная модель взаимоотношений: *«Никогда не воюйте с русскими. На каждую вашу военную хитрость они ответят непредсказуемой глупостью»* (Бисмарк).

В качестве итога всему вышесказанному необходимо еще раз отметить, что исследование языка в когнитивном аспекте в соответствии с теоретическими установками и методологическими принципами когнитивного подхода предполагает учет взаимодействия трех основных аспектов языкового оперирования знанием: собственно репрезентативного, семиотического и интерпретационного, – как результата реализации трех основных функций языка: когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Диалектные концепты и категории / Н. Н. Болдырев, В. Г. Куликов // Филол. науки. 2006. № 3. С. 41–50.

2. Болдырев, Н. Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке : коллектив. моногр. М.; Тамбов, 2012. С. 17–120.

3. Болдырев, Н. Н. Когнитивные механизмы морфологической репрезентации в языке / Н. Н. Болдырев, Н. А. Беседина // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2007. Т. 66, № 1. С. 3–10.

4. Болдырев, Н. Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории // Вопр. когнитив. лингвистики. 2011. № 1. С. 5–14.

5. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке : коллектив. моногр. М.; Тамбов, 2009. С. 25–77.

6. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопр. когнитив. лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

7. Болдырев, Н. Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: *концепт как единица знания* // Когнитивные исследования языка. Вып. IX. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: сб. науч. тр. М.; Тамбов, 2011. С. 23–32.

8. Болдырев, Н. Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопр. когнитив. лингвистики. 2007. № 4. С. 17–28.

9. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопр. когнитив. лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.

10. Витгенштейн, Л. Логико-философский трактат. М., 1958.

11. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

12. Демьянков, В. З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. М., 1985. 76 с.

13. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка // Вопр. когнитив. лингвистики. 2009. № 1. С. 5–12.

14. Кубрякова, Е. С. Размышления о судьбах лингвистики на рубеже веков // Вопр. филологии. 2001. № 1 (7). С. 28–34.

15. Лакофф, Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М., 1981. С. 350–368.

16. Павилёнис, Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983. 286 с.

17. Ушаков, Д. В. Когнитивная система и развитие // Когнитивные исследования: Про-

блема развития : сб. науч. тр. Вып. 3. М., 2009. С. 5–14.

18. Jackendoff, R. *Semantics and Cognition*. Cambridge, 1995. 283 p.

19. Rosch, E. H. *Cognitive Representations of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General*, 1975. Vol. 104, № 3. P. 192–233.

20. Rosch, E. H. *Natural Categories // Cognitive Psychology*. 1973. Vol. 4, № 3. P. 326–350.

21. Rosch, E. H. *Principles of Categorization // Cognition and Categorization*. Hillsdale, 1978. P. 27–48.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315).
Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 13–18.

Е. И. Голованова

КОГНИТИВНОЕ ТЕРМИНОВЕДЕНИЕ: ПРОБЛЕМАТИКА, ИНСТРУМЕНТАРИЙ, НАПРАВЛЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Раскрывается авторский взгляд на основные направления развития когнитивного терминоведения в России. Выявляется система базовых идей и методологических принципов изучения терминов с когнитивных позиций, формулируются приоритетные области научных поисков и предлагаются подходы к решению отдельных проблем.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, термин, специальная лексика, концептуальная структура, формат знания, профессиональная языковая личность.

Терминоведение – особая, интенсивно развивающаяся область современного научного знания, которая находится на стыке лингвистики, науковедения, теории информации, логики, философии и всего комплекса специальных областей знания и деятельности. Терминоведение, таким образом, представляет собой междисциплинарную науку. Главный предмет ее изучения – закономерности возникновения, развития и функционирования терминов и терминосистем.

Начало терминоведению как науке положили труды австрийского ученого Ойгена Вюстера в зарубежной научной традиции и фундаментальные работы Д. С. Лотте, Э. К. Дрезена, а позднее Г. О. Винокура, А. А. Реформатского, Б. Н. Головина в отечественной научной традиции.

Наибольшее развитие терминоведение получило в 60–70-е гг. прошлого века. Именно тогда выделился ряд направлений в изучении терминов и терминосистем: логическое, ономаσιологическое, сопоставительное, функциональное, прикладное (терминографическое) и другие.

В 1990-е гг. в составе терминоведения оформилось новое самостоятельное направление

научных поисков, получившее название когнитивного. Термин «когнитивное терминоведение» впервые был зафиксирован в 1998 г. С. В. Гриневым в созданном им «Историческом систематизированном словаре терминов терминоведения» [14], а затем раскрыт этим ученым в статьях, опубликованных в сборнике «Научно-техническая терминология» [15; 16]. В дальнейшем термин получил разработку в трудах В. М. Лейчика, В. Ф. Новодрановой [26] и других исследователей. Так, например, В. М. Лейчик назвал когнитивное терминоведение пятым этапом в развитии отечественной науки о терминах [24].

Мы связываем оформление когнитивного терминоведения как самостоятельного направления научных поисков с распространением научных идей когнитивизма, становлением когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, накоплением значительного по объему массива фактических данных в области терминологии, которые потребовали адекватных методов исследования, интерпретирующих концепций и объяснительных теорий.

Центральной проблемой когнитивного терминоведения является проблема соотношения

терминосистем (и шире – языков профессиональной коммуникации) со стоящими за ними структурами специального знания.

В качестве важнейших идей терминоведения, которые сформировались под влиянием когнитивных теорий, считаем следующие:

1. Изменение взгляда на характер соотношения термина и понятия, углубление понимания данного соотношения за счет введения в терминоведческий оборот понятий «концепт», «концептуальные структуры», «форматы знания».

2. Признание первостепенной значимости когнитивных функций термина (по сравнению с традиционным выделением в качестве его ведущей функции номинативной или дефинитивной). Выделение из числа когнитивных функций термина как наиболее важной ориентирующей функции.

3. Рассмотрение термина в качестве динамического образования, включенного в процесс профессионального познания и профессиональной деятельности.

4. Понимание термина и других специальных единиц как результатов сложного взаимодействия когниции и коммуникации в особом семиотическом пространстве определенной области знания и деятельности.

5. Отказ от преимущественно рационально-логической трактовки термина, признание за ним реализации не только собственно научного знания, но и «мерцающего» обыденного и эмпирического профессионального знания.

6. Углубление научных представлений о процессах формирования и эволюции содержания термина: от концепта как стихийного обобщения специального знания к понятию как его теоретическому обобщению.

7. Признание того, что между понятием и концептом как его когнитивной основой существуют челночные отношения: специальное понятие конструируется на основе (или с привлечением) концепта как элемента общего, «разделенного» знания, в процессе развития науки и ее взаимодействия с общекультурным знанием содержание понятия частично включается в содержание концепта, что, в свою очередь, влияет на дальнейшее развитие понятия.

Под влиянием идей когнитивной лингвистики цели терминоведческих исследований переместились с изучения специфических свойств термина как языковой единицы на его внутреннюю семиотическую природу, обусловленную связью с профессиональным по-

знанием, коммуникацией и профессиональной деятельностью, на проблему представления разных типов знаний в терминологических и других специальных единицах.

Ведущими методологическими принципами когнитивного терминоведения, как и когнитивной лингвистики, являются антропоцентризм, неофункционализм, экспансионизм и экспланаторность [22]. В соответствии с этими принципами термины и терминосистемы изучаются не сами по себе, а с учетом их роли в профессиональном познании и профессиональной деятельности человека, связываются с типом профессиональной языковой личности и характерным для нее когнитивным стилем. Специальные единицы исследуются не как статические единицы, а с точки зрения обусловленности характером дискурса, в котором они используются. Каждый тип и подтип (научный, практический, учебный) профессионального дискурса (подробнее см.: [10]) накладывает свои ограничения на форму и содержание языковых знаков, которые в нем функционируют.

Если ранее терминоведение не выходило за пределы анализа термина и той системы понятий, которую он отражает, то когнитивное направление сделало терминоведение «открытым» для широких междисциплинарных программ исследования, для изучения термина и терминосистем в широком культурном контексте. Так, С. В. Гринев, называя когнитивное терминоведение в числе наиболее перспективных направлений терминологических исследований, отметил его важность «не только для изучения особенностей развития научного познания <...>, но и для изучения путей развития человеческой культуры и цивилизации в целом» [16. С. 33].

Терминоведение сегодня стремится не просто к описанию, но к объяснению фактов и явлений, что связано с полипарадигмальностью научного знания. Выход за пределы строго структурированной системы понятий позволяет терминоведам выявить объективно существующие взаимосвязи между обыденным и абстрактно-логическим знанием, между научной и научной картинами мира.

В связи с этим, вслед за В. М. Лейчиком, вполне правомерно утверждать, что когнитивное терминоведение – не отдельная отрасль исследований, а закономерный этап в развитии этой междисциплинарной науки. Когнитивный подход в терминоведении делает возможным анализ возникновения и эволюции специаль-

ного знания в широком цивилизационном контексте, позволяет вскрыть причины и механизмы динамических процессов в сфере профессиональной номинации с учетом меняющихся когнитивно-коммуникативных потребностей людей. Данный подход позволяет сформировать более полное и разностороннее представление о термине, поскольку учитывает прототипическую категоризацию, реализованную в наивной картине мира, и актуализацию термина как знака «интеллектуально зрелого» понятия в сфере специальной коммуникации.

Наиболее перспективными направлениями когнитивного терминоведения можно признать следующие:

1) изучение профессиональной языковой личности как субъекта продуцирования и развития профессионального знания, полноценного участника профессиональной коммуникации; разработка соответствующей типологии языковых личностей;

2) анализ различных типов и видов профессионального знания (теоретического / эмпирического, рационально-логического и перцептивного, рефлексивного и «неявного»), определение важнейших форматов хранения этого знания, описание их специфики;

3) выявление и интерпретация фактов взаимосвязи между развитием терминологии и динамикой профессионального знания, возникновением и распространением научных идей;

4) исследование функционирования специальной лексики в различных видах дискурса (при особом внимании научному дискурсу – с одной стороны, и устному профессиональному дискурсу – с другой);

5) разработка целостной типологии профессиональных дискурсов, субдискурсов, жанров профессиональной коммуникации;

6) выявление принципов организации конcretsных метаязыков научного описания, установление роли терминологии в их функционировании и места в структуре;

7) изучение особенностей репрезентации важнейших гносеологических категорий в терминологии разных областей знания и деятельности; выявление системообразующих категорий каждой области специального знания;

8) анализ термина и терминологий как части сложных семиотических систем профессиональной деятельности и профессиональной коммуникации;

9) исследование когнитивных аспектов образования, преобразования развития термино-

систем, выявление закономерностей их функционирования в те или иные исторические эпохи;

10) изучение свойств, характеристик, функций специальной лексики с учетом социальной дифференциации языка (в частности, на основе разграничения сфер стандарта и субстандарта).

В качестве научного инструментария в когнитивном терминоведении уже используется (и это практику целесообразно расширять) ряд терминов [5]. Назовем, в частности, термин *когниотип* для обозначения доминантной когнитивной модели номинации, представляющей ход мыслительной деятельности человека по созданию нового имени и отражающей особенности определенного этапа развития человеческого общества (подробнее см.: [8]). Данный термин востребован при проведении диахронических исследований профессиональных языков и отдельных тематических групп терминов.

Большим эвристическим потенциалом, по нашему мнению, обладает термин *антиконцепт*, под которым мы понимаем особую разновидность оппозитивного концепта, в содержании которого отрицаются (снимаются) некоторые конститутивные признаки исходного концепта (при сохранении других) и заменяются (замещаются) новыми.

Антиконцепт целесообразно рассматривать как важную составляющую категории отрицания, об организации и функционировании которой писал в своих работах Н. Н. Болдырев. К числу значимых характеристик этой категории, наряду с другими, отнесены «отсутствие» и «несоответствие» [2. С. 53]. Именно эти характеристики дают основание для группировки антиконцептов, вербализованных в специальных сферах языка, по двум основным разрядам: антиконцепты, выражающие идею *несоответствия* (нормам, правилам, установлениям и т. п.), и антиконцепты, профилирующие *отсутствие* значимого признака.

Так, во всех профессиональных областях, для которых базовыми концептами выступают представления о нормах, правилах, установлениях, законах: юриспруденция (концепт «закон, соблюдение закона» и антиконцепт «нарушение закона»), безопасность дорожного движения (концепт «правила ДД» – антиконцепт «нарушение правил ДД»), торговля (концепт «правила торговли» – антиконцепт «нарушение правил торговли»), практическая

стилистика (концепт «языковая норма» – антиконцепт «нарушение языковых норм») и др. отклонения от ГОСТа, нарушения требований ГОСТа и прочие отступления от технических регламентов, производственных норм, норм качества продукции имеют сложную структуру и оказываются гораздо более концептуально разработанными, чем исходные концепты «соблюдение норм, требований, правил». «Нормальное» качество сырья, материалов и продуктов производства обычно не имеет разветвленной системы обозначений, а вот отклонения от него многообразно эксплицированы. Иными словами, подтверждается известный тезис о том, что представления о норме, нормальном положении дел в сознании людей выступает фоном по отношению к разнообразным отступлениям от нормы, профилируемым в языке в качестве фигуры [21. С. 174].

Антиконцепты второго разряда, репрезентирующие отсутствие конститутивного признака, выраженного позитивным концептом, образуют в структурах профессионального знания бинарные соответствия, один член которых является немаркированным (позитивный концепт), а второй – маркирует значимое различие (антиконцепт), а потому подвергается тщательной параметризации. Значимость данной разновидности антиконцептов зафиксирована как в гуманитарных (психологии, социологии и др.), так и в естественнонаучных областях знания (биологии, физике, астрономии). Примеры вербализации подобных антиконцептов обнаружены в строительной, архитектурной, медицинской терминологии (см., напр.: [26]).

Во многих случаях средства языкового выражения антиконцепта включают общий компонент – «ложный» («ложно-»), «псевдо-», «квази-», «фальш-», например: биол. *ложный скорпион*, *ложный белый гриб*, социол. *ложная урбанизация*, мед. *ложная беременность*, *ложные схватки*, муз. *ложный абсолютный слух*,archit. *ложный свод*; мед. *псевдоартроз*, *псевдогаллюцинации*, *псевдодеменция*,archit. *псевдоготика*, *псевдопериптер*, *псевдорусский стиль*; биол. *ложнопроволочник*, *ложноножка*, *ложноногие*, арх. *ложноклассицизм*; физ. *квазичастица*, *квазизвезда*; морск. *фальшборт*, *фальшкиль*, строит. *фальшбрус*, *фальшпотолок*, *фальшпанель*, *фальшпол* и проч.

Как показали наши исследования, с помощью антиконцепта осуществляется систематизация новых специальных знаний, упорядо-

чиваются представления о профессионально значимых объектах. Являясь вторым членом концептуальной оппозиции, антиконцепт, как правило, имеет более сложную организацию. И это во многом обусловлено спецификой процесса концептуальной деривации [1] в структурах профессионального знания. В целом, антиконцепты в сферах профессионального знания выполняют три важнейшие функции: идентификация объекта (установление его связи с имеющимися объектами); интерпретация отличительных характеристик объекта; системная организация нового знания (подробнее см.: [9]).

Завершая анализ наиболее перспективных направлений и идей когнитивного изучения терминов, терминосистем и шире – языков профессиональной коммуникации, отметим, что в рамках челябинской научной школы когнитивного терминоведения наиболее весомыми можно признать результаты в разработке трех направлений:

исследование профессиональной языковой личности (выявлена и описана уровневая структура профессиональной языковой личности; охарактеризованы основные типы профессиональной языковой личности – личность рефлексивного типа (на примере личности ученого) и личность интуитивно-образного типа восприятия (на примере личности рабочего); разработана методология лексикографического описания профессиональной языковой личности [6; 13]; предложена и апробирована методика дискурсивного исследования профессиональной языковой личности (на материале текстов естественной письменной речи предпринимателей [20]); подготовлены словари профессиональной языковой личности рабочего и ученого-лингвиста – в исторической перспективе [13]);

анализ природы и функций фразеологической номинации в составе профессиональных языков (рассмотрен онтологический статус и описаны когнитивные свойства фразеологизма как носителя специального знания [11]; показан характер взаимодействия обыденного и профессионального знания в структуре фразеологизма [30]; выявлены особенности фразеологической номинации в сфере профессионального стандарта и субстандарта [4; 11]);

изучение проблемы межязыкового заимствования в сфере языков профессиональной коммуникации (установлены когнитивные основания заимствования терминов и других специальных единиц [7]; теоретически описа-

ны механизмы концептуального выравнивания [19]; охарактеризован процесс вхождения заимствованного концепта в систему принимающей культуры; показаны особенности уровневой категоризации специальной лексики в рамках языка-реципиента [4]).

Помимо названных направлений, челябинскими терминологами ведется активное изучение явления паронимии терминов и других единиц в научном тексте [12; 18], выясняются лингвокогнитивные особенности функционирования терминов в медийных и рекламных текстах [3; 23; 27], исследуются репрезентации базовых категорий времени и пространства в метаязыках научного описания [29], разрабатываются подходы к исследованию профессиолекта как устной разновидности языка профессиональной коммуникации в рамках отдельных сфер деятельности [28], изучаются особенности когнитивной организации песенного дискурса, механизмы, способы и средства отражения профессионального дискурса в художественных текстах.

Список литературы

1. Бабина, Л. В. Концептуальная деривация и ее проявление на языковом уровне // Концептуальное пространство языка : сб. науч. тр. Тамбов, 2005. С. 141–149.
2. Болдырев, Н. Н. Категориальный уровень представления знания в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке : сб. науч. тр. М. ; Тамбов, 2010. С. 45–59.
3. Бохан, Я. А. Особенности функционирования экономических терминов в современном китайском медиатексте // Челяб. гуманитарий. 2012. № 4 (21). С. 9–12.
4. Габдуллина, А. Х. Когнитивные основания и лингвокультурологические факторы заимствований из японского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 23 с.
5. Голованова, Е. И. Базовые когнитивные понятия и развитие терминоведения // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. История и филология. 2010. Вып. 2. С. 85–91.
6. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. М., 2011. 224 с.
7. Голованова, Е. И. Когнитивные аспекты лексического заимствования // Изв. Смолен. гос. ун-та. 2013. № 1 (21). С. 79–88.
8. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 2008. 304 с.
9. Голованова, Е. И. Место и функции антиконцепта в сферах специального знания // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII. Ментальные основы языка как функциональной системы : сб. науч. тр. М. ; Тамбов, 2012. С. 152–162.
10. Голованова, Е. И. Профессиональный дискурс, субдискурс и жанр профессиональной коммуникации: соотношение понятий // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2013. № 1 (292). С. 32–35.
11. Голованова, Е. И. Особый статус терминов-фразеологизмов в метаязыке науки // Вестн. Омск. ун-та. 2013. № 1 (67). С. 69–75.
12. Голованова, Е. И. Паронимия в научном тексте как проблема соотношения языковой формы и содержания // Гуманитар. вектор. 2012. № 4 (32). С. 28–33.
13. Голованова, Е. И. Профессиональная языковая личность в когнитивно-коммуникативном аспекте. Челябинск, 2013. 251 с.
14. Гринев, С. В. Исторический систематизированный словарь терминов терминоведения. М., 1998. 96 с.
15. Гринев, С. В. Когнитивное терминоведение // Научно-техническая терминология. М., 2002. Вып. 1. С. 11–15.
16. Гринев, С. В. Терминоведение на пороге третьего тысячелетия // Научно-техническая терминология. М., 2000. Вып. 1. С. 31–34.
17. Гуреева, Е. И. Спортивная терминология в когнитивном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 22 с.
18. Демидова, Е. Н. Типология паронимов в научном тексте // Челяб. гуманитарий. 2013. № 1 (22). С. 29–34.
19. Епимахова, А. Ю. Межъязыковое заимствование наименований лиц по профессии: когнитивно-коммуникативный аспект. Челябинск, 2012. 140 с.
20. Золотова, Е. С. Особенности реализации профессиональной языковой личности в текстах естественной письменной речи предпринимателей : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2013. 22 с.
21. Кобрин, Н. А. Когнитивная лингвистика: истоки становления и перспективы развития // Когнитивная семантика: материалы Второй междунар. шк.-сем. по когнитив. лингвистике. Ч. 2. Тамбов, 2000. С. 170–175.
22. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей в конце XX века // Язык и наука

конца 20 века / под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995. С. 144–238.

23. Курносова, А. С. Функционирование специальной лексики в рекламном тексте // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 33 (248). С. 85–87.

24. Лейчик, В. М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. М.; Рязань, 2007. С. 121–133.

25. Новодранова, В. Ф. Когнитивное терминоведение // Татаринцев В. А. Общее терминоведение: энцикл. слов. М., 2005. С. 82–84.

26. Новодранова, В. Ф. Концепты и антиконцепты в медицине // Научно-техническая терминология. М., 2001. Вып. 2. С. 70–71.

27. Прибылова, О. В. Динамика вербализации концепта «терроризм» в институциональном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2011. 19 с.

28. Скрипичникова, Н. С. Ключевые концепты в профессиональном дискурсе работников правоохранительных органов // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011. № 33 (248). С. 120–123.

29. Тарасенко, В. В. Репрезентация категорий времени и пространства в метаязыке технических и гуманитарных наук (на материале строительной и литературоведческой терминологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2012. 20 с.

30. Шестак, Е. И. Профессионально маркированные фразеологизмы в когнитивно-коммуникативном аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2008. 22 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 18–23.

Е. Н. Азначеева

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045, проект «Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире»

Анализируются особенности системно-гносеологического и когнитивно-дискурсивного подходов к исследованию профессиональной языковой личности, рассматриваются некоторые аспекты ее типологизации.

Ключевые слова: профессиональная языковая личность, когнитивное моделирование, дискурс, типологизация, метафорические модели, стиль мышления, саморефлексия, профессиональная оценка.

Одним из ведущих направлений современной лингвистики является моделирование языкового сознания и коммуникативного поведения. В этой связи понятие языковой личности становится одним из наиболее актуальных и востребованных в работах современных лингвистов. Описание языковой личности осуществляется с позиций лингвокультурологического, социолингвистического, коммуникативно-прагматического, коммуникативно-деятельностного, лингвориторического и других подходов, но все они так или иначе связаны с изучением познавательных процессов и

средств их языковой объективации. Тем более это касается профессиональной языковой личности, для характеристики которой первостепенное значение имеет описание способов когниции, языковых форм репрезентации знаний и их транслирования.

Методологические основы исследования языковой личности были заложены в концепции Ю. Н. Караулова. В предисловии к книге «Язык и личность» он дает следующее определение языковой личности: «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых

произведений (текстов), которые различаются а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определенной целевой направленностью» [6. С. 3]. Описание трехуровневой структуры языковой личности, состоящей из **вербально-семантического, лингвокогнитивного и мотивационного компонентов**, является классическим алгоритмом построения теоретико-гносеологической модели языковой личности как таковой и языковой личности профессионального деятеля в частности [7. С. 42–43].

Понятие «профессиональная языковая личность» вошло в научный обиход сравнительно недавно. Коллективная профессиональная языковая личность как обобщенный языковой портрет профессионального деятеля, владеющего профессиональным языком, профессиональным тезаурусом и следующего стереотипам профессионального поведения, относится к наиболее востребованным объектам в области исследования языковой личности. Теоретическим проблемам исследования профессиональной языковой личности и профессиональной коммуникации посвящены работы Е. И. Головановой, Т. Роэлке, Е. В. Харченко, Л. А. Шкатовой и других ученых.

Вслед за Е. И. Головановой, под профессиональной языковой личностью мы понимаем особый тип языковой личности, которая «раскрывается в особенностях производимых ею языковых единиц и целостных текстов, в своеобразии принадлежащего личности профессионального дискурса, подчиненного целям и задачам профессиональной деятельности» [2. С. 189]. Согласно мнению Е. И. Головановой, анализ профессиональной языковой личности может проводиться по трем параметрам (уровням):

1 – уровень профессионального сознания (концепты и домены как ментальные образования, отражающие структуру специального опыта);

2 – вербальный уровень (коррелирующие со структурами сознания системы и микросистемы специальных наименований – терминов, профессионализмов, номенклатурных знаков);

3 – мотивационно-прагматический уровень, проявляющийся в отборе прецедентных имен, высказываний и текстов [Там же].

Изначально к основным направлениям исследования языковой личности относятся лингвокогнитивное и лингвокультурологи-

ческое. В лингвокогнитивных исследованиях профессиональной языковой личности можно выявить два подхода: системно-гносеологический и когнитивно-дискурсивный (или когнитивно-коммуникативный).

Методологическую основу работ системно-гносеологического направления в различных гуманитарных науках составляют релевантные принципы гносеологии (М. К. Мамардашвили, В. А. Лекторский) и системности (А. Н. Аверьянов, В. Н. Садовский и др.), на основе которых язык интерпретируется как когнитивный и социокультурный феномен. Представители системно-гносеологического направления главное внимание уделяют когнитивным структурам профессионального сознания и средствам их выражения в специальных подязыках.

Отличительной особенностью лингвокогнитивного изучения специальной лексики является рассмотрение ее в связи с процессами языковой категоризации и концептуализации и в соотнесенности с когнитивными структурами знания. Лингвокогнитивные исследования профессионального сознания и профессиональной коммуникации являются логическим продолжением научных трудов в области терминоведения, ономазиологии и структурно-семантического анализа докогнитивного периода, но имеют не описательный, а объяснительный характер.

Особое значение в настоящее время приобретает разработка проблем когнитивного терминоведения, которое, согласно мнению В. М. Лейчика, представляет собой не один из разделов, а закономерный этап развития терминоведения как нового направления в его истории [9]. Объектом когнитивного терминоведения является специальная лексика в тесной связи с ее ролью в процессах мышления и научного познания. Подклассы специальной лексики образуют терминосистемы, тематические связи и структура которых являют строгую иерархическую систему, отражающую общие принципы классификации объектов действительности, формирующиеся в сознании специалиста в ходе профессиональной деятельности. В качестве стереотипов этого уровня, согласно Ю. Н. Караулову, выступают устойчивые стандартные связи между смысловыми доминантами классов, находящими выражение в генерализованных высказываниях и дефинициях. Помимо терминов и номенклатурных единиц, язык в профессиональной языковой картине мира представлен и теми единицами, которые

используются всеми участниками профессиональной коммуникации. Поэтому языки для специальных целей, обслуживающие профессиональную языковую картину мира, включают в свой состав также профессионализмы и профессиональные жаргоны.

При изучении языков профессиональной коммуникации важное место отводится выявлению и анализу концептов и их фреймовой структуры, анализу концептуальных моделей, описанию структуры концептосферы или предметной области, исследованию соотношения между наивной и профессиональной картинами мира в социально значимой сфере деятельности. В настоящее время накоплен достаточный опыт как в области создания теоретической базы для описания когнитивных аспектов профессиональной языковой личности, так и в сфере описания отдельных профессиональных языковых личностей. Это создает предпосылки для исследований в области типологизации профессиональной языковой личности.

Моделирование профессиональной языковой личности неотделимо от представления об особенностях профессиональной картины мира и методологических оснований в соответствующей области знания. Полнота и степень реализации языковой личности в профессиональной деятельности зависит от значимости мировоззренческого компонента для осуществления профессиональной деятельности, типа знания (онтологического, гносеологического и перцептивного, явного и неявного), парадигмы миропонимания в соответствующей области знания (естественно-научной или натурфилософской), господствующей методологии (рациональной или иррациональной) и др.

Эти факторы оказываются релевантными прежде всего при сопоставительном изучении профессиональной языковой личности представителей технических и гуманитарных специальностей. Ряд отечественных философов (А. Дугин, А. В. Кезин, В. М. Пивоев) обосновывают необходимость пересмотра доминирующей роли естественно-научной парадигмы для гуманитарных наук. Так, В. М. Пивоев, сопоставляя рациональную и иррациональную картины мира, приходит к выводу о том, что неправомерно рассматривать современную естественно-научную парадигму как образец, на который должны ориентироваться все остальные, в том числе и гуманитарные науки. По мнению ученого, у гуманитарных и естественных наук – разные парадигмы, тем не

менее в нашей культуре принято было строить картины мира, исходя только из естественно-научных представлений. Исследователь считает необходимым реабилитировать иррациональную методологию, которая доминирует в искусстве и гуманитарных науках, взаимодействуя с рациональным и опираясь на него [12].

Поскольку профессиональная картина мира представляет собой лишь часть картины мира индивида, при ее описании неизбежна гносеологическая редукция, когда человеческое сознание исследуется не в своем полном объеме, а лишь с познавательной, гносеологической точки зрения. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение профессионально детерминированных механизмов лингвистической концептуализации действительности, а также проблема соотношения профессионального языкового и общезыкового сознания (Е. А. Климов, Л. А. Шкатова, Е. В. Харченко и др.). При типологизации профессиональной языковой личности имеет значение также степень близости объемов понятия профессиональной языковой личности и целостной языковой личности и связанный с этим уровень «лингвоинтенсивности» профессии [3. С. 112]. Так, к наиболее «лингвоинтенсивным» можно отнести профессии учителя, юриста, психолога, экскурсовода.

При изучении языковой личности в аспекте трудовой деятельности значимым представляется анализ воздействия профессиональной деятельности на картину мира и личность специалиста, в частности, выявление негативных аспектов узкой специализации – таких как проявление «профессиональной деформации» специалиста, т. е. изменения качеств и свойств личности (стереотипов восприятия, ценностных ориентаций, характера, способов общения и поведения) под влиянием выполнения им профессиональной деятельности. Так, в работе Л. В. Стецюра на материале медицинских текстов была продемонстрирована редукция целостного представления о человеке, обладающего как физическими, так и духовными характеристиками, до его восприятия как человека телесного в картине мира медика [14]. Новые данные были получены при сопоставительном изучении ключевых концептов, связанных с нарушениями законодательства, в профессиональной картине мира сотрудников правоохранительных органов и в общезыковой русской картине мира [10].

При когнитивно-дискурсивном подходе в центре внимания лингвистов находятся

особенности организации мыслительной деятельности и речевого поведения языковой личности в рамках профессионального общения, реализующиеся в когнитивно-коммуникативных характеристиках профессиональных дискурсов. Значительное внимание уделяется построению лингвокогнитивных моделей в соответствии со способами систематизации информации и вербализации знаний в профессиональных дискурсах. Лингвокогнитивное моделирование дискурса осуществляется методом тезаурусного представления ментально-лингвистических структур, эксплицируемых иерархическими фреймовыми структурами, через описание типов, видов и способов организации в сознании человека языковых и неязыковых знаний, необходимых для успешной профессиональной коммуникации.

Высокой эвристической ценностью обладает исследование концептуальной метафоры как общегносеологического когнитивного механизма (Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. Н. Баранов, Л. В. Калашникова, Н. А. Мишанкина, А. Д. Плисецкая, З. И. Резанова, А. П. Чудинов и др.). Выявление, описание и типологизация базовых метафорических моделей, описание их функционирования в профессиональной коммуникации оказались эффективными методами для характеристики когнитивного аспекта профессиональной деятельности медика в работах Л. В. Стецюра и С. В. Поляковой [13; 14]. В исследовании С. А. Панкратовой был выявлен различный эвристический потенциал метафорического выбора в приложении к 16 ведущим предметным сферам [11].

Существуют и другие аспекты когнитивно-дискурсивного подхода к исследованию языков профессиональной коммуникации со значительным эвристическим потенциалом интердисциплинарного характера, но пока еще не получившие широкого распространения в дискурсивной лингвистике. Перспективным представляется исследование взаимосвязей между профессиональной деятельностью и доминантным когнитивным стилем, под которым понимается гипотетический конструкт, отражающий различные познавательные стратегии. В когнитивной психологии этот термин используется для того, чтобы выделить индивидуальные различия в процессах получения и переработки информации, а также чтобы выявить типы людей в зависимости от особенностей их когнитивной ориентации (Г. Уиткин, Р. Гарднер, А. В. Колга, Д. Броверман, Дж. Ка-

ган, Дж. Келли, Г. А. Берулава, А. В. Либин, М. А. Холодная и др.). В основе разделения личностей на стили мышления лежат различия между людьми по тем способам познания мира, которые они предпочитают. Эти различия в способах познания мира проявляются в интеллектуальной деятельности (в том числе в способах постановки вопросов, в моделях объяснения и приемах аргументирования) [1].

В когнитивной психологии под стилем мышления понимают открытую систему интеллектуальных стратегий, приемов, навыков и операций, к которой личность предрасположена в силу своих индивидуальных особенностей – от системы ценностей и мотивации до характерологических свойств [Там же]. Эта типология легла в основу исследования варьирования вербальных реакций в аргументативном дискурсе в диссертации В. В. Киселевой. В. В. Киселева охарактеризовала коммуникативную природу аргументации с акцентом на деятельность реципиента, определила параметры и основу знакового поведения разных типов личности, выявила факторы, лежащие в основе аргументативной речевой деятельности представителей разных стилей мышления, описала ход реактивных рассуждений, установила методы оперирования фактами, организационную структуру текста каждого из стилей мышления [8].

В диссертации С. В. Калашниковой предпринята попытка соединить функции К. Г. Юнга и А. А. Алексеева – Л. А. Громовой, что позволяет выделить ведущие характеристики темперамента. В работе описаны конкретные вербальные особенности аргументирования пяти лингво-мыслительных типов личности [5]. Выявление закономерных связей между доминантными когнитивными стилями мышления, особенностями аргументации и другими когнитивными характеристиками различных профессиональных дискурсов может быть перспективным при исследовании лингвокогнитивных аспектов профессиональной деятельности учителя, юриста, творческого деятеля.

Моделирование профессиональной языковой личности предполагает еще один важный аспект, сопряженный с ее мотивационно-прагматическим компонентом, куда относятся социально-культурные и морально-этические ценности личности. Важными факторами эффективной профессиональной деятельности является следование общим для специалистов

в данной сфере коммуникативным и когнитивным установкам, овладение способами соорганизации ценностного и нормативного слоев сознания, сформированность профессиональных оценок, направленных как на объект деятельности, так и на самого деятеля.

Постоянное расширение и углубление объекта исследования в современной антропологической лингвистике ведет к интеграции ее предметной области и методологических подходов с другими гуманитарными дисциплинами, в том числе с герменевтикой и философией сознания, к инкорпорированию в ее концептуальный инструментарий категорий, связанных с изучением личности во всем объеме ее интеллектуальных и психических свойств. Для полноценного моделирования профессиональной языковой личности при учете мотивационного и ценностно-нормативного компонентов целесообразно обращение к категориям «самосознание» и «рефлексия» в трактовке С. Л. Рубинштейна, Г. П. Щедровицкого, Г. Г. Богина в ее двойной, разноректорной направленности – на объект деятельности и на самого себя как ее субъекта. «Кто бы и когда бы ни действовал, – писал Г. П. Щедровицкий, – он всегда должен фиксировать свое сознание, во-первых, на объектах своей деятельности – он видит и знает эти объекты, а во-вторых, на самой деятельности – он видит и знает себя действующим, он видит свои действия, свои операции, свои средства и даже свои цели и задачи» (цит. по: [4]).

Развитая саморефлексия и самооценка являются необходимыми предпосылками для успешного профессионального развития. Исследованию профессиональной рефлексии, профессиональной оценки и самооценки уделяется большое внимание в психологии и социологии. В лингвистике оно проводится, прежде всего, с позиций психолингвистики и лингводидактики. К перспективным направлениям в исследовании профессиональной языковой личности относится изучение критериев языковых аспектов профессиональной оценки в корпоративной культуре, анализ языковых средств выражения самооценки и профессиональной самоидентификации в дискурсах представителей творческих профессий. В последнем случае ценной является возможность исследования профессиональной языковой личности в ее развитии, изучения самооценки в ее динамическом аспекте, с точки зрения соотношения ретроспективного, актуального и прогностического компонентов, а также в со-

отнесенности профессиональной личности с прототипным образом или модельной личностью (термин В. И. Карасика) в ее стереотипном представлении и с идеальным образом «Я-профессионального».

Такой подход предполагает сочетание лингвокогнитивных, культурологических и социолингвистических методов изучения языковой личности, активного привлечения данных когнитивной психологии и других смежных наук, что для такого многомерного и комплексного объекта исследования вполне естественно и правомерно.

Список литературы

1. Алексеев, А. А. Поймите меня правильно / А. А. Алексеев, Л. А. Громова. СПб., 1993. 351 с.
2. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. М., 2011. 224 с.
3. Жаркова, У. А. Профессиональная языковая личность экскурсовода: дискурсивный аспект // Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире : коллект. монограф. Челябинск, 2012. С. 109–131.
4. Исаев, Е. И. Становление и развитие профессионального сознания будущего педагога / Е. И. Исаев, С. Г. Косарецкий, В. И. Слободчиков [Электронный ресурс] // Вопр. психологии. 2000. № 3. URL: <http://forum.myword.ru/index.php?/files/file/4913>
5. Калашникова, С. В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе : автореф. дис... канд. филол. наук. Тверь, 2007. 22 с.
6. Караулов, Ю. Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения / Ю. Н. Караулов, Е. В. Красильникова // Язык и личность. М., 1989. С. 3–10.
7. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2003. 264 с.
8. Киселева, В. В. Варьирование вербальных реакций в аргументативном дискурсе : автореф. дис... канд. филол. наук. Ижевск, 2006. 19 с.
9. Лейчик, В. М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. М. ; Рязань, 2007. С. 121–133.

10. Масыч, Т. Л. Профессиональная языковая картина мира сотрудников правоохранительных органов : автореф. дис... канд. филол. наук. Волгоград 2010. 19 с.

11. Панкратова, С. А. Когнитивно-семантические аспекты метафорического моделирования [Электронный ресурс]// Изв. РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 87. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-semanticheskie-aspekty-metaforicheskogo-modelirovaniya>

12. Пивоев, В. М. Новая парадигма осмысления мира // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер. Философия. 2011. № 1. С. 69–75.

13. Полякова, С. В. Метафорическое моделирование в русском и американском медицинском дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2011. 23 с.

14. Стецюра, Л. В. Концептосфера «организм человека» в профессиональной картине мира медика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 22 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 23–30.

З. И. Комарова

ОСНОВЫ СИСТЕМНОЙ МЕТОДОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Обосновывается необходимость создания системной методологии современной полипарадигмальной лингвистики. Раскрываются принципы, постулаты и концепты системной методологии. Дается четырехчастное строение эпистемической цепочки: методология – метод – методика – технология. Предлагается иерархическая структура системной методологии современной лингвистики.

Ключевые слова: *системная методология, метод, методика, технология, эпистемическая цепочка.*

История лингвистики как науки – это не только хронологическая последовательность теорий о языке, но и одновременно история лингвистического познания, и, следовательно, история становления лингвистической методологии. Проблема ее становления настолько сложна и противоречива, что требует отдельного монографического освещения. В жанре статьи мы остановимся только на ее современном этапе.

Сегодня мы находимся в парадоксальной ситуации: с одной стороны, перед нами «монблан» научных работ, о чем свидетельствует большая библиография в нашем учебном пособии [18. С. 730–795]. Однако, с другой стороны, «работ обобщающего, системного характера <...> все еще очень мало» [14. С. 9]. В одной из новых работ известных лингвистов С. В. Гринева-Гриневиича и Э. А. Сорокиной «О современных методах лингвистических исследований» дан подзаголовок «к постановке проблемы» [11. С. 277], что свидетельствует о нерешенности проблемы.

Думается, что причины этого многочисленны и разноплановы, но одна из главных – разноплановость методологических работ по языкознанию, философии, логике, науковедению и других наук. А при всей весомости результатов, достигнутых каждой из этих наук на своем «поле», синтез их достигается с трудом. А потому одной из насущных проблем современной лингвистики (металингвистики) является создание системной методологии. Эта мысль осознана с позиции философии науки и науковедения [12; 22; 25; 26; 33 и др.] и с позиции современной синергетики (В. Г. Буданов, С. П. Капица, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, И. Пригожин, И. Стенгерс, Г. Хакен и др.), а также с позиции самой современной лингвистики (Н. Ф. Алефиренко, Л. Г. Зубова, А. Е. Карлинский, З. И. Комарова, Г. П. Мельников, В. А. Пищальникова, А. Г. Сонин, В. А. Ступин, К. Э. Штайн и др.).

Решение этой проблемы подготовлено всем ходом многовекового развития методологической мысли как в философии, философии на-

уки, науковедения, так и развитием всех существующих частных наук (субнаук).

Более того, в наши дни сформировались все необходимые предпосылки для такого синтеза, среди которых следует отметить, прежде всего, то, что на рубеже XX и XXI вв. стало очевидным, что человечество переходит от одной эпохи мышления и деятельности к другой: от «века анализа и синтеза» к «веку систем» [29. С. 3], для которого характерно появление и развитие *сложных и сверхсложных систем*, включающих так называемые «человекообразмерные» системы: *Земля, Вселенная, Ноосфера, Человек и его Язык* [18; 19].

Необходимость исследования таких сложных и сверхсложных систем обусловила оформление другого типа наук – постнеклассических [12; 22; 33]; другого типа систем – динамически-синергетических и создание общей теории систем [Л. фон Берталанфи, И. Блаубер, Э. М. Мирский, В. Н. Садовский, А. И. Уёмов, У. Р. Эшби и др.].

Необычайная сложность общества XXI столетия, способного, по словам И. Пригожина и И. Стенгерса, претерпевать огромное число бифуркаций и выдвинуть «парадигмальную программу нового синтеза», провозглашающего своей целью снятие противоречия не только между гуманитарным и естественнонаучным познанием, но и между двумя культурами: Запада и Востока [28. С. 135].

Поэтому велением времени, категорическим императивом XXI в. становится формирование своеобразного социо–технично–информационно–инновационно–научно–культурного суперкомплекса [3. С. 219], в котором основным фактором эффективного взаимодействия становится взаимообусловленность науки и культуры.

Еще одним благоприятным фактором для создания системной методологии является осознание в философии науки, науковедении и субнауках современного вектора наук: *семиотика* (как *первонаука*, поскольку концепт знак востребован во всех науках [12. С. 188]) → *лингвистика* (как средство кодирования и декодирования любой информации, потому лингвистика «изучает всё, что вербализовано» [23. С. 3]) → *логика* → *математика* → *физика* → *химия* → *геология* → *биология* → *социальные науки* → *технические науки* [12. С. 188].

К тому же в этом сообществе наук *лингвистика* выполняет роль методологического локомотива в формировании общенаучной и

межнаучной методологии, «возвещая плодотворный синтез методов и методик» [32. С. 300].

Постановка проблемы инициирует поиск ее решения, который на данном этапе (второе десятилетие XXI в.) может рассматриваться как «введение» в системную методологию.

Определим принципы, основные постулаты и концепты¹ системной методологии языкознания.

Первый принцип и основной методологический постулат – антропоцентризм, который состоит 1) во включении языковой личности в объект науки о языке «как такой концепции, которая позволяет интегрировать разрозненные и относительно самостоятельные свойства языка» [13. С. 16]; 2) в познавательной деятельности – *субъект познания* (действующий человек) [3. С. 18] – основной компонент познавательной ситуации; 3) антропный принцип Вселенной [7. С. 80; 15. С. 24].

Второй принцип и постулат – деятельностный, поскольку деятельность является **универсальной формой** существования человека в мире. Кроме *универсальности* строения, важное значение имеет деятельность как объясняющая модель сфер человеческой активности [5. С. 5]. Под деятельностью обычно понимается процесс человеческой активности в его взаимодействии с окружающим миром, для достижения определенных целей, а потому вне человеческой деятельности не существует ни сам язык, ни его познание.

Познавательная деятельность направлена на получение объективных и точных знаний о сущности предметов и явлений окружающего мира и о законах природы и общества [27. С. 554], согласно праксеологии (раздел философии, рассматривающий общую теорию деятельности) и праксеологии науки (раздел философии, предметом которой является изучение науки как деятельности).

Третий принцип и постулат – системный: 1) представление изучаемого объекта, явления и т. п. в виде целостной системы, обладающей системными качествами и проведение определенных операций с этим объектом-системой; 2) многоаспектное описание одного и того же объекта, т. е. выделение у него разных предметов (*предмет-система*), соотносящихся с различными научными областями, и последующий синтез результатов разнопредметного исследования объекта; 3) установка на системность мышления исследователя и различения *объекта-феномена* и

объекта-системы как модели этого объекта-феномена [35. С. 70–83].

Центральным понятием системного, а точнее системно-деятельностного анализа являются концепты система и структура, неоднозначно понимаемые в языкознании [ср.: 31. С. 125 и 24. С. 68].

Четвертый принцип и постулат – дискурсивность познавательной деятельности. Определение дискурса как опосредованного познания сформировалось еще в античных теориях. Термин дискурсивный встречается у Фомы Аквинского, который считал, что «дискурсивный интеллект – это такой, в котором одно познается через посредство другого» [1. С. 85]. В нашем исследовании дискурс представляет собой целенаправленное, профессионально обозначенное речемышление ученого, в ходе которого рождается, формируется и формулируется новое знание, стимулируемое научным концептом [30. С. 413].

Пятый принцип и постулат – парадигмальность vs непарадигмальность познания языка / речи. Под парадигмальными понимаются «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений», которые являются «источником методов, проблемных ситуаций и стандартов решения» [21. С. 31]. К непарадигмальным относятся новаторские нетрадиционные способы познания лингвистической деятельности, которые не вписываются в рамки общепринятых концептуальных схем, проблемных ситуаций и стандартов их решения. Они «разрывают» каноны существующих теорий, понятий и представлений, требуя новых подходов и методов лингвистического поиска [2. С. 28]. К ним относим и те традиционные методы, которые достаточно широко используются в современной лингвистике [18. С. 29].

Шестой принцип и постулат – статистико-комбинаторный, включающий количественно-качественную структуризацию языкового материала, поскольку «нужно признать объективную присущность языку количественных признаков, количественных характеристик» [10. С. 11], учитывая общефилософский принцип комплементарности количественной и качественной сторон любых объектов, в том числе – и языковых [22. С. 254]².

Следует отметить, что все эти принципы и постулаты, как видим, логически связаны и взаимообусловлены, и мы полагаем, что эта

связь настолько органична, что позволяет ввести суперконцепт, синтезирующий обозначенные постулаты и являющийся «ядром» системной методологии лингвистики.

Необходимо сделать пояснение. В последние годы в металингвистику введены несколько суперконцептов. Коммуникативная ситуация как суперконцепт, соотносимый со знанием о коммуникативной (преимущественно вербальной) деятельности: «Все подструктуры, содержащие коммуникативно-регулятивную информацию, образуют органический сплав, они симбиотичны, весьма тесно взаимодействуют, а создаваемые ими конфигурации сугубо индивидуальны и предельно динамичны» [6. С. 185].

Для абстрактной модели научного знания, которая акцентирует содержательную специфику научного текста, введен суперконцепт – эпистемическая ситуация [4; 20] – «совокупность взаимосвязанных признаков познавательной деятельности в единстве составляющих ее онтологического, методологического, аксиологического, рефлексивного и коммуникативно-прагматического компонентов, оказывающих систематическое влияние на формирование научного текста (дискурса) и определяющих его стилевую специфику» [4. С. 38].

- **Онтологический компонент** связан с предметным содержанием знания, т. е. научным осмыслением явлений реального мира (природы, человека и общества), получающим выражение в системе исходных, основных и уточняющих понятий.

- **Методологический компонент** характеризует познавательную деятельность со стороны **способов получения, развития и обоснования научного знания, а также его репрезентации** в содержательно-логических формах понятий, категорий, идей, концепций.

- **Аксиологический компонент** соотносится с оценочной природой познания, субъект которого (ученый) является не только мыслящим человеком, но и человеком оценивающим. При этом оценке подвергается как старое, так и новое знание, получаемое лично автором. Социально значимыми, а значит, наиболее важными, характеристиками знания являются степень его **достоверности, новизна и актуальность** – универсальные параметры оценки научной информации [18. С. 663–671].

- **Рефлексивный компонент** связан с личностным характером познавательной деятельности, в которой исследователь проявляет ин-

дивидуальный стиль мышления, эмоциональные реакции на то или иное научное явление, а также активно утверждает свою личностную позицию в науке. Иными словами, рефлексия выявляет спектр личностных качеств исследователя, актуальных для его научной деятельности [18. С. 321–323].

Следует сказать, что **личностно-психологическое начало, включающее персональный познавательный стиль**, понимаемый как иерархически организованная, многосторонняя и **гибко изменяющаяся форма интеллектуального поведения** свойственна в большей степени самой научно-познавательной деятельности, чем тексту, являющемуся «рафинированным» продуктом научного творчества. Вместе с тем в тексте всегда остаются «следы» авторской рефлексии, поскольку отсутствие личностных моментов не просто лишает научный труд обаяния индивидуальности, но приводит к ощутимым потерям в содержательном плане. И это понятно: «наука – это живая **человеческая практика**, вбирающая в себя и страсть, и радости, и трудности, обнаруживающиеся в стиле выражения мыслей» [4. С. 50].

- Коммуникативно-прагматический компонент эпистемической ситуации соотносится со сложным и многогранным процессом перестройки всех экстралингвистических факторов познавательной деятельности в собственно лингвистические, т. е. *текстовые*, так как научный текст – это узел, связывающий познание и общение. Именно в тексте осуществляется преобразование всех компонентов эпистемической ситуации в смысловую структуру, объективированную средствами языка [4; 20].

Невозможно переоценить роль текста в научной коммуникации, поэтому приведем убедительное рассуждение Е. А. Баженовой: «Только текст, находясь на пересечении двух типов коммуникативного взаимодействия – одного ученого с другими и одного этапа в развитии **отрасли знания с последующим**, – способен обеспечить работу сложного механизма науки. Вне текста (точнее, до текста) мысль существует лишь в форме *субъективного сознания индивида*, она не является общезначимым социальным фактором и, следовательно, не может стать предметом объективного научного анализа. Поскольку научное познание ориентировано на коммуникацию, то эпистемическая ситуация соотносится не только с собственно познавательной, но и с текстообразующей деятельностью ученого, в результате

которой когнитивное преобразуется в коммуникативное и новое знание обретает «голос», чтобы быть услышанным» [4. С. 231].

В философии науки, в теории научного познания введен суперконцепт познавательная ситуация – «условия познания любого объекта, включающие следующие компоненты: 1) объект познания; 2) субъект познания; 3) средства познания» [22. С. 501]. Возможна шестизвенная структура, включающая шесть взаимосвязанных элементов: 1) субъект деятельности; 2) цель деятельности; 3) средства деятельности; 4) предмет / объект, на который направлена деятельность; 5) сами активные действия; 6) результат деятельности [3. С. 18–19].

Как видим, этот суперконцепт дает лишь *формальную структуру* познавательной ситуации. Потому С. А. Лебедев считает, что «**содержание и результат познания** (выделено мной. – З. К.), в том числе и **научного** зависят не только от этих трех компонентов» [22. С. 502].

Существенно отметить, что все названные суперконцепты достаточно близки в методологическом отношении, но рассматриваются на разном материале, поэтому получают различную интерпретацию. На наш взгляд, суперконцепт эпистемическая ситуация (от греч. *episteme* – «знание») вполне может быть перенесен на познавательную ситуацию для ее *содержательной интерпретации*. При этом эпистемическая ситуация рассматривается нами как **метамодель** познавательного процесса [18. С. 31].

Эпистемическая ситуация позволяет уточнить структуру метода: ввести в трехчастную структуру еще один компонент – **технологию**, в результате чего структура лингвистического метода стала не *трехчастной*, что уже вошло в традицию, а **четырёхчастной**³:

методология ↔ метод ↔ методика ↔ технология.

Дефинируем эти основополагающие концепты.

1. Методология [нем. *Methodologie* < греч. *methodos* – «путь вслед за чем-нибудь» + *logos* – «учение, наука»] – 1. Учение о принципах, основных путях, методах и способах познания языковой действительности; программа исследования. 2. Общая теория лингвистического метода.

2. Метод [греч. *methodos* – «путь вслед за чем-нибудь»] – совокупность исследовательских методик, приемов и операций, т. е. средств исследования, используемых для до-

стижения цели и решения исследовательских задач в соответствии с лингвистической теорией и методологией познания языковой действительности.

3. Методика – процедура применения тех или иных методов и приемов на всех этапах лингвистического исследования, которая зависит от личности лингвиста-исследователя.

4. Технология – фиксированная совокупность приемов научно-практической деятельности, приводящая к заранее определенному результату, включающая способы и средства описания получения нового знания и результатов лингвистического исследования как внешнюю форму методики, которая представляет собой *операционно-технологическую процедуру*.

Нетрудно увидеть, что четырехчастное строение метода было замечено уже В. И. Кодуховым, который в другой формулировке различал четыре понятия, выраженные термином метод: метод-аспект как способ познания действительности (т. е. методология); метод-прием как совокупность правил исследования (т. е. собственно метод); метод-методика как процедура применения метода-приема и метод-способ (т. е. технология) – вербальная и невербальная форма описания методики [16. С. 213–217].

Введенный нами концепт технология подерживается в логико-философских и науковедческих источниках, что обусловлено императивом нашей техногенной цивилизации, в которой «складываются социокультурные условия воспроизводства **технологий**. Создаются дисциплины, в которых **технология** осознается и осмысливается» [27. С. 554].

При этом подчеркивается неопределенность и многозначность термина технология, что характерно для периода становления любого нового понятия. В связи с этим в разных источниках дефинируется 5–6 значений, в том числе одно из нескольких в нашем понимании: «Технология (от греч. *techne* – «искусство, умение, мастерство» и *logos* – «учение, наука, слово...») – осознанная техника человеческой деятельности – индивидуальная или коллективная» [27. С. 542]. При этом А. Г. Войтов подчеркивает, что это «операциональный процесс деятельности людей, который позволяет получать одни и те же результаты всем людям, овладевшим технологией» [8. С. 336].

Важно подчеркнуть, что в этой «тетрахо-томии» центральным компонентом является **метод** как специфический способ познания, поскольку, по Г. В. Гегелю, «только метод спо-

собен обуздать мысль и вести ее к предмету исследования и удерживать в нем» [8. С. 57]. Он подкрепляется с двух сторон: **методологией**, которая осмысляет границы его применения, его сущность, способы взаимодействия между субъектом и объектом в познавательной деятельности и др., а, с другой стороны, – **методиками** – конкретными способами реализации методов, связанными с определенным материалом [18. С. 43].

Необходимо обратить внимание еще на один момент взаимодействия всех четырех концептов в этой эпистемической цепочке: первые три компонента служат для выражения **процедуры открытия знания** [32. С. 11], т. е. являются *стратегией* и *тактикой* получения нового знания в исследовании в зависимости от его цели и задач, а четвертый компонент – технология служит в основном для **изложения полученного знания** (по Ю. С. Степанову), хотя следует подчеркнуть, что он участвует и в **добывании научного знания**, если исходить из методологического постулата о внутреннем единстве процесса открытия и процесса описания полученного знания [32. С. 11].

Иначе говоря, структура эпистемической цепочки концептов, раскрывающая строение метода, является своеобразным подтверждением и еще одним аргументом, поддерживающим гипотезу В. С. Юрченко, т. е. представляет собой бинарную асимметричную оппозицию: 3+1.

Таковы в кратком изложении основные принципы, постулаты и научные концепты *системной методологии лингвистики*. Они составляют **первый – основной подход** в теоретической методологии лингвистики.

Второй подход состоит в выявлении и синтезе источников и составных частей теоретической методологии, создающих ее лингвистическое основание. К ним относим: 1) философию и философию науки; 2) науку и науковедение; 3) логику и психологию; 4) аксиологию, этику и эстетику; 5) семиотику и лингвистику; 6) терминоведение.

Отметим при этом, что число наук, входящих в основание, взято с позиции минимально достаточной для получения достоверности, но не исчерпывающе, что, собственно говоря, невозможно, так как современная «синтезированная» лингвистика не имеет в исследовании «чужих полей». Поскольку языки способны вербализовать любой тип знания (лингвистическое, гуманитарное, естественнонаучное, техническое и т. д.), то в континуум оснований

методологии практически могут быть включены все науки, существующие «здесь и сейчас». Но они, вне всякого сомнения, занимают разные места по отношению к лингвистике, потому нами были рассмотрены только наиболее, так сказать, «лингвоцентрические» науки.

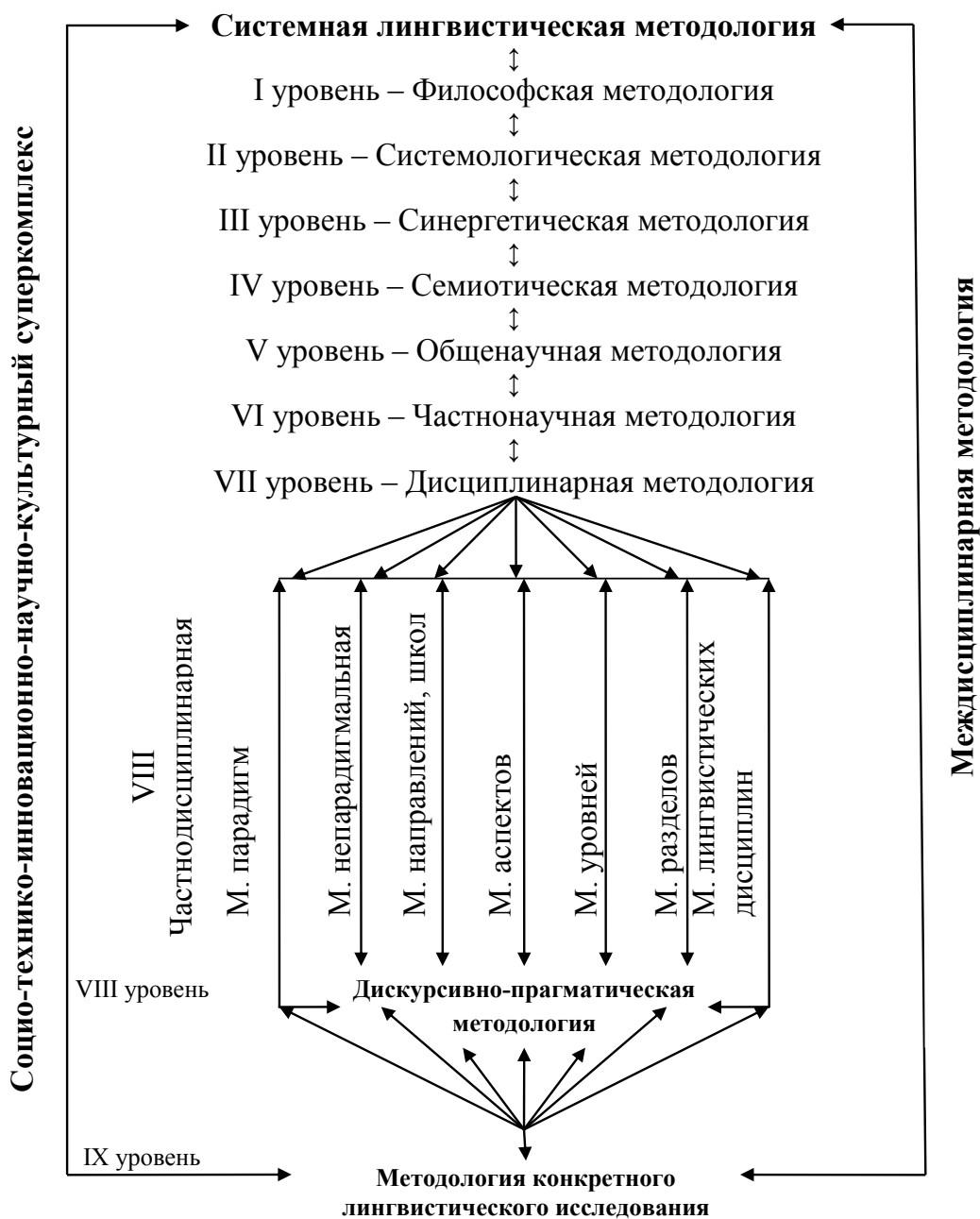
Третий подход заключается в характеристике логической структуры научной деятельности – это в первую очередь обсуждение проблем *объекта и субъекта, объекта и предмета* исследования; его форм (гипотеза, факт, те-

ория, концепция, закон...), средств изучения, а также результатов исследования и их верификация. Но основным концептом, безусловно является *теория метода*.

Четвертый подход к системной методологии – это анализ временной структуры научной деятельности (*фазы, стадии, этапы*) и *технология* выполнения исследования на каждом из последовательных этапов работы.

Пятый подход состоит в синтезе содержательной и формальной методологии. Содержа-

Структура системной лингвистической методологии

тельная, как мы видим, включает рассмотрение законов, теорий, концепций научного знания; критериев научности и их изменений и т. д. Формальная методология состоит в практическом применении положений содержательной методологии (*методика и технология*).

Итак, учет многомерности, многоликости и парадоксальности языка и сложной дисциплинарно-методологической структуры современной полипарадигмальной лингвистики [18. С. 349], синергетичности языковой системы [19], позволяет создать модель, в которой системная лингвистическая методология представляет собой иерархическую девятиуровневую субординированную систему (см. схему).

Отметим, что в научной литературе обычно даются трехуровневые субординированные системы методов: *философские, общенаучные и частнонаучные*. Наибольшей глубиной иерархии обладает система, описанная Е. Н. Яровой в книге «История и методология науки» (2007), в которой обоснована пятиуровневая система методологии: 1) философская; 2) общелогическая; 3) общенаучная; 4) частнонаучная и 5) дисциплинарная [37. С. 89].

В заключение подчеркнем, что взаимосвязь и проницаемость методологических уровней, особенно гибридных (*системного, семиотического, герменевтического и синергетического*), создает единое целое полипарадигмальной лингвистики и обеспечивает ее связь с когнитивными ресурсами современной культуры [18. С. 288], что позволяет ей выполнять роль методологического «локомотива» в формировании общенаучной и межнаучной методологии.

Примечания

¹ Речь идет о научном концепте. Термин «концепт» используется нами в его первичном значении: от лат. *conceptus* – «понятие, представление». Он используется в наши дни в философии науки и науковедении в значении «относительно самостоятельный структурный компонент (общее понятие) какой-либо теории» [12. С. 115] или «понятие, выражающее сущность какой-либо научной или философской теории» [22. С. 410]. В этом значении он используется в терминоведческих и лингвистических работах [18. С. 28; 30. С. 412].

² Обозначенные принципы и постулаты являются в какой-то мере общенаучными, т. е. при-

нятыми не только в лингвистике. К дисциплинарно-лингвистическим следует также отнести постулаты, выделенные Ю. С. Степановым: 1) о тождестве и различиях, 2) о синтагматике и парадигматике, 3) о синхронии и диахронии, 4) о времени – пространстве [32. С. 301–305].

³ Четырехчастное строение метода, по нашему мнению, не является случайным с лингвофилософской позиции. Мы опираемся на систему аргументации В. С. Юрченко и сформулированную им гипотезу о еще одной лингвистической константе: «естественный человеческий язык в своей глубине представляет собой бинарную асимметрическую оппозицию (3+1 или 1+3), заданную (существующую) на четырехчастной основе [36. С. 23–31]. Кстати, о переходе от двучленных классификаций, построенных по дихотомическому принципу, к многочленным, которые «гораздо сложнее, так как они сохраняют противоречивость и сложность развития языка», писал В. И. Кодухов [16. С. 5]. Идею В. С. Юрченко о том, что число четыре является «лингвистической константой», поскольку внутренним содержанием всех фундаментальных ментальных структур и систем языка является четырехчастная основа в бинарно асимметричном отношении (1+3 и 3+1), поддерживает В. В. Колесов в книге «Философия русского слова» [17. С. 411].

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. Пермь, 2002. 200 с.
2. Алефиренко, Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. М., 2009. 416 с.
3. Бабосов, Е. М. Социология науки. Мн., 2009. 224 с.
4. Баженова, Е. А. Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001. 272 с.
5. Белоусов, К. И. Введение в экспериментальную лингвистику / К. И. Белоусов, Н. А. Блазнава. М., 2005. 136 с.
6. Боронин, А. А. Суперконцепт «коммуникативная ситуация» и его вербальное воплощение // Проблемы представления (репрезентации) в языке. Типы и форматы знаний : сб. науч. тр. М., 2007. С. 180–188.
7. Вернадский, В. И. Научная мысль как планетарное явление. М., 1991. 271 с.
8. Войтов, А. Г. История и философия науки. М., 2004. 692 с.

9. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение : учеб. пособие. М., 2011. 224 с.
10. Головин, Б. Н. Язык и стилистика. М., 1971. 190 с.
11. Гринев-Гриневиц, С. В. О современных методах лингвистических исследований (к постановке проблемы) / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина // **Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии.** М., 2010. С. 277–290.
12. Канке, В. А. Философия науки : краткий энцикл. слов. М., 2008. 328 с.
13. Караулов, Ю. Н. О предпосылках включения «языковой личности» в объект науки о языке // *Русский язык и языковая личность.* М., 2007. С. 11–27.
14. Карлинский, А. Е. Методология и парадигмы современной лингвистики. Алматы, 2009. 353 с.
15. Князева, Е. Н. Основания синергетики: синергетическое мировоззрение / Е. Н. Князева, С. Н. Курдюмов. М., 2005. 321 с.
16. Кодухов, В. И. Методы языкознания // *Общее языкознание.* М., 1974. С. 202–280.
17. Колесов, В. В. Философия русского слова. СПб., 2002. 448 с.
18. Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Екатеринбург, 2012. 818 с.
19. Комарова, З. И. Язык, языковая система, лингвистика в зеркале синергетики // *Вестн. Пятигор. лингв. ун-та.* 2012. № 4. С. 114–123.
20. Котюрова, М. П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). Красноярск, 1988. 286 с.
21. Кун, Т. Структура научных революций : пер. с англ. М., 2003. 365 с.
22. Лебедев, С. А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). М., 2008. 682 с.
23. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике. М., 2008. 272 с.
24. Мельников, Г. П. Системная типология языков. Принципы, методы, модели. М., 2003. 395 с.
25. Методологический синтез: прошлое, настоящее и возможные перспективы. М., 2005. 192 с.
26. Методология: вчера, сегодня, завтра : в 3 т. М. Т. 1. 472 с.
27. Новая философская энциклопедия / гл. ред. В.С. Степин: в 4 т. М., 2010. Т. 3. 692 с.
28. Пригожин, И. Время, хаос, квант. К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. М., 1994. 264 с.
29. Разумов, О. С. Системные знания: концепция, методология, практика / О. С. Разумов, В. А. Благодатских. М., 2006. 400 с.
30. Ракитина, С. В. Научный дискурс с позиции когнитивно-дискурсивного подхода // *Активные процессы в различных типах дискурсов: функционирование единиц языка, социолекты, современные речевые жанры.* М. ; Ярославль, 2009. С. 412–417.
31. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование. М., 1977. 344 с.
32. Степанов, Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 2007. 312 с.
33. Стёпин, В. С. Философия науки. Общие проблемы. М., 2006. 574 с.
34. Холодная, А. М. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. СПб., 2004, 341 с.
35. Щедровицкий, Г. П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. 548 с.
36. Юрченко, В. С. Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки. М., 2008. 368 с.
37. Яркова, Е. Н. История и методология науки : учеб. пособие. Тюмень, 2007. 320 с.

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИМПЛИЦИТНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Рассматриваются проблемы имплицитности в связи с глубиной понимания художественного текста, с позиций наложения первичной имплицитности на вторичную, выявления имплицитных приращений, с учетом структур знания, называемых фреймами. Фреймы помогают устанавливать связность текста, смысловое развертывание речи, восполнять недостающие семантические лакуны, то есть адекватно воспринимать латентную информацию.

Ключевые слова: когнитивная нагрузка, фрейм, терминалы фреймов, межфреймовые отношения, имплицитность, художественный текст.

Ю. М. Лотман подчеркивал, что «художественный текст <...> можно рассматривать в качестве особым образом устроенного механизма, обладающего способностью заключать в себе исключительно высоко сконцентрированную информацию» [4. С. 281]. Сконцентрированность информации достигается благодаря использованию имплицитности, так как чаще всего восприятие имплицитной информации происходит за счет перераспределения когнитивной нагрузки в сценах соответствующих фреймов и мотивируется избирательностью языка к признакам внеязыковой действительности. И это становится возможным вследствие того, что когнитивный контекст является моделью культурно-обусловленного, канонизированного знания, которое является общим хотя бы для части говорящего сообщества.

Структуры знаний, называемые фреймами, т. е. пакеты информации, которые хранятся в памяти, выполняют значимую роль в функционировании языка. Они помогают устанавливать связность текста, смысловое развертывание речи, восполнять недостающие семантические лакуны, т. е. адекватно воспринимать латентную информацию. В отличие от ассоциативных связей, внутрифреймовые связи передают существенное, типичное для данного понятия, а также содержат данные, необходимые для восстановления какой-то скрытой характеристики рассматриваемой понятийной структуры [5; 6]. Взаимосвязанные фреймы (имеющие общие терминалы), как отмечает Ч. Филлмор, образуют фреймовые системы со свойственными им межфреймовыми отношениями, которые существуют «в памяти как результат того, что разные фреймы включают один и тот же языковой материал», а их метаусловия сходны, «определяются одним и тем же репертуаром

сущностей, отношений или субстанций» (цит. по: [3. С. 187]).

Как пишет М. Минский, «верхние уровни» фрейма четко определены, так как образованы такими понятиями, которые справедливы по отношению к предполагаемой ситуации, а на более низких уровнях имеется много особых вершин-терминалов или «ячеек», которые должны быть заполнены характерными примерами или данными [5. С. 7].

Используя разработанное М. Минским графическое представление фрейма в виде сети, состоящей из узлов (вершинного и базового терминалов и просто терминалов) и связей между ними, можно представить категорию имплицитности в виде структурированной модели, имеющей особую иерархически организованную схему представления в плане выражения и восприятия. Вершинный терминал – не выраженная эксплицитно информация, а базовые терминалы – маркеры, позволяющие это содержание воспринять. Вокруг них концентрируется содержательная информация, детализирующая основные положения. Исходя из представления процесса понимания как «последовательности пар фреймов с множеством объектов, приписываемых их терминалам» [5. С. 14], восприятие имплицитного содержания можно представить как поиск и обнаружение фреймов, идентифицируемых как сходные в силу того, что их терминалы присоединяют объекты одних и тех же видов. Терминалы фреймов в обычном своем состоянии заполнены так называемыми «заданиями отсутствия», т. е. сведениями, которые не обязательно должны быть представлены эксплицитно в какой-либо конкретной ситуации [5. С. 8]. Неверная подмена фреймов ведет к непониманию или неадекватной интерпретации языкового материала.

В связи с разработкой когнитивного моделирования текста В. Кинч и Т. А. ван Дейк исследуют вопросы, связанные с использованием внутренней когнитивной информации, к которой они относят убеждения, мнения, установки и мотивацию [2. С. 158]. Такого рода когнитивная информация рассматривается «в качестве когнитивных предпосылок» конструирования ментальных презентаций.

По мнению И. И. Халеевой, фреймовые данные в структуре когнитивного сознания представляют собой «относительно обобщенную структуру прошлого опыта, с помощью которой сознание прогнозирует изменение состояния объектов внешнего мира, развитие и содержание событий, их взаимосвязь» [8. С. 284].

М. Минский поясняет, что «теория фреймов» была разработана с целью объяснить скорость человеческого восприятия и мышления, а также фактическое отсутствие поддающихся наблюдению ментальных явлений, сопровождающих эти процессы» [6. С. 289]. С каждым фреймом связана информация разных видов: «одна, относящаяся к использованию данного фрейма; другая, предупреждающая о том, что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся» [6. С. 289].

Фреймы содержат особую информацию для восстановления информации по умолчанию, т. е. скрытые субфреймы [6. С. 290].

Как «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия» и «содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятии», фрейм «обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично» [3. С. 188]. В связи с этим следует подчеркнуть, что выделяются два вида фреймов: ситуационные и классификационные. Ситуационные фреймы отражают знания мира неязыкового, событийного характера, в отличие от них классификационные фреймы могут передавать концептуальную информацию, непосредственно связанную с классифицирующей функцией нашего сознания, которое находит свое отражение в языке. Основным свойством классификационного фрейма является то, что он представляет собой определенную структуру языкового знания, модель познания окружающего мира с помощью языка [1. С. 16]. Нам представляется интересным применить понятие классификационного фрейма к изучению имплицитности, так как именно его свойство – познание окружающего мира с

помощью языка – является существенным для объяснения многих процессов, протекающих в рамках имплицитивной коммуникации.

Когнитивный подход в лингвистике позволяет рассмотреть модели организации памяти, способы представления знаний на его различных уровнях. Языковые единицы проецируются на определенные пласты знания. В языковых сегментах могут быть представлены знания о концептах жизнедеятельности человека, событиях и их последовательности, классах ситуаций, объектах и их признаках и так далее. Структуры значений этих единиц реализуют структуры передачи знаний способом сетевого представления, т. е. через определенные семантические сети.

В связи с этим следует подробнее остановиться на понятии «семантические сети», так как с его помощью описывается одна из моделей хранения знаний в памяти. В своей простейшей форме эта модель представляет собой ассоциативную организацию связей, точки пересечения которой называются узлами [3. С. 169]. Каждый узел мыслится как концепт и может быть связан с любым количеством узлов (в зависимости от сложности фиксируемого понятия) [7. С. 261]. «Вынутый» из своего окружения, отдельный узел может быть изображен в виде определенным образом разветвленного графа, что позволяет отразить иерархию связей в семантических сетях. С каждым узлом данной сети в долговременной памяти человека связаны ассоциативно возбуждаемые им сведения (другие концепты). Семантические сети указывают на то, что способствует сохранению в памяти человека знаний, как восполняются некоторые способы сокращения объема плана выражения и компенсации плана содержания.

Проблема высокой степени имплицитности очень тесно связана с проблемой понимания и непонимания текста, так как в данном случае восприятие неявно выраженной информации имеет место лишь в том случае, когда присутствуют все факторы, необходимые для этого процесса. Зачастую при высокой степени имплицитности происходит как бы наложение первичной имплицитности на вторичную, когда нужно раскрывать одни имплицитные приращения через другие, также эксплицитно не выраженные. В зависимости от того, будет ли читатель способен понять имплицитно выраженное содержание или нет, базирующееся на другом имплицитно выраженном содержа-

нии, мы можем говорить о степени восприятия и высокой степени имплицитности.

В качестве примера обратимся к анализу отрывка из повести Л. Арагона “Aurélien”, где речь идет о чувствах двух влюбленных – Орельена и Беренис, счастье которых невозможно из-за нескольких причин. Здесь виной и война, разлучившая молодых людей, и нерешительность, неуверенность в себе Орельена, да и просто фатальное невезение. И вот однажды Беренис проходит мимо сада великого старца Клода Моне, проживающего с ней по соседству, и останавливается, засмотревшись на необычные цветы. Как лейтмотив проходит в тексте неоднократно употребленное автором словосочетание “les fleurs bleues”: Elle vit les fleurs bleues. Des fleurs bleues partout. Et d’autres fleurs bleues partout. On dit qu’il n’y a pas de vraies fleurs bleues. Des fleurs bleues feraient place à des roses. Le reflet des fleurs bleues traînant sur les cailloux des allées. Parmi des fleurs bleues, le gravier luxueux, devant la maison pareille à toutes les maisons dans les rêves. Les fleurs étaient bleues, indiscutablement.

Намеренный повтор данного словосочетания можно истолковать следующим образом: жизнь без любимого приостанавливается, становится бесцветной, и лишь в другой, счастливой жизни, как в мираже, растут голубые цветы, которые даже не встречаются в природе. В цветосимволике синий и голубой цвета означают вечность, постоянство, и автор как бы имплицитно указывает на то, что, к сожалению, наши герои не смогли обрести это постоянство и находятся в разлуке. Намек на то, что Клод Моне ослеп и не видит всех красот своего сада, но садовники очень тщательно выполняют свои обязанности, дает возможность выразить мысль, что очень часто мы видим душой, сердцем, а не зрением, в этом и заключается особое очарование человеческого восприятия, интерпретации окружающего.

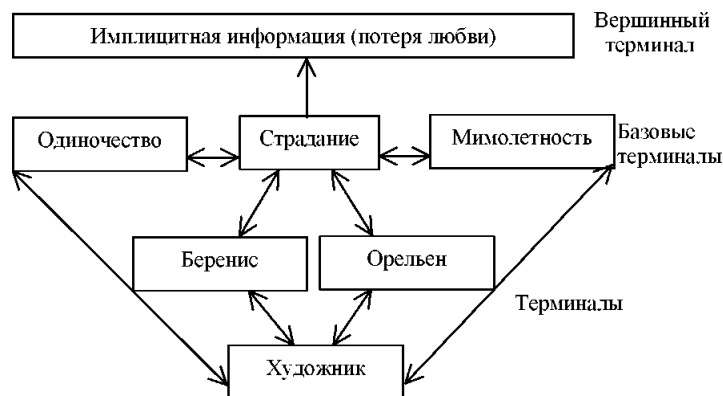
Упоминание имени Клода Моне, одного из основоположников импрессионизма в живописи, позволяет читателю активизировать свои знания о том, что импрессионисты, стремясь непредвзято запечатлеть реальный мир в его подвижности и изменчивости, передать непосредственно как бы мимолетные впечатления, разработали систему пленэра, когда писали раздельными мазками «чистого цвета», точно воссоздавая рефлексы и цветные тени. Мы переносим эти культурологические сведения на фрагмент текста и воспринимаем то, что

представлено в нем имплицитно: Луи Арагон пишет анализируемое нами произведение тоже в стиле импрессионизма, используя тонкие и точные способы для передачи впечатления как основного аспекта всякого представления, переживания и мысли. Ничего не говоря прямо об эмоциональном состоянии героини и опираясь на первичную имплицитность, которая заключается в том, что жизнь без любимого бессмысленна, автор выражает еще и вторичную имплицитность, используя контраст. Через весь текст проходит антитеза “les fleurs bleues” – “les fleurs fanées”, т. е. **жизнь, свобода, счастье противопоставляются прожитому, уже отцветшему. Можно сказать, что “les fleurs fanées” символизируют конец отношений, истощение чувства и показывают, что страсть превращает людей в пепел.**

Далее автор развивает эту мысль: “Si l’on pouvait, en soi, quand les fleurs vont se faner, les arracher tout de suite... changer la couleur du coeur... demeurer toujours à cet instant de la floraison parfaite... oublier...” Он прибегает к такому стилистическому приему, как метафора (“changer la couleur du coeur”), в которой актуализируется одновременно прямое и переносное значения, позволяя читателю воспринять ее следующим образом: из-за сильных любовных переживаний даже «сердце меняет свой цвет». Иными словами, речь идет о том, что любовь полностью меняет человека, его отношение к жизни, его мироощущение, и очень часто человек испытывает из-за этого чувства целую палитру эмоций – от страданий до безудержного счастья.

Приведенное выше словосочетание “les fleurs fanées” как бы актуализирует концепт «мимолетности», который характеризует творчество импрессионистов. В частности, революция Моне и Писарро в живописи заключалась именно в том, что они запечатлевали мимолетность, текучесть, изменчивость подмечаемого ими в природе, в отличие, например, от Сезанна, одной из целей которого являлась передача устойчивого, вечного.

В данном тексте присутствует очень высокая степень имплицитности – благодаря тому, что автор использует практически весь набор средств, передающих иносказание стилистически: недоговоренность – “Pourtant...”, “Rien ne retenait plus ses rêves. Personne... Oublieuse de ses griefs”, лейтмотив, о котором речь шла выше, символ – “les fleurs bleues”, намек – упоминание о Клоде Моне. **На восприятие имплицитности**

цитности «работает» и синтаксис текста, придающий оттенок повышенной эмоциональной окрашенности, эксплицитно не выраженной, при помощи риторических вопросов: “Qu’est – ce que c’était, ces fleurs? Qui sait, s’il les voyait bleues, le grand vieillard, là – **dedans?** **A quel degré de nostalgie faut-il en être arrivé pour ordonner cela?**”, при помощи эллиптических и парцелированных конструкций: “Qui l’a appelée? De l’autre côté de la grille. Impossible. Il est là. Debout. Tête nue. <...> Un grand homme lent et indécis <...> Aurélien...”

Проанализированный фрагмент текста формирует языковой классификационный фрейм неявно выраженной информации, в котором актуализируются концепты «одиночество», «страдание» и «мимолетность». Поскольку прототип данного фрейма отображает интуицию, чувственное распознавание как результат взаимодействия между входным сигналом из окружающей среды и действующими принципами, накладывающимися на его структуру, мы можем выявить прототипическую схему фрейма неявно выраженной, имплицитной информации, которая может быть представлена в следующем виде. Концепты субъектов Художник, Беренис и Орельен заполняют нижние терминалы, которые затем выражаются в виде базовых терминалов «одиночество», «страдание» и «мимолетность», и лишь затем под влиянием терминалов и базовых терминалов возникает вершинный терминал, символизирующий потерю любимого человека и любви вообще.

Предложенная схема показывает взаимопереплетение и взаимозависимость всех видов терминалов, которые лежат в основе реализации фрейма высокой степени имплицитности. В данном случае базовые терминалы выражают первичную имплицитность, а в вершинном терминале представлена вторичная имплицитность, которая основывается на нижних терми-

налах, но становится воспринимаемой лишь за счет заполнения базового терминала.

В заключение отметим, что высокую степень имплицитности обеспечивает заполнение основных терминалов фрейма, их подчиненность и взаимозависимость. Эта модель представляет те процессы, которые происходят при экспликации имплицитно выраженной информации как ментальной репрезентации окружающей действительности.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2006. № 2. С. 5–22.
2. Дейк, Т. А. ван. Стратегия понимания связного текста / Т. А. Ван Дейк, В. Кинч // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 153–211.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996. 245 с.
4. Лотман, Ю. М. *Об искусстве: Структура художественного текста; Семиотика кино и проблемы киноэстетики; Статьи, заметки, выступления (1962–1993 гг.)*. СПб., 1998. 704 с.
5. Минский, М. *Фреймы для представления знаний*: пер. с англ. М., 1979. 151 с.
6. Минский, М. *Остроумие и логика коллективного бессознательного* // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 281–309.
7. Скрэгг, Г. *Семантические сети как модель памяти* // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 12. Прикладная лингвистика. М., 1983. С. 228–271.
8. Халеева, И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // *Язык – система. Язык – текст. Язык – способность*. М., 1995. С. 277–278.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И СМЕЖНЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ НАУКИ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Статья посвящена анализу языка и межнаучной интеракции в когнитивной лингвистике и смежных лингвистических науках.

Ключевые слова: парадигма, когнитивная лингвистика, полипарадигмальность.

В истории языкознания компаративизм, структурализм и полипарадигмальность составляют основные научные парадигмы.

По справедливому замечанию З. И. Комаровой и А. А. Шагеевой, в современной лингвистической литературе стало традицией начинать работу с констатации «смены лингвистической парадигмы». «Однако некоторые лингвисты, принимая это утверждение как данность, не утруждают себя объяснением того, что же представляет собой современная лингвистическая парадигма и почему ее следует принять или не принять в своем исследовании» [2. С. 3].

Согласно мнению Т. Куна, смена парадигм необходима для преодоления кризиса в науке и осуществляется через научную революцию. Современный этап развития языкознания логично связать с понятием парадигмы научных знаний, введенным Т. Куном в работе «Структура научных революций»: «Под парадигмой я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [1. С. 17].

Современная лингвистическая наука характеризуется полипарадигмальностью, которую можно объяснить сложностью языка как объекта исследования, многочисленностью подходов к его изучению, неизбежно пересекающихся и зачастую вводящих в заблуждение молодых лингвистов-исследователей, теряющихся в выборе методологии научного анализа и основной парадигмы исследования.

Говоря о полипарадигмальности современной лингвистики и интегративном характере лингвистических парадигм, не уходим ли мы от ответа на вопрос о наличии основной парадигмы, объединяющей методологии исследований?

Основные парадигмы лингвистических исследований включают в себя:

- 1) историческую,
- 2) психологическую,

3) системно-структурную,

4) социальную (коммуникативную).

Коммуникативная парадигма, в свою очередь, интегрирует антропологическое, лингвокультурологическое, социолингвистическое, когнитивное, психолингвистическое направления исследований.

Парадигмальная многоплановость современной лингвистики характеризуется отсутствием основного направления и единого метода научных исследований, подобно сравнительно-исторической и структурной парадигмам. В настоящее время определены составляющие полипарадигмальности, которые включают в себя антропоцентризм, реализующийся во всех лингвистических направлениях, экспансионизм, проявляющийся в интенсификации исследований в смежных с лингвистикой областях знания, неофункционализм и экспланаторность [3].

Объединяющей лингвистические исследования парадигмой в современном языкознании постепенно становится когнитивная парадигма, хотя, по мнению В. Б. Касевича и ряда других отечественных лингвистов, «когнитивной лингвистики не существует – уже потому, что не существует некогнитивной лингвистики» [1. С. 200]. Это мнение было высказано в 1998 г., а к настоящему времени, всего лишь через 15 лет, когнитивная лингвистика представлена в России и мире целым рядом направлений, занимающихся изучением содержательных параметров языка, находящихся в сфере интересов когнитивной семантики, фреймовой семантики, изучения категорий и категоризации, концептов и концептуализации, метафоры и метафоризации и др.

Попытки классифицировать направления когнитивной лингвистики в основном сводятся к различению приемов исследования концептов и в результате к выделению двух основных подходов: лингвокогнитивного и лингвокультурологического.

Лингвокультурологический подход предполагает изучение особенностей национальной концептосферы (национальной языковой картины мира) – от культуры к сознанию. Этот подход определяет концепт как базовую единицу культуры, обладающую образным, понятийным и ценностным компонентами, с преобладанием последнего (см. работы В. В. Воркачев, С. И. Ивановой, В. И. Карасика, С. А. Пятиной и др.). Лингвокультурологическое направление в когнитивной лингвистике выделяется не всеми, многие исследователи считают лингвокультурологию самостоятельной наукой (В. А. Маслова, Л. А. Шкатова и др.). Вероятно, следует говорить о пересечении объектов исследования и о поиске ответов на общие вопросы, включая вопрос о соотношении языка и сознания. Лингвокультурологический подход опирается на идею о накопительной функции языка, благодаря которой в нем запечатлевается, хранится и передается опыт народа. Язык, согласно этой концепции, есть универсальная форма первичной концептуализации мира и рационализации человеческого опыта, выразитель и хранитель бессознательного, стихийного знания о мире, историческая память о социально значимых событиях в человеческой жизни (А. В. Костин).

К лингвокогнитивному подходу относятся работы тех исследователей, которые считают, что в основе знаний о мире лежит такая единица ментальной информации, как концепт, которая включена в концептосферу социума. В рамках лингвокогнитивного подхода разработана полевая модель концепта, представленная в терминах ядра и периферии.

Сближает когнитивную лингвистику с психологическим, психолингвистическим, нейропсихолингвистическим, семантическим, логико-понятийным, логическим анализом концептов и подходом в рамках традиционной лингвистики, отождествляющей термины «понятие» и «концепт», исследование вопроса о взаимодействии языка и сознания.

В работе «Когнитивная лингвистика» З. Д. Попова и И. А. Стернин перечисляют основные аспекты когнитивных исследований и выделяют ряд лингвистов, разрабатывающих эти направления:

культурологическое – исследование концептов как элементов культуры в опоре на данные разных наук (Ю. С. Степанов). Такие исследования обычно де-факто междисциплинарны, не связаны исключительно с лингвистикой,

хотя могут выполняться и лингвистами (что и позволяет рассматривать данный подход в рамках когнитивной лингвистики); язык в этом случае выступает лишь как один из источников знаний о концептах;

лингвокультурологическое – исследование названных языковыми единицами концептов как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями этой культуры: направление «от языка к культуре» (С. Г. Воркачев, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Г. В. Токарев);

логическое – анализ концептов логическими методами вне прямой зависимости от их языковой формы (Н. Д. Арутюнова, Р. И. Павилёнис);

семантико-когнитивное – исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере (Е. С. Кубрякова, Н. Н. Болдырев, Е. В. Рахилина, Е. В. Лукашевич, А. П. Бабушкин, З. Д. Попова, И. А. Стернин, Г. В. Быкова);

философско-семиотическое – исследуются когнитивные основы знаковости (А. В. Кравченко).

Каждое из этих направлений можно считать уже достаточно оформившимся в современной лингвистике, все они имеют свои методические принципы (объединяет их прежде всего теоретическое представление о концепте как единице сознания) [4].

Центральной проблемой когнитивной лингвистики является изучение отношения в цепочке «разум – язык – репрезентация – концептуализация – категоризация – восприятие», а основная задача состоит в объяснении механизма обработки естественного языка, построении модели его понимания.

Таким образом, следует говорить о наличии в современной лингвистике целого ряда научных парадигм, пересекающихся с когнитивной в изучении вопроса соотношении языка и мышления.

Рассмотрим на примере краткого анализа диссертационных работ, выполненных на кафедре теории языка Челябинского государственного университета взаимосвязь исследовательских методологий, интеграционный характер лингвистических направлений и их сопряженность с когнитивным подходом при изучении языка и мышления, языка и сознания.

В исследованиях, выполненных под руководством профессора Л. А. Шкатовой в рамках психолингвистического, коммуникативного, социолингвистического и лингвокультурологического направлений (всего более 40 работ), основное внимание уделяется смыслопорождению и восприятию в разных типах дискурса, включая институциональный и интернет-дискурс, различными типами языковой личности и ограниченными разнообразными языковыми ситуациями.

Изучению общих закономерностей эволюции мифологического мышления, процессов мифологизации и идеологизации мифологем, анализу национально-культурных особенностей концептосфер, языковой картины мира, функционально-когнитивному анализу институционального и креолизованного дискурса посвящены исследования (25 диссертационных работ), выполненные под руководством профессора С. А. Питиной, объединяющие в себе когнитивный и лингвокультурологический подходы.

Основатель научной школы когнитивного терминоведения профессор Е. И. Голованова (под ее руководством защищено семь кандидатских диссертаций) успешно разрабатывает лингвокогнитивные, когнитивно-коммуникативные и лингвокультурологические аспекты специальных языков, профессионального сознания и профессиональной языковой личности.

В исследованиях профессора Т. А. Воронцовой (научный руководитель двух утвержденных диссертационных работ) анализируются когнитивно-коммуникативные аспекты речевого поведения и речевой агрессии.

Проблемами речевого воздействия как влияния, оказываемого субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения, обусловленного особыми предметными целями говорящего, включающими изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку его категориальных конструктов, влияние на поведение, изменение эмоционального настроения либо психофизиологических процессов, плодотворно занимается профессор кафедры теории языка Е. В. Шелестюк.

В центре внимания ученых находятся основные понятия когнитивной науки: концепт, картина мира, концептуальная картина мира, концептуализация, категоризация, каждое из которых неизбежно затрагивает проблему соотношения языка и мышления, что позволяет говорить о когнитивной научной парадигме как центральной и системообразующей.

Список литературы

1. Актуальные проблемы современной лингвистики / сост. Л. Н. Чурилина. М., 2009. 410 с.
2. Комарова, З. И. Когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте / З. И. Комарова, А. А. Шагеева. Екатеринбург, 2009. 249 с.
3. Кубрякова, Е. С. Эволюция лингвистических идей в конце XX века // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю. С. Степанова. М., 1995. С. 144–238.
4. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М., 2007. 313 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 37–47.

Е. В. Шелестюк

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ПЕРЕНОС КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

Рассматривается понятие лингвокультурного переноса в четырех оппозициях: а) локальный vs целостный; б) осознанный vs неосознанный; в) связанный с глубинными vs с поверхностными структурами оригинала и перевода; г) связанный с социальными статусами языков оригинала и перевода.

Ключевые слова: лингвокультурный перенос, адаптация, лакуна, форенизация и доместикация, языковая и культурная интерференция, поверхностные и глубинные структуры.

Известно, что языки при сопоставлении обнаруживают множество лагун – «пробелов», «пустых мест» в системе национально-специфических эквивалентов: как языковых (например, грамматические формы, синтаксические структуры, содержание и объем значений лексики, наименования реалий и др.), так и речевых (несовпадение средств описания референтной ситуации, узуальной сочетаемости, фразеологии и идиоматики, жанрово-стилистических норм). Выделяют также культурологические лагуны: субъектные, отражающие национально обусловленные характерологические и эмотивные особенности субъектов коммуникации, специфику национального юмора; когнитивно-коммуникативные, обуславливающие различия когнитивной обработки информации и разницу стратегий коммуникации; лагуны культурного пространства, отражающие своеобразие восприятия времени и пространства, бытового уклада, ритуалов, культурного фонда, концептов, символики; текстовые лагуны, выражающие различие текстового восприятия как в связи с присутствующим в нем «сверхтекстом» (реалиями, аллюзиями, скрытыми цитатами, скрытыми намеками и др.), так и с наличием иной интерпретационной перспективы [6; 8].

Лагунарность языков и концептуально-интерпретационные различия текстов разных лингвокультур побуждали исследователей поднимать проблему принципиальной непереводимости текста, а также искать пути ее решения. С этой целью были разработаны многочисленные модели перевода как процесса: трансформационная (Л. С. Бархударов и др.); компонентная, или семантическая (Дж. Кэтфорд и др.); «модель соответствий» Я. И. Рецкера; пятиуровневая модель эквивалентности В. Н. Комиссарова; коммуникативно-прагматическая модель А. Д. Швейцера и другие.

Традиционно метод, позволяющий преодолевать лагунарность текста, называется адаптацией. Согласно В. Н. Комиссарову, адаптация – преобразование информации с целью изложить ее в иной форме, определяемой особой задачей межъязыковой коммуникации [3]. Основными видами адаптации выступают количественное сокращение оригинала, а также качественное преобразование его формы и содержания в соответствии с языковыми, культурными и когнитивными структурами реципиента. Целостная адаптация («адаптивное транскодирование») зачастую критикуется как

тип перевода, не дающий адекватного представления о культуре языка перевода и искажающий смысл оригинала. За рубежом противниками адаптации текста при переводе ради *fluency* – «сглаженности» («слитности») текста и «беглости» чтения, выступают такие известные филологи и переводчики, как А. Лефевр, А. Берман, Л. Венути; они призывают переводчиков не сглаживать шероховатости перевода, обусловленные разницей лингвокультурных систем. Вместе с тем значительная часть переводоведов-традиционалистов признает неизбежность и значимость адаптации как фактора, облегчающего восприятие переводимого текста. Существует также взгляд, допускающий практически неограниченную адаптацию оригинала, это скопос-теория К. Райс, Х. Вермеера, К. Норд, утверждающая автономию перевода от оригинала, его самоценность, обусловленную функциями перевода в рамках принимающей культуры.

В целом, выделяются четыре основных стратегии преодоления лагунарности в процессе адаптации: а) снятие лагуны, утрата при переводе неперевоаемой единицы текста (пример А. Нойберга: *I came to Warley on a wet September morning with the sky the gray of Guiseley sandstone.* – В Уорли я приехал дождливым сентябрьским утром. Небо казалось высеченным из серого песчаника); б) краткое пояснение имплицитного культурного смысла реалии – экспликация (*It was Friday. So they will soon go out and get drunk (J. Brain).* – «Была пятница, день полочки. Скоро они пойдут домой и напьются»); в) компенсация при помощи аналогичного языкового или речевого явления в ПЯ (*You could tell he was very ashamed of his parents and all, because they said “he don’t” and “she don’t” and stuff like that... (J. Salinger)* – Сразу было видно, что он стесняется своих родителей, потому что они говорили «хочут» и «хочете», и все в таком роде); г) наконец, формальная передача единицы оригинала (с помощью калькирования, транскрипции, транслитерации или лексико-семантических замен), часто с элементами экспликации (например, словосочетание *Knitter’s Frolic* – «Проделки вязальщиков» (фестиваль вязальщиков в Торонто, выставка-продажа и семинары для мастеров и начинающих). Первый случай переводческой работы с лагунами можно назвать «нейтрализацией» смысла оригинала, а три других правомерно отнести собственно к вариантам прагматической адаптации.

Понятие *лингвокультурный перенос (ЛП)*, которое мы развиваем в настоящей работе, напрямую связано с лакунарностью и адаптацией текста. Лингвокультурный перенос обусловлен фоновыми знаниями (пресуппозициями) переводчика, побуждающими его к выбору той или иной стратегии перевода, к расстановке приоритетов и определенному способу передачи конкретных единиц оригинала.

Если говорить о лингвокультурном переносе *par excellence*, то он относится к онтологии, это психическое (точнее, этнопсихолингвистическое) явление. Понятие трансфера, или переноса, было введено З. Фрейдом (он именовал его словом *Übertragung*) для обозначения проекции индивидом своих субъективных оценок и иллюзий из мира чувствований во внешний мир [12]. К. Г. Юнг связывал трансфер с переносом архетипов, символических образов на объекты окружающей действительности (работы «Психология и алхимия», «Психологии переноса», “*Mysterium Coniunctionis*”), т. е. указывал не столько на субъективно-эмоциональную, сколько на культурную составляющую трансфера. И хотя в концепции Юнга такой перенос связывается скорее с универсальными, генетически врожденными протообразами бессознательного, аналогии которых он находит в алхимических символах, в мифологии, в искусстве, несомненно, что и стереотипы, благоприобретенные через культурную среду и язык, обуславливают перенос уже усвоенных концептуальных структур на вновь осваиваемые объекты действительности.

Лингвокультурный перенос можно понимать широко – как *культурно обусловленную субъективность интерпретации оригинала, как концептуальный и этнопсихолингвистический крен, отражающий пресуппозиции переводчика относительно родного и иностранного языков и культур, а также как пресуппозиции переводчика относительно текста и его смыслов, автора текста, реципиента как интерпретатора.*

В описании проявлений лингвокультурного переноса большой объяснительной силой обладает, на наш взгляд, трансформационная модель перевода Л. С. Бархударова. Согласно этой модели, переводчик имеет дело с поверхностными текстовыми структурами оригинала, которые он передает при помощи эквивалентных структур ПЯ, а также с глубинными структурами оригинала, которые он пытается

проинтерпретировать и раскрыть с помощью глубинных структур ПЯ и воплотить в соответствующих поверхностных структурах. Отметим, что наше понимание глубинных структур является не столько формально-лингвистическим, сколько психолингвистическим. Под глубинными структурами мы понимаем имплицитные семантические компоненты высказывания, побочные смыслы и весь совокупный образно-ассоциативный комплекс, который имеется у носителя той или иной лингвокультуры при производстве / восприятии высказывания. Под поверхностными же структурами понимаются слова и грамматические структуры, образы и символы, которые выбираются для представления (репрезентации) мысли.

В свете этого подхода лингвокультурный перенос может приводить:

к трансформации содержания оригинала, когда происходит перенос концептуальных структур с одной культуры на другую и, соответственно, замена глубинных структур оригинала инокультурными глубинными структурами; замена или приращение смыслов, компенсация образности, идиоматики, реалий и др.;

к трансформации поверхностных структур перевода, когда русский перевод начинает звучать «по-иностранному», а иностранный – «слишком по-русски».

Лингвокультурный перенос как психолингвистическое явление обнаруживает ряд оппозиций, среди которых наиболее существенными нам представляются: а) локальный vs целостный; б) осознанный vs неосознанный; в) связанный с глубинными vs с поверхностными структурами оригинала и перевода; г) связанный с социальными статусами языков оригинала и перевода. В рамках этих оппозиций мы и будем описывать это явление.

Первая оппозиция; локальный vs целостный ЛП

Локальный лингвокультурный перенос означает замену отдельных реалий, идиоматики, элементов комического (например, каламбуров), трансформации образности, идиолектных особенностей речи и др., а целостный – изменение самих концептуальных структур оригинала, его целостную адаптацию.

Локальный перенос ведет к реализации переводческого приема компенсации, когда реалия, идиома, метафорический образ, каламбур или характерные особенности идиолекта героя заменяются подобранными для них аналогами на языке перевода.

Приведем несколько примеров компенсации реалий:

“**He plied her with scones and jam**” (J. Galsworthy) – «Он угощал ее оладьями с вареньем» (перевод Н. Вольпин). Здесь происходит замена реалии ИЯ иной реалией ПЯ, поскольку в лингвокультурах оригинала и перевода наблюдается лакунарность соответствующих понятий. Аналогичные примеры:

“I didn’t have a date or anything, so I and this friend of mine, Mal Brossard, that was on the wrestling team, **decided we’d take a bus into Agerstown** and have a hamburger and maybe see a lousy movie” (J. Salinger). – «Делать мне было нечего, и мы с моим приятелем, с Мэлом Броссаром из команды борцов, решили поехать на автобусе в Эгерстаун съесть по котлете, а может быть, и посмотреть какой-нибудь дурацкий фильм» (перевод Р. Райт-Ковалевой).

“She said maybe she’d eat a cheeseburger later on. Just what is this cheeseburger business? From what I gather, she’s practically been living on cheeseburgers and Cokes all semester so far... Christ lived on cheeseburgers and Cokes. For all we know, he probably fed the mult-...” (J. Salinger, “Zooney”) – «Она сказала, что попозже, может, съест сырник. Но при чем тут сырники? Насколько я понимаю, она и так весь семестр питалась сырниками и кока-колой. ... Христос питался сырниками и кока-колой. Как знать, может, он и толпы кормил...» (перевод М. Ковалевой).

Еще пример. «Молдаванка шла толпами, как будто во дворе у Криков были перекидки» (И. Бабель «Одесские рассказы», последующий контекст – «Люди расселись в палисаднике и вынули угощение»). “The Moldavanka was arriving in droves, as if a wake were being held in the Kriks’ yard.” Перевод многозначного одесского слова *перекидки* – «ярмарка, балаган, шум, семейная склока; также тип аттракциона на ярмарке» производится с помощью слова *wake* в его религиозном значении – «бдение, всенощная в канун местного праздника», что реализует сему зрелищности, добавляя в смысл фразы сему сакральности, зато упуская сему потасовки, склоки.

Компенсация идиоматики и образности:

“Snail, snail, glister me forward,/ Bird, soft-sigh me home, /Worm, be with me” (Roethke). «Несите ж домой меня, ты, переливчатая улитка,/ и птица, взмах крыльев которой легок, как вздох, / и червь дождевой». Глагольные метонимии “glister” и “soft-sigh”, образован-

ные в результате конверсии существительных, свойственны английскому языку и принципиально отсутствуют в русском, чем вызывают определенные трудности при переводе. В нашем примере компенсация образности, создаваемой этими метонимиями, производится при помощи экспрессивного эпитета и образного сравнения.

Компенсация может быть связана не только с заменами реалий и трансформацией образности, но и с изменением самих концептуальных структур оригинала, с переносом когнитивных и интерпретационных стратегий своей лингвокультуры на чужую и наоборот. Тем самым предполагается иная интерпретация произведения, в переводе появляются иной подтекст и выводы. Упомянутый выше представитель культурологического направления в переводоведении А. Лефевр отмечает распространенность «адаптации оригинала к конкретной идеологии или поэтике иноязычной аудитории». При этом идеология в теории А. Лефевра получает тройственное выражение: как идеологическая установка самого переводчика, которая выражается в элементе субъективности при восприятии оригинала; как идеология власти, которая реализуется в требованиях цензуры; как идеология целевой читательской аудитории, которая предопределяется идеологией власти и всем социокультурным контекстом эпохи (цит. по: [4], см. также [17]).

Например, в цитированном выше романе Дж. Брэйна «Место наверху» герой, с презрением описывая внешность молодого человека «из низов», говорит, в частности, что у него “the face behind the requests on Forces Favourites”, т.е. «лицо человека, который посылает заявки для исполнения по радио в концерте для военнослужащих». Как поясняет В. Н. Комиссаров, подобная ситуация вряд ли будет воспринята читателем русского перевода как уничижительная характеристика. Поэтому переводчики (Т. Кудрявцева и Т. Озерская) предпочли установить эквивалентность с совершенно иной ситуацией: «такие лица видишь на плакатах...» [3].

В качестве примера целостного концептуального переноса (т. е. переноса на уровне текста) можно привести перевод В. Н. Топоровым второй части триптиха У. Х. Одена “In Memoiry of W.B. Yeats”, в котором появляются перефразированные образы, не вписывающиеся в концептуальную программу оригинала и в концептосферу Одена в целом [4]. На культурно-концептуальном уровне наиболее бросается в

глаза актуализация концепта РОДИНА, характерного для русского менталитета: «*отчие места*», «*державна*», «*державный рот*» – вместо нейтрального *country* в оригинале. По мнению автора вышеуказанной статьи, результатом введения в перевод подобного культурологически и эмоционально нагруженного символического концепта становится «концептуальная дисгармония двух текстов». В этом же переводе, наряду с этноконцептуальным переносом отмечаются стилистические и идеологические замены: вместо нейтрального «Ирландия» использовано архаично-возвышенное «Эйре»; вместо строк “executives / would never want to tamper” – строки «где никто из главных / Главы не преклонит», что отражает замещение ирландской колониальной реалии «чиновники, заместники» имперской реалией «главы», а также замещение прагматики нежелания прагматикой невозможности и т. п. Можно сказать, что все аспекты упомянутого выше переноса: концептуальный, стилистический, идеологический – влекут за собой значительную трансформацию глубинных структур оригинала.

В качестве еще одного примера целостной адаптации **возьмем фрагмент перевода песни** Джонни Кэша “Man in Black”: “But ‘til we start to make a move to make a few things right, / You’ll never see me wear a suit of white. / Ah, I’d love to wear a rainbow every day, / And tell the world that everything’s OK, / But I’ll try to carry off a little darkness on my back, / ‘Till things are brighter, I’m the Man In Black. (Дж. Кэш) – «О, если бы всё это было так / Я напялил бы малиновый пиджак / Я сел бы в Кадиллак оттенка кофе с молоком / И песни пел, как мил мне отчий дом. / Я б не таскал в кармане динамит, / Но никто не застрахован от обид. / И нынче ты на воле, а завтра сел в тюрьму / И я черного прикида не сниму» (перевод исполнителя песни Дж. Кэша).

В приведенном переводе ключевые образы оригинала существенно меняются, вводятся элементы инокультурного колорита и гротеска. Утрачен центральный посыл оригинала: социальный подтекст песни в интерпретации переводчика сглаживается, сознательной протест героя превращается в иррациональный бунт. Думается, что мотивацией переводчика в данном случае явилось желание приблизиться через текст к читателю (действительно, текст в переводе стал звучать более фамильярно, даже панибратски) и выразить в переводе свое понимание реальности. Как и в предыдущих

случаях, данный перевод являет пример концептуальной адаптации, однако здесь мы наблюдаем явно непропорциональные трансформации прагматики и глубинных смыслов оригинала, искажающие восприятие.

Вторая оппозиция: осознанный vs бессознательный ЛП

Перенос может осознаваться переводчиком в контексте его пресуппозиций, фоновых знаний и направляться общими стратегиями «сглаживания» текста, а также специфическими интенциями переводчика, определяемыми его сверхзадачей. Ряд типичных стратегий «сглаживания» и интенций переводчика обозначен А. Берманом [15].

Результатом осознанного лингвокультурного переноса при переводе является преднамеренная адаптация, когда единицы текста, не имеющие эквивалентов в лингвокультуре перевода, компенсируются соответствиями ПЯ (квази-эквивалентами) с неизбежной трансформацией смыслов. Однако зачастую лингвокультурный перенос является неосознанным и обуславливает непреднамеренную адаптацию, влекущую за собой неадекватность перевода.

Рассмотрим на нескольких примерах непреднамеренную подмену глубинных концептуальных структур оригинала. Оговоримся, что мы считаем приведенные ниже примеры явлениями неосознанного лингвокультурного переноса, поскольку переводчики текстов являются профессионалами, отражающими сложившийся в новое время переводческий канон сочетания мастерства с высокой точностью передачи смысла и формы, а также постольку, поскольку не заявлена и не очевидна иная переводческая задача (сверхзадача), чем просто передать структуру, содержание и прагматику оригиналов.

Прежде всего приведем классический пример перевода, приводящего к изменению концептуально-интерпретативных структур оригинала: это сюжет Гейне о сосне и пальме в изложении Лермонтова. Как пишет литературовед И. С. Чистова, «Лермонтов не принял во внимание существенных для Гейне грамматических родовых различий: в немецком языке «сосна» – мужского рода, «пальма» – женского. Поэтому стихотворение Лермонтова написано не о разлуке влюбленных, как у Гейне, а о трагедии одиночества, непреодолимой разобщенности людей». Это один из тех случаев, когда грамматика, точнее грамматический род, существенно видоизменяет глубинные

структуры оригинала. И, по всей видимости, это один из случаев именно непреднамеренной адаптации, в основе которой изначально лежал бессознательный перенос образа сосны из русской лингвокультуры на немецкий оригинал при его восприятии.

В качестве еще одного примера неосознанного лингвокультурного переноса можно привести трансформацию образа Йоссариана, героя романа «Уловка-22» Джозефа Хеллера (трусливого члена экипажа бомбардировщика времен Второй Мировой войны), произведенную переводчиками М. Виленским и В. Титовым. Переводчики усилили негативные и экспрессивные коннотации, относящиеся к описанию героя, и снизили сам стиль этого описания, добавив просторечную идиоматику: «злой» взгляд вместо «внимательного», «окончательно потерял мужество» вместо «ему изменило хладнокровие» (“lost his nerve”), «душа ушла в пятки», «в ужасе взмолился» там, где в подлиннике «ему стало не по себе» (“was unnerved”), «он почувствовал, как к сердцу подступает страх» – “in incipient panic”, «спасать свою шкуру» всякий раз, когда речь идет о борьбе за жизнь. Причины искажения образа – в его субъективной оценке, обусловленной лингвокультурным переносом: подсознательным осуждением малейшей трусости во время войны, и, в целом, восприятием борьбы с фашизмом как героического дела, соответственно, вынесением резкой моральной оценки всему тому, что из этой концепции выбивается. Как отмечает М. Лорие, «Йоссариан отнюдь не положительный герой. Он напивается и буянит и развратничает не хуже других, когда попадает по увольнительной в Рим, а то и у себя на базе. Он не исполнен высоких патриотических чувств и благородных мыслей о необходимости избавить мир от фашизма. Но, думается, нельзя судить его нашими мерками. <...> Роман Хеллера – подлинная хрестоматия, в которой, пусть с гротескными преувеличениями, показано, чего ищут на войне американские генералы и полковники, как безграничная власть, которой наделяет их армейская субординация, будит в них худшие инстинкты – стяжательство, жестокость. И вот перед нами герой, которому очень не хочется умирать на этой «гнусной и грязной войне» (<...> это определение войны в восприятии Йоссариана в переводе исчезло)» [5].

Следующий пример касается не перевода, но научной филологической статьи, в которой автор интерпретирует постмодернистский ро-

ман М. Каннингема «Часы», повествующий об одном дне трех женщин разных эпох и стран, связанных с романом В. Вульф «Миссис Дэллоуэй». Автор комментирует: «каждая из женщин понимает, что мир полон не только радости и неисчерпаемых возможностей, но лжи, страдания и зла». Такого рода интерпретацию, несмотря на присутствие трагических мотивов в романе – три сюжета так или иначе связаны со страданием и смертью, можно безусловно назвать лингвокультурным переносом, видением морального и экзистенциального смысла там, где его не предполагалось автором. Такой перенос стал, вероятно, возможен как в связи с иной традицией изображения действительности, принятой в отечественной литературе (признано, что действительность интерпретируется в ней более глубоко в социальном, этическом и духовном аспектах), так и по аналогии с упомянутым в романе реалистическим произведением «Анна Каренина» Льва Толстого.

Подобных примеров искажений при переводе и литературно-критической интерпретации англоязычной художественной литературы встречается много. Впрочем, не меньше их наблюдается при переводе русской литературы англоязычными переводчиками. Как отмечает английский филолог и переводчик Роналд Хингли, бездумный язык переводческих штампов, «translationese», который так часто использовался в переводе русской литературы, придает ей особый, какой-то «рыхлый» стиль, не имеющий никакого отношения к оригинальным русским текстам ([16], цит. по:[20. P. 4]). Примеры этого явления хорошо продемонстрированы в переводоведческих работах К. И. Чуковского [10 и др.].

Третья оппозиция: перенос глубинных структур лингвокультуры vs перенос поверхностных структур языка при переводе

С одной стороны, существует перенос глубинных структур – т. е. реалий, образов, концептуальных структур – принимающей культуры на переводимый текст, обуславливающий лингвокультурную адаптацию. С другой стороны, есть перенос поверхностных структур при переводе, обуславливающий языковую адаптацию текста. Поскольку практически все вышеприведенные примеры иллюстрируют содержательно-смысловой перенос, здесь мы остановимся на переносе поверхностных структур ИЯ или ПЯ на переводимый текст.

Следует отметить, что в целом, можно выделить две стратегии перевода: доместикацию

оригинала и форенизацию перевода (терминология Л. Венути) [20]. Доместикация предполагает этноцентрическое уподобление иностранного текста языковым нормам языка перевода, образно говоря, «приглашение автора-иностранца в родную языковую культуру», форенизация же – преднамеренное отклонение от этих норм с тем, чтобы зафиксировать необычность, «отличие» иностранного текста, образно говоря, «отправка читателя за границу». В первом случае принимается прозрачный, удобочитаемый стиль, позволяющий минимизировать странность иностранного текста для читателей языка перевода, во втором – конвенциональные нормы ПЯ сознательно нарушаются, сохраняя ощущение иностранного происхождения оригинала [18. Р. 59].

В истории перевода доместикация преобладала примерно до середины XX в., она часто проявлялась в стилизации к родной культуре – «целостной компенсации», подстраивании формы оригинала под родную словесность. Если рассматривать изменения в переводческой практике в России, то можно видеть, что в переводах XIX и даже XX в. такая стилизация была весьма распространена, о чем свидетельствуют, в частности, некоторые переводы, в которых текст оригинала подвергался полной русификации. Как крайнее проявление такого подхода, можно привести приписываемый Осипу Ивановичу Сенковскому перевод баллады Р. Бернса «Джон Ячменное Зерно»: «Были три царя на Востоке, / Три царя сильных и великих, / Поклялись они, бусурманы, / Известь Ивана Ерофеича Хлебное зернышко...» (There was three kings into the east, / Three kings both great and high, / And they haе sworn a solemn oath / John Barleycorn should die). Как отмечает А. Д. Швейцер, переданное ритмизованной прозой в духе русской народной былины, включающее стилизованное имя, а также элементы русского просторечия (бусурманы, известь), это произведение может расцениваться как стилизованное переложение [11].

Если до XX в. бытовала традиция стилизации переводного текста, стремление добиться такого его звучания, как если бы он был создан в принимающей лингвокультуре, то в советское время основным правилом стало переводить с максимальной точностью, сохранением «инокультурного» колорита и одновременно – с русскоязычной лингвокультурной стилизацией. Это требование обозначено классиками теории и практики переводоведения:

Ю. М. Лотманом, Е. Г. Эткингом, М. Л. Гаспаровым, А. Б. Федоровым, А. Д. Швейцером и другими. Лаконично и емко выразил эту мысль М. Л. Гаспаров: перевод должен вписываться в стилистическую перспективу родной словесности.

В XXI в., с отходом от канонов классического переводоведения и депрофессионализацией перевода, использование компенсации и адаптации как переводческих приемов сократилось, но заметно увеличился процент калькирования, транскрибирования, транслитерации, т. е. тенденция форенизации англо-русского перевода возобладала над доместикацией. Эта тенденция отражает общемировое доминирование английского языка, растущее сближение англоязычных оригиналов и их переводов на иностранные языки, унификацию (вестернизацию) языков и культур.

При этом, при преобладании англоязычных глубинных структур, поверхностные структуры текста могут быть как форенизированы (англизированы), так и доместицированы (русифицированы). В качестве примера англизированной стилизации возьмем дублирование кинофильмов. Наиболее ярким представителем калькирования, т. е. дословного воспроизведения текстов фильмов является Дмитрий Пучков (Гоблин). Его «серьезные» (не пародийные) переводы отличаются максимальной аутентичностью, реплики героев в переводах соответствуют по смыслу и экспрессии оригинальным репликам, включая нецензурные выражения. Некоторые переводчики критикуют Д. Пучкова за достоверную вплоть до буквальности неэвфемизированную передачу англоязычных оригиналов, за отсутствие сглаженности, за окказионализмы. Сам Пучков в ответ указывает на неточность, неаутентичность официальных дублированных версий.

В качестве русифицированной стилизации поверхностных структур, приведем новый, 2008 г., перевод романа “The Catcher in the Rye” Дж. Сэлинджера, выполненный М. Немцовым («Ловец на хлебном поле»). Переводчик стилизует речь американского подростка 1950-х гг. под речь современного русского подростка: «...сидел в своей, нафиг, берлоге...», «Возле меня пацанчик стоял...», «Вот путевая фигня с каруселями...», «И глядит на меня при этом как-то уматно...». Для сравнения можно привести отрывок этого перевода и старого перевода Р. Райт-Ковалевой. М. Немцов: «Я глянул на Фиби, только она такая не засмеялась.

Сами знаете же, как малявки злиться могут. Ни смеются, ничего», Р. Райт-Ковалева: «Я посмотрел на Фиби, но она даже не засмеялась. Знаете, как ребята обижаются. Они даже смеяться не станут, ни в какую». Оригинал: “I looked at old Phoebe, but she wouldn’t laugh. You know kids when they’re sore at you. They won’t laugh or anything...”. Новейший перевод, рекламируемый рядом литературных изданий, подвергся критике литературоведов и переводчиков, так, В. Н. Топоров назвал его «актом литературного вандализма», «покушением на убийство». Действительно, советские переводчики (в данном случае, Р. Райт-Ковалева) часто облагораживали оригинал, акцентируя его психологическое и социальное звучание, задевая в читателе тонкие душевные струны. Зачастую перевод превращался в самостоятельное и самоценное произведение (по меткому выражению С. Довлатова, «Курт Воннегут страшно проигрывает в оригинале»). Поэтому, как пишет А. Борисенко, «новый перевод плох по определению уже тем, что «замахнулся на святое», на «священную корову канонического перевода». Но только ли в этом, т. е. в наличии «канонического перевода» причина частого неприятия таких переводов?

Следует признать, что переводы Д. Пучкова и М. Немцова в большей степени соответствуют форме оригиналов, их поверхностным структурам. Однако есть одно обстоятельство, делающее восприятие таких переводов затруднительным. Дело в том, что под влиянием массовой культуры: поп-музыки, литературных поделок и голливудской продукции – в западном менталитете выработалось достаточно терпимое отношение к фразам и образам сниженного стиля, тогда как в русской культурной традиции порог терпимости к ним все еще достаточно низок. С этим связано распространенное правило нейтрализовать сниженную и обценную лексику, жаргон, грубые шутки при переводе, цензурировать особо неприличные эпизоды и т. п. Однако тогда возникает другая проблема: эвфемистический перевод не передает специфику чужой речи и существенно модифицирует образ реальности (вспомним, каким лиричным и рефлексивным становится Холден Колфилд в переводе Райт-Ковалевой). Поэтому кредо таких неординарных переводчиков, как Д. Пучков, не эвфемизировать сниженную лексику при переводе можно понять. Такой подход, несомненно, будет в большей степени способствовать донесению иностранной культуры до зрителя, чем «канонический» перевод.

Другое дело, если такие переводы станут общепринятыми, они неизбежно повлияют и на русскую традицию использования обценной лексики. Вместо исключительного, маркированного использования, она станет звучать повсеместно. Процесс этот и так идет высокими темпами, и, на наш взгляд, не стоит усугублять его, отказываясь от модерации текстов зарубежных фильмов и текстов, заполонивших наше лингвокультурное пространство.

Лингвокультурный перенос может быть связан не только с намеренной форенизацией или доместикацией, но и со случайными ошибками чрезмерной адаптации и буквализма, вызванными интерференцией поверхностных структур ИЯ и ПЯ при переводе. Например, у начинающих переводчиков лингвокультурный перенос РЯ > ИЯ часто приводит к чрезмерному усложнению конструкций, пояснительному многословию. Например, фраза “What do they want to see me about?” вместо короткого «Зачем я им понадобился?» переводится как «Что они хотят – увидеть и убедиться, что у меня всё в порядке?». С другой стороны, неосознанный лингвокультурный перенос ИЯ > РЯ может приводить к буквализму, например, «Следует абсолютно избегать техники держать постоянно нажатой эту педаль», «Эта болезнь может быть излечена и большинство людей выздоравливают быстро» (вместо «Болезнь излечима, улучшение обычно наступает быстро»).

Буквализм, сплошное калькирование благодаря лингвокультурному переносу ИЯ > РЯ в настоящее время встречается в переводах с английского языка текстов всех письменных стилей, что делает эти переводы форенизированными. Но особенно заметно «нерусское звучание» переводов художественной и публицистической прозы. В отличие от русского языка, соответствующим стилям в английском языке свойственны сжатый синтаксис, имплицитный подчинительные связи и обеспечивающий смысловую емкость, меньшая экспрессивность и образность, другая сочетаемость и частотность слов. Все это часто не учитывается переводчиками, и английский текст переносится прямым калькированием в русские переводы. Возьмем фрагменты непрофессионального перевода сиквела Джоан Роулинг о Гарри Поттере: «Сама погода была в упадке», «Премьер-министр стоял неподвижно и понимал, что, пока он жив, ни одна живая душа не узнает об этом случае, потому что никто во всём мире ни за что ему не поверит», «Маленький чело-

вечек в обычной черной мантии встал со стула и подошел к телу Дамблдора. Он не слышал, что он говорил. Станные слова доходили к ним через сотни голов: «Благодородство духа... умственный вклад... величество сердца»... это все ничего не значило. Это мало относилось к Дамблдору, которого знал Гарри».

Интерференция поверхностных структур встречается не только у переводчиков-любителей, но и у профессионалов. Ю. Я. Яхнина в статье «Три Камю» показывает, что три перевода «Постороннего» Камю, выполненные Георгием Адамовичем, Норой Галь и Наталией Немчиновой, воспринимаются как совершенно разные произведения. Но если у двух переводчиц это объясняется разницей понимания их прагматической «сверхзадачи», отличием восприятия героя и индивидуального идиостиля, то в случае Георгия Адамовича она объясняется, скорее, интерференцией поверхностных структур французского оригинала: известный поэт и переводчик большую часть жизни прожил за рубежом.

Пример выхолащивания образности и нейтрализации стиля в результате переноса АЯ > РЯ обнаруживается в переводе Б. Г. Герни гоголевского «Ревизора». К. И. Чуковский комментирует этот факт так: «мистер Герни лишает их (эти фразы) всякого подобия крылатости. <...> Мудрено ли, что, читая такой перевод, иностранцы при всем желании не могут понять, почему же русские люди считают этого унылого автора одним из величайших юмористов, какие только существовали в России, почему <...> «Ревизор» воспринимается нами не как исторический памятник, а как живое произведение искусства» [10]. Игнорирование стилового разнообразия русского языка и неадекватную передачу идиоматичности, эмоциональности текста довольно часто можно наблюдать в англоязычных переводах.

Четвертая оппозиция. Социальный статус языков оригинала и перевода, доминантный и второстепенный коды

Мы считаем важным включить в наше описание и четвертую оппозицию – социальный статус языков оригинала и перевода, их лингвокультур в целом, поскольку статус во многом определяет направление лингвокультурного переноса и адаптации. Согласно нашей гипотезе, в настоящее время при переводе наблюдается тенденция к предпочтению актуализации глубинных (и часто поверхностных) структур англоязычной культуры вне зависимости

от направления перевода: АЯ > РЯ или РЯ > АЯ. Это объясняется восприятием английского языка как более статусного по сравнению с русским языком, а также доминантным статусом англоязычной лингвокультуры в мире в целом.

Поясним механизм упомянутого переноса. При переводе с английского языка (доминантного кода) на русский язык адаптация имеет тенденцию происходить по линии облагораживания («улучшения») и, часто, усложнения глубинных структур оригинала, т. е. в попытке приспособить текст к культурно-историческому и пространственно-временному контексту русскоязычного реципиента происходит замена более простых глубинных структур оригинала более сложными. Что касается поверхностных структур, то при переводе АЯ > РЯ могут быть варианты: либо преобладает форенизация (англизация) переводного текста, либо производится его частичная доместикация (русификация), хотя тенденция к форенизации, когда читатель помещается в иноязычную культуру, преобладает, особенно в публицистических и научных текстах. При переводе с русского языка на английский, который воспринимается как доминантный код, основной стратегией становится адаптация по линии упрощения, глубинные структуры оригинала доносятся в доступной форме, содержание и смыслы приспособляются к глубинным структурам реципиентов. Поверхностные структуры русского языка также адаптируются к нормам английского языка, во всяком случае, такой перевод считается более правильным; таким образом, и в случае перевода РЯ > АЯ стандартом является форенизация (англизация) переводного текста, но на этот раз уже текст и его автор помещаются в иноязычную культуру.

Приведем несколько примеров. Переводчик порой достаточно вольно обходится с культурными реалиями родного языка, интерпретирует текст оригинала, пытаясь воссоздать его глубинные структуры при помощи модификаций, которые, с его точки зрения, максимально адекватно описывают ситуацию «глазами иностранца». Например, переводчик может начать щеголять своим знанием идиоматики, что производит эффект утрирования, гиперболизации и часто вводит в заблуждение реципиентов. Надо помнить, что любые культурно маркированные единицы, включая идиомы, очень релятивны: они часто сохраняют свою внутреннюю

форму, имеют определенный узус употребления, наполнены закрепившимися в культуре коннотациями, тянут за собой ассоциативный шлейф, привязаны к определенному месту и времени.

Именно поэтому перевод фраз с использованием иноязычной идиоматики порой вызывает возражение стилистов. Так, в передаче Би-би-си, посвященной идиоматике, разбирался перевод фразы, сделанной носителем японского языка, смысл которой заключается в том, что экономическое положение в Японии остается довольно тяжелым: “The Japanese economy is still hamstrung”. Как отмечалось в передаче, такой перевод может вызывать некоторый когнитивный сбой у реципиентов. Слово *hamstrung* (*hamstring* – «калечить; подрезать поджилки») является слишком экспрессивным и негативно-оценочным, к тому же оно подразумевает намеренные действия по ослаблению, лишению дееспособности.

Та же тактика часто рекомендуется русской школой переводоведения: чем меньше текст загружен фразеологизмами и чем точнее подобрано нейтральное слово, тем легче и естественнее перевод будет восприниматься носителями языка. Так, в качестве лучшего перевода идиомы «довести до ручки» во фразе «спортивный комплекс «Мои» назван в честь того самого диктатора, чуть не доведшего страну до ручки...» был рекомендован вариант “nearly ruined the country”, а не варианты “plagued the life out of the country”, “took the country down the drain”, “ran the country into the ground” или “nearly screwed up the whole country”.

Лингвокультурный перенос, приводящий к подмене реалий, нередко вызывает нежелательный комический эффект. Достаточно нелепо, на наш взгляд, звучат образцы лингвокультурного переноса при переводе несовпадающих по содержанию реалий с русского на английский язык в таких случаях как: преподавание, образование – “training” или “instruction” (ср. переведенные на американский манер фразы типа “Our university provides excellent instruction in...”); аналогично воспринимается перевод университетских званий и степеней: старший преподаватель, доцент – senior instructor. Возьмем пример из книги Линн Виссон с разбором типичного перевода этого примера на английский: «... высшее образование было у 8 тысяч, из них – 42 кандидата и 11 докторов наук. / 8,000 had higher education and those included 42 candi-

dates of science and 11 people with doctorates». Как полагает автор, данный перевод ведет к коммуникативной неудаче: иностранные слушатели, не знакомые с российской системой образования, многое не поймут в сообщаемой информации. В условиях отсутствия точных эквивалентов автор предлагает прибегнуть к культурной адаптации: “42 people with the equivalent of a Ph.D and 11 with advanced degrees”. Однако, вероятно, более точным и оптимальным был бы перевод, сохраняющий и русские реалии, и английские пояснения: “8,000 had higher education and those included 42 candidates of science, that is, the equivalent of a Ph.D, and 11 people with doctorates, that is, with advanced degrees”.

В заключение отметим, что проблема лингвокультурного переноса теснейшим образом связана с глобализацией, и, в определенной степени, со стандартизацией и унификацией лингвокультур. И хотя в таких условиях создаются предпосылки для обогащения всех языков, в реальности ситуация иная: в связи с распространением и доминированием англоязычной культуры в мире английский язык воспринимается как доминантный код, а другие языки – как второстепенные. При переводе и других видах межкультурной коммуникации глубинные и поверхностные структуры доминантного языка преобладают и вытесняют соответствующие структуры подчиненных языков. Это может привести к упадку национальных языков и их постепенному забвению. Поэтому ради сохранения баланса, на наш взгляд, в переводе с национальных языков не надо препятствовать лингвокультурному переносу, когда реалии и языковые структуры национальных языков и культур переносятся на переводимый текст, а через тексты – и на сам английский язык как язык международного общения.

Список литературы

1. Бархударов, Л. С. О поверхностной и глубинной структуре предложения // *Вопр. языкознания*. 1973. № 3. С. 50–61.
2. Борисенко, А. Сэлинджер начинает и выигрывает [Электронный дискурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/7/bo16.html>.
3. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990. 253 с.
4. Леонтьева, К. И. Верность интерпретации vs. «нейтрализация» при переводе поэзии

[Электронный дискурс]. URL: <http://rgf.tversu.ru/node/642>.

5. Лорие, М. Ф. Уловки переводчиков // Мастерство перевода. Вып. 7. М., 1970. 542 с.

6. Марковина, И. Ю. Культура и текст. Введение в лакунологию / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. М., 2010. 144 с.

7. Марова, Н. Д. Диалоги о перспективе текста (на материале немецкоязычных художественных текстов). Алма-Ата, 1989. 84 с.

8. Сорокин, Ю. А. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лагун: Методологические и методические аспекты / Ю. А. Сорокин, И. Ю. Марковина // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калинин, 1983. С. 35–52.

9. Текст как явление культуры / Г. А. Антипов, О. А. Донских, И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. Новосибирск, 1989. 197 с.

10. Чуковский, К. И. Высокое искусство. Принципы художественного перевода. СПб., 2008. 442 с.

11. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988. 342 с.

12. Юнг, К. Г. К вопросу об изучении психологических типов [Электронный дискурс]. URL: <http://www.yourdreams.ru/biblio/pages/carl-gustav-jung-spt-1.php>.

13. Яхнина, Ю. Я. Каждый перевод – интерпретация [Электронный дискурс]. URL: http://www.langinfo.ru/index.php?sect_id=1540.

14. Яхнина, Ю. Я. Три Камю [Электронный дискурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/noragal/yahnina.html>.

15. Berman, A. Translation and the Trials of the Foreign // The Translation Studies Reader. Routledge, 2000. P. 284–297.

16. Hingley, R. (ed. and trans.) The Oxford Chekhov. Vol. III. London ; New York, 1964. 174 p.

17. Lefevere, A. Translation: Its Genealogy in the West // Susan Bassnett and André Lefevere (eds.) Translation, History and Culture. London ; New York, 1990. P. 14–28.

18. Shuttleworth, M. Dictionary of Translation Studies / M. Shuttleworth, M. Cowie. Manchester, UK, 1997. 233 p.

19. Stangй-Zhironova, N. Different Types of Language Transfer: The Case of Russian Immigrants in Francophone Belgium // Meeting of the American Association of Teachers of Slavic and East European Languages (December 1996, Washington). Linguistic Abstracts. P. 39–40.

20. Venuti, L. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London ; New York, 1995. 353 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОГО ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИИ, ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Я. А. Бохан

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС» В ТЕКСТАХ КИТАЙСКИХ СМИ

Статья посвящена особенностям осмысления и языковой репрезентации концепта «экономический кризис» в текстах китайских СМИ. Анализ ведется с опорой на материалы авторитетных китайских новостных изданий.

Ключевые слова: *экономический кризис, концепт, фрейм, текст СМИ.*

Постоянно меняющаяся экономическая ситуация, динамика процессов, напрямую или опосредованно оказывающих влияние на повседневную жизнь людей, включая их покупательную способность, приоритеты при распределении бюджета и т. д., обуславливают стабильно высокий уровень интереса ко всему, что связано с понятиями *экономика* и *экономическая ситуация*. Особо значимыми эти вопросы становятся в периоды, когда экономика страны, региона или мира переживает кризис.

Мировой финансовый кризис, начавшийся в 2008 г., возвел вопросы экономики в ранг самых обсуждаемых и злободневных. Можно с уверенностью сказать, что концепт «экономический кризис» является в настоящее время значимым как в экономической, так и в социально-политической сфере, в связи с чем он получает разнообразную репрезентацию в средствах массовой информации.

По утверждению Е. С. Кубряковой, *концепт* служит «объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека», он выступает оперативной содержательной единицей «памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [7. С. 35]. Существуют и другие определения данного понятия. В целом, различия в трактовке концепта обусловлены дисциплинарными различиями или принадлежностью исследователей к разным направлениям внутри одной отрасли науки. Ученые, разделяющие лингвокультурологический или лингвоконцептологический подход, подразумевают под концептом исключительно абстрактные ментальные сущности, значимые

для национальной культуры. Следовательно, количество таких концептов ограничено. По мнению лингвистов-когнитологов, концепты могут обладать различной степенью сложности, получают многообразную и многоуровневую объективацию в языке и их количество беспредельно [5. С. 28]. Ежедневно в нашем сознании происходят изменения: формируются новые концепты, меняется содержание существующих концептов – оно дополняется, расширяется, модифицируется, сужается.

Динамика концептуального содержания наглядно проявляется в функционировании концепта *экономический кризис*, который в китайском языке репрезентируется словосочетанием *经济危机*. Для исследования данного концепта нами выбран фреймовый анализ. Фрейм принято считать универсальным форматом знания, который структурирует разнообразный опыт человека и представляет его в некоей упорядоченной форме.

Существует несколько подходов к пониманию фрейма. Современные лингвисты трактуют его как:

- единицу знаний, организованную вокруг некоего концепта, содержащую данные о существенном, типичном и возможном для него в рамках определенной культуры [6. С. 16];
- объемный, многокомпонентный концепт, который представляет собой «пакет» информации о стереотипной ситуации [1. С. 37];
- средство организации, инструмент познания, некую внутреннюю когнитивную информацию [9. С. 98].

Различия в трактовках не исключают наличия общих характеристик этого понятия: фрейм объединяет комплекс знаний о ситуации или объекте. Структуру фрейма составляют вершина и слоты; вершинные узлы фрейма

выражают то общее, что справедливо и верно для любой ситуации, слоты же представлены частными характеристиками. Фрейм, таким образом, являет собой иерархически организованную систему знаний о предмете или явлении.

Прежде чем обратиться к медиатекстам, реконструируем содержание рассматриваемого концепта по лексикографическим данным.

Согласно определению энциклопедического словаря, **экономический кризис** – это нарушение в ходе развития экономики, которое проявляется в абсолютном падении производства, недогрузке производственных мощностей, росте безработицы, нарушениях в денежно-кредитной и валютно-финансовой сферах и др. [3. С. 1224].

Специализированный словарь-справочник экономики и права предлагает следующее определение: «**экономический кризис** (греч. *krisis* – поворотный пункт) – резкое ухудшение экономического состояния страны, проявляющееся в значительном спаде производства, нарушении сложившихся производственных связей, банкротстве предприятий, росте безработицы, и в итоге – в снижении жизненного уровня, благосостояния населения» [8. С. 988].

«Внешнеэкономический толковый словарь» трактует **экономический кризис** как состояние экономики, характеризующееся падением производства в основных отраслях промышленности и общей деловой активности, в обычных условиях падением цен на товары и акции, ростом безработицы, снижением заработной платы и других показателей, определяющих жизненный уровень населения. По мнению авторов словаря, экономический кризис – это характерное явление для рыночной экономики, повторяющееся с определенной периодичностью [4. С. 370].

В «Большом бухгалтерском словаре» дается следующее толкование: **экономический кризис** – одна из фаз (кризис, депрессия, оживление, подъем) цикла производства, проявляющаяся в резком спаде объемов производства в результате перепроизводства товаров по сравнению с платежеспособностью. Он носит временный характер и периодически повторяется [2. С. 496].

Приведем также трактовку понятия «экономический кризис», представленную в китайской электронной энциклопедии МВА, поскольку толковые словари КНР не дают его дефиниции.

Экономический кризис – это явление, характеризующееся падением производства в основных отраслях промышленности и общей деловой активности, в обычных условиях падением цен на товары и акции, ростом безработицы, снижением заработной платы и других показателей, определяющих жизненный уровень населения. По мнению авторов словаря, экономический кризис – это характерное явление для рыночной экономики, повторяющееся с определенной периодичностью [4. С. 370].

Экономический кризис – это явление, характеризующееся падением производства в основных отраслях промышленности и общей деловой активности, в обычных условиях падением цен на товары и акции, ростом безработицы, снижением заработной платы и других показателей, определяющих жизненный уровень населения. По мнению авторов словаря, экономический кризис – это характерное явление для рыночной экономики, повторяющееся с определенной периодичностью [4. С. 370].

Экономический кризис – это явление, характеризующееся падением производства в основных отраслях промышленности и общей деловой активности, в обычных условиях падением цен на товары и акции, ростом безработицы, снижением заработной платы и других показателей, определяющих жизненный уровень населения. По мнению авторов словаря, экономический кризис – это характерное явление для рыночной экономики, повторяющееся с определенной периодичностью [4. С. 370].

Экономический кризис – это явление, характеризующееся падением производства в основных отраслях промышленности и общей деловой активности, в обычных условиях падением цен на товары и акции, ростом безработицы, снижением заработной платы и других показателей, определяющих жизненный уровень населения. По мнению авторов словаря, экономический кризис – это характерное явление для рыночной экономики, повторяющееся с определенной периодичностью [4. С. 370].

Исходя из содержания приведенных определений, можно выделить набор признаков концепта «экономический кризис»:

- 1) продолжительный и периодически повторяющийся этап в развитии экономики;
- 2) проявляется в спаде объемов производства и деловой активности;
- 3) сопровождается ростом безработицы.

Ядро фрейма составляют такие характеристики, как *спад производства, безработица, девальвация*. Стоит отметить, однако, что в словарных дефинициях подчеркивается неизбежность, цикличность этого процесса, а также тот факт, что экономический кризис – это этап **развития** экономики.

Для того чтобы охарактеризовать слоты, или частные составляющие фрейма, обратимся к текстам СМИ. В нашем исследовании используются материалы электронных версий газеты *人民日报* («Жэньминь жибао»). Рассмотрению подлежат статьи как информационного, так и аналитического характера.

Анализ медийных текстов, освещающих проблему экономического кризиса, позволил выявить случаи вербальной и невербальной репрезентации содержания исследуемого концепта. Обратимся к примерам.

(1) 报告称经济危机和环境污染影响欧洲人健康。报告显示,在经济危机影响下,欧洲失业率与自杀率的相关性非常显著。另外不少家庭在看病保健等方面花费也有所减少,收入越少的家庭,因病死亡率越高。 – Доклад о влиянии экономического кризиса и загрязнения окружающей среды на здоровье европейцев. В докладе сообщается, что в условиях экономического кризиса становится очевидна взаимосвязь уровня самоубийств от уровня безработицы. Кроме того, многие семьи сокраща-

ют расходы на здравоохранение и медицинское обслуживание, и чем меньше доход семьи, тем выше смертность, вызванная заболеваниями.

В данном примере содержание концепта раскрывается при помощи таких лексических единиц, как *загрязнение окружающей среды, здоровье, уровень самоубийств*. В целом доминирует негативная оценка: экономический кризис не воспринимается автором как этап развития, перестройки экономики, что могло бы значительно снизить негативное влияние на реципиента. Наоборот, в тексте сознательно используются лексические единицы с отрицательной коннотацией – *безработица, самоубийства, болезни, смертность*. При этом статья представлена в форме доклада, что создает впечатление объективного описания ситуации, оперирования фактами, а не домыслами.

(2) *Экономический кризис в Европе. Какое будущее у европейского автомобильного рынка в условиях кризиса. Над Европой по-прежнему висит густой туман экономического кризиса, перспективы автомобильного рынка вызывают тревогу. Поэтому автопроизводителям стоит собраться с мыслями и, с одной стороны, интенсивнее заниматься разработкой и развитием новых технологий и моделей автомобилей, а с другой, ускорить темпы интернационализации и стремиться занять большую долю на рынке за пределами Европы.*

В приведенном примере наблюдается иная позиция автора по отношению к явлению, называемому экономическим кризисом. Здесь отсутствует негативная оценка, более того, автор, пусть и не явно, дает положительную оценку кризису как возможности совершенствовать производство, пересмотреть стратегию автопроизводителей и выйти на новые рынки. Отрицательная семантика базовых лексических единиц, вербализующих концепт, в данном случае нейтрализуется положительной семантикой контекста. Создается образ перспективы развития экономики, а не ее угасания.

(3) *Экономический кризис в Египте не прекращается, страна продолжает обращаться за международной по-*

мощью. Снижение иностранных инвестиций, а также резкое сокращение валютных резервов вынудило египетское правительство признать серьезность нынешней экономической ситуации. Правительство страны недавно определило новую экономическую политику в надежде на получение большей международной помощи.

В этом примере концепт вербализуется с помощью комплекса наименований, обозначающих меры для преодоления кризиса. *Новая экономическая политика и международная помощь* признаются основными средствами изменения ситуации, а субъектом называется *правительство страны*. Лексические единицы не отличаются оценочностью, преобладает нейтральная лексика, что характерно для статей информационного характера.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы о характере лексических единиц, используемых авторами для формирования у читателей представлений об экономическом кризисе. Следует отметить, что ввиду стабильной экономической ситуации в КНР большая часть лексических единиц, репрезентирующих слоты фрейма в современных текстах СМИ, не отличается явно выраженной оценочностью и экспрессивностью, однако в зависимости от цели сообщения подобные лексемы способны формировать как негативную, так и положительную реакцию реципиента. Таким образом, контекст оказывается важной составляющей когнитивного процесса трансляции и получения медийной информации.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика : курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2000. 123 с.
2. Большой бухгалтерский словарь / под ред. А. Н. Азрилияна. М., 1999. 574 с.
3. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. 2-е изд. М.; СПб., 2000. 1453 с.
4. Внешнеэкономический толковый словарь / под ред. И. П. Фаминского. М., 2001. 512 с.
5. Голованова, Е. И. Когнитивное терминоведение : учеб. пособие. Челябинск, 2008. 180 с.
6. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 312 с.
7. Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996. 245 с.

8. Кураков, Л. П. Экономика и право : словарь-справочник / Л. П. Кураков, В. Л. Кураков, А. Л. Кураков. М., 2004. 1072 с.

9. Харитончик, З. А. Способы концептуальной организации знаний. М., 1992. 98 с.

10. MBAlib [Электронный ресурс]. URL: <http://wiki.mbalib.com/wiki>.

11. Египет и экономический кризис Египет продолжает искать международной помощи // *Популярная экономика* [Электронный ресурс]. URL: <http://finance.people.com.cn/GB/n/2013/0304/c70846-20669366.html>.

12. 报告称经济危机和环境污染影响欧洲人健康 // *人民网* [Электронный ресурс]. URL: <http://world.people.com.cn/n/2013/0315/c57507-20796829.html>.

13. 经济危机中欧洲汽车市场路向何方 // *人民网* [Электронный ресурс]. URL: <http://auto.people.com.cn/GB/n/2013/0308/c153909-20719472.html>.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 51–55.

О. В. Боярская

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В СКОРОПИСНЫХ ДОКУМЕНТАХ-ОПИСАНИЯХ КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Рассматривается функционирование терминологической лексики в скорописных документах-описаниях Южного Урала, датируемых концом XVIII – первой половиной XIX в. Определяются тематические группы наименований, выявляются особенности их словообразования и грамматического оформления.

Ключевые слова: терминологическая лексика, скорописный документ-описание, русский язык XVIII–XIX вв.

В современной лингвистике **описание** определяется как функционально-смысловой тип речи (коммуникативно обусловленная типизированная разновидность монологической речи), «сущность которого сводится к выражению факта сосуществования предметов, их признаков в одно и то же время» [10. С. 267], или как «модель монологического сообщения в виде перечисления одновременных или постоянных признаков предмета в широком понимании» [2. С. 22].

В соответствии с такой трактовкой термина к документам-описаниям избранного периода, хранящимся в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), мы относим (Источники исследованы и транслитерированы при поддержке гранта ректората ФГБОУ ВПО «ЧГПУ» 2012 г., проект № УГ–19/12/МУ «Скорописные документы-описания конца XVIII – первой половины XIX в. Объединенного государственного архива Челябинской области (ОГАЧО)»):

1) документы со словом *описание* в самоназвании (*таксационное описание; описание къ проекту плана города Челябинь*, [4; 5; 6; 8; 9] и др.);

2) документы разных жанров, являющиеся описанием по функционально-смысловому и структурно-композиционному содержанию текста, но не имеющие слова *описание* в самоназвании (*полевые журналы землемеров, межевые книги* и др.).

3) документы разных жанров, блок основного содержания которых представляет собой перечень или список: *описи* [3; 7], *рописные списки, таксы* (товаров), *ведомости ценнымъ товарамъ* и др.

Это документы разных ведомств: заводские, межевые, судебные, таможенные. Они составлялись при проведении юридических процедур, финансово-экономических операций, хозяйственных мероприятий с описываемыми объектами в различных ситуациях.

Общая коммуникативная цель подобных документов – учет (констатация, фиксация) иму-

щества (объекта) на основе его качеств (признаков). Их содержанием является описание недвижимого (жилые, хозяйственные, промышленные строения, земельные участки) и/или движимого имущества (предметы быта, профессионально-трудовой деятельности, религиозного культа; скот) по определенным параметрам:

- структуре, составу, в т. ч. объему, размеру, материалу изготовления, способу обработки и крепления в целом для всего объекта и для его частей, взаимодействию частей;

- физическому состоянию в момент описания;

- стоимости.

Само описание помещается в блоке основного содержания формуляра документов в виде цикла описываемых единиц. Описываемой единицей может быть одно строение, один день в ходе межевания, земельный участок, предмет, животное. Цикл и образующие его описания объектов организованы по принципу «матрешки» (выделен В. М. Хамагановой в описаниях классической и современной художественной литературы [11. С. 17]), реже *опись* может представлять собой нерубрицированный список:

- описания жилых, хозяйственных строений (домов, амбаров, конюшен, сараев и др.) и промышленных объектов (доменных корпусов, мостов, плотин, фабрик, мукомолен и т. п.) содержат описания их ландшафтного расположения, особенностей конструкции, устройства, частей. При этом описания жилых строений могут включать описания предметов, находящихся в них, а описания промышленных объектов – их «действия»;

- межевые документы содержат описание земельных участков по дням межевых работ (направление движения землемера – направление межи, координаты, вид межи и межевых знаков, качество участка);

- в *описях* описания имущества помещаются списком, в рамках которого они группируются по родовидовому принципу на основе общего для каждой группы предметов признака, который называется именем существительным, прилагательным или словосочетанием (в примерах сохраняются орфография и пунктуация источников): *Хлебныхъ припасовъ <...>/ Одежныхъ разныхъ припасовъ... [7. Л. 3об–4], Разныхъ мелочныхъ припасовъ. / Топоровъ широкыхъ 1272 / Ускихъ дровосечныхъ 4945 / Куренныхъ железныхъ лопатокъ 1664 / керокъ 1099 / каиловъ 462 [7. Л. 5]* и др.

Объем и характер описаний варьируются в зависимости от жанра документа и экстралингвистических условий коммуникативной ситуации (сути дела, в рамках которого описываются объекты, количества последних, их качеств (особенностей) и значимости этих качеств (особенностей) в данной ситуации и т. п.).

Такие описания, и особенно описания объектов недвижимости, отражают в определенных аспектах уровень хозяйственно-промышленного развития Южного Урала, зафиксированный местными специалистами, что имеет не только историко-культурную, но и лингвистическую ценность. Полипараметрический подход к составлению описаний обусловил использование в них специальной лексики, называющей описываемые реалии, что в свою очередь позволило отразить профессиональную речь представителей некоторых сфер хозяйственной деятельности (промышленного производства, строительства, межевания). Так, описания заводских зданий и устройств дополняются описаниями всех строений, находящихся при заводах, в результате чего в одном документе содержатся описания и жилых строений, и хозяйственных, и промышленных. С этим связана высокая частотность употребления в документах наряду с общей научно-технической терминологией терминов строительного дела и металлургической промышленности. Таким образом, употребление терминологической лексики в исследуемом материале имеет ситуативно-коммуникативный характер.

В описаниях жилых и хозяйственных строений, заводских зданий и устройств активно используются специальные наименования, входящие в состав нескольких тематических групп:

- 1) части конструкции строения, промышленных устройств (*балюстры, запоры, сваи ; колпакъ, патрон, сопло, тяги, шатуны* и др.);

- 2) материалы (*бутовый камень, кровельный тесь, дранье* и др.);

- 3) способы, особенности соединения, крепления деталей (*подъ встѣй плотиной набить тынь; положены, привинчѣны, складень, ут-верждены* и др.);

- 4) действия и процессы (*станъ для рѣзки разныхъ сортовъ резнаго желѣза [9. Л. 67], для правки резнаго железа [там же Л. 68], тынь и понурные моста устроены для предохраненія плотины отъ подмытїя / воды [9. Л. 65об]* и др.).

В межевых описаниях наиболее частотны специальные номинации:

1) меж (живая, окружная, спорная межа и др.);

2) средств обозначения меж – межевых знаков и признаков (затеси, починной пунктъ, разногубернской мѣры межевая яма, столбъ, литеры и др.);

3) понятий, связанных с измерением (истинный меридианъ, магнитная стрелка, астроляби(i)ческо(i)й уголь);

4) качества участка – географических объектов – участков, угодий, урочищ (пашенная земля, чистой выгонъ, топкое болото, истокъ Аракульской и др.), почвы (положеніе холмистое, суглинистый и др.), растительного покрова (старшие насаждения, чистая береза, сметнишний лѣсъ, разных пород кустарникъ и др.).

С грамматических позиций терминологическая лексика представлена различными частями речи. Наиболее частотными являются существительные, прилагательные и причастия, чем обусловлено преобладание значений предметности, признака и процессуального состояния.

Среди терминов-существительных распространены отглагольные единицы, образованные с помощью суффиксов -к- (закалка, прокатка, проплавка), -ений- (дѣланіе, удержаніе, укрепленіе и др.), -л- (сушило, топило и др.).

В целом имена существительные чаще употребляются в документах-описаниях в сочетании с именами прилагательными, указывающими на видовую принадлежность объекта на основе следующих признаков:

– особенности конструкции, формы (зубчатые, однокружные, полукруглыя, перевесные колѣса, ме(ѣ)ха круглостаканные, цилиндрические и др.);

– функция, назначение (грузоприемные вѣса, рудовозные, тягальные колѣса, клинья крепительные, молотки рудобоинные, чашка полоскателная, плющилная фабрика, сверильный корпусъ и др.);

– способ изготовления, обработки (двѣколенный чугунный валъ, цементованная сталь и др.);

– положение в пространстве (продольные и поперечные брусья, лѣжачѣе колѣсо и др.);

– материал (чугунные валки, желѣзные со сталью зделанныя / прѣжины с дерѣвянными обручами, каменный, медный и др.), в т. ч. ткани (бумажный, тиковый, тафтяной и др.).

В кругу прилагательных преобладают отглагольные лексемы, среди которых выделяются единицы, образованные сложносуффиксальным способом. Сложные прилагательные обыч-

но восходят к словосочетаниям с беспредложным управлением (желѣзонагревательный, вододѣствующий, мукомолн(енн)ый и др.). Отдельную группу составляют лексемы, образованные сложением основ (наименования мастей: воронопегои, темнобухрой и др.).

Причастия в проанализированном материале употребляются в краткой и полной формах и имеют значение способа / характера обработки строительных материалов, деталей (вокруг оныхъ в низу / для прочности Укреплены нарочито отлитые / балюстреннымъ видомъ чугунные рамы [9. Л. 8об], по / размеру обделанной порогъ [5. Л. 6об] и т. п.). Краткие причастия прошедшего времени активно используются в качестве сказуемого (крыша покрыта, поврѣхности обиты тѣсомъ и т. п.). В межевых описаниях наряду с деепричастиями, субстантивными словосочетаниями в тв. п. они функционально выражают семантику движения в пространстве (доидено до дороги – идучи сими ромбами – ретким березовымъ лесомъ и т. п.).

Как в документах с самоназванием описания, так и в описях отмечается использование однокоренных терминов-существительных, прилагательных и причастий (балюстры – балюстренный видъ, запоры – запорныя стоики и др.). На их основе могут быть образованы сочетания тавтологического характера (пилы лесопиленные, забраны заборником, быкъ срубленной перерубами и др.).

По происхождению большинство терминологических единиц, выявленных в документах-описаниях, являются исконными или заимствованными в древний период развития языка. Распространенность таких номинаций в целом свойственна горнозаводской терминологии XVIII в. [1. С. 60]. Специализация значения наблюдается в документах-описаниях у следующих групп общенародных слов:

– наименования предметов быта (подушка, полотенце, стакан и др.);

– названия частей тела человека или животных (кулак, палец, пята; лапа);

– наименования животных (быкъ, змѣй, свинка) и др.: действие / техъ мѣховъ производится по деи/ствомъ вододѣствующаго колѣса] утвер/жденного въ дерѣвянной колесной валъ / двѣ коленного чугунного вала /: ули называе/мой змѣй:/ тотъ валъ длиною 5. Аршинъ / толициною в диаметре, 3½, вершка / колены длины, 12, вершковъ на те колены надеты / однимъ концомъ деревянныя шатуны / длиною. 9, аршинъ. 6, вѣршковъ а другимъ кон/

цомъ прикреплены на **палець** къ перевес/нымъ чугуннымъ (в РКП слово вписано над строкой) колесам [5. Л. 8об];

– наименования физического состояния объекта: прилагательное **вѣтхъ** или **вѣтхий**, однокоренной глагол **обветшалъ**;

– наименования цвета, например **красные брусья**: на запорныя коренныя стоики положены / лежни или такъ называемыя **красныя / брусья**, изъ 4х. деревъ соединенныхъ длиною / 8 сажень 1го. аршина 4х. вершковъ / толщиною квадратно 1. аршина 4х. вершковъ / окванныя каждой 35 железными обручами, съ повѣрхности обиты **мѣсомъ** [9. Л. 43об].

Как видно из приведенных фрагментов, иногда в проанализированных материалах термин используется в сочетании с синонимичным обозначением из общенародного лексикона и сопровождается описанием устройства называемого предмета. Такая особенность вполне соотносится с дублетным характером употребления иноязычных горнозаводских терминов в первой половине XVIII в.: для снятия неопределенности в тексте они поясняются словами, хорошо освоенными носителями языка [1. С. 58–59].

На синтаксическом уровне в документах с самоназванием *описание* обычно используются «развернутые» структуры, которые состоят из распространенных предложений и занимают от одной до нескольких страниц, детально раскрывая сущность объекта по различным его качествам-параметрам (которые могут называться рядом неоднородных определений) или его составляющим:

внутри / той конюшни ясли забранныя ясѣ / тонкого жердника а для стояния лошадей вѣтхия, 52, стоель, полъ / насланъ яс пилованного горбинника / а потолокъ намотанъ яс тонкого жердника [5. Л. 31об];

Домъ казѣнной дѣрѣвянной состоящей / водномъ корпусе длиною, 13ть, шириною / бть сажень в нѣмъ. б. покоевъ длины / ж ширины квадратно по, 8ми, аршинъ / в, 4х, складены яс кирпича две печи / на манерь галанскихъ а ис техъ внутри / два покоя выщекотурены алѣбастром / а два обшиты бумажными шпалерами / два покоя безъ уборки остаются холодными между теми горницами сени / [5. Л. 35об].

В описях используются «краткие» структуры описания, которые содержат общую характеристику объекта и называют от двух до четырех значимых в данной ситуации признаков:

конюшна березоваго лѣсу изъ пла-/стиннику крыта драньемъ [3. Л. 6об];

Домъ деревянной строенія сосноваго / крытъ драньемъ въ немъ жилой по-/кой [3. Л. 6об].

В обоих случаях описание конкретного объекта представляет собой законченное монологическое высказывание с рядом микротем, относящихся с частями описываемого целого или его качествами (параметрами описания).

Анализ терминологической лексики, используемой в скорописных документах-описаниях конца XVIII – первой половины XIX в. ОГАЧО, позволяет сделать заключение об особом характере ее употребления, стандартизованном в соответствии со сферами деятельности, отраженными в текстах. Характер описания меняется в зависимости от описываемых объектов и жанровой принадлежности документа. Общими чертами являются:

- доминирование и терминологизация значений предметности, признака, процессуального действия и действительного состояния;
- родовидовая субстантивно-адъективная категоризация описываемых объектов.

Список литературы

1. Голованова, Е. И. Структурный анализ заимствований в составе терминологии горных заводов Урала // Деловой язык XVIII – начала XIX века на Южном Урале и в Зауралье. Челябинск, 2006. С. 57–67.
2. Нечаева, О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1975. 46 с.
3. ОГАЧО Ф. И–14. Оп. I. Д. 33. Опись / Движимому и недвижимому имѣнью малолѣтнаго челябинскаго мѣщанскаго сына андрѣя семено-/ва сына хохлова ... (1799 г.).
4. ОГАЧО Ф. И–15. Оп. I. Д. 112. Книга ОПИСАНИЯ домовъ строенія мѣсть и земель по городу челябинску... (1800 г.).
5. ОГАЧО Ф. И–170. Оп. I. Д. 50. ОписаниЕ Кусинскомѣ Заводѣ поступившемѣ въ государственной ассигнаціонной банкѣ отъ бывшихъ Заводчиковъ Лугининыхъ состоящемѣ при ономѣ Разномѣ Заводскомѣ устроению. / Ноября 17го дня. 1800го года.
6. ОГАЧО И–170. Оп. I. Д. 73. Описаніе учиненное заводскому / домовому / строению состоящему при златоусто/вскомѣ доменномѣ и молотовомѣ 1801 года / заводѣ.

7. ОГАЧО И–227. Оп. I. Д. 83. Опись <...> имеющемуся при саткинском / заводе всему наличному имену, яко то есть обоего пола / людям разному господскому и крестьянскому Строению / скоту капиталлх и материаламъ вступившему въ май / мѣцъ сего 1793го года.

8. ОГАЧО И–227. Оп. I. Д. 166. Описание земель Картавлинской волости, проданных башкирцами Юрюзань-Ивановским Заводам в 1804 г.

9. ОГАЧО И–227. Оп. I. Д. 189. Описание заводскихъ зданій и устройств при передачѣ ихъ отъ Кнауфа въ Казенное управление (1811).

10. Трошева, Т. Б. Описание // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006. С. 267–269.

11. Хамаганова, В. М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (проблемы семиотики и онтологии) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2002. 43 с.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315).
Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 55–59.*

В. Г. Будыкина

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ВХОЖДЕНИЯ РОССИИ В ЕВРОПЕЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Рассматриваются особенности моделирования терминосистемы высшего образования Российской Федерации и принципы ее описания в специальном двуязычном словаре. Затрагиваются актуальные проблемы развития высшего образования в условиях интеграции образовательных систем России и стран Европейского Союза.

Ключевые слова: терминология высшего образования, терминологический словарь, лексикография.

Интенсивный процесс вхождения России в европейское образовательное пространство, расширение международного сотрудничества в сферах экономики, культуры, образования ставят перед обществом проблему формирования образованной, гармонически развитой личности, владеющей несколькими иностранными языками. Растет уровень академической мобильности среди студентов, преподавателей и научных работников; увеличивается количество программ «двойных дипломов», контактов в научной сфере. Для успешной реализации подобных проектов необходимо взаимное освоение образовательных терминосистем.

Первые годы после подписания Россией Болонской декларации в 2003 г. были ознаменованы особыми трудностями для работников образования с переводом и дальнейшим использованием англоязычной терминологии. Приведу пример из личного опыта. При разработке программы «двойного диплома» между Челябинским государственным университетом

и Вестминстерским университетом (Великобритания), сотрудники международных отделов и преподаватели двух вузов буквально говорили на разных языках, а ведь предстояла работа по созданию совместных учебных планов, формированию процедуры взаимного признания результатов обучения и т. д. Например, оказалось, что мы даем студентам *знания*, а они *компетенции (competencies)*. Термин, который сегодня используется в российском образовании повсеместно, на тот момент вызывал много вопросов о правильности его толкования и использования. Так же обстояло дело и с использованием понятия *умения*, для обозначения которого в европейском образовании используется термин *learning outcomes* (не *skills*).

На сегодняшний день некоторые европейские наименования уже стали частью терминологии российского высшего образования. Однако большинство терминов по-прежнему вызывает непонимание и, как следствие, неправильное употребление, а порой даже оттор-

жение и раздражение у некоторых участников образовательных отношений.

Таким образом, необходимость в гармонизации терминосистем и разработке словаря образовательных терминов вполне очевидна. В данной статье будут рассмотрены особенности моделирования и лексикографического представления терминологии высшего образования в специальном англо-русском словаре, разрабатываемом автором.

Несмотря на наличие общих требований к специальным словарям, таким как «адекватный охват специальной лексики избранной предметной области; наличие всей необходимой информации о специальных лексических единицах; отсутствие ненужных сведений, увеличивающих объем словаря и затрудняющих поиск нужной информации; унификация композиции и ссылочного аппарата однотипных словарей для облегчения пользователями перехода от одного словаря к другому, а также максимальная гармония между всеми элементами методической установки и композиции словаря» [1. С. 53], первым этапом создания любого специального справочника является формирование авторской концепции словаря, от которой зависит его мега-, макро- и микроструктура.

При разработке концепции словаря важно определить его целевую аудиторию, назначение, выбрать носитель информации, на котором он будет размещен, продумать состав левой и правой частей словаря, а также содержание дополнительных разделов (приложения и т. д.), отобразить средства компрессии и проч.

Разрабатываемый нами словарь адресован прежде всего студентам, преподавателям, научным работникам, участвующим в процессе межкультурной коммуникации в сфере образования и профессиональным переводчикам. Кроме того, словарь может быть полезен создателям специальных текстов в области образования, редакторам, лексикографам и терминологам, преподавателям языков для специальных целей, разработчикам систем автоматической обработки текста и машинного перевода.

Что касается формы словаря, то, несмотря на огромный спрос на электронные справочники, словарь терминов высшего образования будет издан на бумажном носителе. Это решение далось нам нелегко – ввиду наличия у электронного словаря многих положительных характеристик, таких как возможность использования не только на базе стационарных компьютеров,

ноутбуков, но и в специальных электронных устройствах (мобильных телефонах, коммуникаторах и т. д.), доступность в сети Интернет. Однако данный положительный аспект в определенном смысле может быть расценен как отрицательный, поскольку не всегда имеется доступ к таким электронным устройствам, не всегда пользователь имеет технические навыки, необходимые для использования электронного устройства и самого словаря. Согласимся с И. С. Кудашевым, который отмечает: «Поскольку электронный словарь нельзя взять в руки и полистать, как книгу, пользователь не всегда имеет возможность при покупке оценить его качество» [4. С. 156]. Вернуть продукт, не отвечающий требованиям качества, не представляется возможным; нередко случаи сбоев, несовместимости программ и других технических проблем, останавливающих покупателей от приобретения такой продукции.

Что касается мегаструктуры англо-русского словаря терминов высшего профессионального образования (ВПО), то она является традиционной. Словарь состоит из предисловия, содержащего рекомендации по использованию словаря, словника, списка библиографических источников, приложения, включающего понятийную классификацию терминов, обратный указатель входных единиц, обеспечивающий возможность использовать словарь для перевода с русского на английский, списка сокращений.

Остановимся подробнее на содержании вводной части словаря. В. Д. Табанакова считает, что «теория вводной части словарей пока разработана слабо, и вводные части многих словарей страдают неполнотой, носят отрывочный и бессистемный характер» [цит. по: 4. С. 339].

Состав вводной части может значительно варьироваться, но в любом случае она включает в себя предисловие. Обычно предисловие начинается с констатации и/или обоснования важности и актуальности словаря, перечисления его отличий от предшествующих и/или конкурирующих изданий. В качестве причин актуальности часто указываются динамичное развитие описываемой предметной области, повышение роли языка или языков, которые включены в словарь, увеличение интенсивности международных контактов в данной сфере. Затем, как правило, приводится информация о словарном проекте: перечисляются составители, редакторы, специалисты-предметники. Далее обычно следует подробное описание

параметров словаря, указывается его целевая аудитория, характеризуются описываемые предметные области. Обязательно должны указываться читательский адрес и назначение словаря, полнота и критерии формирования словника, его объем, источники словаря. Достаточно полные правила пользования должны содержать, по мнению, С. И. Кудашева, следующие сведения:

- информацию о составе, расположении, назначении и устройстве частей словаря (с отсылкой к оглавлению, если оно есть);
- информацию о форме единиц словника и принципах лемматизации;
- информацию о порядке следования единиц словника и способах входа в словарь;
- информацию о составе и структуре словарных статей всех типов;
- расшифровку условных сокращений и специальных знаков;
- описание приемов компрессии;
- правила интерпретации лексикографических параметров и порядка их расположения (если последний является значимым);
- описание системы навигации (выделений, колонтитулов, нумерации и т. д.) [4. С. 344].

Входные единицы словаря располагаются по алфавитному принципу, что в некоторых случаях является наиболее удобной формой расположения. Однако при таком расположении слов, как писал В. И. Даль, «самые близкие и сродные речения разносятся далеко врозь и томятся тут и там в одиночестве; всякая живая связь речи разорвана и утрачена; слово, в котором не менее жизни, как и в самом человеке, терпнет и коснеет; одни и те же толкования должны повторяться несколько раз; читать такой словарь нет сил, на десятом слове ум притупеет и голова вскружится, потому что ум наш требует во всем какой-нибудь разумной связи, постепенности и последовательности» [2. С. XVIII].

Попыткой устранения данного недостатка является составление понятийного указателя, находящегося в приложении к словарю. В качестве примера приведем небольшую часть нашего указателя:

Academic teaching personnel

Academic teaching
Personnel
College faculty
College teachers
University teachers

Teachers
Lecturers
Professors
Women professors
Visiting professors

Понятийный указатель способствует реализации систематизирующей функции данного специального словаря, увеличивает количество входов в словарь, позволяя войти в словарь не от формы, а от содержания.

Относительно макроструктуры словаря следует отметить, что на сегодняшний момент словник насчитывает 2600 терминов и других специальных единиц из различных сфер:

- высшего образования (bachelor's degree, specialist degree, higher education law, research university);
- методики преподавания (ice-builder, in-basket exercise, snow-ball technique);
- начального и среднего образования (infant school, school nurses, high school);
- обучения «через всю жизнь», обучения людей с ограниченными возможностями, менеджмента качества и т. д.

Безусловно, в период разработки концепции словаря и отбора лексического материала для его включения в словарь необходимо было решить вопрос о критериях отбора специальной лексики. Одной из проблем является то, что «во всякой терминологии есть некоторое количество лексических единиц, которые встречаются как в обыденной, так и в профессиональной речи – так называемые «консубстанциональные» термины, которые вызывают ряд трудностей при выделении терминологической лексики из словарного состава языка» [1. С. 72]. С. В. Гринев указывает, что граница между терминологической и общеупотребительной лексикой нестабильна и имеет не исторический, а функциональный характер, постоянно происходит как процесс превращения терминов в общеупотребительные слова, так и использование бытовой лексики для формирования терминологий [Там же].

Второй по значимости разновидностью специальных лексических единиц являются номены, которые отличаются от терминов рядом особенностей, обуславливающих отличия в их упорядочении. При этом номены и термины обладают рядом общих свойств: принадлежностью к специальной области знания, независимостью от контекста, принадлежностью к нейтральному слою лексики, целенаправленным характером появления, устойчивостью и

воспроизводимостью в речи. В словарь вошли также некоторые прототермины, терминоиды и предтермины.

Помимо специальной лексики, в каждой предметной области используется привлеченная лексика, которая непосредственно не входит в систему, но необходима для ее формирования и понимания. Привлеченные единицы, как правило, заимствуются из других областей знания вместе с определениями.

После осмысления критериев отбора специальной и сопряженной с нею лексики для включения в словарь была составлена электронная картотека (электронный банк данных). Основными источниками для отбора лексики послужили официальные нормативные документы, монографии, информационные буклеты, сайты ведущих университетов Великобритании и США, ЮНЕСКО-МБП Тезаурус образования, англоязычные словари образовательных терминов.

На следующем этапе происходила корректировка словника в соответствии с концепцией словаря и разрабатывалась структура словарной статьи. Нами была определена следующая структура словарной статьи: входная единица, ее сокращенный вариант (если таковой имеется), информация о произношении (в случаях, когда это необходимо); переводной эквивалент; определение, которое мы, вслед за Р. Теммерман, понимаем не как средство отграничения данного понятия от других, а как описание, позволяющее глубже вникнуть в суть вопроса и раскрыть все аспекты понятия [8. С. 10]. В нашем случае определения являются довольно объемными, т. к. включают энциклопедическую информацию об описываемом явлении, содержат сравнение с российской системой образования, уточняют степень эквивалентности значения исходной единицы и ее перевода.

В случае необходимости даются пометы (в частности, географические) и отсылки: *см.* (смотри) – для отсылки от нерекондуемого термина к рекомендуемому, *ср.* (сравни) – для соотносимых соподчиненных терминов, *ант.* (антоним), *син.* (синоним) – для антонимов и синонимов, *см. также* – при указании на прочие ассоциативные отношения. Напомним, что под отсылкой в лексикографии понимается слово или словосочетание, с помощью которых устанавливается определенная связь между элементами словаря, обычно между заголовочными единицами [5. С. 110].

Для унификации оформления словарных статей, упорядочения применения лексикографических символов были использованы указания международного стандарта ISO 1951: 2007 «Представление/изложение словарных статей. Требования, рекомендации и информация» [7]. Кроме того, каждая словарная статья содержит иллюстративный фрагмент использования входной единицы в речи. Приведем в качестве примера тексты словарных статей, построенных на основе указанных принципов.

Diploma of Higher Education (Br.), DipHE – сертификат о краткосрочном обучении (чаще всего в высшем учебном заведении).

Документ о квалификации, присваиваемой по окончании краткого курса обучения (обычно 2 года очного обучения, однако некоторые образовательные учреждения предлагают пройти ускоренный курс за 1 год). В процессе обучения студенты специализируются на изучении определенных профессиональных дисциплин. Выдается высшими учебными заведениями, а также в некоторых случаях другими учреждениями профессионального образования. Эта квалификация дает возможность дальнейшего обучения (например, для получения степени бакалавра) и признается работодателями; в отдельных случаях ее обладатель может претендовать на получение профессиональной аккредитации. *Син. University Diploma, College Diploma. DipHE is the academic equivalent of the more vocational Higher National Diploma, awarded following further education and training courses.*

Director of Education (Br.) – завуч (в школе), заместитель декана по учебной работе (РФ).

Должность в учебном заведении любого уровня, относящаяся к профессорско-преподавательскому составу. На должность завуча/заместителя декана по учебной работе назначается лицо, имеющее степень магистра (в исключительных случаях бакалавра). Осуществляет непосредственное руководство учебно-методической работой в учебном заведении, обеспечивает составление учебных планов и их выполнение, анализирует результаты учебного процесса и на этой основе принимает меры по совершенствованию обучения; несет ответственность за кадровое обеспечение учебного процесса; отвечает за расходование бюджета организации и т. д. *Син. Chief of Education Officer. Ср. Chief State School officer, School superintendent. The director of education is typi-*

cally responsible for the school's budget, deciding on not only course materials and classroom supplies, but new hires and terminations as well.

Первый пример наглядно иллюстрирует невозможность использования дословного перевода для правильного понимания значения иноязычного термина. Так, *Diploma of Higher Education* дословно переводится как «диплом о высшем образовании», а на самом деле является лишь сертификатом о краткосрочном обучении и не всегда выдается высшими учебными заведениями.

Во втором примере после переводного эквивалента указано, что данные названия должностей используются на территории РФ и, таким образом, могут не являться полными эквивалентами переводимого термина. Например, одно из отличий состоит в том, что в российской системе образования завуч и зам. декана по учебной работе, как правило, не отвечают за бюджет организации и кадровое обеспечение учебного процесса. В англо-русских словарях перевод для *Director of Education* обнаружен не был. Определение к входной единице было составлено на материале британских квалификационных требований к должностям.

Таким образом, представленный «Англо-русский словарь терминов высшего образования», являясь новым лексикографическим изданием, выступает словарем смешанного типа и выполняет четыре основных функции словаря, выделенные В. Д. Табанаковой: справочную, систематизирующую, учебную и нормативную [6. С. 158].

Надеемся, что разработанная нами концепция лексикографического представления тер-

миносистемы высшего образования внесет сильный вклад в развитие отечественной лексикографии, а сам словарь окажется полезным переводчикам, студентам, преподавателям и ученым, участвующим в межкультурной коммуникации в сфере образования.

Список литературы

1. Гринев, С. В. Введение в терминографию. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1995. 161 с.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 1. 699 с.
3. Дубичинский, В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. М., 2008. 432 с.
4. Кудашев, И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Хельсинки, 2007. 445 с.
5. Морковкин, В. В. О базовом лексикографическом знании // Учебники и словари в системе средств обучения русскому языку как иностранному / под ред. В. В. Морковкина. М., 1986. С. 102–117.
6. Табанакова, В. Д. Функциональная модель переводного специального словаря / В. Д. Табанакова, М. А. Ковязина // Вестн. Тюмен. ун-та. 2006. № 4. С. 158–165.
7. ISO 1951: 2007 Представление / изложение словарных статей. Требования, рекомендации и информация. Presentation/representation of entries in dictionaries – Requirements, recommendations and information. 84 с. (ТК 37)
8. Temmerman, R. Towards New Ways of Terminology Description: The Sociocognitive Approach. Amsterdam, 2000. 156 p.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315).
Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 59–64.*

О. Б. Бурдина

ВАРИАТИВНОСТЬ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В ТЕКСТАХ АННОТАЦИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Статья посвящена проблеме вариативности терминологии в текстах аннотаций лекарственных средств, представленных в наиболее популярных в России интернет-справочниках.

Ключевые слова: *термин, вариативность, текст, фармацевтический дискурс, аннотация.*

Проблема вариативности терминологии не раз привлекала внимание лингвистов и вызвала многочисленные споры. Причиной тому были разные требования, предъявляемые к термину. В 30-х гг. прошлого века началась работа по упорядочению имеющихся и созданию новых терминов. Самые крупные терминологические центры того времени находились в Советском Союзе и в Австрии. В середине века интенсифицируется стандартизация, «стремление к международной унификации терминов отдельных областей знаний, планирование и языковое строительство, направленное на преодоление языковых барьеров, – все это создает общую теоретическую платформу и способствует выработке определенных методов искусственного слово- и терминотворчества» [10. С. 9]. Основными требованиями к термину в тот период выступали однозначность, точность и простота, краткость, независимость от контекста и др. Специальному знаку в терминологических исследованиях было отказано в выражении нескольких понятий, а понятию – в нескольких формах выражения [6. С. 21–22].

Такой подход позднее подвергся критике, поскольку «термин остается словом, <...> подчиняющимся закономерностям того языка, на котором он создан, а также языка, в котором он употребляется» [10. С. 8]. В терминоведении постепенно утвердилось понимание того, что терминология принадлежит к самому изменчивому слою лексики, а значит, варьируется. Важную роль в формировании такого взгляда на проблему вариативности сыграла статья В. М. Лейчика «О языковом субстрате термина», где автор отмечает, что образование термина происходит на основе лексической единицы определенного естественного языка, то есть «лексическая единица этого языка является субстратом термина» [5. С. 92].

Существуют различные дефиниции термина. А. В. Суперанская, например, определяет его следующим образом: «Термин – это специальное слово (или словосочетание), принятое в профессиональной деятельности и употребляющееся в особых условиях, <...> словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний. Термин – это основной понятийный элемент языка для специальных целей» [10. С. 14].

На соотносительность термина с профессиональной средой указывает и Е. И. Голованова, определяя термины как «особые номинативные

знаки», создаваемые для «обозначения предметов, явлений, отношений, коммуникативно и когнитивно значимых лишь в особом семиотическом пространстве – пространстве той или иной профессиональной деятельности. <...> Только в рамках профессиональной сферы термины обладают системностью, проявляют свои конститутивные ориентирующие свойства и выполняют множество возложенных на них функций». По мнению ученого, «термин является вербализованным результатом профессионального мышления, значимым лингвокогнитивным средством ориентации в профессиональной коммуникации. В термине реализуются механизмы познания той или иной специальной области знаний или деятельности, в нем репрезентированы структуры специального знания, которые служат отправной точкой в осмыслении профессионального пространства и способствуют оптимальной организации деятельности специалистов» [3. С. 65–66].

В приведенных определениях акцентируется внимание на включенности термина в живой речевой процесс, в профессиональную деятельность и профессиональный дискурс.

Дискурс в современной лингвистике чаще всего понимают как связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами. В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» находим следующее уточнение: «Дискурс обозначает конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах или устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве. Это означает, с одной стороны, что прототипический характер коммуникативных процессов обнаруживается в соотносительности с той или иной инвариантной моделью текстоположения и восприятия: текст существует как представитель определенного типа текста. С другой стороны, коммуникативно-речевая деятельность и продукты этой деятельности – тексты – соотносятся с соответствующей ментальной сферой, сосредоточивающей в себе определенные знания» [11. С. 54].

Профессиональный дискурс с когнитивных позиций понимается как вербально опосредованная деятельность в специальной сфере [1]. Ментальная сфера рассматриваемого нами фармацевтического дискурса связана с производством и потреблением лекарственных препаратов. Одним из видов письменных текстов, в которых фиксируется «конкретное коммуни-

кативное событие», является аннотация на лекарственный препарат, представляющий собой определенное лекарственное средство (лекарственное средство – это вещество природного или синтетического происхождения или смесь веществ, используемые для лечения, профилактики и диагностики болезней. Лекарственный препарат – это лекарственное средство, выпущенное в определенной лекарственной форме (таблетки, мази и др.)). Исходя из положения, что «текст – это не просто продукт речевой деятельности, но и сам процесс создания такого продукта» [7. С. 22], мы будем учитывать коммуникативную ситуацию появления подобных текстов.

Материалом для исследования проблемы вариативности терминов послужили аннотации на эстрогенные лекарственные средства. Всего проанализировано 133 текста аннотаций на лекарственные препараты. В качестве источника были выбраны самые авторитетные в России электронные справочники лекарственных средств – VIDAL и РЛС («Российские лекарственные средства»), выпускаемые также и в печатном виде (за счет фирм-производителей лекарственных средств, размещающих в них аннотации на свои товары) и рассылаемые бесплатно специалистам в области медицины и фармации (Сборники, как печатные, так и элек-

тронные, содержат информационные страницы фирм-производителей, описания препаратов и действующих веществ. Описания согласуются с производителем, составители пользуются официальной, зарегистрированной информацией, с привлечением авторитетных научных источников. Оба справочника курируются ведущими специалистами в области медицины и фармакологии, академиками РАМН, представителями Минздрава и его подразделений. «Видаль» издается с 1914 г. (в России с 1995 г.), «РЛС» – с 2002 г.).

Аннотация на лекарственное средство имеет определенную структуру, при этом количество и порядок следования частей в тексте может варьироваться от десяти обязательных до двадцати четырех частей, которые вносятся по усмотрению производителя.

К фармацевтическим принято относить термины фармакогнозии, фармакологии, фармацевтической химии, ботаники, технологии производства лекарств, клинической терминологии и др. Терминологические варианты всех названных областей фармацевтического знания встречаются в текстах аннотаций, но в разных их частях (см. табл. 1). В некоторых содержательных частях аннотации варьирование терминов не встречается (например, в таких как «Регистрационный номер», «Срок

Таблица 1

Употребление фармацевтических терминов в текстах аннотаций

Содержательные части аннотации		Термины области знаний
Обязательные	Показания к применению	Фармакология, клиническая терминология
	Противопоказания	Клиническая терминология
	Способ применения и дозы	Технология производства лекарств
	Побочные действия	Клиническая терминология
	Условия хранения	Технология производства лекарств
	Состав	Фармацевтическая химия, фармакогнозия, фармакология
	Условия отпуска из аптек	Технология производства лекарств
	Лекарственная форма	Технология производства лекарств
Необязательные	Описание	Технология производства лекарств
	Фармакотерапевтическая группа	Фармакология, клиническая терминология
	Фармакологические действия	Фармакология, клиническая терминология
	Фармакодинамика	Фармакология, фармацевтическая химия
	Фармакокинетика	Фармакология, клиническая терминология
	Применение во время беременности и лактации	Фармакология
	Взаимодействие с другими лекарственными препаратами	Фармакология, клиническая терминология
	Особые указания	Фармакология, клиническая терминология
	Передозировка	Клиническая терминология
	Форма выпуска	Технология производства лекарств

годности» и др.), поэтому они не включены в таблицу; в таблице не учтены также названия торговых знаков, научные химические наименования, международные непатентованные названия (МНН).

Данные в таблице показывают, что термины одного терминологического поля могут встречаться в разных частях аннотации, при этом они неоднородны.

В современной лингвистике принято считать, что вариативность предполагает наличие не менее двух модификаций одной и той же языковой единицы (фонемы, морфемы, лексемы, конструкции, семантического комплекса). В нашем исследовании терминологические варианты – это репрезентации термина в конкретной коммуникативной ситуации.

С когнитивных позиций «причины возникновения множества терминологических вариантов связаны с динамикой развития языковых единиц в дискурсе» [6. С. 27]. Так, термин *контрацепция* и его терминологические варианты встречаются в содержательных частях «Показания к применению», «Фармакологическая группа», «Фармакотерапевтическая группа», при этом сам термин имеет разный графический облик. Причины такой дифференциации объясняются характером коммуникативной ситуации, связанной с изменением роли рецепта в получении потребителем лекарственного средства.

Представленные в анализируемых текстах лекарственные средства относятся к фармакологической группе гормональных средств и, согласно законодательству РФ, должны от-

пускаться в аптеках по рецепту. Каждая аннотация в электронном справочнике сопровождается предупреждением, что информация предназначена специалистам, не рекомендуется использовать лекарственные препараты без консультации врача. Однако на практике эстрогенные (противозачаточные) средства можно свободно приобрести практически в любой аптеке. Таким образом, в коммуникативную ситуацию оказываются вовлечены не только специалисты (врач, фармацевт, производитель лекарств), но и потребители лекарственных средств. Исходя из того, что содержащаяся в аннотациях специальная информация (профессиональное знание) должна быть понятна потребителю, наряду с научными терминами (*эстрогенное средство, контрацепция*) в текстах появляются наименования описательного характера, предназначенные для неспециалиста (например, *предупреждение нежелательной беременности*).

Другим источником появления вариантов терминов могут выступать профессиональные жаргонизмы (*контрацептив*).

Проблема вариативности часто соотносится в исследованиях с проблемой языковой нормы, складывающейся в практике речевого общения. Хотя терминологический вариант появляется, функционирует и закрепляется в речевом употреблении, соотношение нормы и вариативности в терминоведении определяется на основе норм литературного языка.

Существуют разные классификации терминологических вариантов. Одна из классификаций основана на способе образования терми-

Таблица 2

Терминологические варианты области «контрацепция»

Синтаксические	Морфолого-синтаксические	Морфологические	Семантические
пероральная контрацепция	контрацептивное средство	контрацептив	подавление овуляции
гормональная контрацепция	монофазный пероральный контрацептив с антиандрогенными свойствами	КОК (комбинированный оральный контрацептив)	предохранение от наступления беременности
	монофазный низкодозированный оральные контрацептив с выраженным антиандрогенным эффектом		предупреждение нежелательной беременности
	монофазный комбинированный гестаген-эстрогенный контрацептивный препарат		
	комбинированные пероральные контрацептивы		
	гестаген для пероральной контрацепции		

нов. Традиционно различают синтаксический, морфолого-синтаксический, морфологический, а также семантический способы. Некоторые исследователи (например, А. В. Суперанская) выделяют в отдельную группу заимствования.

Наибольшее количество вариантов наблюдается среди терминов, образованных морфолого-синтаксическим способом, что справедливо для всех содержательных частей аннотации. Покажем это на примере терминологических вариантов области «контрацепция», фигурирующих сразу в нескольких частях текста (см. табл. 2).

В одном из текстов нами обнаружено сочетание *оральный контрацептив*. Отметим, что термину *oral*, который представлен в англоязычных аннотациях лекарственных средств, в русской терминологии соответствует вариант *пероральный*, восходящий к латинскому языку. Появление варианта с компонентом *оральный* свидетельствует о его переводном характере.

Электронный ресурс, в отличие от бумажной аннотации, прилагаемой к упаковке, позволяет сделать обзор лекарственных средств по основному действующему веществу. Так, если в справочнике VIDAL ввести в строку поиска международное непатентованное название действующего вещества (например, *Drospirenone*), получим следующую информацию: торговый знак («Анжелик», «Даилла», «Джес+», «Джес», «Димиа», «Мидиана», «Ярина+», «Ярина»), фирма-производитель и страна-производитель (BAYER SCHERING PHARMA, AG (Германия), SCHERING, GmbH & Co, Produktions KG (Германия), GEDEON RICHTER, Ltd. (Венгрия) и т. д.) и форму выпуска (таблетки, покрытые пленочной оболочкой и т. д.)

Наиболее актуальной фармацевтической информацией в этом контексте выступает 1) соотношение МНН (основного действующего вещества, имеющего международное непатентованное наименование) и торгового знака (названия лекарственного средства), 2) производитель и 3) форма выпуска лекарственного средства. Такая информация удобна только для специалиста (медика или фармацевта), поскольку для него название фирмы – показатель компетентности производителя лекарственных средств; термины *блистер*, *пленочная оболочка*, *таблетки-плацебо* разворачиваются из материального знака в интеллектуальный субстрат (имеющийся багаж знаний позволя-

ет сделать по названию лекарственной формы вывод об удобстве использования и терапевтическом эффекте препарата); товарные знаки для специалиста – это варианты представления на фармацевтическом рынке определенного лекарственного вещества, обладающего конкретным терапевтическим действием.

Для потребителя лекарственного средства международное непатентованное наименование неактуально, на первое место выходит информация о действии конкретного препарата (показания к применению) и торговое название, под которым его можно приобрести в аптеке. Следовательно, для разных участников фармацевтического дискурса одна и та же информация, содержащаяся в аннотации, имеет разную когнитивную значимость.

В заключение отметим, что вариативность в рамках когнитивного терминоведения признается фундаментальным и универсальным свойством специальных единиц, формой их существования. Как показал анализ, вариативность фармацевтических обозначений в текстах аннотаций лекарственных средств обусловлена комплексом лингвистических и экстралингвистических факторов, которые требуют дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Алексеева, Л. М. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа / Л. М. Алексеева, С. Л. Мишланова. Пермь, 2002. 200 с.
2. Бурова, Г. П. Фармацевтический дискурс как культурный код: семиотические, прагматические и концептуальные основания : автореф. дис. ... д-ра фармацевт. наук. Ставрополь, 2008. 44 с.
3. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. М., 2008. 304 с.
4. Кубрякова, Е. С. Теория номинации и словообразование. М., 2010. 88 с.
5. Лейчик, В. М. О языковом субстрате термина // Вопр. языкознания. 1996. № 5. С. 87–97.
6. Мишланова, С. Л. Вариативность терминологии Международного бакалавриата / С. Л. Мишланова, А. М. Гуреева. Пермь, 2011.
7. Мурзин, Л. Н. Текст и его восприятие / Л. Н. Мурзин, А. С. Штерн. Свердловск, 1991. 172 с.
8. РЛС (Российские лекарственные средства. Энциклопедия лекарств и товаров ап-

течного ассортимента) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rlsnet.ru>

9. Сандалова, Н. В. Вариологические аспекты юридических терминов в русском и английском языках (по терминологическим источникам) : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 281 с.

10. Суперанская, А. В. Общая терминология: вопросы теории / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. М., 2012. 248 с.

11. Чернявская, В. Е. *Дискурс* // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003. С. 53–55.

12. VIDAL (Справочник лекарственных средств) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vidal.ru>.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 64–68.

Н. А. Бурмакина

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО УРОВНЯ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРВОГО ЕНИСЕЙСКОГО ГУБЕРНАТОРА А. П. СТЕПАНОВА

Рассматриваются средства вербализации ключевых ценностных концептов «Красота» и «Полезность» в индивидуальной картине мира А. П. Степанова. Определяется общее и особенное в концептосфере первого енисейского губернатора.

Ключевые слова: *языковая личность, концепт, индивидуальная языковая картина мира.*

В лингвистической персонологии концепт является одной из единиц лингвокогнитивного уровня наряду с понятиями и идеями. Именно с этого уровня «начинается» языковая личность, поскольку здесь прослеживается ее индивидуальный выбор и личностные предпочтения [3. С. 52–57]. В настоящей статье под **концептом** подразумевается значимое социокультурное понятие, представляющее ценность и выраженное средствами языка (см.: [2. С. 129; 13. С. 303–312]).

Концепты «Красота» и «Полезность» являются важнейшими в социокультурном отношении вербализованными идеями, значимыми для личности первого губернатора Енисейской губернии. Этот человек оставил заметный след не только в региональной истории, но и в истории России: был участником походов А. В. Суворова, в Отечественной войне 1812 г. находился в авангарде при П. И. Багратионе. На становление его личности оказали влияние А. В. Суворов, адъютантом которого он являлся, поэт-сентименталист И. И. Дмитриев, ссыльные декабристы, помощь которым он оказывал, будучи енисейским губернатором. А. П. Степанов был не только государственным

служащим высокого ранга, но и талантливым литератором, принятым в действительные члены «Общества любителей российской словесности». На заседаниях общества он познакомился с будущими декабристами. Факты его биографии свидетельствуют о том, что он в равной степени уделял внимание государственной службе (будучи действительным статским советником, получил в награду «за полезные труды по устройству Енисейской губернии» орден святого Станислава I степени) и литературному творчеству. Поэтический талант молодого А. П. Степанова способствовал его сближению с Г. Р. Державиным, который оценил одаренного человека. Эти обстоятельства обусловили выбор в качестве источников нашего исследования художественных и публицистических текстов, в которых аксиологические предпочтения проявляются ярче.

В многогранном творчестве А. П. Степанова отразилось мировидение людей того времени. Посредством анализа концептов «Красота» и «Полезность», которые относятся к числу наиболее важных в концептосфере русского этноса, возможно установить особенности восприятия и оценки действительности в пер-

вой трети XIX в. – период, характеризующийся борьбой нескольких культурных тенденций: классицизма, сентиментализма, романтизма и зарождающегося реализма.

В процессе исследования сочинений А. П. Степанова было установлено, что наибольшей частотностью в его дискурсе обладают лексемы, вербализующие понятия *красота* / безобразия (420); *польза* / вред (254); *государь* (132); *вера* (138); *истина* / *правда* (178); *добро* / *зло* (170); *жизнь* / *смерть* (170); *дух* (145); *душа* (143); *тело* (110); *любовь* / *ненависть* (140); *долг* (140); *образование* (75); *путешествие* (75); *счастье* (70); *дружба* (60); *ответственность* (69); *пространство* (58); *свой* / *чужой* (55); *воспитание* (55); *страсть* (48); *надежда* (43); *страдание* (40) и др.

Под индивидуальной языковой картиной мира, вслед за В. А. Масловой, мы понимаем модель мира, представленную в сознании личности системой концептов, выраженных средствами языка в определенный исторический период [5. С. 41–43]. Концептосфера личности является конкретным воплощением (формой) индивидуальной картины мира.

Выявленные на основе лексикографических источников семантические поля «Красота» и «Польза» позволяют установить индивидуальные особенности отражения концептов «Красота» и «Польза» в языковой картине мира губернатора А. П. Степанова.

В сочинении А. П. Степанова обнаружены все четыре значения лексемы «красота» (около 200 употреблений), отмеченные в толковых словарях XIX в.: 1) ‘свойство прекрасного или совокупность качеств, которые представляют собой единство внешнего и внутреннего’; 2) ‘красивая внешность, красивый внешний вид’; 3) ‘то, что производит впечатление красивого, нравится, привлекает, отвечает потребностям эстетического вкуса; изящество, художественные достоинства’ || ‘то, что нравится, привлекает в женщине’; 4) ‘красивая женщина, красавица’ [1. П. С. 186; 4. С. 265; 7. С. 86; 8. П. С. 395].

Ценностный концепт «Красота» репрезентирован в сочинениях А. П. Степанова лексически и грамматически. Лексический способ представлен в определениях к имени концепта (около 50 употреблений): *красоту неизъяснимую, при настоящей красоте, образцовой красоте* и др. Значение словосочетаний складывается из конструкций, имеющих форму: гл. + сущ. в Вин. п.; гл. + сущ. в Тв. п.; гл. +

сущ. П. п. В 27 конструкциях существительное «красота» находится в объектном значении. Частотным является беспредложное управление, где существительное используется в единственном числе (*одаренных красотой, равняться красотой, <черты> изменились в красоту, славятся красотой, природа в дикой красоте*), реже – во множественном (*собрание красот, под властью красот*).

В сочинениях А. П. Степанова существительное «красота» чаще семантизируется прилагательными, реже – местоимениями. Употребляя прилагательные, енисейский губернатор актуализирует многообразные виды красоты: *дикая, девственная, возвышенная, увядающая, небесная, моя* и др. Более чем в 10 конструкциях лексема «красота» имеет субъектное значение: *красота всем нужна, красота не дана в удаль, красота определяется по пропорции* и др. Не частотны сочинительные конструкции (10 употреблений): *люблю вкус и красоту, красотой и нежностью, красота и приятность, ужас и красы* и др. Данная синтагматическая связь выражает значимость для личности таких понятий, как «приятность», «вкус», «нежность», «польза», а также «физическая сила» и «ужас». Последнее понятие отмечено в связи с высокой степенью эстетического потрясения, которое испытывает автор при виде грозы или в момент прослушивания музыкального произведения, передающего состояние природы: *пускай гроза, / Бушующая грозно на вершине / Альпийских гор, в огнях зарниц / Красу и ужас образует* [11. С. 20]. Лексическая и грамматическая репрезентация концепта «Красота» в сочинениях А. П. Степанова свидетельствует о значимости для него соответствующей ценности.

Своеобразие эстетической оценки в русской концептосфере заключается в том, что духовные ценности главенствуют над материальными, красота внешняя противопоставляется внутренней, внешнее уродство – внутренней красоте. Однако номинации внешней красоты превосходят названия внутренней красоты (аналогично см.: [6]). В дискурсе А. П. Степанова преобладают контексты, в которых раскрывается чувственно воспринимаемая красота мира. При этом встречаются контексты, где раскрывается моральная нечистоплотность человека, но отмечается его внешняя привлекательность. Контекстов, в которых выявляется душевное богатство и внешняя неприглядность, гораздо меньше. Воспринимая красоты

природы как художник, А. П. Степанов размышляет о возможных преобразованиях подвластной человеку местности. Его мысли о прекрасном начале в природе связаны с мечтами о благополучной жизни людей и целого государства, которое должно направлять свои силы на благоустройство Сибири. Для А. П. Степанова несомненна приоритетность духовной красоты.

Установлено, что лексические единицы лексико-семантического поля «Польза», выявленные в языке XIX в., весьма частотны в дискурсе енисейского губернатора. В сочинениях А. П. Степанова лексема «польза» употребляется в 44 контекстах. Как уже отмечалось, полисемант «польза» в языке XIX в. насчитывает 6 значений. В сочинениях А. П. Степанова выявлены 4 из них: 1) 'ценность, которая имеет желательный, положительный результат идеально выраженный'; 2) 'выгода, прибыль'; 3) 'барыш, нажива'; 4) 'прок' [1. Т. III. С. 267; 4. С. 407; 7. С. 1436; 8. Т. III. С. 522].

Признаки концепта: *идеально выраженная польза; материально выраженная польза; польза как прибыль; польза как прок, смысл* – выражаются в таких значениях, как 'польза как прибыль для кого / чего'; 'польза как прибыль исходит от кого / чего'. Языковое окружение лексемы «польза» указывает, для кого / чего и к кому / чему относится рассматриваемая ценность: а) для отечества и соотечественников; б) для самодержавия; в) для науки, отечественной истории и русской нации; г) для Енисейской губернии; д) для города Красноярска; е) для здоровья (остяков). В контекстах, наряду с основным значением, актуальными оказываются семы 'благо' и 'государство' (в словосочетаниях «с пользой государственной» и «на пользу жителей»), а также 'спокойствие, стабильность', 'любовь', 'выгода' (в словосочетании «собственную пользу»): *Я вижу их (жителей Енисейской губернии. – Н. Б.) на этом пространстве, как группу младенцев, играющих на помосте Ватикана в Риме. <...> Я обнимаю их промышленность, торговлю и прибыли, но, взвешивая их собственную пользу с пользой государственною, нахожу, что вся выгода склоняется на пользу жителей, а не казны, которая, получая несколько более миллиона, употребляет половину на расходы* [9. Т. II. С. 193].

Существительное «польза» синтаксически связано с прилагательными, причастиями и однократно с местоимением. Используя определения при существительном, А. П. Степанов

акцентирует внимание на разновидностях понятия «польза», которое вступает в определенные отношения с другими понятиями. Прилагательные *общественная, государственная, казенная, личная, собственная* актуализируют взаимосвязь противопоставленных понятий «общественное» – «личное». Прилагательные *величайшая, совершенная, истинная*, входя в языковое окружение существительного «польза», актуализируют сему 'благо'. Таким образом, в концепте «Польза» реализуется ценностная составляющая. Иными словами, для А. П. Степанова очевидна значимость пользы в жизни общества и личности.

Концептуализация лексемы «польза» проявляется, в частности, в следующих конструкциях: гл. + сущ. в Вин. п.; гл. + сущ. в Дат. п.; прил. + сущ. в Дат. п. В подавляющем числе контекстов лексема «польза» выступает в объектном значении. Только в двух контекстах имя поля «польза» имеет значение субъекта: *Не одна страсть к этой пище возбуждает в них столь сильное побуждение, но величайшая польза* [9. Т. I. С. 153]; *собственная польза состояла в том, чтоб не ожесточать слишком неприятеля* [9. Т. II. С. 185]. Из 14 именных словосочетаний в десяти существительное «польза» является стержневым (*польза отечеству* – употреблено 5 раз, *на пользу жителей, на пользу света, польза от казаков, к пользе ... части, по пользе в будущем*); в четырех – зависимым (*искра пользы, сил для пользы, <при усердии> к пользе, заманчивость... по пользе*). Из 23 глагольных словосочетаний наряду с частотным (18 раз) беспредложным управлением, встречаются случаи предложного управления (6 раз): *приносящему пользу, доставлять пользу, способствует пользе, взвешивая пользу, склоняется на пользу, <признают> пользу, согласовать к <...> пользе, споспешествовать пользе, посвящали на пользу, пополнять пользой, служащими к пользе, заключать пользу, не ищите <...> пользы, послужило <...> к пользе, извлекают пользу, не повредила пользе и др. Как зависимый компонент слово «польза» встречается в частотных словосочетаниях глагольно-падежного управления.*

Отмечается единичное сочетание предлога с существительным «польза» в дательном падеже: *поступить сообразно пользе*. Однократно проявляется связь лексемы «польза» с придаточным определительным: *Труды имеют заманчивость <...> по той пользе, которую приносят* [9. Т. I. С. 153]. Кроме того, однократно

использовано словосочетание *значительная по <...> пользе*, где стержневое слово выражено прилагательным, а зависимое – существительным «польза». Синтагматические связи слова «польза» обусловлены нелингвистическими связями объектов реальной действительности. Именно они отражают содержание мысли в предложении.

Ценностные концепты «Красота» и «Польза» отражают двойственность и многомерность природы первого енисейского губернатора. Исследование данных концептов позволяет нам определить тип языковой личности А. П. Степанова как личности деятельностно-созерцательной. Деятельностная сторона личности А. П. Степанова проявляется в его рациональном взгляде на устройство общества, на торгово-экономические, хозяйственные взаимоотношения людей во внутренней и внешней политике: *Губернское управление Енисейской губернии образовано для того, чтоб сблизить надзор и доставить жителям сего края скорейшее удовлетворение в их надобностях. Из сего выходит, что Красноярск, по своим бедным, недостаточным доходам, поставлен в страдательное состояние для блага обывателей Енисейской губернии* [9. Т. II. С. 118]; *в самовластии одного воеводы в странах отдаленных предполагалось не только сильнейшее злоупотребление, но и важный государственный вред* [9. Т. II. С. 185]; *одна только правильная торговля может возвысить и капитал, и собственное достоинство* (о преобразованиях купечества. – Н. Б.) [9. Т. II. С. 106].

Созерцательная сторона его природы проявляется в любовании окружающей природой, произведениями искусства, гармоничными людьми: *<Княжна> прелестна во всех отношениях. Она была душою общества* [10. Т. IV. С. 170]; *Какая восхитительная картина: объятие двух молодых девиц! Я разумею не такое, где участвует притворство или какое-нибудь приличие; но в котором нежится, без всякой примеси, одна только взаимная привязанность душ* [10. Т. III. С. 105]; *разговор сибиряков и даже рассказ их правлен, приятен, чист* [9. Т. II. С. 173].

Концепты «Красота» и «Польза» представляют ядерную зону концептосферы языковой личности А. П. Степанова. Установлено, что эстетическое восприятие енисейского губернатора свободно от утилитарного восприятия, которое лежит в основе эстетической оценки конкретных явлений действительности: *я слы-*

шал артистов, которые удивляли глубоким искусством... (о Паганини. – Н. Б.), Он творит чудеса! (восхищение красотой и совершенством игры. – Н. Б.); *<его искусство> ввергло меня в восхищение, которого не могу вам изъяснить* [10. Т. IV. С. 63–64].

В вербализации данных концептов он в полной мере использовал лексические ресурсы русского языка. Анализ концептуализации таких ценностей, как «красота» и «польза» показал, что их репрезентация в сочинениях А. П. Степанова имеет индивидуальные черты. Рассмотренные средства репрезентации концепта «Польза» в сочинениях А. П. Степанова позволяют сделать вывод о высокой степени значимости пользы для его личности. В понимании первого енисейского губернатора служение отечеству было высочайшим смыслом жизни, оно осознавалось как сохранение и приумножение духовных и материальных богатств отчизны. В отличие от многих авторов художественной литературы первой половины XIX в., А. П. Степанов никогда не использовал эпитет «презренная» к лексеме «польза». Польза, по А. П. Степанову, есть единство личного и общественного положительного результата. Личная польза признается ценностью только в том случае, если она направлена на благо общества и не вступает в противоречия с интересами окружающих: *самоядь, юраки, остяки, тунгусы, якуты, татары, казаки, старожилые крестьяне – все они вместе и отдельно являются в прекрасном свете своего усердия к престолу и правительству* [9. Т. II. С. 181]. *В репрезентации концепта «Красота» у А. П. Степанова больше общих черт с вербализацией данной ценности в русской культуре: Чем бросать старика с отворотительным лицом, лучше его оборотить наизнанку. Посмотри-ка его с этой стороны! Ты увидишь превосходную душу* [10. Т. II. С. 10–11].

Частотными являются контексты, в которых внутренняя красота доминирует над внешней: *Горячий агат и самый сапфир небес, конечно, уступят цвету ее глаз, через которых отражается в полном блеске светлая, непорочная, пламенная душа ее: все, все можно прочесть в них; только надобно уметь читать их магический язык* [10. Т. IV. С. 90]. К дворянину он предъявляет значительно больше моральных требований, чем к крестьянину: *Всякая наружность перед внутренностью – мелочь. Всякое наружное достоинство перед умом и душою ничтожны. Дворянин без добродетелей и та-*

лантов, хуже всякого крестьянина, который в трудах добывает себе пищу и содержит господина и государство <...>, однако же, наружность много значит <...> Мы игрушки мира, дети наружности [10. Т. I. С. 115–116]; Мы застали у него (хозяина дома. – Н. Б.) молодого человека, с **приятным** лицом и сколько можно заметить в последствии из разговоров, с **светлым умом** и **правильною образованностию** [10. Т. II. С. 66]; **превосходный** человек с большими сведениями, твердым умом и весьма добрым сердцем [10. Т. II. С. 33].

В его сочинениях чаще встречается подробное описание внешней красоты женщин высшего общества, нежели описание красоты мещанок или крестьянок: <Княжна> погружена в науки; чего, однако же, вовсе не заметно. Я видел девственную **красоту** во всем ее блеске [10. Т. II. С. 264]; образец **красоты** небесной <...> Житель неземной в пределах мира <...> Гармония Бога и природы <...> [10. Т. III. С. 176]. Природа европейской части России не занимает его внимания. А. П. Степанова привлекает мощь и совершенство сибирской природы, красоты которой он сопоставляет с красотой итальянского ландшафта, небосклона: желала видеть **великолепную дикую природу** этого края (Сибири. – Н. Б.) [10. Т. IV. С. 127]; Светлое небо Востока так же **прекрасно**, как небо Италии [9. Т. I. С. 65].

Губернатора отличает художественный взгляд на природу, творения которой он признает наивысшим мастерством: Енисей <...> имеет отличительную черту по всему пространству своего течения; это великия террасы или возвышения, более похожая на произведения искусства, нежели природы [9. Т. I. С. 36]; Все цепи, которые обнимает взор, имеют равные вершины и все одеты хвойным лесом. **Правильное их расположение**, различная зелень, смешанная с дикими цветами утесов; резкая близь и мерцающая даль; тень и свет, меняющиеся от обращения земли – все придает месту сему в течение дня **разнообразную очаровательность**, которую довершает гора Борус, как **мастерская черта художника** в **величественной картине** его [9. Т. I. С. 39]; Я не видал подобнаго места в Швейцарии. Это **истинный** образец улыбающейся, девственной природы для живописца, поэта и садовника [9. Т. I. С. 28]. Представление о красоте произведений искусства (*наружность, по мо-*

ему мнению, необходима в политическом государстве для народа. Храмы и дворцы должны быть великолепнейшей архитектуры, чтоб возбуждать чувства к уважению, чтоб посредничать между гражданским обществом и святынею и властью земною [10. Т. II. С. 11–17]), в том числе прикладного, связано в его сознании с шедеврами античного искусства и архитектуры: *Формы не имеют никакой правильности новых времен и изящества древних греков и римлян* [12. С. 63].

Список литературы

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. СПб., 1996.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. М., 2004. 390 с.
3. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 261 с.
4. Крылов И. А. Басни. Словарь языка басен Крылова / сост. Р. Кимягарова. М., 1996. 704 с.
5. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М., 2004. 293 с.
6. Мещерякова, Ю. В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 232 с. URL: <http://diss.rsl.ru/diss>
7. Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: Ч. 1–5. СПб., 1806–1822.
8. Словарь языка Пушкина : в 4 т. М., 1956–1961. Т. 2: З–Н / ред. В. Н. Сидоров. 1957. 896 с. Т. 3: О–Р / ред. В. Н. Сидоров. 1959. 1070 с.
9. Степанов, А. П. Енисейская губерния: в 2 ч. СПб., 1835.
10. Степанов, А. П. Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым: в 4 ч. СПб., 1835.
11. Степанов, А. П. Поэзия и Музыка // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск, 1827. С. 3–17.
12. Степанов, А. П. Путешествие в Кяхту из Красноярска // Енисейский альманах на 1828 год Ивана Петрова. Красноярск, 1827. С. 1–98.
13. Шмелев, А. Д. Виды эстетической оценки в представлении русского языка // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2004. С. 303–312.

Т. А. Воронцова

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЪЕКТОВ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В КОЛЛЕКТИВНОМ КОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Рассматриваются пути и механизмы формирования социально значимых объектов речевой агрессии в массовом языковом сознании.

Ключевые слова: *речевая агрессия, объект речевой агрессии, концепт, коллективное когнитивное пространство, негативная оценка.*

Речевая агрессия – это негативизирующее речевое поведение, реализующееся в деструктивных формах. Этот тип речевого поведения может быть представлен во всех типах коммуникации: межличностной, публичной, массовой (подробнее см.: [6]). В основе агрессивного речевого поведения независимо от типа коммуникации обязательно присутствует выражение негативного отношения либо к адресату, либо к третьему лицу (лицам), которое непосредственно не участвует в коммуникации. Данный объект негативного отношения адресанта целесообразно обозначить термином объект речевой агрессии.

Объект речевой агрессии в значительной степени определяет механизмы и способы речевого воздействия на адресата. Так, одним из способов формирования объектов речевой агрессии является изменение представлений адресата о предмете речи путем реструктуризации концепта, которая может осуществляться через актуализацию одного из компонентов его смысловой структуры с привнесением нового содержания в концепт или изменением аксиологического соотношения смысловых компонентов (см. [3. С. 210–288]). Такой тип речевой агрессии представляет собой вторжение в когнитивное пространство адресата.

Названная разновидность речевой агрессии имеет разный механизм воздействия и разный перлокутивный эффект в зависимости от типа коммуникации. Воздействие обычно опирается на стереотипы, которые не подлежат верификации, а потому, с точки зрения психологов, обладают особой воздействующей силой. В зависимости от ряда факторов, например, от кратности воздействия, авторитетности адресанта и т. п., такое речевое воздействие способно изменить оценку целого класса объектов, стоящих за концептом.

Использование данного типа речевой агрессии в сфере массовой коммуникации может

приводить к реструктуризации концепта в коллективном когнитивном пространстве. Вслед за В. В. Красных мы рассматриваем коллективное когнитивное пространство как определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители того или иного социума [9. С. 164]. Реструктуризация концепта в коллективном когнитивном пространстве происходит при наличии ряда факторов. Во-первых, концепт, равно как и фрагмент действительности, который он отражает, должны быть значимы для социума в целом и для каждого его представителя в частности. Во-вторых, данный концепт должен быть широко репрезентирован в большом количестве дискурсов и множеством адресантов (например, в дискурсе СМИ, в публичных высказываниях людей, авторитетных для данного социума). При этом языковая репрезентация концепта должна обязательно сопровождаться единой отрицательной оценкой, что в конечном счете приводит к модификациям в его смысловой и аксиологической структуре.

Привнесение в структуру концепта нового значения или актуализация одного из его смысловых компонентов при определенных условиях может сформировать негативное отношение к таким концептам на уровне массового сознания. Это происходит тогда, когда, во-первых, в публичном дискурсе постоянно и последовательно репрезентируется негативное отношение к реалиям, стоящим за тем или иным концептом, во-вторых, когда эти реалии социально значимы, т. е. касаются интересов всего социума. Такие объекты находятся в сфере ключевых интересов всего общества, если они связаны с угрозой безопасности, благополучию, здоровью и т. п. Чаще всего они представляют собой либо концепт с «размытым» смыслом (например, *демократия*), либо концепт, обозначающий некое неисчисляемое

множество лиц, объединенных каким-либо признаком (*чиновники, террористы*).

Появление таких объектов негативного отношения определяется экстралингвистическими факторами. Это может быть либо политическая, экономическая, культурная ситуация, объективно существующая в обществе, либо определенная идеология, в угоду которой объекты агрессии формируются целенаправленно.

Идеологические объекты агрессии обычно создаются путем насильственного наведения негативной семы на изначально нейтральное понятие. Происходит своего рода назначение того или иного концепта на роль «отрицательного героя». При создании таких объектов речевой агрессии негативизирующее воздействие идет «извне». Цель такого воздействия – внушить массовому адресату, что данный объект представляет опасность для всех и каждого, притом что такая опасность на повседневном, бытовом уровне в социуме не ощущается. «Именно государственная языковая политика разрабатывает направления вербальной агрессии, определяет формально-содержательную организацию системы стандартизованных идеологических примитивов, которые легко вводятся в языковое сознание и выступают в качестве операторов коммуникативного взаимодействия во всех сферах языкового существования» [12. С. 236]. Успех таких пропагандистских действий зависит от доверия к источнику сообщения (например, к власти или к СМИ). Если источник информации пользуется безграничным доверием, то при помощи пропаганды он не просто воздействует на когнитивное пространство массового адресата, а в значительной степени формирует это когнитивное пространство, создавая в нем в случае необходимости те или иные объекты агрессии. Если же доверие к источнику информации ослабевает, то ослабевает и влияние на концептосферу массового адресата.

В современной речевой ситуации при наличии значительного количества источников информации и отсутствии жесткого контроля над публичным дискурсом может наблюдаться определенный когнитивно-оценочный диссонанс: официальный «государственный» дискурс направлен на формирование положительной оценки концепта, в то время как под влиянием дискурса СМИ и личного опыта носителей языка в коллективном когнитивном пространстве формируется негативная социальная оценка данного концепта. Например,

Е. Г. Малышева, исследуя концепт «Олимпиада 2014», обнаруживает в современном российском дискурсе «противопоставленные по аксиологическому модусу когнитивные признаки»: *политическая победа России, свидетельство политической мощи России, национально значимый проект* и др. – с одной стороны, и *ненужный, вредный проект, способ незаконного обогащения, невыполнимая задача* – с другой [13. С. 152]. Данный пример свидетельствует о том, что формирование социумных объектов агрессии может происходить как под влиянием официальной идеологии, так и вопреки ей.

Толчком для появления новых объектов речевой агрессии в социуме может служить как некое экстремальное событие, затрагивающее интересы всего общества, так и вполне привычная социальная или политическая ситуация, которая по тем или иным причинам не устраивает общество. Любая серьезная общественная проблема требует ответа на вопрос: «Кто виноват?». Объективная масштабность проблемы исключает возможность некой персональной ответственности. В результате установления логической связи между негативными изменениями или событиями в жизни общества и тем объектом, который с той или иной степенью очевидности может быть признан причиной (виновником) существующего положения, возникает необходимость обозначения того, кто представляет опасность для всех и каждого или мешает комфортному существованию всех и каждого. Это должна быть достаточно абстрактная номинация, которая могла бы соответствовать максимальному количеству референтов. Семантические параметры такой номинации определяют, как правило, экстралингвистические условия, однако на выбор номинации влияют также и внутриязыковые факторы: тенденция к универбации, дериватоспособность и т. д. Как правило, данные номинации изначально нейтральны по своим эмоционально-экспрессивным характеристикам. Совпадение экстралингвистических и интерлингвистических факторов приводит к тому, что данное обозначение начинает употребляться во множестве дискурсов (например, СМИ, публичная речь, бытовое общение) в негативном контексте, что приводит к изменению социальной оценки и, в конечном счете, негативно «окрашивает» весь концепт, стоящий за данным словом.

Степень прозрачности такого процесса зависит от того, насколько очевидна связь между

экстралингвистической ситуацией и номинацией объекта агрессии. Так, например, во время Великой Отечественной войны обозначение *немец* фактически становится тождественным понятию «враг», «фашист»; первоначальное нейтральное значение национальной принадлежности отодвигается на второй план. Под воздействием внешней ситуации в концепт включается новое содержание, которое остается актуальным для определенного периода (Великая Отечественная война и послевоенный период). Очевидно, что указанные изменения в содержании концепта *немец* произошли стихийно, под воздействием экстралингвистических факторов, а не под влиянием пропаганды.

Если причина возникновения негативной ситуации в обществе неочевидна, то проследить процесс формирования социумных объектов агрессии гораздо сложнее. Поэтапно процесс формирования социумных объектов агрессии можно представить следующим образом. Экстралингвистические факторы (значимые для всего общества события или обстоятельства) служат основанием для создания значительного количества дискурсов, включающих, в свою очередь, высказывания с негативной модальностью, в которых присутствует данный объект, причем его конкретная референция может быть разной. Например, *государство* может означать *президент, правительство, местные органы власти, парламент* и т.д. Отмечая «громадное значение» оценки в высказывании, рассчитанном на широкую социальную аудиторию, М. М. Бахтин (В. Н. Волошинов) писал, что существенные социальные оценки вырастают из общности «окружающего говорящих бытия» [5. С. 83–84]. То, что употребление слова в определенном контексте влияет на изменение его статуса в массовом языковом сознании, неоднократно отмечалось во многих лингвистических исследованиях (см., напр., [2; 8] и др.) «Контекст – мощный механизм формирования нужной оценки у нейтральной номинации. Оценка закладывается не в сему номинации, а эксплицируется в ее словесном окружении <...> Пейоративное или мелиоративное значение у нейтрального слова развивается через формирование у него заданной коннотации при сохранении нейтральной семы» [8. С. 108]. Если исходить из того, что «смысл слова всецело определяется контекстом» [4. С. 483], то становится ясно, что следующий этап – это формирование зоны негативной оценки внутри концепта. «Как только оценка из формальных

моментов перекинулась в содержание, можно с уверенностью сказать, что подготавливается переоценка» [5. С. 80]. В этом случае формирование негативной оценки сопровождается определенными смысловыми сдвигами внутри концепта, и это неизбежно влечет за собой негативизацию всего концепта в целом. В этом смысле публичный дискурс отражает объективно существующую в социуме негативную ситуацию, т. е. реальные объекты речевой агрессии не навязываются, а лишь **обозначаются** через публичный дискурс, поскольку «семантические преобразования происходят в языке тогда, когда они отвечают потребностям социума» [15. С. 167]. По мнению Г. Г. Хазагерова, СМИ вовсе не способны изменять картину мира: всякое новое или вошедшее в моду слово, даже пережив «реконцептуализацию» попадает «в уже заселенное пространство» [16]. Опасность такого рода речевой агрессии заключается в том, что выбранная в результате совпадения экстралингвистических и интерлингвистических факторов номинация начинает активно использоваться в контексте с негативной модальностью множеством адресантов во множестве различных дискурсов.

В когнитивном пространстве современного российского социума процесс формирования объектов речевой агрессии наиболее активно проявляется в трех социально-значимых оппозициях: «народ – власть»; «русские – нерусские» и «бедные – богатые». Так, в рамках оппозиции «бедные – богатые» в конце XX – начале XXI в. в качестве объектов речевой агрессии последовательно выступали концепты *коммерсанты – бизнесмены – новые русские – олигархи*. В рамках оппозиции «русские – нерусские» в определенные периоды новейшей российской истории социумными объектами агрессии становились концепты *чеченцы, исламисты*.

Как показывают лингвистические и социологические исследования, в последние 10 лет в России в качестве социально значимого объекта речевой агрессии выступает концепт *мигранты*. Если исходить из того, что «за каждым словом стоит структура знания или оценки, явления, убеждения и т. д.» [11. С. 29], то ответить на вопрос, почему слово *мигрант* столь активно существует в современном лексиконе, и не только политическом, но и бытовом, можно лишь выяснив, что вкладывается сегодня в его содержание. Как известно, смыслы, передаваемые отдельными словами,

словосочетаниями и т. д. являются объектом концептуального анализа. Структура и содержание концепта «выявляются через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты» [1. С. 26].

В большинстве толковых словарей русского языка конца XX – начала XXI в. слово *мигрант* либо отсутствует, либо прямо соотносится со словом *миграция*. Например: *мигрант*, а, м., одуш. [фр. *migrant*, нем. *Migrant* < лат. – см. *миграция*]. Тот, кто совершает миграцию. Устройство быта мигрантов. Животные-мигранты. || Ср. иммигрант, эмигрант.

Миграция, и, ж. [фр. *migration*, нем. *Migration* < лат. *migratio* переселение]. Переселение, перемещение (напр., населения внутри страны или из одной страны в другую, а также животных из одной местности в другую) [10]. Как видим, на понятийном уровне в ядерной зоне данного концепта актуален только компонент *переселение, перемещение* при отсутствии как социального, так и оценочного компонентов.

В словаре Т. Ф. Ефремовой понятие *мигранты* определяется как социальное явление, однако без указания на какой-либо оценочный компонент: *Мигранты*. I мн. – Люди, вынужденные покинуть свое место жительства в силу каких-либо неблагоприятных причин (природных катастроф, боевых действий, преследований по национальному признаку и т.п.) [7].

Контекстуальный анализ различных типов современного российского дискурса указывает на изменение ядерной зоны концепта в коллективном когнитивном пространстве. Для современного россиянина *мигранты* – это люди, приехавшие на заработки в Россию из бывших советских республик Средней Азии и Кавказа. Такая конкретизация в ядерной смысловой зоне существенно расширила периферию данного концепта за счет включения целого ряда негативных оценочных смыслов: низкая общая культура, пренебрежение правилами гигиены, низкая профессиональная квалификация и др. (подробнее см.: [14]). В результате, как справедливо отмечает Т. Г. Скребцова, исследовавшая образ мигранта в современных российских СМИ, «происходит существенный сдвиг от объективной оценки, опирающейся на дескриптивные признаки, к субъективной – эмоциональной, утилитарной, телеологической и даже этической», что в свою очередь,

«может спровоцировать обострение социальной напряженности, формирование расистских настроений, возникновение межнациональных конфликтов» [14. С. 117].

Безусловно, круг подобных объектов может сужаться или расширяться в зависимости от экстралингвистических факторов. Однако общий принцип формирования объектов речевой агрессии в коллективном когнитивном пространстве универсален, и на основе этого принципа при необходимости можно «просчитывать» перспективу возможных социальных конфликтов.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2004. № 1. С. 18–36.
2. Булыгина, Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. М., 1997. 576 с.
3. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002. 378 с.
4. Волошинов, В. Н. Марксизм и философия языка // Бахтин, М. М. (Под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М., 2000. С. 349–486.
5. Волошинов, В. Н. Слово в жизни и слово в поэзии // Бахтин, М. М. (Под маской). Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. М., 2000. С. 72–96.
6. Воронцова, Т. А. Речевая агрессия: вторжение в коммуникативное пространство. Ижевск, 2006. 296 с.
7. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. М., 2006. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>.
8. Клушина, Н. И. Стилистика публицистического текста. М., 2008. 244 с.
9. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: курс лекций. М., 2001. 270 с.
10. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008. 944 с.
11. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.
12. Купина, Н. А. Идеологическая толерантность // *Лингвистические проблемы толерант-*

ности : тез. докл. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2001. С. 236–239.

13. Малышева, Е. Г. Концепт «Олимпиада 2014» как новая идеологема современной России: лингвокогнитивный аспект исследования // Вторая международная научная конференция «Стилистика сегодня и завтра: медиатекст в прагматическом, риторическом и лингвокультурологическом аспектах». М., 2012. С. 146–153.

14. Скребцова, Т. Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая

лингвистика. Вып. 3(23). Екатеринбург, 2007. С. 115–118.

15. Фоменко, Ю. В. Человек, слово и контекст // Концепция человека в современной философской и психологической мысли. Новосибирск, 2001. С. 164–168.

16. Хазагеров, Г. Г. Что слышит слушающий [Электронный ресурс] // Отечеств. зап. 2002. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru>.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315).
Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 73–77.*

В. А. Генералов

О КАТЕГОРИЗАЦИИ МОДИФИЦИРУЮЩИХ ПОЗИЦИЙ В СТРУКТУРЕ МНОГОКОМПОНЕНТНЫХ ТЕРМИНОВ (на примере английского языка)

Рассматриваются такие категории многокомпонентных словосочетаний, как ранжирование модификаторов и ступенчатость усложнения ономазиологического базиса термина.

Ключевые слова: категоризация, многокомпонентные термины, ступени модификации, значимые модифицирующие позиции, узнаваемость, гипотетическая модель модификации, кажимость, генезис.

При исследовании многокомпонентных терминологических словосочетаний некоторые лингвисты отмечают наличие определенного параллелизма между свободно образованными многокомпонентными и цельнооформленными терминологическими словосочетаниями. Первые характерны для художественных, авторских произведений, а вторые функционируют в специальных подъязыках науки и техники. При этом следует отметить, что для свободного многокомпонентного словосочетания характерна минимальная воспроизводимость. Это связано с индивидуальностью набора конкретных свойств объекта действительности. Как протяженность, так и состав определительной цепочки в свободных словосочетаниях зависят от авторской интенции. Воспроизводимость многокомпонентного термина (МКТ) не должна зависеть от случайных факторов. Структура МКТ и количество ступеней модификации напрямую зависят от достижения целей у з н а в а е м о с т и технического объекта на языковом уровне.

Для проведения нашего анализа сравним некоторые свободные сочетания прилагательных с существительным *'dog'* (пример приводится по одной из работ специалистов по английской грамматике – Рэндольфа Кверка и др.): *a fierce dog* – ‘свирепая собака’; *an old dog* – ‘старая собака’; *a shaggy dog* – ‘лохматая собака’; *a big dog* – ‘большая собака’

Теперь построим синтаксическую последовательность свободного словосочетания на основании данных словосочетаний и отметим порядок ранжирования прилагательных между собой, если объединить их с одним общим ономазиологическим ядром *'dog'*:

(4) (3) (2) (1)

'a fierce big old shaggy dog' – ‘свирепая, большая, старая, лохматая собака’.

Возникает вопрос, на основании какого фактора ранжируются между собой указанные английские прилагательные? Мы считаем, что их ранжирование происходит на основе разной экстенциональности, или семантического охвата. Иными словами, отдельно взятые словосо-

четания *'fierce dog'*, *'big dog'*, *'old dog'* и *'shaggy dog'* обладают разной экстенсией в пределах класса под названием *'dogs'*. Поэтому, когда ономаσιологические признаки выстраиваются и складываются, они располагаются в линейной цепи влево от ономаσιологического ядра в соответствии со своим охватом. Это и определяет, по нашему мнению, их ранговое значение, которым они потенциально обладают.

На существование ранговых отношений в составе свободного словосочетания указывал датский лингвист Отто Есперсен. Например, в характерном сочетании *'the furiously barking dog'* он усматривал несколько рангов у компонентов, входящих в его состав.

“The word **dog** has rank 1, the words **barked** and **barking** have rank 2, and the word **furiously** has rank 3. Based on this observation, he claimed that the rank of a lexical item does not depend on whether it participates in a **nexus** (i.e. propositional description) or a **junction** (i.e. an object description) ...” [3. P. 104]

Под рангами О. Есперсен понимал те грамматические позиции, которые занимают в синтаксической протяженности компоненты, являющиеся различными частями речи. В рангах самое важное – это то, что связано с их значимостью, в частности с их различной весомостью относительно друг друга. Нам представляется, что в «несвободном», лексикализованном, словосочетании также проявляется ранжирование компонентов, но порядок их следования, то есть развертывания, и характер взаимоотношений должен быть иным. Мы используем известный параллелизм свободных и терминологических словосочетаний, отдавая себе отчет в том, что в их основе лежат разные проявления «синтаксизма», взятого в самом широком смысле. Свойством терминологических словосочетаний может считаться выражение ими определенного объема номинации, т. е. степени экстенциональности, охвата, которым обладает ономаσιологический признак.

Назначение МКТ состоит в предельно адекватной объективированной номинации технического, или функционального, объекта. Процесс номинации связан как со сложностью, так и с предельностью структуры МКТ. Сложность и предельность структуры МКТ детерминируются, по нашему мнению, важным фактором у з н а в а е м о с т и технического объекта. И действительно, свойства протяженности структуры МКТ напрямую зависят от достижения целей номинации. В свою очередь, фактор уз-

наваемости технического объекта должен основываться на *технической функции* объекта.

В нашем исследовании технических МКТ мы опираемся на достижения когнитивной лингвистики, которая возникла в результате так называемого «общего методологического сдвига» конца 50-х гг. прошлого века, когда лингвисты стали заниматься разработкой теоретических модельных конструктов, «далеких от поверхности» и скрытых от непосредственного наблюдения. В это время появилась генеративная грамматика Н. Хомского и было введено понятие «глубинной структуры» в лингвистический обиход. В настоящее время когнитивная лингвистика характеризуется не только применением новых процедур, но и изменением прежних познавательных установок (cognitive targets). В когнитивной лингвистике в качестве модельных конструктов выступают когнитивные структуры и процессы в сознании человека: фреймы (М. Минский, Ч. Филлмор), идеализированная когнитивная модель (Дж. Лакофф), семантико-грамматические суперкатегории (Л. Талми), ментальные пространства (Ж. Фоконье) и т.д.

По нашему мнению, идеи, излагаемые в работах когнитивистов Дж. Лакоффа, Ч. Филлмора, Л. Талми, Э. Рош, лингвистов Н. Хомского, О. Есперсена, психолингвистов Дж. А. Фодора, Ф. Н. Джонсона-Лаэрда и др., могут быть полезными при разработке аналитических концептов и описательных моделей терминологических многокомпонентных словосочетаний.

В своей работе «Женщины, огонь и опасные предметы» Джордж Лакофф пишет о важности категоризации: «Классический взгляд на категории как на сущности, объединяющие элементы с общими свойствами, не совсем ошибочен. Мы действительно часто осуществляем категоризацию вещей на этой основе. Однако это лишь начало длинной повести. В последнее время стало ясно, что процесс категоризации устроен куда сложнее. Возникла новая теория категоризации – теория прототипов» [4].

В 17-й главе автор отмечает, что «понятия базового уровня и образно-схематические концепты понимаются непосредственно в терминах опыта физического взаимодействия <...>. Образные схемы являются источником структур, используемых в этих моделях. Вспомним некоторые типы обсуждавшихся ранее образных схем: ВМЕСТИЛИЩЕ, ИСТОЧНИК – ПУТЬ – ЦЕЛЬ, СВЯЗЬ, ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ, ВВЕРХ – ВНИЗ, ПЕРЕДНЯЯ СТОРОНА – ЗА-

ДНЯЯ СТОРОНА. Эти схемы структурируют наш пространственный опыт. Я утверждаю, что такие схемы структурируют сами концепты. Я придерживаюсь той точки зрения, что на самом деле образные схемы формируют то, что мы все имеем в виду под термином «структура», говоря о сфере абстрактных категорий. Когда мы обнаруживаем в чем-то абстрактную структуру, мы понимаем ее в терминах образных схем» [Там же].

Американский лингвист Р. Лангакер развивает основные положения когнитивной грамматики в своей работе под названием «Основы когнитивной грамматики», ставшей отправным пунктом для развития когнитивной лингвистики. С точки зрения когнитивной грамматики, существующие языки состоят исключительно из семантических, фонологических и символических единиц. Р. Лангакер признает, что основной причиной появления грамматических структур являются когнитивные процессы.

Важным аспектом исследования технических МКТ является линейный порядок модификаторов в их составе. В настоящее время принято считать, что «линейный порядок языковых элементов в любом языке сопряжен с передачей некоторого значения, задача исследователя – определить объем и номенклатуру передаваемых линейным порядком значений, установить степень значимости данного языкового феномена для системы конкретного языка» [2. С. 6–31]. Линейный порядок представляет собой знак с максимальной степенью релятивности и опосредованности. Означаемым линейного порядка является информация о внутренних отношениях между знаками. Линейный знак имеет двойственную природу: с одной стороны, *порядок* как всякий знак, осуществляет *предикацию*, сообщая о явлении действительности через линейное расположение его элементов, а с другой – сигнализируя о внутренних отношениях между компонентами, *номинарует* предмет объективной действительности. При этом линейная развернутость многокомпонентных словосочетаний может представлять собой либо произвольный знак, не имитирующий языковую реальность, либо иконический знак, имитирующий, моделирующий объекты языковой действительности и взаимодействия между ними. Последнее положение является важным для интерпретации МКТ, поскольку проводимые нами исследования позволяют сделать вывод о том, что экстралингвистический контекст

функционирования технического объекта непосредственно влияет на характер отношений между компонентами в МКТ. По нашему мнению, иерархия модифицирующих позиций в составе МКТ повторяет взаимозависимость и иерархию функций и операций, в систему которых включен реальный технический объект.

В целях интерпретации гипотетической общей модели развертывания МКТ приведем пример развертывания ономаσιологического базиса '*carton*' в словосочетании *new giant size cardboard detergent carton*, заимствованном нами из университетской грамматики английского языка Р. Кверка и др. [5. Р. 349]:

Zero stage:

Carton – происходит выделение из **множества объектов** (нулевая ступень модификации). *Carton* – унитарный, неступенчатый термин.

First stage:

Detergent carton – происходит выделение из **класса объектов** (первая ступень). *Detergent carton* – одноступенчатый термин.

Second stage:

Cardboard detergent carton – происходит выделение из **подкласса объектов** (вторая ступень). *Cardboard detergent carton* – двухступенчатый термин.

Third stage:

Giant size cardboard detergent carton – происходит выделение из **группы объектов** (третья ступень). *Giant size cardboard detergent carton* – трехступенчатый термин. Данный термин является финитным, то есть структурно законченным, но не предельным с точки зрения его потенциального лексического наполнения.

В примере Р. Кверка приводится еще один модификатор – *new*, но, по нашему мнению, он не входит в структуру данного термина и определяет не исходный базис, а все многокомпонентное словосочетание в целом. Как мы считаем, акт модификации как таковой заканчивается на третьей ступени, и объект на этом этапе наделен свойствами узнаваемости на языковом уровне. Иначе говоря, между определителем *new* и МКТ *giant size cardboard detergent carton* существует, на наш взгляд, синтаксический стык (*junction*), который оформляет сочетание прилагательного и МКТ как номинативной единицы. В данном случае за счет свободного прилагательного *new* происходит видовое выделение данного объекта из *двух бинарных объектов*, один из которых дан в импликации, и наблюдается диадическое противопоставле-

ние комплексу прилагательного *old* и МКТ: *old giant size cardboard detergent carton**.

На основе проведенных нами исследований можно выделить следующие гипотетические категории-позиции в составе МКТ. Мы их описывали в одной из наших предшествующих работ [1]:

1) ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ (ASSIGNMENT – символ **FOR**) – первая ступень модификации;

2) ОТНЕСЕННОСТЬ (REFERENCE – символ **REF**) – вторая ступень модификации. На данной ступени, согласно нашим исследованиям, используются модификаторы с семантикой парциальности (*OF*), локативности (IN/ON/AT/FROM и т.д.), аппозитивности (*APP*), подобия (*LIKE*);

3) ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ (PARAMETRIZATION – символ **PAR**) – третья ступень модификации. На данной ступени реализуются модификаторы, обозначающие различные физические параметры протяженности, объема, качества, интенсивности и т. д.

Однако нами отмечены примеры, когда и ранговые отношения, и сами ступени модификации могут истолковываться неоднозначно. В этом, собственно, и состоит значимость предлагаемой нами общей гипотетической модели модификации. Ее «эталонность» служит, на наш взгляд, важным методологическим инструментарием для интерпретации и адекватного декодирования различных типов технических МКТ, с учетом ранговых отношений в их структуре.

Ниже приводятся некоторые примеры транспозиции ранговых значений в простых составных терминах (1–2) и использования комплексных модификаторов в многокомпонентных терминах (3–5):

1) *strong box* – сейф для хранения ценностей (параметрическая ассоциация, PAR-ASSOCIATION, общее ранговое значение модификатора *strong* – 3). Однако в первой позиции происходит транспозиция: *'a box for keeping valuables', 'a safe'*. Параметрическая ассоциация имеет в данном примере ранговое значение – 1 (FOR-ASSOCIATION). Иными словами, модификатор *strong* занимает не «свою» позицию и имеет не «свое» ранговое значение;

2) *glass rod* – стеклянная палочка для перемешивания химреактивов (ассоциация отнесенности, REF-ASSOCIATION, ранговое значение модификатора *glass* – 2). Однако в первой позиции происходит транспозиция: *'a rod for mixing chemical reagents'*. Ассоциация

отнесенности имеет в данном примере ранговое значение – 1 (FOR-ASSOCIATION). Иными словами, модификатор *glass* занимает не «свою» позицию и имеет не «свое» ранговое значение;

3) *safe fast road* – скоростная дорога (параметрическая ассоциация, PAR-ASSOCIATION, общее ранговое значение модификаторов *safe* и *strong* – 3). Однако, в данном МКТ, по-видимому, только одна ступень модификации, так как модификаторы *safe* и *fast* одного порядка (между ними можно поставить логический союз 'AND'). Очевидно, что 'дорога' является скоростной, если она технически обеспечивает безопасное движение транспорта и наоборот;

4–5) *low-volume high-pressure gas* – сжатый газ и *high-volume low-pressure gas* – несжатый газ (параметрическая ассоциация, PAR-ASSOCIATION, общее ранговое значение – 3). Однако в данных МКТ, по-видимому, только одна ступень модификации, т. к. модификаторы *low-volume high-pressure* и *high-volume low-pressure* в составе своих МКТ одного порядка (между ними можно поставить логический союз 'AND').

Примеры 3–5 демонстрируют, что на поверхностном уровне вышеуказанные МКТ представляются двухступенчатыми структурами, тогда как на глубинном уровне они являются одноступенчатыми. Здесь проявляется категория *кажущим образом* (*simulacrum, ostensibility*), которая характерна для технических МКТ, в структуре которых даже простое соположение (juxtaposition) компонентов не всегда означает существование между ними семантического взаимодействия.

В нашем подходе, мы рассматриваем одноступенчатые терминологические словосочетания типа *strong box* или *glass rod* не как автономные термины, а как *начальные этапы* общей модели развертывания, как субтермы с общим базисом, *потенциально открытые* для дальнейшей модификации.

Описываемая выше модель, при всей ее спорности, может служить, по нашему мнению, инструментарием для исследования статуса модификаторов, находящихся в отношениях релятивности и ранжирования между собой в составе МКТ, а также для анализа различных субтермов (одно-, двух-, трехступенчатых), имеющих единый исходный базис и объединяемых общим *генезисом* (*genesis*) порождения. Предлагаемая нами гипотетиче-

ская концепция может иметь определенное методологическое значение при исследовании и интерпретации технических МКТ; в определении семантики позиций модифицирования в составе МКТ; для обоснования критериев предельности структуры и выяснения статуса многокомпонентности МКТ.

Выводы:

1. В структуре МКТ выделяются модифицирующие позиции, отражающие процесс экспликации технического объекта на языковом уровне.

2. Модифицирующие компоненты, занимающие отдельные позиции в определительном комплексе МКТ, обладают релятивными позиционными, или ранговыми, значениями.

3. Семантика ранговых значений в когнитивной модели МКТ отражает сложность экстралингвистических условий функционирования объекта в технологическом контексте.

Список литературы

1. Генералов, В. А. О моделируемости и критериях сложности семантико-синтаксической структуры многокомпонентных терминов (на примере английского языка) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VI Междунар. науч. конф. Т. 1. Челябинск, 2012. С. 202–206.
2. Смирнова, Н. Ф. О семиологическом подходе к изучению линейного порядка языковых элементов // Межведомств. сб. Вып. 1. Мн., 1986. С. 6–31.
3. Jespersen, O. *Analytic Syntax*. Chicago, 1984.
4. Lakoff, G. *Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, 1987.
5. Quirk, R. *A University Grammar of English* / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. М., 1982. 349 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 77–80.

А. И. Глазырина

КОМПЬЮТЕРНЫЙ ПОДЪЯЗЫК: ТЕРМИНЫ, ЖАРГОНИЗМЫ, ПРОФЕССИОНАЛИЗМЫ

Рассматривается содержание понятия «компьютерный подъязык» и устанавливается дифференциация терминов, жаргонизмов и профессионализмов в рамках компьютерного подъязыка.

Ключевые слова: *компьютерный подъязык, термины, компьютерный жаргон, профессионализмы.*

По утверждению С. Г. Тер-Минасовой «нет языка “вообще”, можно изучать определенный его пласт, стиль, вполне конкретную разновидность или страту <...>, именно поэтому с точки зрения обучения языкам наиболее целесообразно и эффективно обращение к языку специальности или языку для специальных целей» [14. С. 4]. Ю. М. Скребнев указывал на использование элементов национального языка лишь в более или менее строго определенных специальных сферах. Таким образом, система языка – это пестрая картина из пересекающихся подсистем (*intersecting subsystems*). Внутри общей системы существуют разнообразные специальные языки (*special languages*), или подъязыки (*sublanguages*).

В понимании профессиональных языков среди языковедов нет единства. Приведем те термины, которыми чаще всего оперируют исследователи: подъязык – Т. Р. Кияк, Ю. М. Скребнев, Л. Б. Ткачева, Е. И. Чупилина; ЯСЦ (язык для специальных целей) – А. И. Комарова, А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева; субъязык (калька с английского *sublanguage*) – Ю. М. Скребнев; профессиональный язык – О. Вюстер, Н. Б. Гвишиани, Т. Р. Кияк, А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева; профессиональная речь – Ю. Д. Дешериев, И. Е. Краснова, А. Н. Марченко; специальный язык/подъязык – А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева; профессиональный / специализированный

подъязык – Ю. Д. Дешериев, А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева; профессиональный субъязык – М. Д. Степанова, И. И. Чернышева; профессиональный вариант нормы – А. Н. Баскаков, В. П. Даниленко, Л. И. Скворцов.

Подъязык иногда отождествляют с LSP (Language for Special / Specific Purposes – язык для специальных целей – ЯСЦ), например, Н. В. Шевчук, В. Н. Ярцева. Другие исследователи рассматривают данную проблему в ракурсе часть – целое, применяя термин подъязык ко всем специальным сферам деятельности человека, а LSP (ЯСЦ) только к области науки и техники [13]. Более того, ЯСЦ (LSP) имеет полевую структуру и его ядро составляют не только нормативные (кодифицированные) термины, но и кодифицированные номены [9]. Термин LSP все-таки больше используется в дидактическом смысле [8].

Следует иметь в виду, что вариативность терминологических наименований, обозначающих понятия из области языковой коммуникации в сфере профессиональной деятельности людей, вызвана не только различием терминологических вкусов исследователей. За ней скрывается многообразие, сложность и разнородность языковых явлений, связанных, так или иначе, со спецификой данной сферы общения.

Представляется, что термины подъязык и язык для специальных целей (ЯСЦ/LSP) являются синонимами. Некоторые ученые рассматривают ЯСЦ/LSP в дидактическом ракурсе [8], другие говорят о скорее лингвистической, чем педагогической (дидактической) проблеме LSP [3. С. 220].

Наиболее широким, на наш взгляд, является подход В. К. Журавлева, говорящего о лингвеме (термин Ю. Д. Дешериева) – языковом образовании, выполняющем функцию речевого взаимодействия в том или ином социуме, в той или иной сфере общения. Лингвема – это «все разновидности относительно целостных языковых образований, функционирующих в специфических социальных условиях» [6. С. 12]. Данный термин, однако, не получил распространения в лингвистической литературе.

К широкому пониманию также можно отнести теорию регистров, изучающую языковые варианты (т. е. фактически языковые подсистемы), различающиеся по типу ситуаций, в которых они реализуются [5. С. 17]. Н. Б. Мечковская рассматривает семиотический континуум,

образуемый вспомогательными языками, в котором для характеристики значимы две градуальные оппозиции, различающиеся степенью проявления признака: 1) соотношение естественного и искусственного начал в происхождении языка-посредника; 2) соотношение неспециализированности (общеупотребительности) и специализированности (профессиональности) в назначении, функциях, сфере использования языка [11. С. 175].

В. В. Раскин различает два понятия – подъязык и языковая подсистема. Подъязыки – «такие языки, которые являются частями какого-либо естественного языка и которые используются в качестве (часто единственного) средства естественного общения определенной группой людей (идиолекты, диалекты, наречия, говоры, социальные диалекты, жаргоны и пр.); подсистемы используются исключительно в профессиональных целях и носят преимущественно (или даже исключительно) письменный характер и не используются в целях естественного общения людей <...> следовательно, подсистема может включать и подъязыки, и не подъязыки» [5. С. 19]. Несомненно, что «любая подсистема включает в себя малые языковые подсистемы» [5. С. 24].

С другой стороны, понятие подъязык традиционно рассматривается трехаспектно: с функциональной точки зрения (функциональная стилистика), социальной (социолингвистика) и с точки зрения профессиональной дифференциации.

Рассмотрев понятие подъязыка, остановимся на понятии подъязыковых союзов. Уже в 1960-е гг. Н. Д. Андреев высказал глобальную мысль о выделении подъязыковой типологии и отраслевой лингвистики в отдельные разделы науки о языке [1. С. 123]. Н. Д. Андреев был первым, кто высказал мысль о существовании не просто иерархии, а типологии подъязыков, выделяя ее экстралингвистические (объем подъязыка находится в обратно пропорциональной зависимости от степени гомоморфизма между его словарным составом и описываемой подсистемой действительностью, т. е. тем сильнее воздействие внеязыковых условий функционирования подъязыка) и внутрilingвистические особенности (т. е. те, которые «не могут быть непосредственно возведены к действительности» [1. С. 118–120]).

Многие исследователи замечают, что «нередко семантика терминов, принадлежащих к разным естественным языкам, и способы по-

строения этих терминов ближе в разных языках, чем в разных предметных областях, отраженных в ЯСЦ одного естественного языка» [цит. по: 10. С. 78].

Каковы же признаки отраслевых языков? Один из наиболее полных наборов признаков «отраслевых языков» предлагает В. В. Чеплюк: 1) это часть общенационального языка, интегрирующая общенациональные языковые средства и при этом дополняющая и обогащающая общенациональный язык; 2) они являются не закрытыми, а открытыми системами, постоянно меняющимися, находящимися в контакте с другими отраслевыми языками; 3) они определяются не столько соотносительностью с определенной социальной группой, сколько коммуникативным содержанием, коммуникативным намерением, коммуникативной ситуацией; 4) их отличие не только в специфическом лексическом наполнении (термины), есть специфические черты на всех уровнях языковой подсистемы; 5) они многочисленны, их может быть столько, сколько существует или возникает областей человеческой деятельности; 6) они – не автономные языковые системы [16. С. 8].

Под компьютерным подъязыком понимается такой подъязык, который является частью определенного языка и имеет сложную природу, базируясь на субстрате естественного национального языка. Данный подъязык используется в качестве средства письменного и устного общения определенными различными группами людей, объединенных одной профессиональной сферой деятельности, – специалистами (компьютерные термины и профессионализмы) и неспециалистами (компьютерный жаргон).

Различные научные направления в течение последних десятилетий избрали данную проблематику в качестве магистральной (например, лингвостатистика, прикладная лингвистика, социолингвистика, культура речи и, конечно, функциональная стилистика). Междисциплинарный подход проявил себя не только количественно (по числу концепций), но и качественно (в содержательной стороне и терминологическом аппарате).

Так, в свете теории языковых подсистем, понятие языковой подсистемы не является принципиально новым для языкознания. Оно возникла давно и изучается самыми различными лингвистическими дисциплинами с разнообразными целевыми установками, это и стилистика, и диалектология, и изучение про-

фессиональных языков, и социолингвистика, и изучение двуязычия, и исследования по детской речи. Эти направления языкознания используют идею расслоения языка – т. е. идею вариативности – на отдельные подсистемы по различным основаниям: географическим, социальным, профессиональным, возрастным, эстетическим и др. (см. работы Б. Ю. Городецкого и В. В. Раскина, В. Н. Ярцевой, М. М. Гухман и многих других).

Г. В. Хасаншина справедливо замечает, что «структурно-функциональная концепция Пражской школы (20–50-е гг. XX в.) позволила выдвинуть и обосновать понятия функциональный стиль и специальный язык» [15]. Исследования Р. А. Будагова и В. М. Жирмунского подготовили разработку теоретико-методической базы понятия подъязык.

Некоторые исследователи (И. С. Куликова, Д. В. Салмина, Г. В. Хасаншина) отождествляют термины метаязык и подъязык. Метаязык – это «язык, средствами которого описываются и исследуются свойства некоторого другого, предметного (объективного) языка» [12]; «язык “второго порядка”, объектом которого является содержание и выражение другого языка» [2. С. 232].

Общая теория терминов часто противопоставляется частным теориям терминов (частные/отраслевые терминологии) [13]. Таким образом, в специальный подъязык входят стилистически неоднородные пласты лексики.

Наиболее распространенной является точка зрения на терминологию как на четко очерченную подсистему внутри лексической системы языка. В зависимости от фактора частотности терминологическую лексику можно разделить на две группы: узкоспециальные термины и общеупотребительная лексика. Терминологическая лексика, в свою очередь, функционально подвергается дифференциации на общенаучную и собственно термины (термины смежных наук и отраслевые термины) [17. С. 93]. Классификации терминов просто пестрят разнообразием: предметные термины (термины наблюдения) и собственно-термины (термины теории); внутритраслевые термины; термины науки, термины техники и производства, термины управления, термины культуры и спорта [4. С. 14–15].

Существуют три подхода к соотношению профессиональной лексики и терминологии: 1) они идентичны (Н. М. Шанский); 2) они различны – М. Д. Степанова и И. И. Чернышева

(профессионализмы – архаическая лексика ремесел и специальных занятий эпохи позднего Средневековья); 3) имеются общие черты – Т. Р. Кияк (термины имеют более упорядоченный и нормализованный характер, в то время как профессионализмы являются полуофициальными лексическими единицами, которые употребляются узким кругом специалистов, причем преимущественно в разговорном языке, т. е. принадлежат к ненормативному пласту терминологии, по определению З. И. Комаровой) [7. С. 10].

Специальная лексика определяется З. И. Комаровой как «совокупность лексических средств, кроме общенародных и общенаучных, употребляемых в специальных областях человеческой деятельности» [9. С. 6] Данный подход базируется на двух признаках: 1) роль лексических средств с точки зрения глубины информации (понятийного содержания), которую они несут в специальной коммуникации; 2) нормативность – ненормативность специального слова.

В компьютерном подязыке центральную зону занимает нормативная терминология, далее к ней примыкает профессиональное просторечие (правда, некоторыми исследователями не признаваемое), а затем – профессиональный жаргон и арго, которые сходятся и пересекаются в профессиональном идиолекте. При этом ядерный, центральный страт сам по себе не является однородным, а включает отраслевую, узкоотраслевую и узкоспециальную терминологию. Наряду с терминологической и специальной лексикой компьютерный подязык включает и часть общенародной лексики национального языка: 1) «строевая» лексика (предлоги, союзы, частицы); 2) средства логической связности (слова-маркеры, слова-индикаторы, слова-коннекторы); 3) часть общенародных слов разных частей речи [15. С. 45,47].

Кроме того, компьютерный подязык включает еще часть общенаучной и общетехнической терминологии, а также часть привлеченных терминов из смежных областей знания. С одной стороны, компьютерный подязык отличает «малая продолжительность жизни», что, на первый взгляд, должно выражаться в отсутствии «устаревших», вышедших из употребления слов. С другой стороны, стремительные темпы роста и качественные изменения в самом подязыке свидетельствуют о наличии давно забытых и «неуклюжих» терминов (например, *электронно-вычислительная машина, постоянно запоминающее устройство* и т. д.).

Список литературы

1. Андреев, Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., 1967. 403 с.
2. Ахманова, О. С. *Словарь лингвистических терминов*. М., 2004. 569 с.
3. Гвишиани, Н. Б. *Язык научного общения*. М., 1986. 279 с.
4. Головин, Б. Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б. Н. Головин, Р. Ю. Кобрин. М., 1987. 103 с.
5. Городецкий, Б. Ю. *Методы семантического исследования ограниченного подязыка* / Б. Ю. Городецкий, В. В. Раскин. М., 1971. 413 с.
6. Журавлев, В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М., 1982. 328 с.
7. Кияк, Т. Р. *Лингвистические аспекты терминоведения* : учеб. пособие. Киев, 1989. 103 с.
8. Комарова, А. И. *Функциональная стилистика: научная речь. Язык для специальных целей (LSP)*. М., 2004. 192 с.
9. Комарова, З. И. *Структура специального слова и ее лексикографическое описание*. Свердловск, 1991. 156 с.
10. Лейчик, В. М. *Терминоведение: предмет, методы, структура*. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2006. 256 с.
11. Мечковская, Н. Б. *Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков* : учеб. пособие. М., 2003. 312 с.
12. *Словарь по логике* / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. М., 1997. 384 с.
13. Суперанская, А. В. *Общая терминология: Вопросы теории* / А. В. Суперанская, Н. В. Подольская, Н. В. Васильева. М., 1989. 246 с.
14. *Функциональная стратификация иностранных языков* / под ред. С. Г. Тер-Минасовой. М., 1987. 212 с.
15. Хасаншина, Г. В. *Латинизированный семантический метаязык в русском агрономическом подязыке* : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 192 с.
16. Чепелюк, В. В. *Функционально-стилистические особенности текстов итоговых документов международных совещаний 1970–1980 гг.* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1992. 18 с.
17. Чупилина, Е. И. *Парадигматическая классификация английской терминологической лексики по содержательным признакам (на материале подязыка электроники)* // Системное описание лексики германских языков. Вып. 3. Л., 1979. С. 93–98.

ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕЦИПИЕНТА ПОЛИКОДОВОГО ТЕКСТА

Рассматривается проблема когнитивной интерпретации комикса как поликодового текста.

Ключевые слова: поликодовый текст, комикс, восприятие, ментальные репрезентации.

В современной лингвистике особенно актуальным становится исследование коммуникативных сообщений поликодового характера. В отечественных работах термин «поликодовый» используется сравнительно недавно. Вслед за В. Е. Чернявской, мы рассматриваем поликодовость как взаимодействие различных кодов, подразумевая, что «кодом является система условных обозначений, символов, знаков и правил их комбинации между собой для передачи, обработки и хранения (запоминания) информации в наиболее приспособленном для этого виде» [9. С. 28]. В связи с этим значимым оказывается понятие «поликодовый текст». Нам представляется наиболее точным определение, данное А. Г. Сониным, который считает поликодовым специфический текст, включающий разные по своей семантической природе составляющие [7. С. 54].

По мнению ряда лингвистов (Е. Г. Аганесова, А.-М. Ариас, И. М. Беляков, О. А. Дорофеева, В. Е. Чернявская и др.), взгляд на текст как поликодовое образование является следствием и отражением поликодового характера современной коммуникации, которой присуща тенденция к эстетизации. При этом под «эстетизацией» подразумевается значительная визуализация коммуникативных сообщений, например, в рекламе, в Интернете, в СМИ, где особое внимание уделяется внешнему оформлению. Для обозначения данного явления в зарубежной лингвистике широко используется термин *textdesign* (дизайн текста). Факт «эстетизации жизненного пространства» современного человека отмечают многие лингвисты: Т. А. Винникова, Н. Г. Комиссарова, Е. Ф. Серебренникова, А. С. Сорокина, Л. М. Яковенко и др.

В данном исследовании в качестве поликодового сообщения рассматривается комикс – серия рисунков с подписями, объединенных общей тематикой. Анализ проводился в русле когнитивных разработок, поскольку на современном этапе лингвистика изучает язык в неразрывной связи с когнитивными процессами, осуществляемыми человеком. В основе таких

процессов лежат, по мнению З. А. Харитончик, механизмы получения, переработки и передачи информации об окружающем мире и образование когнитивных структур репрезентации [8. С. 99].

Центральной задачей лингвистики с когнитивных позиций выступает описание и объяснение языковой способности и/или знания языка как внутренней когнитивной структуры и динамики говорящего – слушающего (автора – интерпретатора), рассматриваемой в качестве системы переработки информации, которая состоит из конечного числа самостоятельных модулей и соотносит языковую информацию на разных уровнях [3. С. 34].

При изучении комикса особое внимание уделялось таким сложным явлениям когнитивной деятельности, как виды и способы отражения мира в сознании человека. В подобного рода исследованиях на первый план выступает проблема внутренней (ментальной) репрезентации знаний и когнитивных действий (образно-пространственные, вербальные, семантические и пр.). Для научной интерпретации этих процессов используются термины «когнитивная карта», «схема», близкие термину «фрейм» (предложены М. Минским в области искусственного интеллекта и Э. Гофманом в социологии). Все эти понятия подчеркивают решающую роль «рамки», «контекста» в когнитивной активности реципиента.

Доказано, что внутренняя репрезентация знания базируется на системе врожденных знаний (знания о языке, языковой компетенции, языковые умения и навыки). Объектом лингвистических теорий становится организация знания в памяти субъекта, а главное, соотношение вербальных и образных компонентов в процессах восприятия и интерпретации содержания комикса (Г. Бауэр, А. Пайвио, Р. Шепард). В частности, в когнитивной лингвистике интенсивно разрабатывается когнитивная теория эмоций (С. Мехтер), индивидуальных различий (М. Айзенк) и когнитивных способностей языковой личности (Дж. Келли, М. Махони). Эти

работы пересекаются с аналогичными исследованиями в области философии, где человек, активный носитель когниции, рассматривается как познающая сторона, как центр универсума [3. С. 26]. Этой точки зрения придерживается и французский философ П. Тейяр де Шарден, который считает, что «центр перспективы – человек – одновременно центр универсума. С самого начала своего существования человек представляет зрелище для самого себя» [2. С. 5].

Управляющие коммуникативным действием когнитивные структуры индивидуума организованы в виде сценариев, отражающих взаимодействие участников коммуникации (типа «субъект – субъект») и опирающихся на доминирующее процедурное знание. Поэтому когнитивные структуры такого рода принято называть «процедурными сценариями взаимодействия» [4. С. 85].

Одной из составляющих когнитивной деятельности человека выступают когнитивные способности. К таким способностям М. Ришел относит, например, построение образов, логический вывод на их основе, получение новых знаний из имеющихся сведений, составление и реализация планов [14. С. 27]. Близкую точку зрения высказывает и немецкий ученый С. В. Феликс. По его мнению, языковую деятельность следует рассматривать как механизм, когнитивную структуру которого можно описать и объяснить [11. С. 55].

Поскольку связь между вербальной и образно-визуальной когнитивной деятельностью может принимать, как было сказано выше, вид моделей когнитивных структур – сценариев, фреймов, схем, прототипов и т. п., для определения связи между вербальной и визуальной когнитивной деятельностью (модусами в терминологии М. Ришела). С. Эйлвином предложен следующий порядок связи между языковой и неязыковой когнитивной деятельностью интерпретатора: 1) вербальная и визуальная деятельность представляет систематические отношения между мыслью и чувством, ощущением; 2) вербальная и визуальная информация зависит от типа личности [10. С. 89].

Вместе с тем реализацию комикс-сообщения возможно представить на основе традиционной модели массовой коммуникации, предложенной Г. Г. Почепцовым: источник – кодирование – сообщение – декодирование – получатель [6. С. 39]. Под «источником» мы понимаем автора комикса. Как «источник»,

так и получатель комикс-сообщения обладают собственной концептуальной системой, или «системой индивида» (в терминологии Л. О. Бутаковой). Понимание сообщения мы, вслед за названным ученым, рассматриваем как построение определенной структуры смыслов в концептуальной системе реципиента («получателя») на базе языковых знаков, которые для реципиента являются средством конвенциональной ориентации в концептуальной системе автора. Цель автора – представление личностного (субъективного) смысла в конвенциональных языковых единицах. При этом понимание вводимой информации осуществляется индивидом с учетом всей концептуальной системы [1. С. 136].

По мнению Д. Фодора, мыслительные процессы индивидуума, в том числе и ментальные основы понимания и продуцирования сообщения, осуществляются посредством ментальных репрезентаций, которые он рассматривает в качестве ментальных посредников [12. С. 78]. Встает вопрос о большей или меньшей степени эффективности интеллектуальной деятельности индивида при выборе последовательности тех или иных когнитивных операций в процессе репрезентации информации, соотношенной по содержанию и структуре с конкретными обстоятельствами, целями и мотивами действия.

Наш материал позволяет вести речь о ментальных репрезентациях. Данное понятие является одним из основополагающих в когнитивной лингвистике. Анализ теоретических трудов показывает, что большинство когнитологов признают тот факт, что знание человека состоит из ментальных процедур и ментальных репрезентаций мышления и действий [15. С. 54]. При этом речь идет о внутренних структурах, которые формируются в сознании человека в течение его жизни. В подобных структурах представлена картина мира самого индивидуума, а также окружающего его социума.

Реализация когнитивного подхода в исследовании ментальной репрезентации как одной из разновидностей когниции предполагает обозначение и выделение некоего теоретического построения. Это построение призвано отразить и описать связь между социальной перцепцией и коммуникацией – с одной стороны, и социальным поведением – с другой. Ряд ученых полагает, что подобным построением является когнитивная структура, обозначаемая как ментально-лингвальный комплекс (МЛК). Этот комплекс имеет три аспекта, которые неразде-

лимы как функционирующее целое, и в то же время достаточно различимы. Этими аспектами являются мышление, сознание и язык.

Следовательно, мы можем предположить, что такой сложный социальный объект, как государственная политика, отражает через комикс образ мира – общую картину политического кризиса, политических выборов, личности политика, в рамках которого осмысливаются и оцениваются разные стороны объекта.

Ментальные репрезентации имеют знаковый характер, в процессе восприятия мира человеком они «замещают» предметы и явления. Е. С. Кубрякова считает, что именно заместительная функция репрезентации и делает ее знаковым образованием [3. С. 31]. Такие репрезентации «в отличие от других ментальных образований, имеющих знаковую природу, осознаваемы, т. е. мы всегда, когда нужно, можем представить на внутреннем “экране” любой объект» [3. С. 19]. Специфика комикса заключается в том, что присутствие в нем иконического знака «задает» вполне определенные иконические репрезентации в сознании адресата. Когнитивный анализ репрезентационной активности в рамках МЛК позволяет говорить о том, что по мере развития способности индивида к восприятию, происходит формирование схем «предвосприятия» – «устойчивой структуры и своего рода “сетки”, позволяющей расчленив общий поток идущих извне впечатлений и внутренних ощущений на относительно устойчивые сегменты. При этом субъект определенным образом идентифицирует эти сегменты как перцептивные объекты волевого воздействия и операционные единицы умственных усилий» [5. С. 22]. Репрезентирующие образы наглядны, конкретны и несут в себе эмоциональное начало непосредственно переживания действительности.

В современной лингвистической науке не существует единого мнения по поводу того, каким образом соотносятся такие аспекты МЛК, как мышление и язык. В данном аспекте мы придерживаемся точки зрения таких ученых, как Е. Г. Аганесова, Е. А. Винникова, А. Пайвио, Ж. Пиаже, Е. Ю. Прохоров, и предполагаем принципиальную возможность сосуществования невербального мышления со словесным, хотя Ф. де Соссюр и В. фон Гумбольдт полагают, что акты мышления тесно связаны только с языком.

По нашему мнению, в процессе восприятия комикса, т. е. при формировании ментальной

репрезентации, мыслительная деятельность осуществляется как в виде вербальных, так и в виде иконических образов. А. Пайвио предложил классификацию, согласно которой все ментальные представления могут быть разделены на *картиноподобные* (главным образом, хранящиеся в памяти человека образы живых и неживых объектов) и *языкоподобные* (репрезентации самих языковых единиц), в совокупности образующие ментальный лексикон сознания. Е. Г. Аганесова полагает, что вербальные и невербальные знаки, совместно функционирующие в тексте, являются различными способами представления знания. Данное теоретическое предположение вполне соответствует теории «двойного кодирования», выдвинутой и экспериментально подтвержденной А. Пайвио [13. С. 207].

Следовательно, можно утверждать, что специфическое построение комикс-сообщения обеспечивает взаимодействие многоуровневых когнитивных процессов восприятия. При этом в когнитивную систему реципиента внедряются новые знания, происходят смысловые трансформации, создаются новые ментальные репрезентации. Особенности построения таких ментальных репрезентаций обусловлены спецификой взаимодействия гетерогенных знаков поликодового текста.

Список литературы

1. Бутакова, Л. О. Языковое сознание индивида: постулаты когнитивной поэтики // Языковое сознание: устоявшееся и спорное : тез. XV Междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2003. С. 41–43.
2. Губман, Б. Л. Тейяр де Шарден // Современная западная философия. М., 1992. С. 295–296.
3. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопр. языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
4. Макаров, М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998. 200 с.
5. Морковкин, В. В. Язык, мышление и сознание // Русский язык : энциклопедия. М., 1998. С. 664–668.
6. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации. М., 2001. 656 с.
7. Сонин, А. Г. Понимание поликодовых текстов: когнитивный аспект. М., 2005. 220 с.

8. Харитончик, З. А. Лексикология современного английского языка. Мн., 1992. 229 с.
9. Чернявская, В. Е. Поликодовое пространство текста: лингвосемантическая парадигма языкознания // *Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век*. СПб., 2009. С. 23–35.
10. Aylwin, S. *Structure in thought and feeling*. L. ; N.Y., 1985
11. Felix, S. W. *Perspektiven der Kognitiven Linguistik* / S. W. Felix, S. Kanngiesser, G. Rickheit // Felix, S. W., Kanngiesser, S. (eds.) *Sprache und Wissen: Studien zur Kognitiven Linguistik*. Opladen, 1990.
12. Fodor, N. Freud and the Poltergeist // *Psychoanalysis : Journal of Psychoanalytic, Psychology*. Vol. 4, № 2. Winter 1955–56.
13. Paivio, A. *Mental representations: a dual coding approach*. Oxford, 1986. 250 с.
14. Richelle, M. *Les cognitivisme: Progres, regression ou suicide de la psychologie?* // Siguen, M. (ed) *Comportement, cognition, conscience: La psychologie a la recherche de son objet* Symposium de l'Association de psychologie scientifique de langue française. P., 1987.
15. Thagard, P. (ed.) *Philosophy of Psychology and Cognitive Science*. Amsterdam, 2007.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315).
Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 84–88.*

О. Л. Заболотнева

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИРОНИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (на примере произведений С. Ахерн)

Раскрываются особенности выражения иронии с помощью метафоры, гиперболы и сравнения, выявляются их виды и функции в художественном дискурсе. Утверждается, что ирония опирается на авторское видение мира и характеризуется наличием явного и скрытого смыслов, связанных отношением противоположности или отрицания.

Ключевые слова: *художественный дискурс, ирония, метафора, ироническая метафора, гиперболола, сравнение, функции иронии.*

Феномен иронии издавна привлекал внимание исследователей, благодаря чему сформировались различные подходы к изучению этого явления. В XX в. ирония становится объектом пристального внимания не только литературоведов, философов, психологов, но и лингвистов. В начале XXI в. внимание ученых привлекает интеллектуальная сторона иронии: когнитивные аспекты ее продуцирования и смыслового восприятия реципиентом.

Основным механизмом существования иронии в художественном дискурсе является игра со смыслами. В этой игре истинным является не прямое значение высказывания, а противоположное ему, подразумеваемое автором опосредованно и выражаемое им различными языковыми способами.

Мы согласны с определением понятия «художественный дискурс», данным Н. С. Олизко, а именно: «художественный дискурс как разновидность бытийного общения представ-

ляет собой развернутый, предельно насыщенный смыслами диалог автора, читателя и текста, выявляющий взаимодействие авторских интенций, сложного комплекса возможных реакций читателя и структуры текста, которая выводит произведение в безграничное пространство семиосферы» [4. С. 9].

Ирония содержится не в самом высказывании или отдельном слове, а становится понятной читателю из контекста или сконструированной автором ситуации. Особую выразительность стилистической иронии в художественном дискурсе придает насмешливая интонация, поскольку, как известно, даже письменный текст «звучит», проговаривается про себя. Другими маркерами иронии в тексте художественного произведения могут стать нарушение стиля, повторы, прямые указания в тексте («он иронично улыбнулся»), мимика персонажа или риторика (приподнятые брови, ухмылка) [5].

Другими словами, ирония характеризуется наличием выраженного и скрытого смыслов, связанных отношением противоположности или отрицания. Данное свойство иронии позволяет герою выражать личностное, эмоционально окрашенное отношение к жизненному пространству. Иронизируя, автор выражает свое отношение к действительности посредством речи своих героев.

На современном этапе большинство исследователей предлагают разграничить два понятия: ирония как стилистический прием и ирония как результат – иронический смысл, созданный рядом разноуровневых средств языка, взаимодействие которых обеспечивает единство текста [2. С. 169].

В стилистике ирония прочно утвердилась как стилистический прием, основанный на противопоставлении прямых и переносных значений слова и на антифразных отношениях (таких, например, как гипербола, литота, парафраз и др.). «Выражение насмешки путем употребления слова в значении, прямо противоположном его основному значению, и с прямо противоположными коннотациями, притворное восхваление, за которым в действительности стоит порицание, называется иронией» [1. С. 128].

Средства создания иронии в художественном дискурсе многообразны. Ирония может возникать в результате взаимодействия семантических и прагматических компонентов ситуации на уровне словосочетания (такое взаимодействие в англоязычной лингвистической традиции получило название семантико-прагматического интерфейса). Семантико-прагматический интерфейс акцентирует внимание на том, как процесс интерпретации высказывания включает в себя обогащение его композиционной и лексической семантики дополнительным содержанием [3].

Сесилия Ахерн – известная ирландская писательница. В возрасте 21 года она написала свой первый роман «P.S. Я люблю тебя», который продавался более чем в 40 странах мира. Книга заняла первые места в рейтингах бестселлеров США, Англии, Ирландии, Германии. В ноябре 2004 года ее вторая книга «Не верю, не надеюсь, люблю» также достигла вершины рейтингов в Ирландии и Соединенном Королевстве. Почти пятьдесят лет жизни главных героев уместилось в эту книгу, состоящую из нескольких сотен писем. Второй роман молодой ирландской писательницы – это история о

том, сколько времени иногда требуется, чтобы найти свою настоящую любовь. Особенно, если она совсем рядом [8].

Ирония в произведениях С. Ахерн является одним из способов, используемых героями для самоутверждения. Иронизируя, они освобождаются от чувства неудовлетворенности, несостоятельности, реализуя свое критическое намерение. В ее книгах ирония приводит к временному «снятию» диалектического противоречия между желаемым и реальным, возможным и действительным, помогая человеку сохранить свое «я» при самых сложных обстоятельствах.

Ирония выступает своеобразным щитом, помогает укрыться от болезненного одиночества, депрессии, неожиданных ударов судьбы: “I can’t understand why he has to go all the way over to Boston to do a boring job. There is plenty of them right here. He can have mine” [7. С. 31]. Пер.: «Я не знаю, зачем ему вздумалось ехать в Бостон за какой-то нудной работой. Можно подумать, здесь такой нет. Я бы, например, с удовольствием уступила ему свое место» [10]. Семантика высказывания обогащается благодаря интерпретации его глубинного смысла: героиня не хочет, чтобы друг детства уезжал в Бостон, более того, у нее у самой скучная работа, но это не наталкивает ее на мысль о переезде. На самом деле Роза – одинока, она не может смириться с мыслью о том, что останется в Дублине совсем одна, без помощи и поддержки своего близкого друга. Иронический эффект создается за счет несоответствия между прямым и косвенным значениями высказывания.

Истинный смысл высказывания героя постоянно требует интерпретации: “I’m horrified that things have gotten so bad that I actually pay attention to the teachers” [7. С. 35]. Пер.: «Да, раз я начала слушать учителей – значит, дела по-настоящему плохи» [10]. На основе анализа глубинной структуры высказывания можно утверждать, что ситуация изменилась с течением времени в связи с новыми обстоятельствами, чего нельзя извлечь из поверхностной структуры. Единственный друг Розы переехал с семьей в другую страну, и ей ничего не остается делать, как начать учиться. Иронический эффект создается за счет умозаключения, что слушать учителей необходимо только тогда, когда больше нечем заняться.

Лексические средства выражения иронии (например, сравнение) – самые используемые современными авторами для создания ирони-

ческого смысла. Принцип иронического сравнения – почти обязательная перемена рядности: сравнение переводит предмет в другой ряд, в другой план, чаще всего снижающий.

Героиней произведения «Волшебный дневник» является шестнадцатилетняя девушка со свойственным ее возрасту ироническим взглядом на жизнь. Так, она говорит о своем дяде, который рад встрече с ней после долгой разлуки: “He patted me hard on the head as if I was his faithful collie...” [9]. Пер.: «Он довольно больно потрепал меня по затылку, словно я была его любимой колли...» [10]. Сравнение человека с собакой передает насмешливое отношение героини к способу выражения эмоций взрослыми, несмотря на то что эти взрослые являются близкими ей людьми.

Ироническое сравнение придает произведению особую экспрессивность: “Oh... Rosaleen looked confused as though I’d spoken some odd Celtic Tiger language” [9]. Пер.: «А... – смутилась Розалин, словно я говорила на языке Кельтского Тигра» [10]. Яркий прием сравнения и авторское новообразование «Celtic Tiger language» (**язык Кельтского Тигра**) помогает нам представить сильное удивление на лице Розалин.

Метафоры – слова или выражения, которые употребляются в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений. Слова и фразы, вырванные из привычного для них контекста и окружения, начинают работать в новых, непривычных речевых ситуациях. При их интерпретации, оказывается, что их использование логично, и автор лишь выносит на поверхность до этого нераскрытые возможности употребления этих единиц языка. В результате может возникнуть ироническая метафора [6].

Среди важнейших способов создания иронического смысла можно выделить перемещение явления в несвойственную ему сферу. Потеря сигнала, например, свойственна технике и электронике, у С. Ахерн эта способность приписывается человеку: “She does that a lot, at the most random times. Dropping in and out of our conversations with looks and pauses as though she loses signal on her brain connection [7. С. 72]. Пер.: «Она делает это часто, причем в самые непредсказуемые моменты. Просто прерывает разговор с таким видом, будто теряет сигнал в коре головного мозга» (пер. авт. статьи). Метафора создает

загадочный образ героини, которую можно охарактеризовать как «не от мира сего, с чужинкой». Порой она не способна логично и связно мыслить.

В следующем примере ироническая метафора строится на основе соотнесения размера: “It is much smaller than the house we are in now. Mummy is funny she calls it a shoe box!” [7. С. 83]. Пер.: «Она намного меньше, чем та квартира, в которой мы сейчас живем. Мамачка говорит, что мы будем жить в коробке от обуви!» [10]. Квартира и коробка из-под обуви принадлежат к разным сторонам действительности, однако их сближение создает необходимый иронический эффект.

Для создания иронического эффекта часто употребляются **гиперболы** – **образные выражения, содержащие непомерное преувеличение** размера, силы, значения, объема и т. д.: “I’ve got four years here in Harvard, then I’ve to do about five to seven years in a general surgical residency, so I’m estimating that I’ll be fully qualified in my specialized field (whatever that will be) by the time I’m one hundred years old” [7. С. 60]. Пер.: «Мне предстоят четыре года здесь, в Гарварде, затем лет пять-семь на общем хирургическом отделении, так что квалифицированным специалистом в своей области (какой бы она ни была) я стану, лет в сто, не раньше» [10]. Получить профессию хирурга не так-то просто. Главный герой осознает достаточно непростой выбор уже в начале своего трудного пути. Гипербола помогает реализовать прием иронии благодаря намеренному преувеличению возраста и количества лет, требуемых для получения профессии хирурга.

“In answer to your question about Greg, yes, he’s a nice man. Not the kind of person I expected you to settle down with, he’s very quiet and reserved. A lot older than you as well. He’s what... thirty-seven? And you’re twenty-seven. That’s ten years, Rosie. How will you feel when he’s old and decrepit and you’re still young and beautiful? How will you ever look into those faded watery eyes and kiss those wrinkly dry cracked lips? How can you rub your hands over the varicose veins in his legs and go running through fields holding hands while all the time secretly worrying about his weak heart? These are the things you need to worry about Rosie” [7. С. 142].

Пер.: «Что касается Грега, он показался мне довольно милым. Правда, я не ожидал увидеть рядом с тобой именно такого человека. Слишком уж он скрытный и молчаливый. И к тому

же, он намного старше тебя. Сколько ему... 37? А тебе 27. Десять лет, Роза. Каково тебе будет, когда он превратится в дряхлого старика, а ты будешь все такой же молодой и красивой? Каково тебе будет смотреть в его потускневшие глаза и целовать высохшие морщинистые губы? Каково будет видеть по утрам его бледные варикозные ноги? Каково будет ходить с ним по магазинам, в глубине души постоянно беспокоясь – выдержит ли все это его слабое сердце? Тебе стоит над этим задуматься, Роза» [10]. Главный герой любит Розу. Ему не нравится, что она выбрала себе недостойного спутника жизни. Иронизируя, намеренно преувеличив ужасные последствия не такой уж и значительной разницы в возрасте, друг детства подтверждает мысль о том, что Роза достойна лучшего, что она особенная и требует трепетного к себе отношения. Алекс – врач по профессии. Ирония высказывания усиливается наличием медицинского термина «варикозные ноги», что усугубляет весь драматизм ситуации.

В основе гиперболы может лежать критерий времени: “Alex has started his wonderful life in college, people who were at school with me are out tasting what the world has to offer and I’m just expanding by the second, wondering what I have got myself into” [7. С. 57]. Пер.: «Алекс учится в колледже, у всех моих одноклассников новая жизнь, а я с каждой секундой становлюсь толще и толще и постоянно задаю себе один вопрос: как я могла во все это вляпаться?» [10]. Героиня утверждает, что толстеет с каждой секундой (говоря о беременности), но в действительности это невозможно. Роза молода и неопытна, она испытывает сильное отчаяние, потому и преувеличивает свои проблемы.

Не всегда гипербола поддается количественным, временным и другим исчислениям. Интерпретация иронического подтекста возможна при апелляции к логическому мышлению. Иногда она присутствует лишь на уровне семантики предложения: ‘Come in, come in, and we’ll get you some tea,’ Rosaleen said with urgency in her voice, as though we were all going to die unless we had some tea” [9]. Пер.: « – Пойдемте, пойдемте. Вам нужно выпить чаю, – продолжала Розалин с непонятной настойчивостью, словно иначе нам грозила смерть» [10].

Кроме семантической гиперболы для создания иронии может быть использован прием олицетворения: “Her father wouldn’t even know what an olive was if it walked up to him and in-

roduced itself” [9]. Пер.: «Ее отец не узнал бы оливку, даже если бы она подошла к нему и представилась» [10]. В данном случае весьма эксплицитно выражена мысль о необразованности и пожилом возрасте героя.

В некоторых случаях гипербола является развернутой: “Do not inhale when changing nappy. In fact allow Mum and Dad or even random strangers to change nappy as often as possible if they so wish” [7. С. 60]. Пер.: «Не дышать, меняя пеленки. А еще лучше – как можно чаще позволять их менять маме с папой или даже незнакомым людям, если они проявят такое желание» [10]. Явное преувеличение действительности позволяет нам сделать вывод о присутствии эмоционально-оценочного компонента высказывания, за счет чего и создается иронический смысл.

Таким образом, ирония – сложное явление, которое опирается на когнитивное восприятие автора, владеющего определенной языковой картиной мира. Эффект иронического контекста в художественном произведении во многом зависит от культурно-исторических условий и индивидуально-психологических особенностей личности читателя, а также от структурно-коммуникативных особенностей конкретного высказывания. Иронизируя, С. Ахерн выражает свое отношение к действительности, на что читатель реагирует по-разному.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2002. 383 с.
2. Ермакова, О. П. Типы вербализованной иронии в разных сферах русского языка // Язык. Культура. Гуманитарное образование. М., 1999. 188 с.
3. Кондрашова, Д. С. Теория сегментной репрезентации дискурса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006>
4. Олизько, Н. С. Интертекстуальность постмодернистского художественного дискурса (на материале творчества Дж. Барта). Попытка семиотико-синергетического анализа. Челябинск, 2007. 407 с.
5. Потемина, М. С. Полифункциональность иронии. URL: <http://journals.kantiana.ru/vestnik>
6. Ротанова, Н. М. Ироническая метафора. Опыт анализа (когнитивный и прагматический аспекты) [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-samgu.samsu.ru/gum>

7. Ahern, C. Where Rainbows End. Printed and bound in Great Britain by Clays Ltd, St Ives plc, 2010. 585 p.
8. <http://ru.wikipedia.org/wiki>
9. <http://www.litres.ru/sesiliya-ahern/volshebnyy-dnevnik>
10. <http://www.reeed.ru/lib/books>

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315).
Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 88–90.*

А. Н. Зарецкая

КАРТИНА МИРА ТЕЛЕСЕРИАЛА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Предложен когнитивный подход к анализу такого вида кинодискурса, как телесериал. Выделяются характерные особенности телесериала, дается определение картины мира телесериала. Утверждается, что телесериал, выступая в качестве источника информации об определенном фрагменте действительности, дает реципиенту упрощенную картину мира.

Ключевые слова: кинодискурс, телесериал, картина мира, прототип.

Сегодня существует большое количество жанров массовой культуры, вносящих свою лепту в формирование определенной картины мира в сознании читателей, зрителей, слушателей – реципиентов сообщения. Наше обращение к формату сериала вызвано, во-первых, все возрастающим количеством сериальных произведений искусства в современном мире. Книжки, полнометражные художественные фильмы, мультфильмы, телепередачи – кажется, все, что может быть превращено в сериальный продукт, тиражируется. Во-вторых, телесериал в настоящее время является малоисследованным видом дискурса с лингвистической точки зрения вообще и с точки зрения когнитивной лингвистики, в частности.

Между тем востребованность этого вида кинодискурса у массовой аудитории позволяет ставить вопрос о силе его воздействия, рекламных возможностях, о формируемой телесериалом картине мира и пропагандируемых ценностях. Не случайно популярный российский журнал «Эксперт» в сентябре 2012 г. вышел с заголовками «Телемыло атакует!», «Рейтинги вместо смысла», «Нужен анализ транслируемых ценностей» [4].

В настоящей статье телесериал предлагается рассматривать в русле когнитивного подхода, что позволит лучше раскрыть сущность этого явления, поскольку «согласно теоретическим принципам, положенным в основание когнитивно-дискурсивной парадигмы, каждое

языковое явление должно изучаться в двух его аспектах: как когнитивном, так и коммуникативном (дискурсивном)» [2. С. 13].

Телесериал квалифицируется нами как разновидность кинодискурса. Под последним понимается связный текст, являющийся вербальным компонентом фильма, в совокупности с невербальными компонентами – аудиовизуальным рядом этого фильма и другими значимыми для смысловой завершенности фильма экстралингвистическими факторами, т. е. креолизованное образование, обладающее свойствами целостности, связности, информативности, коммуникативно-прагматической направленности, медийности и созданное коллективно дифференцированным автором для просмотра реципиентом сообщения (кинозрителем).

Телесериал обладает определенной спецификой, находящей формальное выражение в структуре и отражающей фундаментальные свойства этого жанра: семиотическая осложненность (креолизация), квазиспонтанность, «полуотмеченность», художественность, медийность, воспроизводимость и сериальность.

Мы считаем, что ключевое влияние именно на жанр телесериала как разновидность кинодискурса оказывает такое его свойство, как **медийность**. Именно медийность, или принадлежность телесериала к медиатекстам, обуславливает присущие медиатекстам черты: идеологизированность, ценностную ориентированность, коммерциализированность и фраг-

ментарность (см. [1]). Основываясь на определении, данном Н. А. Сирош картине мира журнального номера, определим картину мира телесериала как «информационную модель реального мира, создаваемую каждым отдельным телесериалом, который категоризует и структурирует (адаптирует) мир для своих зрителей с определенных идейных позиций» [5].

Ориентирование зрителя относительно содержания телесериала выполняется при помощи названия. Традиционно в полнометражных художественных фильмах именно название часто служит ключом к декодированию смысла всего произведения, к разгадке подтекста. В сериале, где изначально даже его создателями не просматриваются все возможные перипетии сюжета в будущем, название не может выполнять такой функции; вместо этого название выполняет функцию ориентирования зрителя среди возможных «миров», создаваемых разными сериалами. В этом случае, действительно, по выражению Е. С. Кубряковой, в названии проявляется «ориентирующая, или **миросозидающая** функция языка» [2. С. 16].

Рассмотрим, например, сериал «Офис» (США). Само оформление названия символично: стиль и начертание белых букв на черном фоне, а также стилизованное изображение имитируют традиционный стиль указателей в офисном здании. Определения слова office подчеркивают, что в английском языке оно указывает как на место, где люди занимаются бизнесом, так и на самих работающих в офисе людей (a. A place in which business, clerical, or professional activities are conducted. b. The administrative personnel, executives, or staff working in such a place) [8].

Название прежде всего отсылает нас к **прототипическому** офису, причем изображенный в сериале прототип воплощает представление об офисе именно американском. Типичный внешний вид офиса отражается в виде визуальных знаков (все серии обращаются к представлениям американского зрителя о стандартном офисе, состоящем из столов клерков в просторной комнате, офисных перегородок, компьютеров, кабинета босса, отдельной комнаты для ланча и т. п.); **внешний вид работников** (визуальные знаки); типичные должности и должностные обязанности имеют вербальное выражение; типичные ситуации (сценарии) имеют предсказуемые и узнаваемые этапы.

Телесериал «Офис» представляет «упрощенный мир» («a simplified world» [9]), мир

ограниченного числа кодов, и в этом плане напоминает «женские журналы». В то время как в женских журналах все разнообразие мира сводится к гендерным оппозициям, в телесериале о работе создается картина мира, основанного на оппозиции **концептов** «начальство» – «подчиненные». Вся жизнь сотрудников, очевидно, «вертится» вокруг работы.

Пространство сериала, по меткому замечанию М. В. Лукова, «проницаемо» [3], т. е. теоретически зритель, не вставая с кресла, может перенестись в любой уголок мира. Но на самом деле «проницаемость» эта, подчеркнутая, кроме того, «субъективной» камерой, жестко ограничена рамками самого офиса. На работе заводят романы и женятся, дружат и ссорятся, играют на музыкальных инструментах, справляют свадьбы и отмечают Новый год. Все другие учреждения как будто бы не существуют – зачем, если есть можно на работе, болеть и выздоравливать – там же. Знаменательным является отсутствие детей либо их номинальное введение в сюжет в качестве статистов в эпизодах – а между тем дети играют значительную роль в эмоциональной жизни большинства людей. Также отсутствуют картины семейной жизни, «дома», отпуска. С отпуском связан интересный эпизод: сотрудник, решивший уволиться, уезжает в турпоездку, где в первый же день сильно травмируется и оказывается в больнице. Таким образом, название телесериала сразу же сообщает зрителю, в каком именно направлении произошло «упрощение реальности», т. е. какой вариант восприятия ему предлагается. Картина мира телесериала, что вполне согласуется с присущим ему свойством медийности, ограничивается рамками одного **фрагмента** действительности.

Наибольшее значение, таким образом, придается **сценариям**, описывающим типичные рабочие ситуации настолько исчерпывающе, что сериал можно было бы назвать «карьерной энциклопедией»: увольнение, прием на работу, переход на другую работу, взаимоотношения с начальством и коллегами, служебные романы, взаимоотношения с «головным офисом», повышение и понижение в должности, продажа бизнеса другой фирме, перепрофилирование бизнеса, стажировка, обучение на рабочем месте, рабочее совещание, борьба за выгодного клиента, аренда офиса, основание, развитие и крах собственного бизнеса, привлечение инвесторов, принятие на работу «по протекции», новичок на работе, слияние филиалов, тренин-

ги на командообразование (список можно продолжать).

Особо хотелось бы отметить сценарии, как правило, отсутствующие в российских телесериалах: взаимоотношения с работниками кадровой службы (поскольку она имеет в американской действительности намного более широкие полномочия, чем в российской), тренинги политкорректности. Сама **категория** политкорректности, недостаточно пока известная широким слоям носителей русского языка и не представляющая русскому зрителю важной, оказывается крайне значимой для американского зрителя и находит свое отражение в **концептах** Diversity Day, racial tolerance, racist, a minority, a stereotype, diversity in workplace, inappropriate behaviour, race, gay people, to file a complaint, white, black, open-mindedness (последнее слово – как имя концепта – особенно показательно, поскольку оно кажется странным даже самим героям, сомневающимся в его существовании. Вместе с тем такое слово зафиксировано [6] и означает широту взглядов, непредвзятость суждений, отсутствие критики обычаев и мнений других, даже если не разделяешь их; отсутствие зафиксированного перевода этого слова на русский язык [7] подтверждает, что этот концепт, в целом прочно встроенный в английский язык в категорию политкорректности, у нас пока отсутствует).

Упрощение картины мира в первую очередь отражается на лексике сериала. Как несложно предположить, в большом количестве здесь **присутствует терминология, относящаяся к сфере бизнеса и продаж: quarterlies, tonnage price, client, quantity, profit, margin, agenda, downsizing, resume, temp agency, salary, cash flow, inventory, a memo, to deserve a raise, a compensation, названия должностей в офисе, раскрывающие структуру должностной иерархии: assistant manager, assistant to the manager, temp, office manager, regional manager, receptionist, HR, Corporate, branch, разговорные выражения, описывающие процесс увольнения: to fire, to**

let smb. go, to run out of business, severance pay, gross misconduct, to clean out one's desk.

Итак, телесериал «Офис» выступает, перепрашивая выражение Е. С. Кубряковой [2. С. 23], в качестве «средства фиксации и хранения человеческого опыта по осмыслению людьми окружающей их действительности». Он выступает ярким примером того, как в жанре кинодискурса не просто осуществляется упрощение картины мира, но происходит практически полная инвентаризация знаний и представлений о фрагменте действительности («рабочее место»).

Список литературы

1. Зарубежная и российская журналистика: трансформация картины мира и ее содержания [Электронный ресурс] / под ред. А. А. Стриженко. Барнаул, 2003. URL: <http://evartist.narod.ru/text5/76.htm>.
2. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: Вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке / отв. ред. Н. Н. Болдырев. М.; Тамбов, 2009. С. 11–24.
3. Луков, М. В. Телевидение: телевизионная картина мира [Электронный ресурс]. URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/4/Lukov_TV_World-view
4. Москаленко, Л. Рейтинги вместо смысла // Эксперт. 2012. № 38. С. 17–26.
5. Сирош, Н. А. Образ мира журнальных изданий // Методология исследований политического дискурса. Вып. 2. Мн., 2000.
6. <http://www.merriam-webster.com/dictionary/open-mindedness?show=0&t=1362852810>
7. <http://www.multitrans.ru/c/m.exe?CL=1&s=openmindedness&l1=1>
8. <http://www.thefreedictionary.com/office>.
9. Machin, D. Branding and discourse: the case of Cosmopolitan / D. Machin, J. Thornborough // Discourse and Society. London, 2003.

АРХЕТИПИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ И ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ АРХЕТИП

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.», государственный контракт № 16.740.11.0761.

Рассматриваются понятия концепта и архетипического концепта, обосновывается наличие экологического архетипа дома как особого вида концепта в структуре бессознательного.

Ключевые слова: *архетип, концепт, архетипический концепт, символ, экологический архетип.*

На сегодняшний день одним из ключевых понятий в науке о языке является концепт, «по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования» [4. С. 41].

Обобщая различные точки зрения на концепт и его определения в языкознании, можно сделать следующий вывод: концепт – это единица коллективного знания/сознания, направляющая к высшим духовным ценностям, имеющая выражение в языке и отмеченная этнокультурной спецификой [5. С. 70].

Анализ работ, посвященных структуре концепта (исследования Ю. С. Степанова, С. Г. Воркачева, В. И. Карасика, Г. Г. Слыпкина, З. Д. Поповой, И. А. Стернина и др.), позволяет прийти к заключению, что в его структуре можно выделить три основных компонента – образ, информационно-понятийное содержание (ядро / базовый слой) и интерпретационное поле (дополнительные признаки).

Образ – это *целостное, но неполное* представление некоторого объекта или класса объектов о действительности в каком-либо аспекте. Образ не является отдельным впечатлением, однако он достаточно *систематизирован*, чтобы говорить о целостности восприятия. Помимо субъективности, для образа характерна также возможность его интерпретации в зависимости от социокультурного контекста современности [13].

Информационно-понятийное содержание (ядро) концепта включает минимальный набор когнитивных признаков, определяющих основные, наиболее важные отличительные черты концептуализируемого предмета или явления и близко к содержанию словарной дефиниции ключевого слова, именующего концепт [8. С. 38].

Интерпретационное поле концепта содержит дополнительные признаки: оценочные, энциклопедические, паремиологические, символические, социально-культурные (поведенческие) и т. д.

По мнению Е. В. Шелестюк, «концепт представляет собой совокупность предметно-логического содержания понятия и его культурно-символической ауры <...>. Символ есть, с одной стороны, имплицитруемая концептом и латентно существующая в нем «аура» культурно-стереотипных, архетипических и индивидуально-символических сем, а с другой – знак, означающим в котором выступает образ, концепт либо слово, его выражающее, а означаемым – обобщенное, а также абстрактное понятие либо идея. В первом значении символ выступает как сущность («сущность» концепта), а во втором – как явление» [17. С. 178]. «Сознание современного человека представляет собой диффузный научно-мифологический тип, состоящий из нескольких уровней, каждому из которых свойственен определенный тип символов» [Там же]. Исследователь формулирует и описывает основные группы символов в зависимости от уровня сознания:

- 1) прототипические символы, ядром которых являются конкретные зрительные образы;
- 2) архетипические (мифологические) символы, которые основываются на древнейших мифологических представлениях человека об окружающем мире, восходят к прототипам как первичным бессознательным образам и являются продуктом разных культур, разделенных во времени и пространстве. В отличие от символов-прототипов, символы-архетипы содержат мифологическую метафору, включаются в структуру мифа, часто отражают древний анимизм (антропо- и зооморфность), тотемизм;

3) стереотипные символы составляют уровень «обыденной» логики у людей какой-либо культуры;

4) мировоззренческие символы составляют идеологический уровень концепта;

5) индивидуально-авторские символы.

Концепт в лингвистике часто соотносят с архетипом. Соотношение, разграничение и уточнение этих понятий является предметом работ многих исследователей (Н. Д. Арутюновой, А. Ф. Лосева, И. Г. Ольшанского и др.), также встречаются понятия концепта-архетипа (В. В. Колесов, В. А. Маслова), архетипа как метаконцепта культуры (А. Ю. Большакова), архетипического концепта (В. И. Карасик, У. А. Савельева, И. А. Богданова).

В когнитивной лингвистике распространен введенный в научный обиход В. И. Карасиком термин «архетипический концепт», которым обозначаются «активно транслируемые, закрытые для модификации, непередаваемые в иные формы выражения и не допускающие критического восприятия концепты, т. е. архетипические ментальные образования особого типа/класса, имеющие специфические характеристики, обладающие способностью внедряться в сознание участников общения, отключать критическое восприятие и активно распространяться» [11. С. 43].

Концепт обретает архетипический статус, если относится к первоосновным метаконцептам, определяющим становление национального менталитета [2].

В диссертации У. А. Савельевой архетипический концепт рассматривается как сложное ментальное образование, конститутивными признаками которого являются: а) размытый оценочно-маркированный образ, не поддающийся рациональной рефлексии, базирующийся на дуальной категоризации мира и проявляющийся как след коллективного опыта в индивидуальном сознании; б) ориентация на важнейшие витальные ценности бытия и вытекающая отсюда универсальность для человечества; в) бинарный оценочный характер, выражающийся в неделимой диаде положительной и отрицательной оценок [16. С. 4].

Архетипический концепт – концепт, которому присущи параметры архетипа: социальность, ценностность, духовность и др. [7. С. 7]. «Архетипы, выступая основой формирования стереотипов, символов, образов той или иной культуры, реализуются в архетипических концептах как своеобразное единство коллектив-

ного и индивидуального элементов в осмыслении фрагментов окружающей действительности». Таким образом, по мнению У. А. Савельевой, архетипический концепт является своего рода продуктом индивидуального восприятия мира через призму коллективного наследия опыта предыдущих поколений [16. С. 8].

И. А. Богданова в своей диссертации утверждает, что главным носителем архетипического концепта в языке является слово, и выделяет в смысловом пространстве слова три уровня, которые «отличаются друг от друга степенью абстракции, проявленности и сложности. Низший, наиболее проявленный уровень образуют значения слов. На втором уровне находятся скрытые значения, которые описываются как коннотации. И третий уровень слова формируют архетипические смыслы, которые можно выделить путем анализа функционирования языковых средств, объективирующих концепт в языке» [1].

Архетипические смыслы различаются степенью сложности и степенью абстракции. По степени сложности И. А. Богданова выделяет простые архетипические смыслы, состоящие из одного компонента, и сложные, состоящие из нескольких компонентов. К первым исследователь относит архетипические материальные, материально-идеальные и идеальные смыслы, ко вторым – архетипические формулы, архетипические ситуации, архетипические сценарии. По степени абстракции в работе разграничиваются архетипические материальные смыслы, архетипические материально-идеальные смыслы и архетипические идеальные смыслы. Архетипическая формула состоит из ряда архетипических идеальных образов, которые, взаимодействуя друг с другом, реализуют картину бытия. Архетипические смыслы метафоричны, не соотносятся с действительностью, а осуществляют посредничество между действительностью и ментальностью; универсальны во времени и пространстве; представлены в фольклоре [3. С. 64].

А. Ю. Большакова в статье «Теория архетипа и концептология» рассматривает архетипы как метаконцепты культуры, «объединяющие множество единичных проявлений той или иной сущности, а также наиболее устойчивые в исторических изменениях и определяющие строй мировоззрения (личности, нации, народа)» [2].

Наиболее древние доступные нам архетипы – общемировые мифологические образы,

такие как первозданный хаос, небесный демиург, царь богов – громовержец, подземный мир, боги времени и судьбы, умирающие и воскресающие боги растительности, астральные божества светил, культурный герой и божественный кузнец, трюкач-трикстер и воитель, побеждающий праведностью [18].

Концепция архетипа ориентирует исследователей на отыскание в этническом и типологическом многообразии мифологических сюжетов и мотивов инвариантного архетипического ядра, метафорически выраженного этими сюжетами и мотивами (мифологемами), но никогда не могущего быть исчерпанным ни поэтическим описанием, ни научным объяснением [14. С. 110–111]. Тем не менее еще К. Г. Юнг попытался наметить некоторую систематику архетипов.

В соответствии с теорией К. Г. Юнга Н. М. Солодухо в работе «Экологический архетип: содержание, истоки, проявление» выдвигает гипотезу о существовании в общей структуре бессознательного архетипа экологического характера, а именно архетипа «Дом», в котором содержится отношение человека к окружающей среде и месту своего обитания: «экологический архетип выражается правилом “Сохраняй свой дом”, а также ожиданием покровительства в нем со стороны запредельной верховной сущности (Бога), стремлением к гармонизации с ойкуменой, границы которой во внешнем мире со временем расширяются» [6. С. 62–63]. Экологический архетип является одним из доминирующих в структуре коллективного бессознательного, потому что нацелен «на само существование человеческого рода в окружающем пространстве, заставляя человека в различных формах деятельности оставаться в рамках системы “общество (человек)” – “окружающая среда (первая и вторая природа)”» [6. С. 64].

Архетип дома универсален и интернационален, пластичен и все же атемпорален, является одним из самых константных архетипических образов, он представлен сознательно и бессознательно во многих произведениях искусства, в классических мифах, художественной литературе. «Дом – это место, где начинается и заканчивается жизнь. Он является свидетелем рождения и смерти и потому медирует между *этим* и *иным* миром. <...> Дом вмещает в себя память и забвение. Дом несет в себе память рода – ведь под его порогом похоронены предки <...> Дом по капле отдает нам нашу память, наше детство, наше прошлое <...> Дом собирает и позволяет

сосуществовать в себе разным эпохам, разным поколениям. Время над ним не властно. Но образ дома может быть и динамичен, если он дается через мотив потери дома и обретения его, возвращения домой. Дом – это перевалочный пункт на пути героя. Он часто стоит на границе: это избушка на курьих ножках, которая обращается одним боком к герою, а другим – к лесу, к иному, к потустороннему» [15. С. 60].

С. В. Климова выделяет следующие архетипические функции «дома», которые остаются «присущими этому понятию, несмотря на любые исторические, религиозные, социальные изменения»: жизнеобеспечивающая и спасительная; защитная; нормативно-этическая; социально-консолидирующая; смыслообразующая; идентификационная; исцеляющая и обновляющая (восстанавливающая); сберегающая и эстетически умиротворяющая [12].

Экологический архетип «Дом» является смысловым центром, вокруг которого вращаются другие архетипы и образы. Прежде всего, он пересекается с архетипами «Матери» (более общий архетип, символами которого может являться город, населенный пункт, бережно охраняющий своих жителей как мать своих детей) и «Дерева» (или «древа жизни», «древа плодородия», «древа рода», «небесного дерева», реже «древа смерти» и «древа зла») [6. С. 65].

В результате проведенного исследования А. Х. Гимазетдинова приходит к выводу, что в стремлении «к экологическому совершенству, идеалу гармонии человека с окружающей природой возникает коллективный образ идеальной страны, города, сада или рая» [6. С. 66]. Однако поскольку каждый архетипический образ имеет две противоположные стороны, то страх человека потерять «дом», т. е. **окружающую природную среду** выражается в образах конца света, конца мира, апокалипсиса (универсальный культурный архетип, характерный еще для архаического сознания большинства религий народов мира, который обобщает *глобальные, универсальные темы и сюжеты катастрофы*).

Обобщая вышеизложенное, приходим к выводу, что архетипический концепт – это особый тип концепта, первичный концепт или метаконцепт высшего уровня, в котором находят выражение культурные архетипы и архетипические образы, следовательно, ему присущи параметры архетипа. Мы считаем также возможным утверждать наличие в структуре бессознательного экологического архетипа,

который вербализуется в так называемом экологическом архетипическом концепте дома и воплощает отношение человека к окружающей среде и месту своего обитания.

Список литературы

1. Богданова, И. А. Архетипические формулы в смысловом пространстве архетипического концепта вода [Электронный ресурс]. URL: http://www.rusnauka.com/SND/Philologia/3_bogdanova%20i.a..doc.htm.
2. Большакова, А. Ю. Теория архетипа и концептология [Электронный ресурс] // Культурологический журнал. URL: http://www.cjournal.ru/rus/journals/109.html&j_id=9.
3. Брудный, А. А. Психологическая герменевтика. М., 1998. 336 с.
4. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филолог. науки. 2001. № 5. С.64–71.
5. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004. 236 с.
6. Гимазетдинова, А. Х. Экологическое сознание и экологический архетип / А. Х. Гимазетдинова, Н. М. Солοδοхо. Казань, 2008. 140 с.
7. Гучепшокова, С. А. Архетипический концепт «лицо/честь/совесть»: когнитивный и лингвокультурный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2011. 29 с.
8. Даниленко, Н. Б. Структурные особенности концепта // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 13 (267). Филология. Искусствоведение. Вып. 65. С. 37–40.
9. Иванова, Е. В. Архетип Апокалипсиса и его реализация в текстах СМИ // Политическая

лингвистика. Екатеринбург, 2012. Вып. 4(42). С. 184–188.

10. Иванова, Е. В. Экологическое сознание и эколингвистика // Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та. 2012. № 7. С. 248–258.

11. Карасик, В. И. Архетипические концепты в общении // Прямая и непрягая коммуникация. Саратов, 2003. С. 39–52.

12. Климова, С. В. Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома [Электронный ресурс] // Антропология: Веб-кафедра философской антропологии. URL: <http://anthropology.ru/ru/texts/klimova/function.html>.

13. Концепт и архетип Сатаны: современное состояние [Электронный ресурс]. URL: <http://warrax.net/76/arhetype.html>.

14. Мифы народов мира : энциклопедия / под ред. С. А. Токарева. М., 1980. 1392 с.

15. Петрова, М. Образ дома в фольклоре и мифе // Эстетика сегодня: состояние, перспективы / под ред. Л. В. Володина. СПб., 1999. С. 59–61.

16. Савельева, У. А. Архетипический лингвокультурный концепт «предательство» : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2008. 29 с.

17. Шелестюк, Е. В. О диалектике устойчивости и изменчивости концепта и символа // Язык. Культура. Коммуникация / под ред. Е. В. Пономаревой. Челябинск, 2004. С. 178–187.

18. Щепановская, Е. М. Мифологические архетипы народа как ядро понимания ментальности нации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.astrolingua.spb.ru/PHILOS/arch%20mental.htm>.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 94–97.

Н. В. Иванченко

О СПЕЦИФИКЕ УСТОЙЧИВЫХ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Рассматривается проблема взаимоотношения языка и культуры, делается попытка установить специфику различных видов устойчивых языковых единиц, характерных для китайского лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: китайский язык, устойчивая языковая единица, фразеологизм, крылатое выражение, цитата, чэньюй, яньюй, сехоууй, гуаньюньюй.

Любой национальный язык является плодом культурной эволюции определенного языкового сообщества, в его словаре и грамматике отражается картина мира этого сообщества. Однако нельзя не согласиться с Мартином Хайдеггером, который утверждал: «Сущность человека покоится в языке... Мы существуем, выходит, прежде всего в языке и при языке». Это означает, что любой индивид в своем развитии приобретает опыт не только благодаря взаимодействию с миром, но и во многом через язык, в котором накоплен опыт данной лингвокультуры.

В соответствии с таким пониманием репрезентация тех или иных особенностей ментальности и культуры осуществляется посредством языка. В ходе коммуникации происходит актуализация определенных семиотических структур, связанных с культурой, при этом говорящий может выбирать из корпуса вербальных элементов те, которые наилучшим образом отражают черты национального мышления. Особое место в этом корпусе занимают устойчивые языковые единицы: в них ярко и емко представлены знания и ценности национальной культуры. Каждая из таких единиц обладает определенным набором характеристик, проявляющихся в своеобразии семантики, происхождения, особой смысловой нагрузке и пр. С лингвистических позиций наибольшую значимость представляют те языковые единицы, которые «находятся в эпицентре исследований метафорического речемышления» [1. С. 3], конденсируют и кристаллизуют национально-культурные особенности.

Самобытность языка получает непосредственное выражение во фразеологизмах, поскольку они напрямую соотносятся с языковой действительностью. Согласно определению В. Н. Телия, фразеологизм – это общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава [5].

Фразеологизмы китайского языка, как и устойчивые единицы других языков, воплощают в себе наследие прошлых эпох, образно выражают национальный компонент. Они активизируют такие традиционные для китай-

ской культуры концепты, как *дом, рис, яшма, нефрит, дракон, тигр, феникс* и пр. Например, фразеологизм 龍頭蛇尾 (букв. «голова дракона, хвост змеи») означает ‘бурное положительное начало и позорное, глупое окончание дела’, 巧妇难为无米之炊 (букв. «даже хорошая хозяйка не может готовить ничего без риса») – ‘для каждого дела нужна тщательная подготовка’; 生米做成熟饭 (букв. «сырой рис уже сварен») – ‘делать что-то, чтобы добиться нужного результата’. Фразеология китайского языка представлена во всех речевых стилях и особенно широко в литературно-художественной речи. При этом многие фразеологизмы берут свое начало в литературных памятниках, таких как «У Цзин» (1 век до н.э.) и «Сы Шу» (12 век н. э.).

Наряду с фразеологизмами в китайском языке используются другие группы устойчивых единиц, в частности, крылатые выражения. У крылатых единиц имеются конкретные условия возникновения, большинство из них обладают яркой эмоциональной или стилистической окраской и емким содержанием при относительной краткости.

В качестве примера приведем высказывание одного из лидеров Китайской Народной Республики Дэн Сяопина (1904–1997), который на XIII съезде Компартии КНР (25 октября 1987 г.) был назван «главным архитектором китайских реформ»: 不管白猫黑猫,会捉老鼠就是好猫 (букв. «не важно, какого цвета кошка – черного или белого, хорошая кошка та, которая ловит мышей»). С помощью этого выражения Дэн Сяопин объяснял, почему стали проводиться прагматические экономические реформы (введение элементов рынка, разрешение частной собственности на средства производства, создание свободных экономических зон и т. д.), в то время как китайское правительство утверждало, что необходимо придерживаться социалистического строя. Дэн Сяопин предложил разделить идеологию и задачи модернизации китайской экономики. В современной культуре Китая указанное выражение употребляется в значении «не важно, как это выглядит, главное – оно работает». Таким образом, приведенная фраза преодолела пределы контекста, в котором была первоначально употреблена, и стала крылатым выражением.

Цитаты в отличие от крылатых выражений являются описательными, зачастую не имеют афористического характера. Например, в китайской культуре довольно часто цитируется

высказывание Мао Цзэдуна по поводу атомного оружия США, сделанное в ходе беседы с американской журналисткой Анной Луизой Стронг в августе 1946 г.: 原子弹是美国反动派用来吓人的一隻纸老虎, 看样子可怕, 实际上并不可怕。当然, 原子弹是一种大规模屠杀的武器, 但是决定战争胜败的是人民, 而不是一两件新式武器。(Атомная бомба – это бумажный тигр, которым американские реакционеры запугивают людей, с виду он кажется страшным, а на самом деле вовсе не страшен. Конечно, атомная бомба – это оружие массового истребления, однако исход войны решает народ, а не один-два новых вида оружия) [6].

В целом, традиционный для китайского народа культ мудрости древних обусловил приоритетность использования в языке того, что опиралось на авторитет, восходило к изречениям признанных мудрецов или имело прецедент в прошлом [3. С. 61]. Именно этим объясняется характерная для китайской культуры практика ссылок на аналогии, которыми зачастую становятся не только высказывания уважаемых политических деятелей Китая, но и тексты, наполненные «неопровержимыми» истинами. К подобным текстам следует отнести один из письменных памятников конфуцианства – «Лунь Юй» (кит. трад. 論語, упр. 论语, пиньинь: *Lún Yǔ*, палл.: *Лунь Юй*, «Беседы и суждения», «Аналекты Конфуция»), сборник изречений и бесед Конфуция, записанный им и его учениками. Заучивание цитат из «Лунь Юй» являлось обязательным для классического китайского образования, в настоящее время с их помощью подчеркивается образованность собеседника. Таким образом, цитаты в китайском языке по своей значимости стоят в одном ряду с крылатыми выражениями и афоризмами.

Афоризм не имеет уникальных стилистических особенностей и условий возникновения, вероятно, поэтому «точного терминологического значения у слова *афоризм* нет» [4. С. 12]. Одним из главных свойств афоризма в отличие от крылатого выражения является устойчивая связь с автором в сознании говорящих. Такая связь характерна для большинства высказываний Конфуция, например: 人能弘道, 非道弘人 (Человек может развить учение, но учение не просветит человека / Человек может сделать путь шире, путь не может сделать человека шире), что означает «не всякая мысль и не всякое дело, сделанное одним, окажется полезным и будет понятно для другого человека» (Лунь Юй. Глава 15, изречение 28).

Отметим, что для целостного описания устойчивых единиц китайского языка перечисленных разновидностей недостаточно, данный язык располагает особыми разрядами устойчивых единиц.

Чэньюй – самый многочисленный класс фразеологизмов китайского языка, который включает в себя несколько односложных слов-слогоморфем, сохраняя моносиллабичность древнекитайского языка (современный китайский язык полисиллабичен, основная его единица – бисиллаб [2. С. 67]). Как правило, чэньюй состоит из четырех (реже пяти и более) иероглифов-морфем. В качестве примера приведем несколько единиц: 拔苗助长 (букв. «тянуть ростки, помогая им расти») – «излишними стараниями загубить дело»; 未雨綢繆 (букв. «еще до дождя подумать о покрывале») – «принять меры заблаговременно»; 人山人海 (букв. «горы и моря людей») – «огромное количество людей» и др.

Поскольку чэньюй базируется на грамматике классического письменного языка (вэньянь), использовавшемся в Китае до начала XX в., он отличается богатым содержанием при относительной лаконичности. Это является следствием того, что в вэньяне отдельное слово-иероглиф может выступать в качестве различных частей речи в зависимости от контекста. В связи с этим возникает определенная сложность в понимании чэньюй: если исходить из значений входящих в него иероглифов, то значение всего выражения может варьироваться. Наиболее полное понимание чэньюй достигается через знакомство с его историей и окружающим контекстом.

Помимо чэньюй, к числу специфических устойчивых единиц китайского языка можно отнести также *яньюй* (谚语), *сехоууй* (歇后语), *гуаньюньюй* (惯用语).

Яньюй – бытующие в народе устойчивые речения, которые с помощью простых слов выражают глубокую истину (新华字典, рус. Синьхуа цзыдянь). В русском языке им эквивалентны пословицы и поговорки, например: 活到老, 学到老 (букв. «живи до старости, учись до старости»), ср. рус. *век живи, век учись*. Народные речения выступают на правах целого суждения, характеризуются синтаксической завершенностью.

Словом *歇后语 сехоууй* (букв. «недоговорка») в китайском языке обозначаются двучленные речения. В речениях этого типа первая часть представляет собой иносказание, а

вторая раскрывает его смысл. В речи сехоуэй могут употребляться как в полной форме, так и в усеченной (только первая часть). При этом усеченная форма употребляется в том же значении, что и полная. Главной особенностью данной единицы является иносказание, выполняющее экспрессивную и коммуникативную функцию [6]. Сравните: 半天云里吊口袋 – 装风 (букв. «подвесить мешок в поднебесье – собирать ветер») – прикидываться простаком; 耗子舔猫鼻子 – 找死 (букв. «мышь лижет кошке нос – смерти ищет») – лезть на рожон.

Фразеологические единицы, построенные по лексическим и грамматическим нормам древнекитайского языка, противопоставлены фразеологическим единицам, построенным в соответствии с лексическими и грамматическими нормами современного языка. В последнее время эти два полюса обычно именуется китайскими лингвистами соответственно как *чэньюй* и *гуаньюньюй*. [2. С. 19] Один из широко известных гуаньюньюй 拍马屁 (букв. «хлопать конский круп») ‘подлизываться, подхалимничать’ сходен по структуре с чэньюй, однако соответствует нормам современного китайского языка.

Таким образом, в китайском языке национальный компонент получает яркое выражение в системе устойчивых языковых единиц. Фразеологическое богатство здесь проявляется в наличии таких единиц, как чэньюй, яньюй, сехоуэй, гуаньюньюй. Кроме того, существу-

ют более редкие и не рассмотренные в настоящей статье устойчивые единицы: *суюй* (俗语) (досл. «прибаутка») и *цзинцзюй* (警句) – отточенные фразы, с разновидностями *гэянь* (格言) и *цзишо* (奇说). Актуальной лингвистической задачей в связи с этим является установление единых стилистических и семантических оснований для их классификации.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М., 2002. 394 с.
2. Ветров, П. П. Текстобразующие функции китайских фразеологических единиц (на основе анализа экспериментального и текстового материала) // Лингвистика речи в теории и эксперименте. М., 2005. С. 45–73.
3. Касевич, В. Б. Языковые структуры и когнитивная деятельность // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.
4. Пермяков, Г. Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М., 1970. 240 с.
5. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.
6. 毛泽东选集 (Мао Цзэдун. Избр. произв.) Т. 4. 1991. 342 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.qstheory.cn/zl/llzz/mzdxjd4j/200906/t20090630_4399.htm.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 97–100.

М. В. Коновалова

ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ВИРТУАЛЬНЫЙ ГЕШТАЛЬТ

Рассматривается функционирование гештальта в виртуальном пространстве, выявляется механизм и особенности его реализации. Дается авторское определение виртуальности и виртуального гештальта, устанавливаются его характерные черты.

Ключевые слова: виртуальность, виртуальное пространство, виртуальный гештальт.

Виртуальное пространство представляет собой инвариант познаваемого человеком опосредованно реального мира. Поскольку совместить возможности восприятия, передачи и синтеза импульсов может только человеческое сознание, виртуальное пространство

на современном этапе выступает его продолжением, обладающим большими возможностями и более широким набором инструментария.

В соответствии с этим подходом именно реальность приобретает основную характеристику виртуальности и становится менее полной

картиной мира, в то время как виртуальность становится отражением всех знаний о мире, накопленных в процессе его освоения. Виртуальность воплощает многообразие мира в совокупности уже исследованных и категоризованных сознанием человека предметов, ощущаемых по отдельным, доступным для восприятия характеристикам, а также свойствам, которые не воспринимаются, но свидетельства их существования обнаруживаются в их воздействии на другие, так или иначе доступные для восприятия предметы.

Необходимо отметить также, что в виртуальном пространстве одновременно могут находиться несколько пользователей, и, несмотря на различия в восприятии мира, они применяют общие для всех виртуальные инструменты и моделируют образы реального мира в соответствии с теми условиями, которые предоставляет виртуальная среда.

Если рассматривать этапы становления виртуального пространства, то вначале оно представляло собой сети соединенных между собой компьютеров, которые могли передавать данные, обрабатывать их. Но постепенно, с развитием технологий, появились возможности проецировать в виртуальной среде аудиальные и визуальные образы, моделировать реальность в комплексе, сочетая различные каналы восприятия пользователей и добиваясь все более полного соответствия ощущений, получаемых человеком в реальном и виртуальном мирах. Разница между воспринимаемыми объектами в реальности и моделируемыми образами этих объектов в виртуальной среде позволяет нам оценить правильность предположений Канта, утверждавшего их принципиальную непознаваемость. Изучение реальных вещей, по Канту, не дает нам полностью адекватного представления о них. Феномен (то, что мы знаем о вещи) и ноумен (то, что может существовать в действительности, но не поддаваться изучению полностью или частично) могут различаться в пределах познаваемости того или иного объекта.

В случае с виртуальным пространством эти пределы устанавливаются не только степенью чувствительности и способностью передавать ощущения, но и характеристики среды, из которой они получены. Если это реальный мир, то возрастает роль априорного восприятия предмета – имеется возможность многократно проверить и скорректировать образ, в виртуальной же среде, изменяющейся под воздействием

различных факторов и чаще всего целенаправленно, такой возможности нет.

Передача данных обнаруживает зависимость от внешних причин: если произойдет сбой оборудования или образ предмета в виртуальности будет изменен другим человеком – у пользователя Интернета уже не будет возможности опереться на него. В этом случае бесполезным становится весь опыт, приобретенный человеком до момента правки информации или сбоя, поскольку скорректировать или восстановить образ предмета уже невозможно. В реальности изменения происходят с меньшей интенсивностью, подвижность среды намного ниже. Общим для обеих сред является отсутствие метаконцепта: ни реальность, ни виртуальность не обладает основным свойством человеческого сознания, позволяющим осознавать, конструировать и категоризовать доступные для понимания предметы, явления и образы. Если следовать представлениям Канта, то такой компонент вполне может быть в реальности, но не быть осознаваемым. Виртуальность также сможет в будущем получить такой компонент в виде искусственного интеллекта.

В настоящее время предпринимается множество попыток создать искусственный интеллект, создаются программы, имитирующие мыслительные операции человека, копирующие и воспроизводящие речь, как устную, так и письменную. Существуют попытки создать реальных и виртуальных роботов, имеющих программы имитации определенных действий, разрабатываются самообучающиеся программы, корректирующие свои действия в зависимости от складывающейся коммуникативной ситуации.

Но открытым остается вопрос: способны ли созданные программы думать как человек? И является ли способность интеллектуальных программ к высокой скорости обработки данных, намного превышающей человеческую, а также их способность к самообучению по заданным алгоритмам полным эквивалентом человеческим способностям к размышлению? Различные интерактивные пульта управления, считывающие не только повороты головы, но и движения глазных яблок и автоматически совершающие целый ряд действий за доли секунды, и подобные им устройства являются всего лишь удобным дополнением к возможностям оператора, решающего основную задачу. Чат-боты, поддерживающие беседу при помощи ключевых слов, отрывков сообщений

и целых сообщений, напечатанных когда-то пользователями, чаще всего заставляют собеседника следовать своей логике, подстраиваться под алгоритм отбора ключевых слов, что неминуемо искажает ход беседы, который будет заметно отличаться от беседы по этой же теме между собеседниками-людьми. Поэтому наиболее успешными будут чат-боты, представляющиеся детьми, – их логика построения беседы часто отличается от логики взрослого человека, что позволит ввести собеседника-человека в заблуждение и не повлияет на его мотивацию. Он продолжит разговор, но будет общаться, подстраиваясь и избегая выражать свое истинное отношение к обсуждаемому предмету. Таким образом, можно ли считать метакомпонентом виртуального пространства интеллектуальную программу, обладающую высокой скоростью и способную к самообучению в зависимости от наполненности базы данных и близости алгоритмов к повторению мыслительных операций человека, зависит от того, насколько она ориентируется в самом виртуальном пространстве без участия оператора, а также при контакте с человеком и во взаимодействии с ним.

Однако принцип работы интеллектуальных программ пока остается прежним – имитация мыслительной деятельности человека и накопление баз данных, приобретающих иногда катастрофически большие размеры.

Открытым остается также вопрос качества обработки поступающей информации, синтеза целостных образов и оперирования ими как в виртуальной среде, так и в реальности. На современном этапе развития техники наиболее распространен способ фиксирования реальных объектов для взаимодействия с виртуальными через отражение какой-либо характеристики или совокупности физических характеристик – датчики движения, теплового, радиационного излучения и т. п. Возможным становится «преобразование» установленных приборами характеристик в заложенные в программу параметры, создание виртуального образа реального предмета и помещение его в виртуальную среду для дальнейшей обработки и оперирования им в определенных целях. Но при этом возникают важные вопросы: насколько созданный виртуальный образ соответствует реальному и чем может обернуться использование некорректно созданного образа при взаимодействии с виртуальными и реальными предметами, не является ли подобная ограниченность взаимо-

действия виртуальных фигур свидетельством недостаточного контакта реальности и виртуального пространства?

Известно, что принцип создания виртуального образа реального предмета основан на создании фрейма и заполнении его слотов данными о характеристиках, зафиксированных различными приборами. Если на подобной основе создается база данных и одновременно задаются алгоритмы оперирования информацией, содержащейся в такой базе, то в итоге появляется необходимость предоставления больших объемов виртуальной памяти для хранения информации, возможностей для пополнения и обновления, а также для оперирования созданным образом на основе сходства характеристик. При этом наверняка не учитываются взаимозависимости характеристик и не создаются целостные образы предметов, поскольку это требует добавления дополнительных шагов в алгоритмы и может осложнить работу системы в целом.

Но если предположить, что сбор данных, осуществляемый посредством техники, превышающей возможности человека, дает картину мира, не соответствующую привычной, то сможет ли человеческий разум ориентироваться в созданных на такой основе образах и оперировать ими? Все зависит от формы подачи результирующего образа – в виде визуального или аудиального отчета, в сочетании названных форм или в каких-либо других сочетаниях, доступных для восприятия. Результирующий образ – это своеобразный отчет пользователю о проделанной работе, учитывающий принцип «черного ящика», оставляющего доступным для восприятия данные на входе и результат на выходе, но скрывающим все то, что может быть излишним и мешать расширению сознания человека при помощи виртуального образа реального предмета.

Продолжая мысль М. Маклюэна о расширении нервной системы человека [3], можно предположить, что при использовании виртуального пространства для различных целей психика человека адаптируется и впадает в так называемое виртуальное состояние, позволяющее оперировать виртуальными объектами и соотносить их с реальностью.

Н. Н. Болдырев отмечает, что «познание мира всегда предполагает его членение на конкретные образы, события, выделение различных характеристик, свойств, закономерностей» [1]. Применительно к виртуальности подобные

операции совершаются с использованием уже имеющихся маркеров, иконок, инструментов, что облегчает процесс познания. Существуют различные типологии концептов (см. работы А. П. Бабушкина, Н. Н. Болдырева, С. Г. Воркачева и др.). Н. Н. Болдырев среди прочих выделяет такую разновидность концепта, как гештальт.

Наиболее интересным представляется формирование **виртуальных гештальтов – целостных фигур, позволяющих осмыслить виртуальное пространство и оперировать не столько отдельными характеристиками предмета, сколько завершенными образами, содержащими информацию в свернутом виде**. Примером таких целостных образований могут служить ярлыки программ, иконки, логотипы и другие знаки подобного рода в виртуальном пространстве, категоризирующие и маркирующие его в соответствии с потребностями пользователя с целью облегчения ориентации и работы в нем.

Ярким примером виртуального гештальта является сайт. Созданный с учетом различных деталей, дизайна, особым расположением и подачей информации, сайт содержит всю возможную информацию о реально существующем объекте, необходимую для представления его в виртуальном пространстве. Во время так называемого «серфинга» пользователь просматривает большое количество сайтов и успевает осмыслить необходимую ему информацию. Интересен механизм обработки поступающих сведений: можно предположить, что основным является алгоритм обработки визуальной информации – сайты сверстаны по определенному шаблону, имеют сходную структуру и принцип работы, что позволяет прогнозировать расположение информации и иногда получать сведения до того, как откроется сайт – по доменному имени. В нем может быть заложена информация о содержании сайта, его функциональной принадлежности, о сегменте, в котором находится сайт. «Шапка» сайта чаще всего содержит основные сведения о его основателе, логотип организации или предприятия и иную информацию. Чаще всего реципиент обрабатывает такую информацию неосознанно.

Рассмотрение выпадающих меню и ориентирование в расположении его пунктов происходит с учетом направленности всего сайта, взаимосвязи названий, набора ключевых слов и стандартных инструментов. Скорее всего, механизм ориентирования в обилии виртуаль-

ной информации совпадает с тем, который используется в реальности: наличие ориентиров и цели (поиск информации, а не проведение свободного времени) позволяет выстроить достаточно эффективную стратегию.

Более сложным представляется «серфинг» по интернет-страницам, регламентируемый интересами пользователей. В этом случае прежде всего рассматривается тематика сайта, его вербальное и невербальное содержание. Представляет ли сайт доступ к библио-, аудио- или видеоматериалам или дает пользователям возможность участвовать в онлайн-игре.

В качестве виртуальных гештальтов могут выступать также логотипы, дизайн сайта, отдельные блоки. Они представляют собой завершенный образ, заключающий в себе информацию в свернутом виде. Это могут быть символы, цвета, расположение элементов и прочее. Значение может быть понятным как обычному пользователю, так и профессионалам. Но в этом случае больше информации получит специалист, обычный пользователь – только выборочно и целесообразно.

Таким образом, главной характеристикой виртуальных гештальтов является визуальное кодирование необходимой информации в символах, принадлежащих к различным системам, но образующих законченный образ той программы или функции, которую они обозначают. Панели инструментов и меню функций имеют ту же задачу – облегчить и категоризовать для пользователя выполняемые программой задачи, сделать возможным управление ею.

Список литературы

1. Болдырев, Н. Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ralk.info/uploaddata/plenardocs/boldyrev.pdf>.
2. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса. М., 2003. 280 с.
3. Маклюэн, Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М., 2003. 464 с.
4. Чувакин, А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте. Основы эвокационного исследования. Барнаул, 1995. 125 с.
5. Ширяева, О. В. Информационно-аналитический дискурс как предмет коммуникативно-дискурсивного исследования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1218>.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК СФЕРА РЕАЛИЗАЦИИ РИТОРИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КОНФЛИКТНОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу риторических средств конфликтного дискурса, используемых в текстах интервью российских политиков с представителями зарубежных средств массовой информации. Выявляются продуктивные метафорические модели, дается их характеристика.

Ключевые слова: конфликтный дискурс, политическое интервью, риторические средства, метафорическая модель.

В центре внимания настоящей статьи находятся риторические средства конфликтного дискурса. Под последним мы понимаем деструктивное речевое взаимодействие участников общения (адресанта, адресата и целевой аудитории), характеризующееся совокупностью способов речевого воздействия и стратегий речевого поведения в конфликтной коммуникации, а также речевыми тактиками и порождаемыми речевыми реакциями, определяющими эксплицитное и имплицитное содержание соответствующего поведения коммуникантов.

Исследование риторических средств конфликтного дискурса проводится на материале политического интервью межкультурного уровня. Такое интервью является разновидностью официального события, цель которого – встреча зарубежных СМИ с представителями высшего эшелона российской власти. По нашему мнению, конфликтный дискурс является одной из сфер интеллектуального общения, где коммуниканты используют различные способы аргументации, выдвигают разнообразные предложения, убеждают собеседника в истинности и правоте своих доводов, делают партнера по коммуникации (изначально оппонента) своим единомышленником и «сопричастником». На наш взгляд, анализ риторических средств конфликтного дискурса в политическом интервью межкультурного уровня вполне логично укладывается в схему, включающую в себя следующие параметры: 1) общая тональность (через употребление паремий); 2) грамматические особенности; 3) оценочность (через употребление метафор).

Объем статьи не позволяет дать полную характеристику всех составляющих предложенной схемы анализа, поэтому сконцентрируем внимание лишь на метафорических моделях, используемых в политическом интервью меж-

культурного уровня. По мнению А. П. Чудинова [2], анализ метафорических моделей, функционирующих в политической сфере коммуникации, может способствовать выявлению тенденций развития данного типа дискурса и помогает определить степень влияния социальных изменений на функционирование языка. В текстах политического интервью межкультурного уровня широко представлены различные метафорические модели, исследование которых важно для создания общей теории дискурса.

Современный мир можно рассматривать как организм, который функционирует по своим законам, иногда дает сбой и подвержен разного рода недугам и болезням. Происходящие в настоящее время политические и экономические процессы вызывают негативную реакцию, часто сравнимую с последствиями тяжелого заболевания. Неслучайно использование в текстах статей метафорической модели организма (болезни): *Может быть, немножко болезненный вопрос – касающийся газовых разногласий между Украиной и Россией, когда в результате этого спора прекратились поставки газа для примерно 20 стран в Европе* (интервью Председателя Правительства России В. В. Путина информационному агентству «Блумберг», 27 января 2009 г.). *Это очень болезненная и трудная тема для нашей страны* (интервью Президента России Д. А. Медведева информационному агентству «Рейтер», 25 июня 2008 г.). *Что касается наших партнеров, то, если говорить о Прибалтике, мне кажется, у них «фантомные боли» <...>. Что касается грузинских властей – для нас действующий режим обанкротился, Президент Михаил Саакашвили для нас не существует, он «политический труп»* (интервью Президента России Д. А. Медведева итальянскому телеканалу РАИ, 2 сентября 2008 г.).

Современный мир должен функционировать как отлаженный механизм, а руководители государств, входящих в мировую политическую элиту, призваны сделать так, чтобы работа происходила без сбоев и помех. Как следствие – использование в тексте статей метафорической модели механизма (технического устройства): *Мы считаем, что мы работали единый хороший механизм работы по очень чувствительным вопросам международной повестки дня, в том числе и по иранской ядерной проблематике. И напомним Вам, что этот механизм заключается в том, что шесть стран, включая Соединенные Штаты, Россию, Федеративную Республику Германия, выработали общую позицию и передали наши предложения иранским партнерам* (интервью Президента России В. В. Путина телеканалу ЦДФ, июль 2006 г.). *И с учетом того, что сегодня повестка дня особенно сложная, я считаю, что мы вместе с другими участниками «большой восьмерки» могли бы обсудить ряд новых экономических механизмов, которые смогли бы поддержать, прежде всего, экономическое, финансовое равновесие в мире, создать основу новой международной финансовой системы, убрать наиболее устаревшие, слабо работающие международные механизмы, подумать над тем, как гарантировать продовольственную безопасность на годы вперед* (интервью Президента России Д. А. Медведева информационному агентству «Рейтер», 25 июня 2008 г.). *Если хотите, то даже бюрократические машины в этот период все-таки начинают работать лучше, чем они работают в другой ситуации* (интервью Президента России Д. А. Медведева болгарскому национальному телевидению, 30 января 2009 г.).

Для предотвращения разного рода сбоев в жизни отдельного государства и его взаимоотношениях с другими странами необходимо иметь скорректированный и скоординированный план действий, своего рода сценарий. Неслучайным в этой связи является использование в анализируемых текстах метафорической модели театра (представления): *Именно поэтому мы считаем, что в международном масштабе, на международной арене мы должны действовать по единым правилам, именно поэтому иностранные инвесторы могут исходить из того, что мы будем везде защищать этот подход* (интервью Председателя Правительства России В. В. Путина информационно-

му агентству «Блумберг», 27 января 2009 г.). *По поводу иностранных активов, естественно, я могу сказать, что это должны быть привлекательные активы, защищенные, активы, которые принесут гарантированный, пусть даже по консервативному сценарию, доход* (интервью Президента России Д. А. Медведева информационному агентству «Рейтер», 25 июня 2008 г.).

Определенные правила существуют не только в театрализованном или другом представлении, но и в спорте, что способствует использованию в тексте соответствующей метафоры: *Мы тогда слышали от наших партнеров: ничего страшного, мы же не враги, мы против друг друга работать не будем. Мы напоминаем, мы посылаем ответную шайбу: мы вас предупреждали, мы об этом говорили, вы нам отвечали вот так, так мы и делаем, как говорили. И в случае размещения систем противоракетной обороны в Европе и сегодня предупреждаем: будут ответные шаги* (интервью Президента России В. В. Путина журналистам печатных средств массовой информации из стран-членов G8). *Я хотел уточнить, Вы считаете, что какие-то лица в Соединенных Штатах, действительно спровоцировали этот конфликт для того, чтобы какой-то из кандидатов в президенты получил выигрышную позицию с точки зрения дебатов, набрал очки* (интервью Председателя Правительства России В. В. Путина американской телекомпании CNN, 29 августа 2008 г.). *Стоим ли мы сейчас на пороге нового «ледникового периода», новой «холодной войны», начала новой гонки вооружений?* (интервью Председателя Правительства России В. В. Путина Первому каналу телевидения Германии «АРД», 30 августа 2008 г.).

Традиционно устойчивой моделью является метафорическая модель со сферой-источником «Игра», так как игра сопровождает человека с раннего детства и на протяжении всей жизни: *Основной момент здесь заключается в том, что это единственный способ вовлечь и удерживать ключевых игроков, страны региона, арабские страны* (интервью Президента России В. В. Путина американским журналистам, 20 сентября 2003 г.). *Мне бы не хотелось никакой «холодной войны». Она принесла только проблемы человечеству. Поэтому все, что будет зависеть от нас, мы будем делать. В этой ситуации шарик на стороне европейцев – и если они хотят ухудшения отношений,*

они, конечно, этого добьются. В международном праве есть и то и другое: есть и принцип территориальной целостности государства, есть и право на самоопределение (интервью Президента России Д. А. Медведева, 26 августа 2008 г.). **Надо просто договориться все-таки о правилах игры** (интервью Председателя Правительства России В. В. Путина американской телекомпании CNN, 29 августа 2008 г.).

А. П. Чудинов отмечает, что существование криминальной метафоры является достаточно традиционным для российской политической речи. Находим этому подтверждение и в анализируемом материале: **Позвольте сразу спросить: после того, как вопрос об энергетической безопасности был поставлен на высокое место в российской повестке дня, мы слышали достаточно много высказываний из Вашингтона, от американского вице-президента Чейни, например, о том, что речь идет о своего рода энергетическом шантаже** (интервью Президента России В. В. Путина телеканалу ЦДФ, июль 2006 г.).

Прагматический потенциал военной метафоры в политическом интервью межкультурного уровня является достаточно слабым, несмотря на функционирование анализируемых текстов преимущественно в рамках конфликтного дискурса, однако, военная лексика в исследуемом материале также может являться источником «метафорической экспансии» [1]: **Мы сказали: «Послушайте, мы не можем открывать сразу войну по всем фронтам, это во-первых. Во-вторых, мы планируем перейти со всеми нашими партнерами на рыночное ценообразование. Время придет – мы сделаем это и с Белоруссией»** (интервью Президента России В.В. Путина журналистам печатных средств массовой информации из стран-членов G8, 4 июня 2007 г.). **В январе была очередная «газовая война» между Украиной и Россией** (интервью Президента России Д. А. Медведева представителям испанских СМИ, 1 марта 2009 г.).

Использование метафорической модели строительства является важным в политическом интервью межкультурного уровня, так как дом и процесс созидания чего-либо нового и желательно долговечного представляют собой ту «сетку координат», при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании: **Хотелось бы знать, что сделала Россия и делала ли она что-нибудь для того, чтобы навести мосты между лагерем, ко-**

торый возглавляют Соединенные Штаты по этому вопросу, и другими лагерями, которые представляют другие страны? (интервью Президента России В. В. Путина американским журналистам, 20 сентября 2003 г.). **26 августа Вы заявили о том, что возможен военный ответ на строительство ПРО в Европе** (интервью Президента России Д. А. Медведева итальянскому телеканалу РАИ, 2 сентября 2008 г.). **Господин Президент, в 2008 г. Вы предложили разработку международного договора для создания новой архитектуры безопасности. Хотел бы спросить, идея Михаила Горбачева о создании «общего европейского дома» от Ванкувера до Владивостока имеет к этому отношение? <...>. Я думаю, что это вредная логика или дурацкая логика, как угодно можно ее называть, потому что в этом случае мы просто делим все инвестиции на хорошие и плохие, инвесторов – на правильных и неправильных, а это возведение новых «берлинских стен», это создание новых стен, но уже в экономике** (интервью Президента России Д. А. Медведева представителям испанских СМИ, 1 марта 2009 г.).

Использование метафорической модели природы позволяет донести до аудитории мысль, что человек и государство в целом не всегда могут планировать свои действия, а очень часто зависят от внешних процессов и общей обстановки в мире: **Если под демократией кто-то понимает разложение государства, тогда такая демократия нам не нужна** (интервью Президента России В. В. Путина американским журналистам, 20 сентября 2003 г.). **Весь этот мутный поток из наркотиков и террористов, он прежде всего выплескивается к нам. Поэтому мы и сами там эти вопросы будем обсуждать** (интервью Президента России Д. А. Медведева представителям испанских СМИ, 1 марта 2009 г.). **Что касается Украины, то там ситуация сегодняшнего дня наложилась, к сожалению, не только на желание паразитировать на своем транзитном положении, но и на внутривнутриполитический кризис <...>. Тогда все пространство Большой Европы будет процветать, будет конкурентоспособным в таком сложном сегодняшнем мире** (интервью Председателя Правительства России В. В. Путина Первому каналу германского телевидения «АРД», 5 января 2009 г.).

Таким образом, структурные и речевые особенности текста политического интервью межкультурного уровня как любого речевого произведения политической направленности,

с одной стороны, определяются его функционированием в рамках соответствующего типа дискурса (политического), а с другой стороны, отражают положение дел в стране и мире. Общая тональность, грамматические особенности, оценочность метафор в текстах политического интервью межкультурного уровня являются теми средствами, которые во многом связаны с социальными и идеологическими факторами, национальной картиной мира коммуникантов. Различные метафорические модели в текстах политического интервью межкультурного уровня призваны решить вполне конкретную и реализуемую с разной степенью

успешности цель – трансформацию информационного и эмоционального состояния адресата и целевой аудитории.

Список литературы

1. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. 238 с.
2. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. 248 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 104–109.

С. С. Краева

КОГНИТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С СЕМАНТИКОЙ БЛАГОДАРНОСТИ

Рассматриваются когнитивный и прагматический подходы к исследованию выражения благодарности. Анализируются прагматические особенности объективации благодарности в художественном дискурсе, предлагается классификация коммуникативных актов благодарности. Особое внимание уделяется интенциям говорящего, каузаторам и интенсификаторам благодарности и их прагматическим функциям.

Ключевые слова: коммуникативная ситуация, сценарий, модель, дискурс, прагматика благодарности.

В число задач когнитивной лингвистики входит исследование процессов порождения и восприятия речи, а также освоения языка в комплексе с другими когнитивными функциями. Когнитивные исследования часто представляют собой базис для исследований прагматических, однако следует рассматривать оба аспекта не как противоположные или взаимодополняющие, а как разные грани одного и того же явления.

Функциональный анализ языка и коммуникации не может быть осуществлен без учета коммуникативной ситуации, в которой имеет место порождение и восприятие высказывания. Такая ситуация включает объекты и обстоятельства окружающего мира и самих коммуникантов [4]. Важным для анализа коммуникации представляется предложенный Ч. Филлмором принцип интерпретации. Большое значение придается характеру осуществляемого комму-

никативного акта. Кроме того, в любой момент дискурса интерпретатор должен быть готов активизировать содержащиеся в памяти данные, ему должны быть известны сцены или образы, которые имеет в виду говорящий. Ч. Филлмор обращается к термину «сценарий», под которым специалисты по искусственному интеллекту понимают знание условных или обычных последовательностей поступков [6. С. 75]. Знание сценариев предполагает наличие определенных стратегий для построения комплексной сцены, истории или картины мира, актуальной для данной конкретной ситуации.

Обращение к термину «сценарий» характерно и для исследований выражения благодарности, выполненных в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы. Считается, что в основании любой коммуникативной ситуации, в том числе ситуации выражения благодарности, лежит некоторый концепт-сценарий как обоб-

щенный образ данной ситуации. В. В. Айвазова предлагает исследовать благодарность как «фрейм-сценарий» [1. С. 34]. Понятие фрейма использует в своей работе А. Г. Бердникова и предлагает следующую схему для описания структуры фрейма благодарность: субъект (кто?) + предикат (благодарит) + способ (как?) + объект (кого?) + каузатор (за что?). Для описания структуры высказываний с семантикой благодарности в свою очередь предлагается формула $S + Pr + O \pm K$, где S – субъект благодарности, Pr – предикат с семантикой благодарности, O – объект или адресат благодарности, а K – каузатор благодарности [3. С. 43]. Данная формула действительно подходит для анализа и описания высказываний с семантикой благодарности, содержащих предикативную единицу с семантикой благодарности, а именно *благодарю, признателен, обязан, разрешите / позвольте поблагодарить, хочу / хотел бы выразить благодарность* и т.п., однако она не отражает принцип речевой объективации формул благодарности с лексемой «спасибо», что послужило поводом для проведения детального исследования таких формул и выявления их прагматических особенностей.

В теории лингвистической прагматики исследуются языковые явления с учетом внеязыковых факторов – социальных характеристик коммуникантов, особенностей их взаимоотношения, отношения к предмету коммуникации, внешним условиям общения и др. Потребность в анализе перечисленных отношений и характеристик обусловила поиск соответствующего объекта анализа, наиболее отчетливо представляющего данные факторы. Таким объектом стал дискурс, т. е. речь как целенаправленное социальное действие, включающая все экстралингвистические факторы ее протекания [2].

Художественный дискурс, в данном случае – произведения художественной литературы развлекательного жанра, представляет собой оптимальный объект исследования, поскольку в значительной мере отражает наивную картину мира носителей русской лингвокультуры, богат разговорными речевыми оборотами, которые отличаются простотой лексики и синтаксиса, а также содержит подробное описание коммуникативной ситуации.

Если рассматривать коммуникативную ситуацию выражения благодарности, то она предполагает общение в форме диалога: один из коммуникантов инициирует, а другой реализует коммуникативный акт благодарности.

При этом благодарность, как ответная реплика, является реактивным актом; что касается обозначения ролей коммуникантов, то в данной ситуации представляется релевантным говорить о том, что под адресатом следует понимать инициатора, а под адресантом (говорящим) – выражающего благодарность.

В одной из своих статей А. Вежбицка предпринимает попытку моделирования ряда речевых жанров, в том числе речевого жанра благодарности [5. С. 70]. Модель речевого жанра благодарности А. Вежбицкой выглядит следующим образом:

1) знаю, что ты сделал для меня нечто хорошее;

2) говорю: я чувствую к тебе нечто хорошее по этой причине;

3) говорю это, потому что хочу, чтобы тебе было приятно.

Данная модель перекликается с принципом интерпретации Ч. Филлмора: она учитывает каузатор благодарности, положительное эмоциональное отношение говорящего к ситуации и эксплицирует цель выражения благодарности, которая заключается в выражении признательности адресату благодарности – реактивном бенефактивном действии.

На основе выделенных нами прагматических параметров выражения благодарности в русском языке в модель речевого жанра благодарности, предложенную А. Вежбицкой, могут быть внесены уточнения относительно каузатора благодарности: нечто хорошее подразумевает какую-либо услугу, к чему дает отсылку глагол «сделал»; могут быть внесены изменения касательно отношения говорящего к ситуации – эмоциональная составляющая благодарности не всегда объективируется говорящим и даже не всегда является одним из условий коммуникативной ситуации, поэтому может быть заменена условием ценности инициирующего благодарность бенефактивного действия; может быть расширено содержание интенции говорящего, который при выражении благодарности зачастую имплицитно выражает готовность оказать ответную услугу. Если принять во внимание данные уточнения и дополнения, то модель «речевого жанра благодарность» будет выглядеть следующим образом:

1) знаю, что ты дал мне нечто необходимое / сделал для меня нечто приятное или полезное;

2) говорю: я ценю тебя и/или то, что ты сделал;

3) говорю это, потому что хочу, чтобы тебе было приятно, и ты знал, что я готов сделать для тебя нечто полезное в ответ.

Основной прагматической целью коммуникативного акта благодарности является подача сигнала о том, что высказывания или действия собеседника поняты и приняты говорящим. Второстепенной прагматической целью при выражении благодарности является подчеркивание значимости того хорошего, что было сделано для говорящего, либо значимости и ценности партнера по коммуникации как источника благодеяния – бенефактивного эффекта.

По параметру каузатора благодарности составлена классификация коммуникативных актов благодарности, включающая следующие группы:

I. Коммуникативный акт благодарности как реакция на предложение.

II. Коммуникативный акт благодарности как реакция на внимание.

III. Коммуникативный акт благодарности как реакция на заботу.

IV. Коммуникативный акт благодарности как реакция на сообщение информации.

V. Коммуникативный акт благодарности как реакция на услугу.

Обратимся к описанию прагматических особенностей выражения благодарности, характерных для каждой отдельной группы.

I. Группа «реакция на предложение». Анализ примеров данной группы показывает, что выражение благодарности говорящим осуществляется для реализации следующих прагматических интенций: 1. показать, что предложение принимается, указать на значимость предлагающего; 2. показать, что предложение принимается, указать на значимость предложенного; 3. показать, что предложение принимается, проявить вежливость; 4. показать, что предложение не принимается, указать на значимость предлагающего.

В пяти из восьми примеров имеет место интенсификация благодарности посредством обращения к адресату по имени: – *Спасибо, Катя.* [Т. Устинова]; использования устойчивого наименования с положительной семантикой: – *Спасибо, верный друг.* [З. Юрьев]; использования устойчивого разговорного оборота: – *Спасибо, не откажусь.* [Д. Донцова]; комбинирования интенсификаторов: использования прилагательного с семантикой усиления и указания на положительные личные качества адресата: – *Огромное спасибо за вашу добро-*

ту, только я просто навестить приятеля пришла. [Д. Донцова]

Хотелось бы сделать несколько замечаний относительно специфики употребления и значения интенсификаторов в данной группе коммуникативных актов благодарности. Разговорный оборот *не откажусь* является стандартной реакцией на предложение и используется в разговорной речи для демонстрации готовности к реализации предложенного, в том числе, против ожиданий адресата. В случае, когда коммуникантами становятся начальник и подчиненный, сложно судить, в какой степени обращение по имени к начальнику реализует функцию интенсификации. Если при этом коммуниканты состоят в дружеских отношениях, обращение по имени к подчиненному определенно реализует функцию интенсификации, на что также указывает форма обращения в приведенном примере – не по имени и отчеству, а просторечная (см. выше). Коммуникативный акт благодарности может использоваться для вежливого отказа. При этом говорящий выражает благодарность за сам факт предложения, дополнительной функцией благодарности в таких случаях является смягчение негативной реакции на отказ, которое может сопровождаться объяснением причины отказа или иронией.

II. Группа «реакция на внимание». Под вниманием здесь понимается вручение подарка, проявление сочувствия. Проявление внимания может быть ожидаемым, а может стать неожиданностью для говорящего. Это обстоятельство влияет на прагматические характеристики благодарности и интенцию говорящего, которая может заключаться в том, чтобы: 1. показать, что внимание приятно, указать на значимость подарка / проявленного сочувствия; 2. показать, что внимание приятно, указать на значимость дарителя; 3. показать, что внимание приятно, проявить вежливость.

Десять из тринадцати примеров отражают реализацию коммуникативного акта благодарности, который сопровождают интенсификаторы различного рода: дополнительная похвальная реплика в адрес подарка: – *Спасибо! – обрадовалась она. – И правда, подарок не хуже слов...* [А. Берсенева]; дополнительная похвальная реплика в адрес дарителя: – *Спасибо, ты купил мне статуэтку! Очень мило с твоей стороны.* [Д. Донцова]; невербальный усилитель, отраженный в авторской ремарке: – *Спасибо! – промолвил Слава, и глаза его наполнились слезами.* [В. Астафьев]; комбина-

ции интенсификаторов: – *Спасибо! Лицо парня расплылось широкой улыбкой. В свете фар соседних машин блеснули его ровные, крепкие зубы. – Спасибо, Вячеслав...* [А. Белозеров] (повтор и обращение по имени); – *Спасибо, Тимофей Георгиевич, это вы слишком, – растерянно говорю я, не выпуская ручки из рук, – даже не представляю, как можно просто так писать этой уникальной вещью!* [В. Сеницына] (обращение по имени и похвальная реплика в адрес подарка).

Анализ коммуникативной ситуации позволяет говорить о том, что даже если подарок и внимание являются неожиданными, они всегда приятны получателю, т. е. говорящему, о чем свидетельствует использование им развернутых формул благодарности с целью ее интенсификации.

III. Группа «реакция на заботу». В какой-то мере значение коммуникативных актов данной группы пересекается со значением коммуникативных актов из двух предыдущих групп, поскольку забота понимается здесь как деятельность, направленная к благополучию кого-либо, внимание, попечение, уход. Разнообразие примеров показывает, что забота проявляется во внимании к говорящему, уходе за ним, в проявлении интереса к его самочувствию, его делам, внесению предложений по улучшению его состояния. Однако прагматика благодарности в трех группах различна. Если в примерах предыдущих групп внимание оказывается с целью произвести впечатление, а предложения вносятся с учетом собственной выгоды, то в данной группе внимание заключается в оказании помощи, поддержки, заботливом отношении к говорящему, а предложения нацелены на улучшение его состояния, а не собственного. Среди прагматических интенций релевантных для данной группы коммуникативных актов можно перечислить следующие: 1. показать, что забота принимается; 2. показать, что забота а) принимается, б) ценится; 3. показать, что забота принимается, указать на значимость проявляющего заботу; 4. показать, что забота ценится, несмотря на то, что отвергается.

В примерах данной группы говорящим используются следующие вербальные и невербальные интенсификаторы, включающие прямую адресованность: – *Спасибо тебе, – пробормотала Лика. – Перестань, – пробормотала я, – пока не за что.* [Д. Донцова]; указание на факт проявления заботы: – *Спасибо, что пришел.* [Т. Устинова]; обращение по

имени: – *Спасибо, Ириш, смотрю, – ответила Катерина и прибавила звук.* [Т. Устинова]; повтор: – *Спасибо, – прошептала Инга Федоровна, беря трясущейся рукой кружку, – спасибо, спасибо.* [Д. Донцова]; восклицательную интонацию: – *Позвоню, – кивнула Аля. – Спасибо!* [А. Берсенева]; улыбку: – *Спасибо, – улыбнулась Аля.* [А. Берсенева]

Следует отметить, что коммуникативные акты благодарности за заботу обладают рядом прагматических особенностей, некоторые из которых не встречались в других группах. Благодарность за заботу может сопровождаться высказываниями с семантикой отказа от заботы и какой-либо помощи. Однако если в группе «реакция на предложение» отказ сопровождался фразами или приемами, смягчающими отказ, то в примерах данной группы при объективации высказываний с семантикой благодарности и отказа подобной прагматической компоненты не наблюдается: – *Спасибо тебе огромное. Но вовсе не стоило так стараться...* [Т. Тронина]

Еще одна особенность прагматики благодарности за заботу обусловлена тем фактом, что относительно частотной формой проявления заботы – иницирующей репликой – является вопрос о состоянии говорящего. В таких случаях говорящий не только выражает благодарность за заботу, но может извиниться за доставленные неудобства, а также дать исчерпывающий ответ на поставленный вопрос: – *Болит? – спросил он деловито и потрогал ее щеку. – Нет, не очень. Спасибо. То есть извините. Мне подруга сделала какой-то компресс, и отек спал, только синяк остался* [Т. Устинова].

Поскольку в индивидуалистском обществе забота о ближнем не является обязанностью каждого, реакция на заданный незнакомым человеком вежливый вопрос *что с вами?* или *как вы себя чувствуете?* требует расширения привычных границ благодарности, которая может быть интенсифицирована говорящим, не только посредством использования прилагательного с семантикой усиления (ср. большое спасибо). В условиях сложившейся коммуникативной ситуации, говорящий может испытывать неловкость, тем не менее, выражая благодарность, он показывает, что принимает заботу о себе. Как правило, чувство неловкости, возникающее у говорящего, связано с тем, что источником заботы является малознакомый человек, а говорящий не в состоянии ее отвергнуть либо признает ее необходимость.

В таких случаях интенсифицированная благодарность сопровождается извинением: –... *Вы не ушиблись?.. Попробуйте кофе. – Я должна идти, – заявила Варвара, – спасибо. – Вы уверены, что уже можете? Варваре стало смешно. – Конечно! Большое вам спасибо и извините меня за беспокойство!* [Т. Устинова] Чаще всего извинение безотносительно, но можно с большой долей уверенности предположить, что имплицитно оно предполагает благодарность за беспокойство и извинение за доставленные неудобства.

IV. Группа «реакция на сообщение информации». Для данной группы коммуникативных актов благодарности релевантны три прагматических интенции говорящего: 1. показать, что информация принята к сведению, проявить вежливость; 2. показать, что информация принята к сведению, подчеркнуть значимость информатора; 3. показать, что информация принята к сведению, подчеркнуть значимость сообщенных сведений.

Особенностью прагматики благодарности при актуализации первой интенции можно назвать «нейтральную прагматику», когда значимость интенции говорящего сделать приятное адресату сводится к минимуму. Выражение благодарности лишь показывает, что сообщенная информация была принята к сведению. Чаще всего благодарность формальна, а предоставленные сведения рассматриваются как нечто само собой разумеющееся. В подобных случаях на прагматику благодарности оказывает влияние коммуникативная ситуация: говорящий не видит необходимости в том, чтобы делать приятное собеседнику, поскольку не знаком с ним близко, находится с ним в натянутых отношениях, торопится или пребывает в растерянности. Исходя из анализа примеров, можно говорить о том, что главным фактором минимизации стремления сделать слушающему приятное посредством выражения благодарности является недооценивание значимости сообщенной информации. Тем не менее для ряда коммуникативных актов благодарности за сообщение информации характерно желание говорящего подчеркнуть значимость информатора и сообщенных сведений, для чего используются следующие вербальные и невербальные интенсификаторы и их комбинации: обращение, указание на ценность сообщения, прилагательные и частицы с семантикой усиления, прямая адресованность; восклицательная интонация, кивок; сочетание вербальных

интенсификаторов (прямая адресованность и обращение, обращение и указание на ценность сообщения, повтор и прилагательное с семантикой усиления); комбинация частицы с семантикой усиления и восклицательной интонации.

V. Группа «реакция на услугу». Самая обширная группа коммуникативных актов в настоящей классификации. Особенностью выражения благодарности за услугу является тенденция к подчеркиванию говорящим роли как оказавшего услугу, так и самой услуги в одном высказывании, тогда как в предыдущих группах наблюдалось явное разграничение формул благодарности по данному параметру. Об этом можно судить по большому количеству примеров, отвечающих четвертому пункту прагматических интенций. Для выражения благодарности за услугу характерна актуализация следующих интенций: 1. показать, что услуга принимается; 2. показать, что услуга принимается и ценится; 3. показать, что услуга принимается и оказавший ее ценится; 4. показать, что услуга принимается, при этом высоко ценится оказавший ее и то, что было им сделано по отношению к говорящему.

Выражение благодарности за услугу отличается большим разнообразием интенсификаторов, среди которых встречаются как одиночные вербальные интенсификаторы и их комбинации, так и комбинации вербальных и невербальных интенсификаторов. Когда говорящий не желает ограничиваться простым повторением лексемы «спасибо», он привлекает дополнительные языковые средства для увеличения силы воздействия своего высказывания на слушающего. В двух случаях имеет место дублирование благодарности – повторное выражение благодарности посредством других лексическо-грамматических элементов, в частности, причастий «благодарны», «признателен». Особого внимания заслуживают следующие «прагматически насыщенные» примеры: – *Спасибо! – громыхая сапогами по лестнице, протягивая руку для рукопожатия, Туз поднялся к Хану. – Если бы не ты... Вы... Тогда бы все, конец. А... вы... не бросили. Спасибо! Я такое не забываю.* [Д. Глуховский]; – *Как бы то ни было, я тебе очень благодарен, Феликс. Ты меня выручил. Спасибо огромное!* [П. Михненко]; – *Доктор, спасибо, – благодарила его и мать, – мы так вам благодарны. Если бы не вы...* [В. Валеева] Обращение, указание на каузатор, слова и словосочетания с семантикой усиления благодарности, восклицательная ин-

тонация – говорящий использует максимально разнообразные интенсификаторы – вербальные и невербальные, – с целью донести до слушающего всю силу, искренность и глубину признательности. Следует отметить, что формулы выражения благодарности данной группы содержат явно выраженную прагматическую интенцию возместить дар, оказать ответную услугу при необходимости, максимально компенсировать на вербальном уровне здесь и сейчас усилия адресата, затраченные на оказание услуги, ввиду отсутствия условий для совершения ответного действия на момент говорения.

Проделанный анализ объективации формул благодарности, содержащих лексему «спасибо», в художественном дискурсе показал, что интенсификаторы – вербальные и невербальные средства, которые используются говорящим для усиления благодарности в различных ситуациях – являются важным инструментом прагматического воздействия при реализации коммуникативного акта благодарности. Примеры с интенсификаторами составили 68% от общего числа (133 из 196). Среди наиболее частотных типов интенсификаторов следует перечислить обращение (57), прямую адресованность (33), указание на каузатор (28), указание на ценность каузатора (20), повтор (15), прилагательное с семантикой усиления (14). В целом, данные типы интенсификаторов можно соотнести с тремя прагматическими аспектами выражения благодарности: каузатор благодарности (указание на каузатор, указание на его ценность), чув-

ство благодарности (повтор, прилагательное с семантикой усиления), адресат благодарности (обращение, прямая адресованность).

Независимо от того, какой аспект коммуникации – когнитивный или прагматический – исследуется, необходимо учитывать не только языковые, но и внеязыковые факторы, действующие в конкретной коммуникативной ситуации, и ее сенсомоторные характеристики, поскольку именно они формируют как когнитивные, так и прагматические особенности любых типов высказываний.

Список литературы

1. Айвазова, В. В. Когнитивное исследование фрейма-сценария «благодарность» в различных видах англоязычного и немецкоязычного дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2011. 229 с.
2. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. М., 1974. 446 с.
3. Бердникова, А. Г. Речевой жанр благодарности: когнитивный и семантико-прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 224 с.
4. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993. 502 с.
5. Седов, К. Ф. Антология речевых жанров. М., 2007. С. 68–80.
6. Филлмор, Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. Вып. 12. С. 74–122.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 109–113.

С. Л. Кушнерук

ПРОЕКТИВНОСТЬ РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОГО МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ

Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект 6.2985.2011 «Политическая метафорология».

Статья посвящена возможностям применения теории когнитивного миромоделирования к анализу русскоязычной и англоязычной рекламы. Рекламный дискурс рассматривается в аспекте проективных свойств, реализующихся как трансляция смыслов, направляющих процессы конструирования ментальных образований – дискурсивных и текстовых миров.

Ключевые слова: *дискурс, теория миромоделирования, дискурсивный мир, макроструктура, текстовый мир, русскоязычная реклама, англоязычная реклама.*

В когнитивных исследованиях языка начала XXI в. доминируют интеграционные тенденции, что предполагает синтез знаний, накопленных в различных гуманитарных областях. Результатом плодотворного союза лингвистики и смежных наук оказываются междисциплинарные программы, базирующиеся на функциональных основаниях. Во главу угла ставится идея обязательного совмещения когнитивного подхода с прагматическим. Это значит, что свойства языковых единиц должны изучаться по их роли для познания и объясняться в свете тех задач, которые они выполняют в процессах коммуникации. Утверждая необходимость учета большого количества разноплановых факторов, функционализм открывает путь анализу употребления языка в дискурсе. Можно констатировать, что к настоящему времени накопился солидный опыт в изучении этого одного из наиболее «туманных» [2. С. 337] лингвистических понятий, которое включает представления не об абстрактной языковой системе, а о живой речи в ситуациях реального общения.

Предлагаемая статья характеризуется включенностью в контекст исследований, проводимых в русле когнитивного моделирования. Эпистемологический статус модели диктует ее понимание как научного конструкта, создаваемого для представления реального устройства объекта, его свойств и функциональных признаков. Идея когнитивных моделей языка базируется на постулировании того, что наши знания организуются с помощью определенных структур, схематическая демонстрация которых находит воплощение в разнообразных аналитических формах [4; 5; 6; 8; 9; 10].

Несмотря на то, что рост отечественных публикаций, провозглашающих моделирование основным методом или выстраивающих модели отдельных предметов, неизменно растет, настоящая работа существенно отличается качественным наполнением. Она направлена на рассмотрение не самого дискурса, а миров, или ментальных репрезентаций, – мыслительных структур представления знаний, возникающих в актах его концептуализации как в индивидуальном сознании, так и в коллективном. Мы обращаем внимание на то, что рекламные миры не имеют онтологического статуса вне мышления. Понятие *мира* стало активно использоваться зарубежными специалистами в конце прошлого века в одном ряду с терминами скрипт, схема, фрейм, сценарий, когнитив-

ная модель, ментальная модель, ментальное пространство, являясь, на наш взгляд, когнитивной структурой концептуально-сложного типа (по Н. Н. Болдыреву). Когнитивное моделирование рекламных миров дает возможность изучить способы объективации мыслительных структур в языковых.

Цель работы – описать алгоритм исследования ментальных конструктов, которые образуются в дискурсе, фиксируются в памяти и служат основой рекламного взаимодействия.

Рекламный дискурс не столько представляет мир в том виде, в котором он существует, сколько демонстрирует *проективные* свойства, изображая возможные миры, отличные от реального, – такие, которые рекламодатели хотели бы создать для трансляции смыслов, приобщающих к «правильному» образу жизни в обществе массового потребления. Представляется, что при переработке рекламного дискурса в активное состояние приводится большой объем знаний, направляющих процессы создания миров, что, однако, не мешает практически любому «наивному» носителю языка отслеживать и координировать смысловые взаимодействия информации, идущей от разных уровней.

Мы концентрируем внимание на двух «измерениях», или уровнях анализа рекламного дискурса, – **дискурсивном** и **текстовом мирах**, параметры которых задаются востребованными смыслами. Под *миром рекламы* понимается ментальный субстрат – когнитивный конструкт, формирующийся на основе внешнего и внутреннего контекстов. Мир рекламы рассматривается как материализация когнитивной репрезентации, возникающей при взаимодействии субъектов деятельности, – агента и клиента, без которых рекламная коммуникация не может быть эффективной. Считаем, что организация рекламных материалов и когнитивное представление того, о чем говорится в рекламных произведениях, во многом определяется спецификой референциальной области текста – объектов и сущностей окружающего мира, вычлененных агентом, а также когнитивным содержанием и операциями, используемыми сторонами для построения ментальных конструктов.

I. **Дискурсивные миры** русскоязычной и англоязычной рекламы представляют собой ментальные пространства, ассоциируемые с внешним контекстом, который формирует основу порождения смыслов и определяет механизмы воздействия на желания и волю потен-

циальных потребителей. Моделирование дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы реализуется в двух направлениях.

1. **Описание типовых характеристик**, организующих данную разновидность институционального общения, – участники, место, время, цели, ценности, стратегии, жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы [1. С. 251].

В структуре дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы обязательно присутствие двух участников – агента и клиента. Их общение оптимизируют маркетинговые технологии, которые формируют представление о потребителе, его демографических характеристиках, моделях поведения, ценностях, потребностях, привычках и всего того, что создает мотивацию к действию. Активность агентов и клиентов отражает двустороннее взаимодействие в процессе осмысления социально-экономической действительности, которое предопределяет концептуализацию рекламного дискурса и связывается с ожиданиями относительно предполагаемой реакции сторон.

2. **Конструирование макропространств** глобального содержания дискурсивных миров. Каркасы дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы обнаруживают структуры, которые реализуются набором макрофреймов разной значимости. Можно констатировать принципиальное сходство в устройстве дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы, что, на наш взгляд, свидетельствует о конвенционализации общих принципов рекламной деятельности. В настоящее время российская реклама успешно интегрирована в мировое бизнес-пространство, что предоставляет отечественным специалистам широкие возможности не только успешно перенимать более чем двухсотлетний опыт западных коллег, но находить собственные пути в создании достойного национального рекламного продукта.

Устройство дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы имеет много общих повторяющихся черт. Наличие однотипного проистекает из общей сущности, целей, задач и функций, характеризующих данную сферу приложения дискурсивной практики. В дискурсивных мирах русскоязычной и англоязычной рекламы репертуар тем упорядочен. **Макрофреймы, сходные по способам концептуализации**, выявляют совпадение глобального содержания по 15 топикам, формирующим

ядро семантической тематики: *Авто, мото; Бизнес; Бытовая техника и электроника; Домашнее хозяйство; Компьютеры; Красота; Напитки; Одежда, обувь, аксессуары; Продукты питания; Связь, телекоммуникации; Сигареты; СМИ; Торговля; Туризм; Финансовые услуги* [3].

При внешнем сходстве выделенных макрофреймов, набор единиц их фреймо-слотовой реализации оказывается разным, что в широком смысле объясняется как собственно языковой спецификой, так и особенностями коммуникативного контекста, уникального для каждого национально-культурного сообщества.

Макрофреймы, зафиксированные в структуре дискурсивного мира российской рекламы, – *Авиакомпании; Безопасность; Игорные заведения; Кинотеатры; Мебель; Недвижимость; Образование; Общепит; Рекламные, PR, маркетинговые агентства; Спортивные товары; Строительство и ремонт. Макрофреймы, зафиксированные в структуре дискурсивного мира британской рекламы*, – *Audio visual, Home and Garden; Industry and Commerce; Leisure and Entertainment; Office supplies; Public services; Utilities*. Выделение макрофреймов, различных по способам концептуализации, демонстрирует идиознеческие особенности. Категоризация в сторону конкретизации отличает русскоязычную рекламу, в то время как тематизация слоганов в дискурсивном мире британской рекламы чаще направлена на обобщение смыслов.

II. **Текстовые миры** русскоязычной и англоязычной рекламы представляют собой ментальные конструкторы, объективируемые в ходе развития дискурса, которые отличаются собственной архитектурой. Под архитектурой понимается организация структурно-функциональных элементов, связанных между собой и образующих остов текстового мира – его «несущую конструкцию». Признавая концептуальную сложность текстового мира, мы предлагаем следующую модель структурообразующих элементов, зримым образом показывая удельный вес и назначение каждого в рекламной ситуации «Предложение товара/услуги».

Действующие лица. К ним мы причисляем отправителей / адресантов и адресатов текстовых миров. Под отправителем понимается не рекламодатель, а то лицо, которое выступает с рекламным обращением. Некоторые из них активные исполнители, другие – пассивные

наблюдатели, чье присутствие, тем не менее, осознается.

1. **Отправитель / адресант** в ТМ рекламы выступает объектом референции, который устанавливает вектор когнитивной интерпретации рекламного сообщения. Адресант как один из базовых параметров ТМ является когнитивной структурой, содержащей несколько концептуальных составляющих и объективируемой в русскоязычной и англоязычной рекламе рядом однотипных схем: «От лица организации или торговой марки», «От лица компании или коллектива людей», «От лица типичного потребителя», «От лица знаменитостей», «От лица специалиста», «От лица вымышленного персонажа», «От лица рекламируемого продукта».

2. Овнешнение когнитивной структуры **адресата** осуществляется благодаря действию механизмов профилирования, которое реализуется как выбор языковых средств, направляющих внимание интерпретатора на фигуру потенциального получателя. Ср.: *Yours. The read of your life* (журнал для женщин); *Ты уверен, что обязательно придешь сюда еще раз* (кофейня).

Стереотипный круг языковых средств, используемых отечественными и зарубежными рекламистами, в большинстве случаев формируется за счет морфологических, синтаксических и лексических единиц. Они обнаруживают взаимодополняемость и структурируют текстовый мир в соответствии с интенциональными установками. В зависимости от прямого или косвенного указания на адресата в текстовом мире рекламы чаще формируется образ обобщенного и реже конкретного представителя целевой аудитории.

3. Параметры **место** и **время** создают систему координат, в которую вмонтированы текстовые миры русскоязычной и англоязычной рекламы. Ср.: *Ритм жизни ... ощути в Турциии!* (туризм); *India. Eternally yours* (туризм).

В качестве языковых механизмов пространственно-временной фиксации выступает взаимодействие грамматических и лексических факторов при ведущей роли первых. Данные механизмы предполагают использование таких элементов, как именные группы с локативным значением, наречия места и времени, указательные местоименные слова, глаголы движения. Однотипность, или клишированность рекламы «считывается» именно с грамматических категорий, представленных в двух

дискурсах более или менее сходным набором грамматических форм. Поскольку реклама создает образы, как бы реконструирующие данность, обозримую из настоящей действительности, временной параметр большинства текстовых миров остается на оси настоящего. Ср.: *Жить. Любить. Сейчас* (аромат); *Kmart. Right here. Right now* (магазины).

4. Ситуация коммерческого предложения товара/услуги в рекламных слоганах как самостоятельных функциональных единицах может видаться в разной перспективе, что сопряжено с выдвиганием на первый план одной или нескольких когнитивных структур, различимых в родовом пространстве текстового мира. Текстовые миры коммерческой рекламы выстраиваются вокруг трех составляющих – отправитель, продукт, адресат. Реккурентными образцами рекламных слоганов являются модели: «Мир отправителя», «Мир отправителя – мир продукта», «Мир отправителя – мир продукта – мир адресата», «Мир отправителя – мир адресата». Взаимодействие миров отправителя, продукта и адресата создает платформу, на которой строится имидж торговой марки, способствующий запоминанию, формированию привычек и предпочтений целевой аудитории. Ср.: *Pepsi. Бери от жизни все!* (напиток); *For all you do, this Bud's for you* (пиво).

Реклама выполняет регулятивно-инструктирующую функцию посредством трансляции ряда инвариантных моделей текстов, позволяющих их безошибочно идентифицировать именно как рекламные. По этой причине анализ текстовых миров русскоязычной и англоязычной рекламы направлен на выявление прототипных структурно-функциональных характеристик, связанных между собой и образующих конструктивные узлы, которые становятся объектами грамматической и лексической репрезентации. Они определяют концептуальное содержание текстовых миров и устанавливают векторы когнитивной интерпретации рекламных произведений.

Структурообразующие категории отправителя, адресата, времени и места служат демонстрации устройства текстовых миров русскоязычной и англоязычной рекламы. Они формируют единообразный каркас, который оказывается стабильным и нейтральным для выражения закрепленного лексическими средствами содержания. Концептуальное содержание создает объемность текстового мира, отличается

неповторимой спецификой, которая детерминируется характером творческой активности «коллективных» субъектов, протекающей в сложной системе национально-специфичных социальных условий и определяющей способности организации мысли с помощью языковых средств.

Двухчастная структура представленной функционально-ориентированной исследовательской модели включает социально-интерактивный параметр, предполагающий анализ языковых явлений в контексте, и когнитивно-интерпретационный параметр, который раскрывает, какие кластеры человеческого опыта отражаются в рекламном дискурсе, что именно и по какой причине должно привлекать внимание потенциального покупателя.

Теория миромоделирования, применяемая к рекламной коммуникации, нацелена на изучение того, как обработка информации, актуализируемой в дискурсе, детерминируется взаимодействием собственно лингвистических характеристик текста, когнитивных характеристик участников и свойств окружающего мира, представленного в тексте. Решение подобных задач перспективно, как кажется, и в исследованиях других типов дискурса. В этом случае представление результатов когнитивного миромоделирования может претендовать на место одного из интереснейших направлений дискурса-анализа в целом.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. 390 с.
2. Кашкин, В. Б. Сопоставительные исследования дискурса // Концептуальное пространство языка / под ред. Е. С. Кубряковой. Тамбов, 2005. С. 337–353.
3. Кушнерук, С. Л. Макроструктуры дискурсивных миров русскоязычной и англоязычной рекламы // Политическая лингвистика. 2011. Вып. 3 (37). С. 226–235.
4. Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge, 1994. 240 p.
5. Fillmore, C. J. Frame Semantics // The Linguistic Society of Korea (ed.) Linguistics in the Morning Calm, Seoul, 1981. P. 11–38.
6. Gavins, J. (Re)thinking modality: a text-world perspective // Journal of Literary Semantics. 2005. № 34 (2). P. 79–93.
7. Gavins, J. The Text World Theory: An Introduction. Edinburgh University Press, 2007. 193 p.
8. Hidalgo Downing, L. Negation, Text Worlds, and Discourse: the Pragmatics of Fiction. Stamford, CA, 2000. 225 p.
9. Semino, E. Text worlds // Cognitive Poetics: Goals, Gains and Gaps / G. Brône and J. Vandaele (eds.). Berlin, 2009. P. 33–71.
10. Stockwell, P. Cognitive Poetics: An Introduction. London, 2002. 193 p.
11. Werth, P. Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse. London, 1999. 390 p.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315).
Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 113–118.*

Н. В. Мамонова

МОДЕЛЬ ДРЕВОВИДНОГО ФРАКТАЛА КАК СРЕДСТВО ОРГАНИЗАЦИИ БРИТАНСКОГО СКАЗОЧНОГО ДИСКУРСА

Анализируется структура фрактальной модели древа как средства организации дискурсивной системы на примере английской народной сказки «The rose tree».

Ключевые слова: британский сказочный дискурс, модель древа, фрактал, самоорганизация, дискурсивная система, креативный аттрактор.

В начале XXI в. стремительно развивается новая область в языкознании – лингвосинергетика. Так, Н. В. Дрожжих отмечает, что «теоретический и практический материал интегративного и синергетического характера,

накопленный отечественной лингвистикой, получает новое теоретическое осмысление» [4. С. 229]. Лингвосинергетика неразрывно связана с процессами самоорганизации дискурса. Исследователи рассматривают дискурс

как сложную, открытую, нелинейную систему [1; 3; 6; 9].

По мнению В. Г. Бороботько, дискурс – это «комплексная единица, состоящая из последовательности предложений, находящихся в смысловой связи» [3. С. 5]. Н. С. Олизько рассматривает дискурс как «речемыслительный процесс, объективированный в некотором множестве текстов, обладающих общими для соответствующего типа текстов когнитивными стратегиями порождения и понимания, имеющими согласующуюся с этими стратегиями внутреннюю организацию и служащими для передачи и генерирования смысла, а также для декодирования других текстов» [6. С. 84].

Малоизученным аспектом лингвосинергетики является фрактальность дискурса. Фракталы дают чрезвычайно компактный способ описания объектов и процессов. Обращение к синергетическим понятиям, по мнению Н. С. Олизько, позволяет доказать, что в открытом нелинейном дискурсе процесс формирования дискурсивных структур «строится по принципу фрактального подобия», обеспечивающего «самоподобную связь частей» дискурса друг с другом [7. С. 13].

Фрактальная структура как основной способ самоорганизации дискурсивной системы обладает самоподобностью, рекурсивностью, нерегулярностью, динамичностью, способностью к саморазвитию, дробностью, изоморфизмом. Это можно выявить при сопоставительном анализе крупных единиц и их более мелких составляющих на микро-, макро-, мегаровнях. По мнению Н. Н. Белозеровой, «фрактал представляет собою модель вечноразвивающейся сущности, основанной на образовании самоподобных структур из каждой точки развития» [2]. Фрактал, отмечает В. В. Тарасенко, – «великолепная схема, которая объясняет динамическую рекурсию взаимосопрежения, непрерывной когнитивной и лингвистической трансформации» [8. С. 11].

Фрактальные закономерности напрямую связаны с закономерностями формирования порядка и хаоса и неотделимы друг от друга. Особая роль в формировании порядка отводится хаосу, который обеспечивает неопределенность развития дискурсивной системы. В хаосе динамическое равновесие рождается не самопроизвольно, а вследствие организации упорядоченных условий, которые по отношению к данному хаосу выступают порядком более высокого ранга (креативный аттрактор) и за-

дают направленную смену событий, заканчивающуюся формированием нового динамического равновесия дискурсивной системы. Это явление можно назвать детерминированным хаосом.

В тексте, отмечает Н. Л. Мышкина, наблюдаются как «спонтанные хаотические, так и детерминированно-целевые процессы», слияние которых «ведет к порождению новых смыслов» [5. С. 35]. В. В. Тарасенко полагает, что «именно фрактальные структуры указывают на динамику смыслов» дискурсивной системы [8. С. 175]. Соответственно, путем фрактального моделирования можно представить взаимоотношения порядка и хаоса в дискурсивном пространстве. Нелинейная дискурсивная система обладает креативным аттрактором, формирующим фрактальные структуры. То состояние, в котором находится дискурсивная система после некоторого числа итераций, зависит от ее начального состояния. Поэтому каждое устойчивое состояние дискурсивной системы обладает некоторой областью начальных состояний, из которых система обязательно попадет в рассматриваемые конечные состояния. Таким образом, дискурсивную систему имеет смысл описывать с использованием фрактального моделирования.

Н. С. Олизько выделяет следующие фрактальные модели самоорганизации дискурса: концентрические круги, спираль, ризома, древо [6. С. 89]. В данной статье рассмотрим реализацию фрактальной модели древа в британском сказочном дискурсе, представляющем собой закодированный источник информации об историческом прошлом народа. На наш взгляд, в британском сказочном дискурсе фрактал представляет собой совокупность самоподобных нерегулярных изоморфных смысловых элементов, оформленных в определенную законченную смысловую структуру, являющуюся оператором (ячейкой) рассматриваемой дискурсивной системы. Восприятие сказочного произведения в виде древа помогает распознавать повторяющиеся структуры, наблюдать процесс взаимодействия автора, текста и читателя как единое целое. Непрерывность «фрактальных блужданий формируют мультимасштабные переходы автора», индуцирующие и формирующие «сходное блуждание у читателя» [8. С. 167]. Модель древа позволяет проследить динамику развития системы сказочного дискурса с момента его возникновения до полной реализации относительно креативного аттрактора.

Модель дерева привносит идею наличия сквозной – от корней до кроны – логики развития. Древовидные фракталы являются иерархическими системами. Это одна из фундаментальных структур человеческого бытия. На наш взгляд, модель дерева можно представить в трех вариантах: надземная часть (разветвление), подземная часть (слияние) и более сложная модель, включающая в себя подземную и надземную части.

В подземной части данной модели фрактальное движение сюжетных линий идет от периферийных смыслов, собираясь в более крупные ответвления и, в конечном счете, образуя ствол дерева.

В случае надземной части модели дерева постоянные и усиливающиеся флуктуации, приводят дискурсивную систему в неравновесное состояние и приближают ее к точке бифуркации (ветвления). При этом происходит реализация креативного аттрактора британского сказочного дискурса, ветвление новых смыслов и интерпретаций. В креативном аттракторе заложен доминантный смысл сказочного произведения, который притягивает и структурирует смыслы и интерпретации вокруг себя. При прохождении точки бифуркации формируются новые смысловые элементы, а излишки информации подвергаются диссипации.

Относительно поверхности земли в зеркальном отображении строится подземная часть этой модели. В сказочном произведении к сюжету примыкают изоморфные и самоподобные смысловые элементы, оформленные в определенную структуру – фрактал, которые, соединяясь вместе, формируют более мощную ветвь (более крупный фрактал), что приводит к возникновению эмерджентного состояния дискурсивной системы. Рассмотрим упрощенный случай построения дискурсивной системы, когда изоморфные и самоподобные фрактальные структуры, объединяясь, продолжают дальнейшее движение под воздействием креативного аттрактора дискурсивной системы сказочного произведения. Смысловые элементы, соединяясь в более крупные ветви, достигают определенного уровня, достаточного для реализации креативного аттрактора (см. Рис. 1).

На этом уровне развития дискурсивной системы смысловые элементы, оформленные во фрактальную структуру, являются линией перехода подземной части модели дерева в надземную. Надземная часть в данном случае представляет развитие сюжетных линий, при

этом от основного ствола отходят фрактальные ответвления более мелких смысловых элементов, которые также могут делиться и, в конечном счете, подвергаться диссипации. Вершину дерева завершает реализация креативного аттрактора, которым и заканчивается сказочное произведение.

Более детально проиллюстрируем модель фрактального дерева на примере английской народной сказки «The rose tree». У одного человека двое детей, дочь от первой жены и сын от второй. Дочь очень красива, и брат любит ее, а вторая жена мужчины ненавидит девочку. Однажды мачеха посылает ее к бакалейщику, чтобы купить свечи. Падчерица покупает свечи, но на обратном пути ей преграждает путь изгородь. Девочка кладет связку, чтобы перебраться на другую сторону. Появляется собака и уносит свечи.

«She gave her the money; and the little girl went, bought the candles, and started on her return. There was a stile to cross. She put down the candles whilst she got over the stile. *Up came a dog and ran off with the candles*» [10. С. 16].

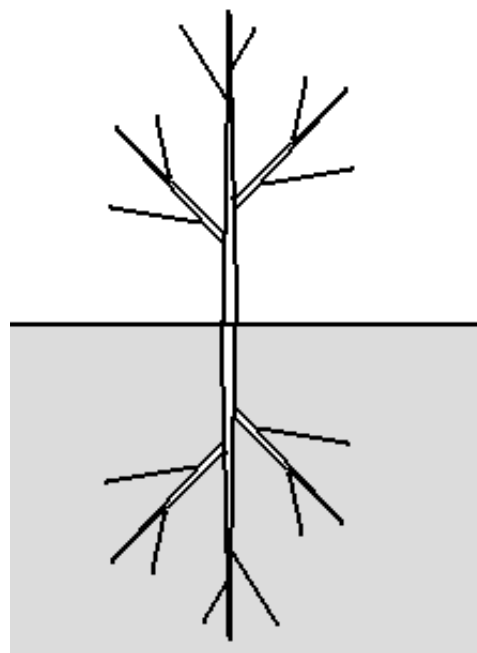

Рис. 1. Надземная и подземная части древовидного фрактала.

Эта совокупность смысловых элементов (покупка свечей, изгородь, собака), оформленных в законченную смысловую структуру, с нашей точки зрения, является фракталом подземной части модели дерева.

Снова девочка покупает свечи, но, как и в первый раз, события повторяются (собака уносит вторую связку свечей).

Смысловые элементы повторяются (покупка свечей, изгородь, собака). Они изоморфны предыдущему эпизоду и образуют оформленную смысловую структуру модели древа (ветвь), при этом к основной сюжетной линии присоединяются смысловые элементы, представляющие собой изоморфные фракталы (первый и второй эпизоды покупки свечей).

«She went back to the grocer's, and she got a second bunch. She came to the stile, set down the candles, and proceeded to climb over. *Up came the dog and ran off with the candles*» [10. С. 16].

Падчерица идет к бакалейщику в третий раз и вновь остается ни с чем.

«She went again to the grocer's, and she got a third bunch; and just the same happened» [10. С. 16].

В этом сказочном произведении изоморфные действия повторяются трижды. Трижды падчерица покупает, кладет свечи, чтобы перебраться через изгородь, но собака каждый раз уносит их. В результате плачущая девочка вынуждена вернуться домой без денег и без свечей.

Смысловые элементы повторяются (покупка свечей, изгородь, собака) в третий раз. Они изоморфны двум предыдущим эпизодам и, примыкая к сюжетной линии, соединяясь вместе, образуют оформленную самоподобную смысловую структуру древовидного фрактала (более крупную ветвь).

С этого момента дискурсивная система развивается, и к ней примыкают изоморфные и самоподобные смысловые структуры на другом уровне, формируя сюжетную линию сказочного произведения. Поход девочки к бакалейщику окончательно укрепляет мачеху в решении избавиться от ненавистной падчерицы.

В данном случае повторяющиеся смысловые элементы (неудачные походы в магазин), соединяясь в целое, приводят к появлению эмерджентных свойств дискурсивной системы (возникновение злого замысла мачехи), что ведет к динамичному развитию сюжета сказочного произведения. Действия мачехи для достижения своей цели также можно представить в виде трех ассиметричных фракталов.

Развитие дискурсивной системы продолжается по принципу построения модели подземной части древа, то есть идет дальнейшее слияние сюжетных линий. Мачеха предлагает расчесать падчерице волосы и просит девочку принести гребенку.

«She said to the child: "Come, lay your head on my lap that *I may comb your hair*"» [10. С. 17].

Потом злая женщина просит принести деревянную колодку, чтобы удобно было расчесывать волосы.

«...so she said to her, "*I cannot part your hair on my knee, fetch a billet of wood.*" So she fetched it» [10. С. 17].

В третий раз мачеха предлагает укоротить ее прекрасные волосы и просит принести топор, которым отрубает падчерице голову.

«Then said the stepmother, "*I cannot part your hair with a comb, fetch me an axe.*" So she fetched it» [10. С. 17].

«"Now," said the wicked woman, "lay your head down on the billet whilst *I part your hair.*"» [10. С. 17].

Динамика развития дискурсивной системы подпитывается ассиметричными фракталами (действия мачехи и девочки), что приводит к следующему эмерджентному изменению свойств дискурсивной системы данного сказочного произведения. Мачеха отрубает голову послушной девочке. Происходит значимая поворотная точка – избавление от падчерицы (реализация злого замысла мачехи).

Далее идет приток новых смысловых элементов: мачеха вынимает сердце и печень девочки, варит рагу, которое съедает отец девочки, отмечая его странный вкус, мальчик отказывается от блюда и хоронит сестру под розовым кустом, каждый день приходит к этому месту и оплакивает смерть своей сестры.

При этом в результате накопления новых смысловых компонентов дискурсивная система приобретает эмерджентные свойства. Наступает весна, розовый куст зацветает, и появляется белая птица, символизирующая девочку в новом облике.

"One day the rose-tree flowered. It was spring, and there among the flowers was a white bird; and *it sang, and sang, and sang* like an angel out of heaven" [10. С. 17].

Птичка прилетает к сапожнику и поет чудесную песню:

"My wicked mother slew me,
My dear father ate me,
My little brother whom I love
Sits below, and I sing above
Stick, stock, stone dead" [10. С. 17].

Песня представляет собой фрактал, включающий в себя свернутый ретракт всей сказки. В песне птичка поет о горькой доле маленькой девочки и просит помощи для совершения возмездия.

«Моя злая мачеха убила меня,

Мой дорогой папа съел меня,
Мой младший брат, которого я люблю,
Сидит под деревом, и я пою с небес
О, дайте мне орудие возмездия» [перевод
автора].

Сапожник просит ее спеть еще раз, и птичка
получает взамен красные сапожки.

«“Sing again that *beautiful song*,” asked the
shoemaker. “If you will first give me those little
red shoes you are making.” The cobbler gave the
shoes, and the bird sang the song» [10. С. 17].

Птица поет и получает дар.

Птица прилетает к часовщику и поет пре-
красную песню о своей горькой доле. Он вос-
хищен и просит спеть для него еще раз.

«“Oh, the *beautiful song*! sing it again, sweet
bird,” asked the watchmaker. “If you will give
me first that gold watch and chain in your hand”»
[10. С. 18].

Птица поет и получает в дар золотые часы
с цепочкой.

В третий раз птица прилетает к трем мель-
никам, которые несут тяжелый жернов на
мельницу. Она поет свою чудесную песню:

«My wicked mother slew me,
My dear father ate me,
My little brother whom I love
Sits below, and I sing above
Stick!» [10. С. 18].

Мельники подхватывают ее песню:

«Then one of the men put down his tool and
looked up from his work, “*Stock!*”. Then the sec-
ond miller’s man laid aside his tool and looked up,
“*Stone!*”. Then the third miller’s man laid down
his tool and looked up, “*Dead!*”» [10. С. 18].

Мельники восхищены прекрасной песнью
птицы и просят повторить ее.

«“Oh, what a *beautiful song*! Sing it, sweet
bird, again.” “If you will put the millstone round
my neck,” said the bird» [10. С. 18].

Птичка получает все, о чем она просила.

Так, эпизоды сказочного произведения,
когда птичка поет и получает дары, являются
последним структурным элементом в модели
подземной части древа этого сказочного произ-
ведения. В этот момент развития сюжета при-
ток смысловых элементов извне прекращается.
Изоморфные смысловые элементы (действия
птички) примыкают к стволу (сюжету произ-
ведения) и таким образом завершается форми-
рование фрактальной модели подземной части
древа. Дискурсивная система получает извне
достаточное количество смысловых элементов
для реализации креативного аттрактора в этом

сказочном произведении (достижение справед-
ливости). Все притоки новых сюжетных линий
соединяются в одной точке, которая дает раз-
витие дальнейшим итерациям сказочного про-
изведения. С этого момента модель подземной
части древовидного фрактала дискурсивной
системы переходит в надземную. Ствол древа
под действием креативного аттрактора начина-
ет разветвляться на изоморфные и самоподоб-
ные фрактальные ветви.

Над домом мачехи гремит гром, и он при-
носит для героев сказки «плоды» по заслугам.

«It sang the song and then flew home. It rattled
the millstone against the eaves of the house, and
the stepmother said: “*It thunders.*” Then the little
boy ran out to see the thunder, and down dropped
the red shoes at his feet» [10. С. 18].

В первый раз маленький мальчик выбегает
и с неба падают красные сапожки.

Эта совокупность смысловых элементов
(гремит гром, мальчик выбегает и получает в
дар красные сапожки), оформленных в закон-
ченную смысловую структуру, с нашей точки
зрения, является фракталом надземной части
модели древа.

«It rattled the millstone against the eaves of the
house once more, and the stepmother said again:
“*It thunders.*” Then the father ran out and down
fell the chain about his neck. In ran father and son,
laughing and saying, “See, what fine things *the
thunder has brought us!*”» [10. С. 18].

Гром гремит во второй раз – выходит отец и
получает золотые часы с цепочкой.

Эти смысловые элементы (гремит гром,
отец выходит и получает в дар золотые часы
с цепью) изоморфны предыдущему эпизоду,
образуют оформленную смысловую структуру
древовидного фрактала, при этом от основной
сюжетной линии (ствол древа) идут фракталь-
ные ответвления.

Сын и отец радуются дарам, которые при-
нес гром.

«Then the bird rattled the millstone against the
eaves of the house a third time; and the stepmother
said: “*It thunders again, perhaps the thunder has
brought something for me,*” and she ran out; but the
moment she stepped outside the door, down fell the
millstone on her head; and so she died» [10. С. 19].

Гром гремит в третий раз, мачеха выходит в
надежде получить ценный дар с небес. На нее
падает огромный тяжелый жернов и убивает
злую женщину.

В третий раз повторяются изоморфные
смысловые элементы (гремит гром, мачеха вы-

ходит и получает в дар тяжелый жернов, который убивает ее). Эта совокупность смысловых структур подобна двум предыдущим (ситуация с мальчиком и с отцом) и представляет собой изоморфный фрактал, рассматриваемый нами как вершина модели надземной части дерева, в котором происходит наиболее яркая реализация креативного аттрактора данного сказочно-го произведения.

Таким образом, модель древовидного фрактала можно рассматривать как способ самоорганизации сказочного произведения и как средство организации британского сказочного дискурса. При этом фрактал представляет собой совокупность самоподобных нерегулярных изоморфных смысловых элементов, оформленных в определенную законченную смысловую структуру, являющуюся оператором рассматриваемой дискурсивной системы. Восприятие сказочного произведения в виде фрактального дерева помогает распознавать повторяющиеся самоподобные и изоморфные структуры, наблюдать процесс взаимодействия автора, текста и читателя как единое целое.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Понятие синергетического пространства лингвокультуры // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Русская филология. 2009. № 3. С. 7–12.
2. Белозерова, Н. Н. Стихотворения О. Манделштама о Петербурге с точки зрения

категорий линейности, гипертекстуальности, интертекстуальности, метафоризации и фрактальности [Электронный ресурс]. URL: <http://frgf.utmn.ru/last/No19/text13.htm>.

3. Бороботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. М., 2011. 288 с.
4. Дрожащих, Н. В. Лингвосинергетика: истоки и перспективы // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2009. № 1. С. 227–234.
5. Мышкина, Н. Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики. Пермь, 1998. 152 с.
6. Олизько, Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе : дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. 343 с.
7. Олизько, Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2009. 43 с.
8. Тарасенко, В. В. Фрактальная семиотика: «слепые пятна», перипетии и узнавания. М., 2009. 232 с.
9. Храмченко, Д. С. Ирония в английском деловом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук. Тула, 2010. 209 с.
10. Jacobs, J. English Fairy Tales. The Pennsylvania State University, 2005. 169 p.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 118–122.

Т. М. Матвеева

ПЕРЦЕПТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ ЗАПАХА В ЯЗЫКЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДЕГУСТАТОРОВ (на материале немецкого языка)

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045, проект «Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире»

Анализируются особенности категоризации и вербализации перцептивной информации в сфере профессиональной дегустации вина. В центре внимания находится специальный язык дегустаторов, выявляются отраженные в нем характеристики профессиональной языковой личности.

Ключевые слова: профессиональный язык дегустаторов, профессиональная языковая личность, вербализация неявного знания, перцептивные категории, одорическая лексика, ольфакторная номинация.

Для дегустатора характерен особый способ познания мира. По сравнению с научным познанием доля эксплицитности его результатов объективно меньше. Знание дегустатора отличается слабой структурированностью, вследствие чего язык для описания и объяснения той или иной характеристики недостаточно разработан терминологически. В целом приобретение навыка дегустации основывается на огромном количестве информации о том, что следует и чего не следует делать. Природа этой информации часто носит подсознательный характер.

Специфика дегустации как деятельности заключается в органолептической (сенсорной) оценке продуктов питания, в основном вина и других напитков. Эту процедуру осуществляют профессиональные дегустаторы в составе дегустационной комиссии или индивидуально. В наши дни дегустация как метод определения качества продуктов сохранилась во всей полноте и с традиционными правилами лишь в отношении оценки виноградных вин. В других сферах пищевого производства дегустаторы пользуются химическими, биохимическими и физическими методами оценки качества продукции [9. С. 6–8].

Дегустация вина – процесс, который не имеет критерия успеха и требует определенной дисциплины. Качество работы дегустатора зависит не только от его чувствительности, способности определять вкус и аромат, но и от умения выразить полученные впечатления. Специальная лексика дегустатора-профессионала уточняется по мере приобретения им опыта и в процессе коммуникации с коллегами. В целом профессиональный язык дегустаторов характеризуется обилием транспозиций и метафор, в нем звучит много поэтических нот, он напоминает музыкальный или психологически тонкий семиотический код.

Предметом настоящего исследования выступают когнитивные и языковые механизмы концептуализации и категоризации объектов специальной деятельности дегустатора, соотношение в его профессиональном сознании универсальных, национально-культурных и индивидуальных характеристик.

Анализируя особенности сознания человека, мы получаем представление о его деятельности и типе личности. В современной лингвистике личность человека рассматривается как совокупность способностей, знаний, интересов, и, по точной характеристике Е. С. Кубряковой, «открывает широкие перспективы

виденья языка во всех его разнообразных и многообразных связях с человеком, с его интеллектом и разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами, им осуществляемыми и, наконец, с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе» [6. С. 476].

Понятие «профессиональная языковая личность» вошло в научный обиход сравнительно недавно. Вслед за Е. И. Головановой, под профессиональной личностью мы понимаем «совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности» [2. С. 188].

Анализ профессиональной языковой личности предполагает выделение трех уровней: 1) уровня профессионального сознания (ментальные образования, отражающие содержание и структуру специального опыта); 2) вербального уровня (языковые структуры, коррелирующие со структурами сознания); 3) прагматического уровня (цели, мотивы, интересы, установки личности), который обеспечивает при анализе языковой личности закономерный и обусловленный переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире. Остановимся на исследовании первых двух уровней профессиональной личности дегустатора.

Мы исходим из того, что любая профессиональная единица является результатом когнитивной деятельности специалиста, заключающейся в концептуализации и категоризации различных типов знания. В нашем случае интерес представляет вербализация дегустатором неявного знания, а именно перцептивной информации, которая организована в виде перцептивных категорий и концептов. Под неявным знанием понимается такой тип знаний, который не может быть легко передан другим участникам коммуникации, полностью или частично не эксплицируется вербально. Для анализа выбрана категория запаха и специфика представления ольфакторной информации в языке дегустатора.

Для перцептивной категоризации характерна эталонность, которая проявляется в прототипической номинации. Исследование прототипических эффектов, имеющее в лингвистике давнюю традицию, производится на всех уровнях языка – фонологическом, морфологиче-

ском, синтаксическом, семантическом [8]. В основе прототипического подхода лежит представление о лучшем образце категории, вокруг которого группируются другие, сходные с ним по тем или иным характеристикам элементы. Многообразии и неравнозначности этих характеристик, их количественно и качественно неоднородный набор у разных членов категории объясняет неоднородность состава категорий, центральность или периферийность тех или иных элементов, нечеткость категориальных границ, которая связана с образованием различных переходных зон между ближайшими категориями [7; 10].

В основе перцептивной категории запаха лежит категориальный концепт «*Geruch*» / «*запах*». Категориальные концепты сводят все разнообразие наблюдаемых и воображаемых явлений в одну рубрику, способствуя обработке субъективного опыта путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы [5. С. 90]. Раскрывая содержание и внутреннюю упорядоченность данного концепта, отметим, что почти во всех языках одорические слова и выражения экспрессивны и многозначны.

Концепт запаха объективируется в языке профессиональных дегустаторов лексемами *der Duft* (аромат), *das Aroma* (аромат, благоухание), *das Bukett* (букет вина). Перцептивный уровень категориального концепта интерпретируется как первое из чувств, появившихся в процессе эволюции, самый древний вид перцепции, который постепенно утратил свое первенство. Запах – специфическое ощущение присутствия в воздухе летучих ароматических веществ, обнаруживаемых химическими рецепторами обоняния, расположенными в носовой полости животных и людей. Лексическая единица *der Geruch* (*запах*), объективирующий категориальный концепт, имеет индоевропейские корни, характеризуется временной стабильностью, универсальностью, служит опорой всему концептуальному содержанию. Семантика лексем указывает на ситуацию с двумя участниками: субъект восприятия (тот, кто воспринимает) и объект восприятия (то, что воспринимается). Иными словами, для восприятия запаха обязательным является контакт того, кто воспринимает, с воспринимаемым веществом.

Категоризация запаха в языке осуществляется посредством субкатегоризации, в частности, содержание категориального концепта

«*der Geruch*» / «*запах*» наиболее полно представлено содержательными характеристиками дифференциальных концептов запаха, среди которых выделяются базисные и производные концепты, а также концепты аксиологической сферы, такие как „*wohlriechend*“ / «ароматный», „*übel*“ / «дурно пахнущий», „*angenehm*“ / «приятный», „*ekelhaft*“ / «омерзительный» и др.

Как правило, люди не могут охарактеризовать запах, не называя вещества или предмета, которому он свойственен. В то время как в области вкуса существует представление о сладком, горьком, кислом, соленом, в области цветовосприятия выделяются основные цвета спектра, представления о запахе являются чисто предметными. Это означает, что информация об исследуемом фрагменте действительности реконструируется путем сравнения с освоенным ранее знанием. Человек, характеризуя запах объекта, постоянно делает ссылку к своему предшествующему опыту, т.е. осмысление новой действительности происходит за счет обращения к освоенному ранее, через уподобление с категорией опорного знания [1. С. 353–355].

Рассмотрим в качестве примера характеристику ароматов вина посредством словаря терминов, разработанного в начале 1980-х годов в Калифорнийском университете Э. Ноубл и ее коллегами. С помощью так называемого «колеса ароматов», используемого в качестве руководства по дегустации, можно описывать комплексные ароматы вина. Термины «колеса ароматов» имеют аналитическую основу, при этом предпочтение отдано описательным единицам, что исключает субъективные оценки. Все ароматы разделены на 12 основных классов, которые имеют 29 подкатегорий, а те в свою очередь дифференцируются на 94 аромата (см. рис.).

Анализируя представленную типологию, отметим, что все классы ароматов можно поделить на естественные и искусственные. Естественными являются ароматы, имеющие своим источником природные объекты. Искусственные ароматы получены синтетическим путем и предполагают активность человека, направленную на преобразование природы в соответствии с задачами, решение которых необходимо для его нужд [3. С. 26–33].

К естественным относятся *растительные*, *микробиологические* и *землистые* запахи, к искусственным – *химические* и *карамель-*

ставлена компонентом эфирных масел цитрусовых.

В группе **вегетативных** ароматов две подкатегории содержат указание на способ консервации: «**консервированные / вареные овощи**» и «**высушенные растения**», ср.: *Der Duft dieses Weins (Grüner Veltliner) ist vegetativ (Gurken und Dill, manchmal meint man auch ein Aroma von Linsen zu erschnuppern). – В этом вине («Вельтлинер») присутствуют огуречный и укропный аромат, а также легкая нота чечевицы.* Третья подкатегория дифференцируется по качеству – «**свежие**» ароматы, ср.: *Chablis prägt ein frisches und delikates Bukett. – «Шабли» демонстрирует свежий и изысканный букет.* В наименовании **ореховые** запахи содержится указание на вид плода.

Среди **древесных** ароматов выделяют «**фенольные**», «**смолистые**» и «**жженные**», где в первом случае наименование происходит от названия класса химического соединения, во втором – соотносится с продуктом жизнедеятельности растения и в третьем – указывает на способ обработки вещества. **Цветочные** и **пряные** ароматы демонстрируют отсылку к конкретным объектам: роза, лакрица, анис и т.п.: *Gewürztraminer verführt Nase und Gaumen mit ihrem charmanten Rosenduft und verströmt ein vielschichtiges, exotisches Aromenspiel, das von Akazienblüten über Zimt bis hin zu Orange und Maracuja reicht. – «Гевюрцтраминер» соблазняет очаровательным запахом роз и привлекает многослойной игрой ароматов, демонстрируя одорические нотки цветов акации, корицы, а затем апельсина и маракуйи.*

В группе **микробиологических** запахов отражено представление о брожении и запахах дрожжей, которые относятся, согласно биологической классификации, к грибам. Группа **землистых** ароматов содержит отсылку к прототипу – запаху земли – и представлена грибными запахами и запахами разложения, ср.: *erdige Geruchsnoten (землистые вкусовые нотки), Bittermandelton im Abgang (звуки горького миндаля).* Из искусственных запахов выделяются **карамельные** ароматы, которые представлены как природными объектами (мед), так и искусственными (ирис, соевый соус), ср.: *das Spiel der Aromen mit einem Hauch von Haselnuss, Karamell und Butter – игра ароматных ноток лесного ореха, карамели и сливочного масла.*

Интерес представляет группа **химических** запахов. Здесь выделяются «**нефтяные**», «**бу-мажные**», «**серные**», «**окисленные**» и «**жгу-**

чие» запахи. Примечателен тот факт, что часть из названных подкатегорий содержит указание на физиологические свойства, химический процесс и химические соединения. Очевидно, что от специалиста требуются не только развитые органолептические способности, но и высокий уровень развития лингвистической компетенции.

Исследование специальной лексики дегустации демонстрирует, что профессиональная языковая личность дегустатора характеризуется не только особым способом познания мира – через приобретение и тренировку навыка органолептического анализа. В основе концептуализации и категоризации познаваемой дегустатором информации лежит принцип активизации освоенного ранее, механизм уподобления нового знания опорному, закрепленному в единицах языка. Это свидетельствует о высоких требованиях, предъявляемых к когнитивным и лингвистическим способностям специалиста в области профессиональной дегустации.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека. М., 1998. 896 с.
2. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. М., 2011. 224 с.
3. Голованова, Е. И. Соотношение естественного и искусственного начал в языке профессиональной коммуникации // Языки профессиональной коммуникации: материалы Междунар. науч. конф. Челябинск, 2003. С. 26–33.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2010. 264 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. М., 1996. 245 с.
6. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.
7. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М., 2004. 792 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. 683 с.
9. Хиллс, Ф. Как выбрать вино, или Тайны сомелье. М., 2007. 256 с.
10. Rosch (Heider), E. Natural Categories // Cognitive Psychology. 1973. № 4. P. 328–350.

АРХИТЕКТУАЛЬНОСТЬ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ СИНЕРГЕТИКИ

Рассматривается феномен архитектурности в художественном дискурсе с позиций когнитивной синергетики. Утверждается, что реализация архитектурных отношений, приводящих к смешению стилей и стилистическим парадоксам, стилизации и пародированию, обеспечивается моделями фрактальной самоорганизации дискурса и выступает эффективным средством установления парадигматических связей экзотекстуального характера.

Ключевые слова: архитектурность, фрейм-модель, аттрактор, самоподобие, фрактал, постмодернистский художественный дискурс.

Категория архитектурности (от лат. *arche* – первообраз, оригинал) реализуется посредством установления в отдельном тексте множества характеристик экзотекстуального характера, отражающих парадигматические связи текста или его частей с тем или иным прецедентным жанром (под прецедентным жанром мы понимаем готовую модель определенного жанра).

Работы по теории жанра (А. Вежбицка, Ст. Гайда, В. В. Дементьев, М. Н. Кожина, К. Ф. Седов, Н. Д. Тамарченко, Т. В. Шмелева) свидетельствуют о том, что данное понятие может трактоваться как кодифицированная организационная форма использования языка, функционально-структурный тип воплощения темы, обобщенная модель типового текста, стандартизованный тип отбора и организации внеязыковых фактов и языковых средств. Различаясь в частности, все эти определения подчеркивают закреплённость, кодифицированность, стандартность жанровых рамок. Тот или иной конкретный жанр (произведение какого-либо жанра при его производстве) всегда ориентируется на образец, на определенную модель, хотя это, конечно, не исключает возможностей индивидуальных преобразований жанровой формы в конкретных произведениях.

В рамках когнитивной семиотики представление о типических моделях речевого поведения включается в потенциальное измерение дискурса, трактуемого как «семиотическое пространство, содержащее вербальные и невербальные знаки, ориентированные на обслуживание соответствующей коммуникативной сферы, а также тезаурус прецедентных высказываний и текстов» [15. С. 11]. Рассмотрение речевого жанра как составляющего элемента дискурса соответствует разграничению институциональных и неинституциональных,

статусно- и личностно-ориентированных типов дискурса [7]. При этом жанры речи не являются внешним условием коммуникации, которое говорящий/пишущий должен соблюдать в своей речевой деятельности. Жанры речи присутствуют в сознании языковой личности в виде фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово. «Формирование дискурса уже на стадии внутреннего планирования использует модель порождения речи, которая соответствует конкретной ситуации общения и которая диктуется жанровым фреймом» [14. С. 13]. Автор вначале выбирает определенный речевой жанр, в рамках которого он собирается вести коммуникацию. Избранный речевой жанр предоставляет в распоряжение коммуниканта корпус «своих» речевых актов и некоторые «предписания» относительно их последовательности. Таким образом, автор отбирает средства не просто из континуума коммуникативных актов, но из хранящихся в виде особых параметров фрейм-модели речевого жанра наборов (классов) средств, объединенных общностью (прагматической) роли в организации дискурса соответствующего речевого жанра. Реципиент, в свою очередь, также апеллируя к фрейм-модели речевого жанра, устанавливает наличие метафорических связей между соответствующим вариантом и неким типизированным жанровым инвариантом, обращая особое внимание на характер ситуации и коммуникативное намерение. Намерения, или интенции, есть действия, близкие по своему содержанию к функциям, традиционно выделяемым при анализе функционально-стилистических разновидностей языка. Это функции информации, убеждения, воздействия, доказательства и т. п. Помимо функциональных параметров, существенными считаются следующие жанрообразующие признаки:

- 1) признаки, связанные с адресатом (например, наличие или отсутствие адресованности);
- 2) признаки, связанные с адресантом (например, обращение от своего имени или от имени группы);
- 3) признаки, связанные с характером сообщения (абстрактность или конкретность, эмоциональность/неэмоциональность);
- 4) признаки, связанные с каналом связи (письменная/устная форма, диалогичность/монологичность).

Важны также объем текста, степень корректности/некорректности, степень образности/безобразности, условия, обстоятельства, сопутствующие коммуникативному процессу [2].

Т. В. Шмелева, описывая модель речевого жанра, к основным жанрообразующим признакам коммуникативной цели (информативные, императивные, этикетные, оценочные речевые жанры), образа автора и образа адресата добавляет диктум (событийное содержание), фактор прошлого (инициальные и «реактивные» жанры), фактор будущего (дальнейшее развитие речевых событий, воплощающееся в появлении других речевых жанров) и языковое воплощение (лексико-грамматические ресурсы жанра) [16]. Универсальная модель Т. В. Шмелевой дополняется более частной коммуникативно-семиотической моделью жанров, предложенной Н. Б. Лебедевой для описания жанров естественной письменной речи. Данную модель конституируют следующие фациенты (субстанциональные участники и несубстанциональные компоненты): автор (кто?); коммуникативно-целевой фациент (зачем?); адресат (кому?); объект коммуникации – знак (что?), включающий диктумное содержание и языковое воплощение; графико-пространственный параметр (как?); орудие-средство (чем?); субстрат, материальный носитель знака (на чем?); носитель субстрата (в чем?); среда (где?); время восприятия знака (когда?); фациент «ход коммуникации»; фациент «социальная оценка» [8. С. 118]. Представленные модели указывают не собственно жанровые характеристики, а предлагают некоторые схемы описания, которые могут иметь разное наполнение. Другими словами, речевой жанр может быть определен как «типовая модель общения, которая, реализуясь в определенном дискурсивном пространстве, предполагает актуализацию всех процессов, связанных с порождением, организацией, переработкой, хранением, трансформацией и передачей сообщений» [1. С. 46].

В рамках лингвосинергетического подхода речевой жанр может быть рассмотрен в качестве коммуникативного аттрактора, упорядочивающего архитекстуальные отношения в рамках художественного дискурса. Устанавливая определенные ограничения на интерпретацию высказываний, речевые жанры снижают степень неопределенности коммуникации и уменьшают энтропию соответствующего дискурса, в рамках которого конвенциональность типов и жанров текстов обуславливает распределение информации по заданному образцу. «Как продукты дискурсивной деятельности тексты создаются в определенных институциональных рамках, которые накладывают известные языковые и стилистические ограничения на структуру высказываний, порождаемых в определенном речевом жанре» [1. С. 45]. Чтобы быть понятым, писатель, создавая речевое произведение, должен выстраивать его в соответствии со своими собственными знаниями и знаниями предполагаемого читателя об известных формах дискурсивной коммуникации. Одним из способов достижения этой цели является реализация когнитивных структур репрезентации знаний автора о типичной организации дискурса, активизирующих метафорические отношения по сходству с тем или иным жанром и вызывающих у читателя определенные ожидания относительно жанровых особенностей построения произведения. Результат осуществления данного процесса обнаруживает прямую зависимость от глубины фоновых знаний реципиента. При этом необходимо помнить, что основу базовой части «энциклопедического знания» (термин У. Эко) составляют «дискретные знания, представляющие собой сложную открытую систему, находящуюся в постоянном процессе перестройки и расширения» [3. С. 124]. В результате семиосфера, в рамках которой осуществляется взаимодействие различных дискурсивных конструкций, предстает как хаотическое динамическое пространство, организующим началом которого выступает жанровый аттрактор, задающий определенную ориентацию элементам соответствующего дискурса. При взаимодействии несимметричных по отношению друг к другу динамических систем семиосферы происходит «наработка промежуточной инстанции, соизмеряющей взаимодействие систем, изначально несоизмеримых друг с другом» [6. С. 195]. Речь идет о формировании архитектуральных отношений, адаптивный характер которых, об-

условленный эффектом каталитического действия (< *катализатор* – вещество, ввод которого в химический раствор вызывает реактивное взаимодействие веществ), запускает механизм самопорождения нового смысла.

Жанровым разнообразием, демонстрирующим сосуществование в рамках одного произведения таких жанров, как миф, сказка, басня, притча, воспитательный роман, драма, фантастика, поэма, баллада, элегия и т. д., характеризуется постмодернистский художественный дискурс. Особенностью творчества российских постмодернистов является обращение к речевому жанру анекдота. Так, в репертуар романа В. Пелевина «Чапаев и Пустота» входят анекдоты о Чапаеве, Петьке, Анке и Котовском, используемые, с одной стороны, как притчевые сюжетные и нарративные структуры, с другой стороны, как пародированные и деконструируемые концепты.

Одной из наиболее ярких жанровых разновидностей постмодернистского художественного дискурса является миф, архитекстуальные проявления которого выступают структурной основой многих произведений современной литературы, т. е. посредством возвращения к мифу происходит сближение высокой и массовой культур и, как результат, стираются жесткие границы между «высокой» и «низкой» литературой. Как известно, постмодернистское письмо отличается двойной адресацией – к массовому и интеллектуальному читателю. По мнению В. Руднева, «глубинное родство массовой литературы и элитарной культуры, ориентирующейся на архетипы коллективного бессознательного» [13. С. 224], обеспечивается основным свойством мифа – повторяемостью. В данном ключе миф может трактоваться как «совокупность правил, по которым из одного объекта можно получить второй, третий и так далее путем перестановки его элементов и некоторых других симметричных преобразований» [9. С. 58].

В мифе имеется, «во-первых, система естественного языка, или язык-объект, которым миф овладевает, чтобы построить свою собственную систему; во-вторых, сам миф, или метаязык, представляющий собой вторичный язык, на котором говорят о первичном» [9. С. 240]. Для литературы постмодернизма характерно так называемое «стремление к нулю», т. е. ее «разрушение как языка-объекта и сохранение лишь в качестве метаязыка, где сами поиски метаязыка в последний

момент становятся новым языком-объектом» [4. С. 132]. В «Мифологии» Ролана Барта миф рассматривается как вторичная семиологическая система. «То, что в первичной системе было знаком (итоном ассоциации понятия и образа), во вторичной оказывается всего лишь означающим. Миф как бы возвышается на ступеньку над формальной системой первичных значений языка» [5. С. 239].

В рамках постмодернизма миф (в традиционном понимании) становится исходным пунктом третичной семиологической цепи, его значение превращается в первый элемент вторичного (постмодернистского) мифа. С точки зрения лингвосинергетического подхода, подобная телескопическая вложенность исходного мифа в состав постмодернистского произведения образует самоподобную, или фрактальную, структуру. Самоподобие – это «единство уподобления и расподобления при формальной и семантической адаптации системной единицы к дискурсивному контексту» [6. С. 223]. Уподобление постмодернистского мифа, установление иконических отношений подобия с исходным мифом представляет собой стилизацию последнего, расподобление, измененное представление, контраст приводят к пародированию первичного мифа.

В постмодернистском мифе «единичное» переходит в разряд «циклически повторяющегося»: событие, зафиксированное мифом, с одной стороны, мыслится как уникальное; с другой стороны, это событие регулярно повторяется. Циклическое повторение исходного мифа превращает его в модель, обеспечивающую самоорганизацию и самотолкование постмодернистского произведения.

Художественной интерпретацией мифа, выступающего в качестве структурообразующего аттрактора, определяющего установление архитекстуальных отношений фрактального подобия в многоуровневой структуре постмодернистского художественного дискурса российского постмодерниста В. Пелевина, является роман «Шлем ужаса». Открывается повествование вопросом Ариадны: «*Построю лабиринт, в котором смогу затеряться с тем, кто захочет меня найти, – кто это сказал и о чем?*» [10. С. 7]. Прецедентное имя «Ариадна» и прецедентная ситуация «выход из лабиринта», выступая составляющими фрейм-модели древнегреческого мифа, актуализируют метафорические связи постмодернистского произведения с мифологическим описанием одного

из подвигов Тесея, победившего чудовищного Минотавра, скрывавшегося в лабиринте, выбраться из которого герою помогает клубок ниток Ариадны. В пелевинском мифе лабиринтом становится интернет-чат, объединяющий восемь персонажей (Monstradamus, IsoldA, Nutscracker, Organism(-:, Sliff_zoSSchitan, Ariadna, UGLI 666, Romeo-y-Cohiba), запертых в однотипных комнатах с мониторами и клавиатурой. Общаясь друг с другом только при помощи компьютеров, герои пытаются найти ответы на вопросы: где они находятся? как им выбраться из этого странного места? кто такой Минотавр в Шлеме ужаса и где найти на него Тесея?

Уподобление повествования интернет-общению в чате стирает границы действия принципов синхронности и асинхронности коммуникации, выступая средством контаминации устной и письменной речи, пародирующей «язык падонкафф», отличающийся диграфией, билингвизмом, аграмматизмом, использованием эрративно-экспрессивной лексики и жаргонизмов.

Sliff_zoSSchitan

Сичас абьясню. Ты заметил что мы никогда не существуем одновременно а только по очереди? [10. С. 178]

Sliff_zoSSchitan

Это научный fuckT. Настоящий один я а выше и ниже по списку фсе ... просто тени. Татальные кандалы на извилинах моего головново мосга. Вы фсе это сделали из моей головы! [10. С. 181]

Характер общения персонажей, существующих в виде строчек, появляющихся на экране компьютера, конструирует своего рода виртуальный лабиринт, в котором общаются между собой разные «дискурсы», каждый из которых, в свою очередь, тоже является лабиринтом, способным принимать причудливые формы и присваивать разнообразные смыслы: философские, религиозные, политические, социальные и другие. Форму вложенных сущностей фрактала принимают и персонажи, и мистический мифологический образ «спасителя» Тесея, выступающего одновременно и каждым из персонажей-дискурсов, и ужасным Минотавром, на которого надет Шлем ужаса, и самим Шлемом ужаса, в который заключен Минотавр.

Организация постмодернистского мифа в соответствии с фрактальной моделью «спираль», предполагающей многоуровневое подобие с усложнением, проявляется в обнаруже-

нии каждым персонажем своего собственного лабиринта: у Изольды и Ромео – это парк, у Щелкунчика – комната с аппаратурой и каскетами, у Организма – заставка maze, у Монстрадамуса – тупик и заряженный револьвер, у Ариадны – спальня и т. д. Посещение персонажами лабиринтов сопровождается видениями (например, сон Ариадны), свидетельствующими о существовании другой реальности, оказывающейся, однако, такой же призрачной, как и вся обстановка, в которой происходит общение. В результате ни один из героев постмодернистского мифа не обнаруживает способности стать Тесеем, то есть не может снять с себя Шлем ужаса и отказаться от навязанной иллюзорной действительности в силу того, что изображаемая автором иллюзия сама по себе иллюзорна.

В произведениях В. Пелевина наряду с процессом ремифологизации осуществляется демифологизация политического мифа, создаваемого государством посредством концептуального описания окружающей действительности в официальной идеологии и истории, выступающих основой мифотворчества. Художественное воплощение политического мифа в литературе, кино и сценическом искусстве как основных средствах воздействия на общественное сознание, обеспечивая идеализацию и героизацию образов реальных исторических лиц, формирует мифологию второго порядка, не противоречащую идеологическим установкам. Иконические отношения подобия, устанавливаемые с политическим мифом, превращают знаковые в истории политического государства фигуры в мифологических героев (например, В. И. Чапаев – роман Д. А. Фурманова, фильм братьев Васильевых). В постмодернистском дискурсе (роман В. Пелевина «Чапаев и Пустота») развитие мифа в соответствии с фрактальной моделью «спираль», сопровождающееся демифологизацией героя, формирует мифологию третьего порядка, демонстрирующую синкретизм и плюрализм, элементы иронии и трагедии. Циклическая ритуально-мифологическая повторяемость, используемая для выражения универсальных архетипов, становится основой концепции «сменяемости социальных масок», подчеркивающей телескопическую вложенность и взаимозаменяемость персонажей (в романе В. Пелевина Чапаев – начдив, белый офицер, гуру; Петья – ординарец, поэт-декадент, пациент психбольницы; Котовский – олигарх, красный командир, адепт; Фурма-

нов – вождь ткачей и представитель красного Хаоса и т. д.). Бинарная логика как средство демифологизации обеспечивает появление оппозиций там/здесь, внутреннее/внешнее, центр/периферия, границы между которыми размыты и неопределяемы. В романе «Чапаев и Пустота» на противопоставлении западного (миф о Вечном Возвращении) и восточного (древний монгольский миф о Вечном Невозвращении) мифов создается образ диссидента-невозвращенца, которому автор придает черты одного из четырех типов буддийских благородных личностей, а именно «анагами» – не возвращающегося из нирваны в сансару. Чапаев, Петр и Анна, нырнув в Урал (Урал – аббревиатура от Условной Реки Абсолютной Любви), становятся «невозвращающимися», перешедшими к такому состоянию бытия, когда реальность становится равной чистому уму, пустота равной форме, а пространство (сияющая пустота) – сознанию. Буддийская философско-мифологическая основа романа В. Пелевина посредством одновременной сакрализации и пародирования демифологизирует советскую концепцию истории и идеологии.

Другим примером деконструкции мифа является роман В. Пелевина «Омон Ра», изображающий откровенную симуляцию фактов советской действительности, связанную с полетами в космос. Демифологизация в данном случае становится способом создания реальности, которая существует только в сознании врага и в воображении народа, противопоставленного руководству страны, овладевающей умами людей с целью описания несуществующей действительности. Пелевинское развенчание мифа через пародирование и гротеск дискредитирует не только достижения социализма, но также проявляется в уничтожении рекламных образов (роман «Generation П») и демифологизации денег (роман «Empire V») в современной России.

Подводя итог, отметим, что с точки зрения когнитивной синергетики результатом актуализации архитектуральных отношений является смешение стилей и стилистические парадоксы, стилизация и пародирование, реализация которых обеспечивается такой моделью фрактальной самоорганизации постмодернистского художественного дискурса, как спираль. Мультижанровая организация, составляющая сущность постмодернистской поэтики, выступает маркером принадлежности к традиции нелинейного повествования.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. **Речевой жанр, дискурс и культура** // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5 : Жанр и культура. С. 44–55.
2. Бабенко, Н. С. О лингвистическом смысле разграничения текстов на жанры // Лексика и стиль : сб. науч. тр. Тверь, 1993. С. 9–16.
3. Баранов, А. Г. «Значимость» и «личный смысл» в когнитивно-культурологической модели жанра // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5: Жанр и культура. С. 123–130.
4. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика : пер. с фр. М., 1994. 616 с.
5. Барт, Р. Мифология : пер. с фр. М., 1996. 312 с.
6. Борботько, В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М., 2006. 288 с.
7. Карасик, В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000. С. 25–33.
8. Лебедева, Н. Б. Жанры естественной письменной речи // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под ред. К. Ф. Седова. М., 2007. С. 116–123.
9. Мифы народов мира : энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1998. Т. 1. 671 с.; Т. 2. 720 с.
10. Пелевин, В. О. Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре. М., 2005. 224 с.
11. Пелевин, В. О. Виктор Пелевин // Антология сатиры и юмора России XX века / под ред. Ф. Кривина. М., 2009. Т. 55. 616 с.
12. Пелевин, В. О. Чапаев и Пустота. М., 2009. 480 с.
13. Руднев, В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. М., 2001. 608 с.
14. Седов, К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под ред. К. Ф. Седова. М., 2007. С. 7–38.
15. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса. М. ; Волгоград, 2000. 368 с.
16. Шмелева, Т. В. Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под ред. К. Ф. Седова. М., 2007. С. 62–67.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу синтаксических средств выражения семантической категории состояния в английском языке.

Ключевые слова: категоризация, категория состояния, синтаксис, семантика.

В англистике категория состояния традиционно понимается как группа слов, относящихся к так называемым предикативным прилагательным, которые не могут употребляться в функции определения. К ним относятся прилагательные типа *asleep*, которые образовались из сочетания предлога и соответствующего существительного (*O. E. he is on slaepe* → *M. E. he is a slepe* → *N. E. he is asleep*), а также из причастий прошедшего времени глаголов, впоследствии вышедших из употребления (*ashamed, afraid*). Некоторые зарубежные лингвисты относят слова указанного типа к наречиям. В отечественной лингвистике слова категории состояния были выделены в отдельную часть речи в русском языке В. В. Виноградовым [1. С. 401], а вслед за ним и Б. А. Ильишом в английском языке [3. С. 145].

В дальнейшем английские предикативные прилагательные были проанализированы П. И. Шлейвисом. Результатом исследования стало доказательство наличия в английском языке слов-предикативов, которые отражают состояние лица или предмета и представляют собой самостоятельную часть речи, обладающую характерными семантическими, морфологическими, функциональными и валентностными характеристиками [9. С. 6].

До сих пор не существует единого мнения по вопросу о границах данного лексико-грамматического разряда слов. Характерным показателем слов категории состояния является префикс *a-*. Однако Б. А. Ильиш относит к данной категории и такие сочетания, как *it is cold, it is warm, it is early, it is late*. Он отмечает, что ядро категории состояния составляют слова типа *asleep, afraid, ashamed*. Вокруг ядра группируются слова других разрядов. Их принадлежность к категории состояния не столь очевидна. Это объясняется тем, что у них есть омонимы (прилагательные и существительные). Так, слово *cold* вне контекста понимается как прилагательное, которое может употребляться и в предикативной, и в атрибутивной

функции. Только в определенном контексте можно обнаружить возможность функционирования слова *cold* как слова категории состояния [4. С. 177–179]. К периферии категории состояния Б. А. Ильиш относит обороты типа *on duty*. Автор настоящей статьи рассматривает эту категорию еще шире, включая в нее все слова, передающие значение состояния, а не только те, которые оформлены префиксом *a-*.

В понимании термина «категоризация» мы опираемся на точку зрения Н. Н. Болдырева и определяем его как деление мира на категории, т. е. выделение в нем групп, классов, категорий аналогичных объектов и событий (включая концептуальные категории как обобщение конкретных смыслов, или концептов). Иными словами, категоризация есть подведение всего, что окружает человека, под некие общие разряды. Термин *категоризовать (categorize)* употребляется чаще всего в значении «членить, подводить под родовое имя, обобщать» [6. С. 46], об этом можно судить по соответствующим контекстам употребления: *членение на категории, наивная категоризация, категория мебели, любви, цвета* и т. д. [8. С. 5].

Все категории можно разделить на повседневные и научные. По нашему мнению, главными для человека являются повседневные категории, за которыми стоят повседневные понятия, в отличие от научных категорий, которые являются либо слишком общими, либо слишком специальными для человеческого сознания. При этом любая повседневная категория характеризуется наличием, с одной стороны, объектов категории, с другой стороны, признаков, по которым данные объекты считаются принадлежностью категории. Например, категория состояния включает в себя такие объекты, как физическое состояние, психическое состояние, состояние умственной деятельности и т. д. «С помощью категории состояния выражается процесс изменения и развития вещей и явлений, который в конечном итоге сводится к изменению их свойств и отношений. Совокуп-

ность таких свойств и отношений определяет состояние вещи или явления. Поэтому характеристика состояния вещей и их систем имеет важнейшее значение для раскрытия их сущности» [7. С. 628].

Категоризация может происходить на разных иерархически упорядоченных уровнях. Один из трех уровней категоризации признается в качестве базового, остальные выступают как суперординатный и субординатный. Базовому уровню, который является срединным уровнем таксономической иерархии, придается особенно важное значение, поскольку обыденное сознание оперирует именно базовым уровнем, не требующим специальных теоретических знаний об объектах. На этом уровне восприятие и категоризация объектов осуществляется гештальтно, т. е. нерасчлененно. Сюда относятся явления действительности, обозначаемые, например, такими словами в русском языке, как *счастье, любовь, смерть, усталость, радость, болезнь* и пр. Эти явления требуют наименьших когнитивных затрат при их восприятии и обработке: легче всего отличить болезнь от здоровья, но стоит опуститься на уровень (разные виды болезней) или подняться на уровень выше (физическое состояние), и таких когнитивных усилий требуется намного больше. Базовый уровень в первую очередь усваивается детьми и включает самые короткие слова, составляющие основу словарного запаса языка и используемые в наиболее нейтральных контекстах. В сознании человека именно на базовом уровне хранится большая часть информации.

Рассматривая ментальную структуру «a state of a person» как категорию в английском языке, мы отмечаем, что эта категория прежде всего включает в себя такие объекты, как *health (the general condition of your body and how healthy you are), ailment (an illness that is not very serious), burnout (the condition of being ill or tired because you have been working too hard), sickness (the state of being ill, a particular illness)* и т. д.

Среди синтаксических средств актуализации категории состояния в современном английском языке выделяются предложные сочетания. Б. А. Ильиш говорит о том, что основным источником пополнения категории состояния являются существительные, которые теряют свое вещественное значение и употребляются для выражения состояния. В таком случае существительное употребляется в сочетании с

предлогом и без артикля: *to be in hospital, to be in school, to be in prison* и т. д. В современном английском языке имеется значительное количество существительных, которые, сочетаясь с предлогами *in, on, under, with* при отсутствии артикля выражают различные состояния. Например, «This problem calls for a major change in the content of our primary education and for the raising of the school entry age so that the child is older when he leaves, and also able to learn more quickly while he **is in school**» (from *Curriculum and reality in African primary schools*. Hawes, Colette; Aarons, Audrey; Hawes, Hugh; Croft, John. Harlow: Longman Group UK Ltd, 1979, pp. 10-121.), или «‘This poor woman thinks she **is in love with me,**’ he said.» (from *Love over gold*. James, Susannah. London: Corgi Books, 1993, pp. 115-290), или «The main reason for a lot is that they are in trouble because of higher mortgage rates» (from [Independent, electronic edition of 19891014]. London: Newspaper Publishing plc, 1989, **Property material**). Предложные сочетания такого типа функционируют как единое целое, в них ослаблено предметное значение существительных. Другая группа словосочетаний – это сочетания типа глагол + предлог или наречие: *to be on / in / up / over*. Употребление этих слов в функции предикативного члена не дает оснований рассматривать их как наречия, поскольку они выражают не признак признака, а временное состояние субъекта и употребляются в предикативной, а не в обстоятельственной функции. Например, «Rather the objectives/skills analysis curriculum actually teaches dependence, in that it does not teach the children to challenge the system they **are in** and the places they will graduate to.» (from *Childcare: concerns and conflicts*. Morgan, S and Righton, P. Sevenoaks, Kent: Hodder & Stoughton Ltd, 1989, pp. 11–110) или «When you **are up** then you must know that you **are up!**» (from *Conversations with Karajan*. Osborne, Richard. Oxford: Oxford University Press, 1991, pp. 2–147), или «Raindrops had to fall on my head for real like everybody else – I don’t really wish to talk about those things, now we **are over** it» (from *The Belfast Telegraph*).

Значение состояния может передаваться и абсолютной конструкцией с предлогом или без предлога *with*, имеющей в своем составе причастие I, причастие II или слова категории состояния. Например, «De Craon started forward, **his face flushed with anger**, and Corbett drew back, believing that de Craon was on the point of striking him» (from *Crown in darkness*. Doherty, P. C.

London: Headline Book Publishing plc, 1991, pp. 27-151), или «A polished table was in one corner, **with dining chairs askew round it**» (from *Patently murder*. Harrison, Ray. London: Constable & Company Ltd, 1991, pp. 7-110).

На уровне предложения категория состояния реализуется безличными предложениями с *it*, характеризующими состояния окружающей среды: *it is cold, it is hot, it is early, it is late* и т. д. Б. А. Ильиш отмечает, что в сочетаниях, характеризующих состояния окружающей среды, слова *cold, hot, warm, sultry, windy, late, early* и т. д. являются словами, выражающими именно состояние, а не признак. В таких предложениях отсутствует предмет, которому приписывался бы признак [5. С. 56]. Сюда можно отнести и предложения с вводящим *it*, так как вторая часть таких предложений, выраженная герундием, инфинитивом или придаточным предложением, передает эмоционально-оценочное состояние говорящего, слушающего или людей вообще. Например, «*It was awful making such a fool of himself in front of Nutty*» (from *Who, sir? Me, sir?* Peyton, К. М. Oxford: Oxford University Press, 1988, pp. 5-138), или «*It was good to be sitting down with a family for dinner even though I didn't understand everything the Frenchman and his wife were talking about*» (from *Invasion*. Millin, Bill. Lewes, East Sussex: The Book Guild Ltd, 1991).

Для дифференциации безличных предложений можно принять классификацию, предложенную В. В. Виноградовым, который выделяет три группы безличных предложений: 1) выражающие чувства, эмоциональное состояние, психические переживания; 2) обозначающие физическое состояние; 3) обозначающие состояние окружающей среды [2. С. 324-325].

Сложноподчиненные предложения с предикативным придаточным, вводимым союзами *as if, as though*, помимо значения сравнения могут выражать и различные состояния. Важную роль в актуализации данного значения играют глаголы-связки со значением бытия и чувства: *to seem, to look, to feel* и т. д. Например, «*She looked as if she was asleep*» (from *Patently murder*. Harrison, Ray. London: Constable & Company Ltd, 1991, pp. 7-110), или «*Hoomey felt as if a large black stormcloud had rolled off him*» (from *Who, sir? Me, sir?* Peyton, К. М. Oxford: Oxford University Press, 1988, pp. 5-138),

или «*However, more doctors are beginning to recommend more unrefined high-fibre starch foods in diabetic diets and once again it seems as if fibre points the way to a healthier future*» (from *The complete F plan diet*. Eyton, Audrey. London: Penguin Group, 1987). Состояние субъекта главного предложения передается при помощи сравнения с каким-то кажущимся состоянием.

Таким образом, категория состояния может синтаксически выражаться 1) предложными сочетаниями с существительными, которые теряют свое вещественное значение; 2) абсолютной конструкцией с предлогом или без предлога *with*, имеющей в своем составе причастие I, причастие II или слова категории состояния; 3) безличными предложениями с *it*, характеризующими состояния окружающей среды; 4) сложноподчиненными предложениями с предикативным придаточным, вводимым союзами *as if, as though*.

Список литературы

1. Виноградов, В. В. Русский язык. М., 1947. 784 с.
2. Виноградов, В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М., 1972. 614 с.
3. Ильиш, Б. А. Современный английский язык. М., 1948. 347 с.
4. Ильиш, Б. А. О категории состояния в английском языке // Памяти акад. Л. В. Щербы : сб. ст. Л., 1951. С. 177-180.
5. Строй современного английского языка = The Structure of Modern English : учебник. Л., 1971. 366 с.
6. Михеев, А. В. Категоризация и концептуальные классы / А. В. Михеев, Р. М. Фрумкина // Семантика и категоризация / под ред. Ю. А. Шрейдера. М., 1991. С. 45-59.
7. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. М., 1983. 836 с.
8. Шафиков, С. Г. Любовь: категория или концепт? // Языковые и речевые единицы в разных языках / под ред. Р. З. Мурясова. Уфа, 2006. С. 3-36.
9. Шлейвис, П. И. Слова-предикативы в английском языке (сопоставление с литовским) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Тбилиси, 1988. 24 с.

КОНЦЕПТ «НОВОЕ ВИДЕНИЕ» В ЛИТЕРАТУРЕ МОДЕРНИЗМА

Методика концептуального анализа оказалась весьма эффективной и для литературоведения, но художественный концепт, в отличие от языкового, есть продукт эстетического познания и отражения действительности, поэтому он «устроен» более сложно. На примере литературы немецкого, австрийского и русского экспрессионизма проанализирован художественный концепт «новое видение».

Ключевые слова: *художественный концепт, авангард, визионерство, новое видение, австрийский экспрессионизм, немецкий экспрессионизм, русский экспрессионизм, сравнительное литературоведение, абсолютная метафора.*

Активное внедрение в последнее десятилетие понятия «концепт» в литературоведение вызвано смещением исследовательского интереса в зону языка и культуры. И хотя ряд современных литературоведов выступают против вторжения в науку о литературе «чуждых величин», тем не менее, результаты концептуального анализа, апробированного в когнитивной лингвистике и лингвокультурологии и позволяющего весьма точно представить трудно уловимые ментальные сущности, оказываются весьма продуктивными и в литературоведческом исследовании. Несущими компонентами художественного текста являются особые виды концептов – *художественные концепты*. Художественные концепты, как и концепты познавательные, являются единицами ментального лексикона и возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах. Но в отличие от концептов познания, которые по своей природе являются «общностями», художественный концепт принадлежит индивидуальному сознанию. Образование таких концептов является универсальным свойством человеческого мышления, поскольку отражает творческую интерпретацию окружающего мира. Уже немецким романтикам, находившимся под влиянием классических философских идей, открылась истина, что изображаемый художником мир предопределен характером его субъективного восприятия. С тех пор в литературу приходит понимание, что в центре художественного произведения стоит не столько сам окружающий мир, отдельный от его создателя, сколько творческий процесс его конструирования субъектом, его индивидуальная картина видения. Следовательно, концептуализация мира в художественном тексте должна отражать и универсальные законы мироустройства, и индивидуальные, уникаль-

ные, воображаемые образы, представления и ассоциации, и внутренние творческие процессы, т. е. субъективную рефлексию этого мира.

В отличие от широко применяемого в литературоведении понятия «художественный образ», заключающего в себе и обобщающего, и конкретно-чувственные моменты, художественный концепт оказывается более емким, сложным, многоуровневым и разветвленным образованием, поскольку то, что он означает, оказывается значительно больше данного в нем содержания и находится за его пределами [1. С. 84].

Художественный концепт, в отличие от художественного образа, может обладать рядом этноспецифических признаков, так как в нем проявляются не только разноуровневые внутритекстовые, но и внетекстовые связи, включающие этноспецифические черты историко-культурного, философского, социального и любых других дискурсов, тем или иным образом отражающихся в художественной литературе. Поэтому в сравнительном литературоведении применение концептуального анализа может приносить интересные и порой неожиданные результаты. Кроме того, художественный концепт отличается от образа тем, что в нем внутренняя форма произведения взаимодействует с процессом понимания, т. е. такие концепты порождаются в диалоге произведения с читателем, в нем всегда действуют прямые и обратные связи. Будучи глубоко укорененным во всей историко-культурной ситуации, художественный концепт эстетически отражает ценностно значимые элементы других дискурсов и складывается из множества взаимосвязанных художественных образов. Художественный концепт в значительной степени интуитивен, символичен, подчиняется особой прагматике «художественной ассоци-

ативности» (С. А. Аскольдов, В. Г. Зусман) и по этой причине крайне субъективен, трудно поддается какой-либо таксономии. При этом он, как правило, калейдоскопичен: элементы одного художественного концепта могут входить во многие «концептуальные узоры» другого целого, взаимодействовать с ним, порождать его новые версии, оттенки и варианты в виде новых мотивов, сюжетов, коллизий, мифологем, топосов, символов, образов или признаков. Комбинации отдельных фрагментов такого калейдоскопичного концепта и реализаций его различных уровней (от фоники до жанровой специфики художественного произведения) обеспечивают текучесть и многообразие общей художественной картины мира и индивидуальной картины видения художника. Художественная картина мира представляет собой результат художественно-эстетической рефлексии действительности средствами искусства как вторичной знаковой системы и является продуктом эстетического познания и освоения действительности, причем таким, который не обязательно достоверно воспроизводит эту действительность, т. е. *реконструирует* ее, но и может *конструировать* ее заново. Картина видения вносит в этот процесс конструирования черты авторской индивидуальности, свидетельствующие об особой манере восприятия. Таким образом, под *художественным концептом* предлагается понимать систему и структуру образных контекстов и разноуровневых языковых средств, которыми уникально выражаются объективные и субъективные авторские и читательские представления и суждения о признаках и свойствах объектов и явлений в реальном или фантазийно-ассоциативном мире, а также приемы разрушения суверенности этого мира, диктуемые авторским мировидением.

Концептуальный анализ позволяет обеспечить полноту охвата исследуемого явления благодаря неразрывной связи понятийного, ценностного и образного компонентов в художественном произведении. Разумеется, анализ столь эфемерного и текучего феномена, как художественный концепт, оказывается значительно более сложным и многоплановым, чем анализ языкового концепта. Субстанциональные подходы к нему уступают свои лидирующие позиции психолингвистическим (или деятельностным) подходам, а методика концептуального анализа, столь успешно используемая во всех сферах применения языка, при работе

с художественным текстом и художественным концептом многократно усложняется вследствие необходимости включения в зону исследования множественности образных микро- и макроконтэкстов.

Включение в художественный концепт самого творческого процесса как проявлений творческой воли и свободы художника, процесса, в котором запечатлевается субъективное инобытие мира, утратившего свою суверенность, особенно значимым оказывается для исследования литературы модернизма и авангарда, ведь объектом этой литературы становится другая, еще не воплощенная реальность, противопоставленная иллюзорности чувственно-материального мира.

Смена эстетической парадигмы в литературе и искусстве рубежа XIX–XX вв. ознаменовалась появлением или актуализацией множества новых художественных концептов. Так, новаторские авангардистские черты немецкоязычной и русскоязычной литературы модернизма первой трети XX в. наиболее отчетливо и последовательно представлены в концепте «новое видение» (“*neue Anschauung*”). Его колыбелью во многих европейских странах, в том числе – в России, была живопись. Еще на исходе XIX в. искусство разных жанров и направлений раннего модернизма Франции, Бельгии, Испании, Норвегии изобилует блестящими примерами, подтверждающими центральное положение этого концепта. Так, жутковатый рисунок француза О. Редона «Воздушный шар с глазом» (1882), изображающий глазное яблоко, вынутое из глазницы и превращенное в воздушный шар, символизирует всевидящее око Господне и становится одной из самых известных «абсолютных метафор» в изобразительном искусстве. Программу «сделать себя ясновидцем», ставшую образом жизни, поставил себе дерзкий и презрительный юноша, «мятежник Предвидящего» – А. Рембо, который достиг неведомого именно путем обдуманного приведения в расстройство всех других чувств, кроме «ясновидения». Но наиболее ярко и последовательно этот концепт проявился в 1900–1920-х гг. в русском, австрийском и немецком экспрессионизме.

Понятийная, ценностная и образная составляющие концепта «новое видение» выявляются в результате когнитивно-дискурсивного анализа эпохи. Одной из важнейших черт искусства начала XX в. является необыкновенно интенсивное вторжение в художественную

культуру многочисленных философских, социологических, психологических и психоаналитических концепций и, как никогда прежде, тесное соприкосновение искусства со всей сферой гуманитарного и научного знания. Проблема «нового видения» как «видения духовного» на рубеже веков отчетливо проступает в естественнонаучном дискурсе, обсуждается в рамках новых подходов к истории искусства и понимания нового искусства (Р. Штейнер, Г. Вельфлин, К. Фидлер, Г. Бар и др.); «новое видение» как одна из категорий русского формализма оказывается в фокусе внимания при определении «поэтичности» или «эстетичности», опирающемся на эстетику восприятия, на принципы его автоматизации и деавтоматизации, т.е. остранение (А. Н. Веселовский, А. А. Потебня, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум и др.). Согласно теософским воззрениям Р. Штейнера, «духовному слепцу» доступен лишь первый пласт бытия – «но тот, кто ищет пути, ведущие за пределы чувственного мира, вскоре научится понимать, что смысл и значимость человеческая жизнь обретает лишь тогда, когда *взгляду открывается другой мир*» (цит. по: [6. С. 115]). Один из родоначальников Венской школы искусствознания Г. Вельфлин вообще предлагал рассматривать искусство как *форму организации визуального восприятия*. Работы Р. Штейнера были переведены на русский язык и изданы в России в начале XX в., они были продуктивно использованы в дальнейшем в теоретических построениях В. Кандинского, К. Эдшмида, Г. Бара.

Философское обоснование «нового видения» немецкоязычного экспрессионизма дано Г. Баром в работе «Экспрессионизм» (1920), в которой автор на примере живописи рассуждает о том, что слова «видение», «зрение» для художников-экспрессионистов приобретают иной смысл, отличный от понимания их импрессионизмом, давшим лишь «иллюзию действительности» (“Sehen” в импрессионизме и “Schauen” в экспрессионизме). Экспрессионист отталкивается от «духовного», «внутреннего видения» (“innere Anschauung”), обладающего индивидуальным характером и творческой силой, которые выстраивают мир *не по законам чувственного восприятия*. Вслед за Г. Вельфлином, вся история живописи представлена Г. Баром как «история видения», история «изменения зрения», связанного с изменением отношения человека к миру, ведь глаз не просто пассивно воспринимает действительность, но

активно перерабатывает воспринятое, обладая, по выражению Гете, «самодеятельностью».

Началом широкого теоретического осмысления и художественно-эстетического воплощения идей «нового видения» во всех жанрах искусства Германии и Австрии следует считать 1910 г. В этом году А. Шенберг рисует портрет, который он называет «Красный взгляд» и которым подчеркивает возможность проникновения взора художника в метафизические сферы. В. Кандинский, с 1910 г. обратившийся к абстрактной живописи, также переводит свое творчество в новую систему видения. Он определяет искусство как мощный фактор духовной жизни и движение познания, а художника представляет как носителя высшего дара – «таинственной силы видения» [10. С. 31], для которого и открывается *новая картина мира*. В литературной практике «новое видение» открывается новой формулой художника, лаконично сформулированной Р. М. Рильке в романе «Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910): “Ich lerne sehen” – «Я учусь видеть». Интерес к оптическому восприятию и понятие «видение» стоят в центре всей философско-эстетической концепции этого уникального поэта-визионера, составляют предмет размышления в его работах по искусству, в дневниках, письмах, в прозе и стихотворениях. Он призывает: “... sei schauender, als je ein Mann gewesen” («будь более зрячим, чем когда-либо был человек») [12. С. 108].

В сентябре 1910 г. экспрессионистский поэт Г. Гейм замечает, что, по сравнению с живописью, «поэтическая деятельность необычайно легка, если только обладать *оптикой*...» (цит. по: [9. С. 194]). Г. Гейма за необычайную зримость образов его «черных видений» (“schwarze Visionen”) называли «колоссальным зрителем», «наивно-удивляющим визионером», отмечали «его глаз, острый как глаз хищника» и утверждали, что он «удерживает мир в ледяном кристалле своего ока». Современники называли Г. Гейма «самым мощным, самым исполинским, самым демоническим и самым циклопическим» поэтом; определение «циклопа» закрепилось за ним, подчеркивая его визионерский талант за обыденностью жизни увидеть грандиозно-страшное, стихийное. Теоретик экспрессионизма К. Эдшмид обращает внимание на то, что одно из самых известных стихотворений Г. Гейма «Война» осмысляет не современное поэту событие, но является его грандиозным пророческим видением, за что

критик и называет поэта «лирическим визионером» [9. С. 192]. Требуя «видеть по-новому», другой поэт-экспрессионист, В. Рейнер, призывал: «Не ищите того, к чему слишком привык ваш усталый глаз. Взгляд на мир того, кто был слеп и прозрел. В этом суть! не смотрите: прозрейте! Прозрите! закройте глаза и смотрите! Мир становится! Мир начинается в человеке <...> Раскройте глаза! <...> Восстаньте из слепоты! Учитесь видеть! Учитесь духу!» [4. С. 840]. Вся драматургия экспрессионизма представляла собой различные версии визионерства поэта-творца относительно «обновления человека» («Vision von Erneuerung des Menschen») – именно об этом рассуждал драматург Г. Кайзер в теоретической статье «Видение и образ» (1918). В «экспрессионистское десятилетие» в Германии и Австрии (1910–1920) призыв и потребность «учиться видеть» (“sehenlernen”), делать невидимое видимым (“versichtbaren”, “sichtbar machen”) становятся программными мотивами самых значительных для немецкоязычной литературы начала XX века художественных произведений, в которых решается проблема соотношения жизни и искусства, художественного творчества и действительности.

Русский авангард в лице А. Крученых тоже уверен в том, что не «новые предметы (объекты) творчества» определяют его истинную новизну, но лишь только «новый свет», бросаемый на них, может наполнить их «новым содержанием». И. Зданевич также утверждает, что необходим *новый взгляд на мир*, и для этого нужно «надеть мир на новую ось». Образ «восходящего ока» (В. Бурлюк, 1914), проникающего в суть действительности и за нее, – одна из центральных метафор образной составляющей этого концепта. В русском авангарде проблема «нового видения» обретает одно из своих ярких выражений в *поэтике остранения*, исповедуемой русской формальной школой: «Целью образа является не приближение значения его нашему пониманию, а создание особого восприятия предмета, *создание виденья его, а не узнавания*» [7. С. 68]. В авангарде реальность внешнего мира в своем крайнем выражении приравнивалась к реальности сознания субъекта в момент потока вдохновения, она представляла в непривычном ракурсе *особого видения автора*: «Мир сквозь призму моего взгляда». Таким образом, авангард имел целью отражать не предметную данность этого мира, а его инобытие, воспринятое «сквозь призму» и поэто-

му оптически деформированное: увеличенное или, напротив, распыленное, разложенное, разъятое – «сдвинутое».

По-новому концептуализируя и «формуя» действительность, концепт «новое видение» формирует новую поэтику, адекватную выражению новых концептуальных смыслов. Таковой становится *поэтика оуждения*, или остранения (“Verfremdungspoetik”), которую составляют элементы «визионерства», «демонизации» и «динамизации»; амбивалентность, или «двойная оптика». Одним из ведущих способов визуализации и вербализации поэтической реальности в системе поэтических средств оуждения становится «абсолютная метафора».

При всех различиях между русским и немецкоязычным экспрессионизмом [3] системообразующий авангардистский концепт «новое видение» позволяет установить наиболее очевидные и значимые для типологического сопоставления схождения между национальными версиями одноименного феномена. В стремлении «найти максимум экспрессии для своей эпохи и вывести восприятие из автоматизма повседневного восприятия» [5. С. 55] русские экспрессионисты органично влились в ряды великих визионеров, «восторженных провидцев» (М. Кузмин и др.) и «очевидцев незримого» (П. Филонов) европейского авангарда, для которых процесс, названный современником экспрессионизма, философом Э. Гуссерлем, “Wesensschau” («видение сути»), становится принципом художественного творчества. «Мы по-новому увидели мир», – утверждает русский экспрессионист Ип. Соколов, словно цитируя программные установки немца К. Эдшмида. Е. Гуро убеждена, что «появились уже люди, видящие глазами ангелов, совмещающие в одном миге пространство и время». Б. Перелешин сообщает о великой силе «нового видения»: «Глазами землю повернул, / вижу рай в моих ладонях».

Согласно «ключу тройственности» Р. Штейнера, труды которого стали неотъемлемой частью философского дискурса исследуемого периода, тело, душа и дух человека образованы из трех основных сфер мира: чувственного, душевного и духовного [8. С. 87]. Это сопряжение трех сфер становится структурным принципом многих стихотворений русского и немецкоязычного экспрессионизма, в которых зрение физическое, душевное и духовное становится нерасторжимым единством. Но хотя

речь все время ведется о «духовном видении», образная составляющая концепта реализована в понятийной и образной сферах чувственного, зрительного восприятия. Так, одной из высоко-частотных метафор в творчестве таких поэтов-экспрессионистов, как Э. Штадлер, Г. Тракль, А. Лихтенштейн, А. Штрамм, Г. Гейм, Г. Бенн, Э. Ласкер-Шюлер, становится метафора со структурно-семантическим центром «глаз». По меткому выражению С. Кржижановского, их поэтическое пространство словно «обрастает глазами» [2. С. 68]. Поэтическая формула “ich sehe” / “ich sah” – «я вижу» / «я видел» – лейтмотив многих стихотворений Клабунда, Э. Штадлера, В. Клемма, Я. ван Годдиса. Отказ глаза функционировать в качестве органа зрения равносильно концу света – такая связь осмыслена и эстетически заострена в одном из самых мрачных стихотворений А. Лихтенштейна «Точка», в котором фиксируется распад как воспринимаемого мира, так и самого воспринимающего субъекта: «Ночь в плесени. Свет ядовитых фонарей в нее вползал, / Размазывая зелень нечистот. / Кровь стынет. Сердце, как мешок. / Мир опрокинулся. Обрушились глаза» [11. С. 35]. «Слепота мира» (метафоры *Blindheit, Erblindung, blind, erblinden, blindwerden*) обращается экзистенциальным бедствием, становится частью Апокалипсиса; «ослепшее зеркало» (Г. Тракль) символизирует закат, упадок, тлен, а «разбитые, как стекло, глаза» (Г. Гейм) означают конец самой жизни. Высочайшим проявлением духовного контакта является «встреча взглядов», «короткое замыкание глаз» – “Blick-Begegnung”, “Kurzschluss von Augen”, и нет большей степени душевной наготы, чем нагота глаза или взгляда – “Nichts Nackteres als die Nacktheit von Augen” (Ф. Верфель).

Анализируя понятийную, ценностную и образную составляющие концепта «новое видение» русского экспрессионизма, мы приходим к выводу, что русский экспрессионист так же, как его немецкоязычный коллега, надеется «глазами дум увидеть Бога» и «добыть чей-то взгляд в упорной тоске», душа его – «прорубь растворенного окна» (С. Спасский), а «взгляд в зрачке торчит, как палка» (Ип. Соколов). В образной составляющей обнаруживаются те же образы, которые и в немецкоязычном экс-

прессионизме характеризуют специфичность экспрессионистского видения и пристального всматривания, при которых «вдруг стали важными и крошечные вещи» (А. Лихтенштейн): «глаз бездонные шахты», «глаза, подмытые тоской», «спасательные круги глаз», «гири зрачков», «лупы вместо глаз у трусов», «зрачки – обрубки костей в топи зеркала», «бессонница пережатых очей», «пыль на зрачках» (Б. Зененков), «безглазый день» (Б. Перелешин), «глаз без взгляда» (Б. Лапин), «взгляд, как самоубийца, как арестант, как солдат» (Ип. Соколов), «глаза, из ночи и жесты составленные» (К. Вагинов) и многие др.

Список литературы

1. Зусман, В. Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопр. литературы. 2003. № 2. С. 3–29.
2. Кржижановский, С. Философема о театре // Собр. соч. : в 5 т. СПб., 2006. Т. 4. С. 73–77.
3. Пестова, Н. В. «Случайный гость из готики»: русский, австрийский и немецкий экспрессионизм. Екатеринбург, 2009. 297 с.
4. Райнер, В. Новый мир // Семиотика и авангард: антология / под общ. ред. Ю. С. Степанова. М., 2006. С. 840–841.
5. Соколов, Ип. Экспрессионизм // Русский экспрессионизм: Теория. Практика. Критика / сост. В. Н. Терехина. М., 2005.
6. Хемплебен, Й. Рудольф Штайнер: библиографический очерк : пер. с нем. СПб., 2004.
7. Шкловский, В. Б. Искусство как прием // Гамбургский счет: статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М., 1990. С. 58–72.
8. Штейнер, Р. Форма человека // Антропософия: фрагмент : пер. с нем. М., 2005.
9. Edschmid, K. Lebendiger Expressionismus: Auseinandersetzungen. Gestalten. Erinnerungen. Wien; München; Basel, 1961.
10. Kandinsky, W. Über das Geistige in der Kunst insbesondere in der Malerei. Rev. Neuaufgabe. Bern, 2004.
11. Lichtenstein, A. Punkt // Lyrik des Expressionismus. 3., unveränd. Aufl. Tübingen, 1985.
12. Rilke, R. M. Sämtliche Werke: In 3 Bdn. Wiesbaden, 1957. Bd. 2.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ ПАССИВНОГО ЗАЛОГА (на материале немецкого языка)

Производится концептуальный анализ конструкций пассивного залога. Категория пассивности рассматривается как когнитивная категория, которая находит отражение в языковой картине мира и является культурно маркированной, участвуя в оформлении некоторых типовых ситуаций.

Ключевые слова: *пассивность, объектность, процессуальность, концептуальный анализ, лингвокультурная маркированность, языковая картина мира.*

Когнитивность природы категории страдательного (пассивного) залога считается вполне обоснованной. Выдающиеся теоретики когнитивного подхода в лингвистике (Р. Лангакер, Е. С. Кубрякова, а за ними А. Л. Шарандин) утверждают, что залоговые формы имеют когнитивное осмысление, объясняя это следующим образом: в число человеческих способностей входит способность представлять и описывать одну и ту же ситуацию разными языковыми формами, и часто от нашего воображения зависит, что выступит при описании ситуации в качестве фона, а что – в качестве фигуры, на чем будет сосредоточено внимание и с какой степенью детальности она будет представлена.

Е. С. Кубрякова указывает на несовпадение эмпатии (точки зрения наблюдателя) в высказываниях типа «Рабочие строят дом» и «Дом строится рабочими», различие поверхностных структур которых соответствует разному видению ситуации: в первом случае нам рассказывают про рабочих, во втором – про дом, что связано с «привлечением внимания говорящего к разным сторонам описываемой ситуации» [3. С. 175–176].

По мнению А. Л. Шарандина, пассивные конструкции объективируют не столько физический, сколько языковой опыт [6. С. 84–85], поскольку структура действительности, нашедшая выражение в двух приведенных примерах, оказывается одной, а отраженная или объективированная в языке концептуальная структура (по существу, языковая картина мира) иной.

В реальном или вымышленном мире действие, как правило, производится субъектом и направлено на объект, т. е. отношения предикативного признака к субъекту и объекту не отличаются вариабельностью. В языке же данные отношения находят отражение в двух различных типах конструкций – конструкциях ак-

тива и пассива, что подтверждает мысль о том, что языковое значение – это всегда интерпретация говорящим этносом реалий универсума.

Данная статья представляет собой попытку представить анализ категории пассивного залога с позиции концептуальных структур, находящихся свое выражение в тесном переплетении лексических и грамматических значений.

Реализация значения пассивности требует определенного набора актантов (субъект, действие и объект), действующих по определенной схеме: объект подвергается действию, производимому субъектом. Полагаем, пассивность имеет фреймовую структуру. Рассмотрим ее концептуальные составляющие.

Обязательным аргументом, без которого невозможно выражение значения пассивности, является объект или, пользуясь терминологией ролевой семантики, пациенс, являющийся в ситуации, описанной посредством пассивной конструкции, фигурой.

Объект и предикат образуют в семантической структуре предложения единый комплекс, элементы которого в определенной степени, зависящей от характера действия, спаяны друг с другом. Понятие «действие» предполагает реализацию цели, получение результата, а значит и определенную направленность на изменение объекта, поэтому глагол связывает обозначаемое событие скорее с объектом, нежели с субъектом. Огромную роль объекта в создании смысла высказывания отмечала Н. Д. Арутюнова: «Именно объект определяет характер действия, направленного на его создание, изменение или уничтожение. Хорошо известно, сколь различны действия, целью которых является создание разных предметов. Поэтому несколько не удивительно, что эти действия обычно обозначаются не одним обобщенным глаголом созидания, а разными глаголами» [1. С. 125].

О важности объектности для идентификации семантики пассивности говорит, например, и тот факт, что в немецком языке одностепенная пассивная конструкция, служащая для выражения процессуальности и обезличенности человеческой деятельности и не предполагающая объекта, не относится к семантической категории пассивности, а рассматривается как самостоятельный залог – тотив [7. С. 91]. Таким образом, пассивная форма в отвлечении от объекта приобретает активный характер: *es wird gelacht – смеются; in der Stadt wurde geflüstert – в городе шептались*.

Семантическая категория субъекта в пассивной перспективе становится фоном, что определяет ее факультативность: фон не должен быть предельно конкретным, в нем допускается размытость. Как отмечает Дж. Лайонез, «если и есть какая-либо одна функция, общая для всех языков, которым обычно приписывается существование пассивного залога, <...> то такой функцией является обеспечение возможности построения «безагентных» предложений» [4. С. 401]. Если агенс не указан, его, как правило, возможно установить из контекста либо из ситуации. Его неуказание значительно расширяет интерпретационный компонент высказывания, оформленного при помощи пассивной конструкции. Условия элиминирования агенса, а также способы его языковой репрезентации изучены достаточно подробно, в то время как характер объектности пассивной конструкции не подвергался анализу.

Исследование объектности ядерной пассивной конструкции позволяет выделить следующие виды объектов, расположенные в порядке уменьшения их частотности:

1) исчисляемые конкретные неодушевленные существительные, обозначающие материальный предмет, вещь: *der Tisch – стол, das Haus – дом, das Fahrrad – велосипед, die Tür – дверь, das Buch – книга* и т. п.;

2) исчисляемые конкретные неодушевленные существительные, обозначающие некий конкретный результат человеческой деятельности ментального характера: *die Regel – правило, der Plan – план, die Entscheidung – решение, die Meinung – мнение* и т. п.;

3) одушевленные существительные, обозначающие лицо или группу лиц: *das Kind – ребенок, das Mädchen – девушка, die Schüler – ученики, die Fahrgäste – пассажиры* и т. п.;

4) отглагольные существительные, обозначающие действие или процесс: *die Besprechung –*

обсуждение, die Arbeit – работа, der Umzug – переезд, die Renovierung – ремонт и т. п.;

5) придаточные предложения или какой-либо указатель на обобщенность ситуации (местоимения *das – это, alles – все* и т. п.);

б) личные местоимения 1-го или 2-го лица.

Объект, оформленный при помощи неодушевленного исчисляемого существительного, является наиболее продуктивным, что объясняется логическим положением вещей. Пожалуй, именно этот вид объекта можно назвать прототипическим.

При использовании пассивных конструкций наблюдается устойчивая тенденция абстрагирования автора сообщения от происходящего, наблюдательная позиция, непричастность, невмешательство, что позволяет говорить о пассивной позиции говорящего / пишущего и о столь важной для семантики пассивной конструкции направленной на объект эмпатии или пассивной перспективе высказывания.

Оформленность объекта местоимениями 1-го или 2-го лица делает автора или адресата непосредственно вовлеченным в ситуацию, выражая сопричастность к происходящему, непосредственную подверженность тому или иному действию. Таким образом, мы можем проследить совмещение фокусов «автор сообщения» и «объект»: “*Es wäre nur sehr nett, wenn ich manchmal informiert würde*“ [12. С. 310]. Автор сообщения подчеркивает важность своей персоны для указанного действия. Пассивное оформление предложения позволяет, с одной стороны, подчеркнуть собственную значимость автора (фокусировку внимания на нем), а с другой стороны – позволяет избежать прямого личного упрека (кто должен выполнять действие, не упоминается).

Множественное число подчеркивает общность интересов коммуникантов, особую эмпатию говорящего по отношению к адресату, неважность третьих лиц. “*Wir waren bei deinem frühen Liebesleben unterbrochen worden*“ [11. С. 152].

Совмещение адресата сообщения и объекта происходит несколько реже. “*Aber du hast es doch nicht entschieden. Du bist doch nach Kiel gegangen worden*“ [11. С. 119] Подчеркивается независимость происходящего от адресата сообщения, его невозможность или неспособность повлиять на ход событий.

В русском культурном пространстве пассивность выступает способом абстрагирования говорящего от происходящего, занятие наблю-

дательной позиции. Пассивные конструкции служат для акцентирования нетождественности объекта участникам коммуникации, в первую очередь автору.

Рассматриваемая нами ядерная пассивная конструкция немецкого языка, оформленная при помощи глагола *werden* и причастия прошедшего времени, репрезентирует динамичную, процессуальную ситуацию. В немалой степени этому способствует природа вспомогательного глагола *werden*, обозначающего становление, процесс, динамическое изменение объекта или ситуации. Эта индикация сохраняется в рамках конструкции и усиливается наличием глагольного признака, обозначенного причастием. Эту мысль развивает Ж. К. Гух, ссылаясь на работу Хайнца Руппа “*Zum deutschen Verbalsystem*”, в которой выделяются четыре модели мышления, лежащие в основе всей глагольной системы немецкого языка – как в сфере лексики, так и в сфере так называемых аналитических форм. Эти модели или перспективы получают названия по их языковым прототипам: *sein-*, *haben-*, *werden-*, *tun-*перспективы. При этом *sein* и *haben* охватывают статическое представление опыта человека, а *werden* и *tun* описывают ситуацию в динамике.

Werden-перспектива описывает процессуальное событие как таковое: *Was geschieht mit X?* В знаке *werden* имманентно присутствует идея самодвижения, саморазвития без какой бы то ни было активности и волитивности со стороны развивающейся величины [2. С. 89].

Процессуальное значение пассивной конструкции позволяет представить событие или явление действительности как протекающее самопроизвольно, без выделения определенного инициатора данного процесса. В отличие от синтетической формы актива аналитические формы пассива предстают как особая когнитивно мотивированная комбинаторика базовых для немецкого языка «перспективных» лексических знаков с определенной морфологической спецификацией.

Такие характеристики, как объектность и процессуальность, объединяются в пассивной конструкции характеристикой глагольного действия, а именно формой воздействия на объект.

Так, анализ глаголов, участвующих в оформлении предложения при помощи пассивной конструкции, позволяет выделить следующие формы воздействия на неодушевленный объект:

1. Физическое воздействие, при котором объект создается, уничтожается, претерпевает какие-либо изменения: *Es ging ... um ihre tote Schwester, die im Haus geboren wurde* [8. С. 24]; *Eine Stunde später wurde Grenouille verhaftet* [14. С. 287].

2. Эмотивное воздействие, при котором объект вызывает какие-либо чувства: *Deutsche in der Schweiz: geliebt oder gehasst?* (Internetumfrage).

3. Вербальное воздействие, при котором объект является темой сообщения: *das Testament wurde aufgeklärt* [8. С. 52].

4. Когнитивное воздействие, при котором объект познается: *Sie ist entdeckt worden* [www.dwds.de].

5. Перцептивное воздействие, при котором объект воспринимается органами чувств: *Der Mörder sei gesehen worden* [14. С. 284].

6. Фактитивное воздействие – влияние на волю, разум, чувства объекта (как правило, одушевленного): *Ich bin in dem Glauben erzogen worden, dass Witwen grundsätzlich schwarz tragen, gebückt gehen und mindestens seit 70 Jahren auf der Welt sind* [13. С. 71]. *Felix ist angewiesen worden, in diesem Moment in die Kamera zu schauen* [9. С. 108].

Совокупность выделенных признаков – объектности, процессуальности, формы воздействия на объект – обуславливает порой предпочтительное употребление пассивных конструкций в некоторых типовых ситуациях, не совпадающее у носителей различных лингвокультур, что возникает из-за несовпадения образов сознания, отражающих предметы и понятия в разных культурах. Приведем некоторые примеры предпочтительного употребления пассивных конструкций в немецкоязычном пространстве.

Рождение: родиться – geboren werden. Сравним: *Ирина Ивановна Гусько родилась в простой русской семье, в городе Баку* [5] и *Im November des darauf kommenden Jahres wurde ich geboren* [8. С. 84]. В русском языке глагол *родиться* имеет средне-возвратное значение. Однозначное пассивное значение возможно только при введении производителя действия, что в русской лингвокультуре не принято (вероятно, это считается само собой разумеющимся), поэтому рождение ребенка в русском языке – более активный для ребенка процесс, чем в немецком, где пассивность логического объекта – ребенка – прослеживается однозначно: он делает это не сам, он претерпевает изменение.

Пойти в школу (в первый класс) – eingeschult werden. Сравним: *В этом году наш ребенок пойдет в школу* и *Wissen Sie, was mein Vater mir damals gesagt hat, als ich eingeschult wurde?* [13. С. 320–321]

В русской лингвокультуре считается, что ребенок идет в школу самостоятельно – своими ногами – и будет повторять этот процесс ежедневно на протяжении многих лет, отсюда выражение «ходить в школу» и особый случай хождения в школу – пойти в первый класс (часто говорят просто и значительно «пойти в школу»). В немецком языке школу посещают – *die Schule besuchen*, а чтобы ребенок мог это сделать, родители должны его оформить. Для этой деятельности в немецком языке имеется специальный глагол – *einschulen*. Оформление ситуации пассивной конструкцией подчеркивает несамостоятельность ребенка: он еще не знает, что ему предстоит, не может самостоятельно принять решение, идти или не идти в школу, а поскольку посещение начальной школы является обязательным, регламентируется государством и родители хотят дать ребенку образование, он подвергается процессу оформления в школу.

Встретить (на вокзале, в аэропорту) – abgeholt werden. В русской лингвокультуре принято спрашивать: «*Тебя / Вас встретят?*», не уточняя, кто, главное – уезжающему не придется добираться до конечного пункта назначения одному. Немцы спрашивают: “*Werden Sie / Wirst du abgeholt?*”

Этот и другие примеры иллюстрируют возможность передачи одного смысла разными языковыми средствами, предпочтительность в каждой лингвокультуре одной из сходных по значению конструкций. При использовании пассивных конструкций в фокусе внимания по субъективным причинам находится подвергающийся действию объект. Категория пассивности, являясь примером объективации языкового опыта и фиксируя результаты познавательной деятельности человека, протекающей

по определенному когнитивному сценарию (внимание фокусируется на семантическом объекте воздействия и переходит на действие, которому объект подвергается), обладает лингвокультурной маркированностью, что ярко проявляется при кросс-культурном анализе.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002. 648 с.
2. Гух, Ж. К. Связь языковых и когнитивных структур на примере категории залога в современном немецком языке // *Вопр. когнитив. лингвистики*. 2010. № 4 (025). С. 83–97.
3. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004. 560 с.
4. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику / пер. с англ. В. А. Звегинцева. М., 2010. 542 с.
5. Токарева, В. Своя правда. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgo.ru>.
6. Шарандин, А. Л. Системная категоризация русского глагола: учеб. пособие. Тамбов, 2001. 209 с.
7. Шубик, С. А. Категория залога и поле залоговости в немецком языке. Л., 1989. 128 с.
8. Hagen, K. *Der Geschmack von Apfelkernen*. Köln, 2008. 257 s.
9. Haskamp, V. *Hart aber Hilde*. Berlin, 2010. 286 s.
10. Heldt, D. *Urlaub mit Papa*. München, 2008. 364 s.
11. Heldt, D. *Bei Hitze ist es wenigstens nicht kalt*. München, 2011. 320 s.
12. Heldt, D. *Kein Wort zu Papa*. München, 2010. 381 s.
13. Gantenberg, M. *Urlaub mit Esel*. Frankfurt am Main, 2011. 333 s.
14. Süßkind, P. *Das Parfüm. Geschichte eines Mörders*. Zürich, 1994. 320 s.

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда, грант № 12-04-00045

Предлагается 3D модель языковой личности и рассматривается когнитивный аспект конфессиональной языковой личности. Когнитивный подход позволяет различать три уровня самоидентификации конфессиональной языковой личности: индивидуальный, социально-конфессиональный и культурный.

Ключевые слова: лингвоперсонология, конфессиональная языковая личность, когнитивное измерение, религиозная картина мира, концепт.

Одним из направлений современных лингвистических исследований является исследование языковой личности. За последние десятилетия не только накоплен значительный опыт в данной области исследования, но и сформировалось отдельное лингвистическое направление, объектом которого выступает человек говорящий. Это направление называют лингвоперсонологией (Е. В. Иванцова), лингвистической персонологией (В. П. Нерознак), дискурсивной персонологией (В. И. Карасик). Теоретической основой лингвоперсонологических исследований послужили труды Л. Вайсгербера, В. В. Виноградова, Г. И. Богина, Ю. Н. Караулова. Современная лингвоперсонология, как отмечает Е. В. Иванцова, имеет свой объект исследования, свои методы сбора и обработки материала, а также свои методы исследования [2]. К персонологическим методам исследования относятся биографический, лексикографический методы, методы лингвориторической реконструкции, речевого портретирования и структурного моделирования [Там же].

Использование комбинации последних двух методов дало возможность провести лингвистический анализ конфессиональной языковой личности как человека говорящего, мыслящего, действующего. Представленное в статье исследование конфессиональной языковой личности носит междисциплинарный характер, в котором сочетаются результаты персонологических исследований, полученных в философии, культурологии и религиоведении. Языковая личность – феномен многогранный и многоуровневый, сочетающий в себе как социальные, так и индивидуальные аспекты. Поэтому перед нами стоит задача произвести опре-

деленную градацию, создать классификацию типов конфессиональной языковой личности, выявить конституирующие признаки, лежащие в основе данной классификации. Предложенная Ю. Н. Карауловым в конце прошлого века трехуровневая модель языковой личности [4], которая используется в когнитивной лингвистике, психолингвистике, дискурсивном анализе, социолингвистике и персонологии, была нами переосмыслена и на ее основе разработана 3D модель языковой личности. Данная модель позволяет характеризовать языковую личность по трем параметрам (измерениям): ментально-когнитивному (индивидуальное и коллективное в сознании личности), дискурсивно-прагматическому (потребности, цели, установки и коммуникативные стратегии) и риторико-стилистическому (языковое оформление мысли). В настоящей статье мы подробнее остановимся на когнитивном измерении языковой личности и особенностях его реализации в коммуникативной деятельности конфессиональной языковой личности.

Когнитивное измерение языковой личности включает в себя модель мира, формирующуюся у человека в процессе социально-культурного развития, а также психологические характеристики личности, в первую очередь человеческое сознание во всех формах его проявления. Ю. Н. Караулов, выделяя тезаурусный, или когнитивный, уровень, включает в него понятия (терминосистема), тезаурус (аргументация, модальность, импровизация), стереотипы – правила (картина мира, аксиология) [4. С. 60–61]. На наш взгляд, когнитивное измерение структуры языковой личности включает в себя картину мира в различных ее проявлениях (наивная, научная, религиозная и

т. п.), концептосферу, а также прецедентные феномены (прецедентные имена, тексты, ситуации и т. д.).

Когнитивное измерение представляет собой три уровня самоидентификации личности в социуме. Первый уровень предусматривает самоопределение личности, осознание своей уникальности, непохожести на других. На этом уровне отражаются индивидуальные когнитивные характеристики личности: индивидуальная картина мира, особенности мировосприятия, индивидуальное сознание личности. Второй уровень соответствует социальной группе, с которой идентифицирует себя личность. Это может быть возрастная, половая, профессиональная, либо религиозная группа. На данном уровне когнитивного измерения мы имеем дело с профессиональной, научной картиной мира. Третий уровень когнитивного измерения отражает, на наш взгляд, культурную идентификацию личности и тем самым включает в себя так называемую национальную картину мира.

В центре нашего исследования находится современная конфессиональная языковая личность. Далее мы остановимся на особенностях реализации трех выделенных уровней когнитивного измерения в процессе коммуникативной деятельности конфессиональной языковой личности. В первую очередь когнитивное измерение проявляется в коммуникации в качестве языковой картины мира, т. е. «динамической функциональной системы, способной к саморазвитию и самоорганизации» [6. С. 8]. Индивидуальная языковая картина мира конфессиональной языковой личности соответствует религиозной картине мира, сочетающей в себе две концепции мироздания и мироустройства: теоцентрическую и антропоцентрическую. Религиозная картина мира имеет свое отражение в виде ведущих религиозно-культурных концептов. Несмотря на то, что институт Церкви представляет собой «общество с жесткой структурой, немислимое не только без сохранения и соблюдения определенных традиций, но и без собственных, признаваемых всеми авторитетов» [3. С. 142], каждая языковая личность трансформирует религиозное вероучение через призму своего собственного мышления, что находит вербальное отражение в продуцируемых ею текстах.

В процессе конфессионализации в сознании каждого индивида формируется религиозная картина мира, а также иерархия базовых

религиозных концептов и их наполняемость. Проиллюстрируем данный тезис примером. В своем проповедническом выступлении Ральф Рукерт использует когнитивную метафору «религия – это футбол». В качестве сферы-источника здесь служит футбол, а сферой-мишенью выступает религия: «Der Ball ist rund! Rund ist auch die Welt, die Gott geschaffen hat / Мяч круглый. Но и земля, которую создал Бог, круглая» [7. С. 1]. Качества футболистов и тренеров переносятся на религиозные авторитеты. Так, Иисус сравнивается с хорошим футболистом, тренером, который может сформировать командное чувство среди 12 игроков, ассоциирующихся с 12 апостолами. Сочетая лексику семантических полей «футбол» и «религия», автор представляет свою концепцию религиозной веры: «...beim Glauben gilt wie beim Sport: Dabeisein ist alles. Und mit seinem Heiligen Geist, der ein Mannschaftsgeist ist, ist Jesus bei uns alle Tage bis an der Welt Ende / ... в вере как и в спорте: со-участие – все. И со Святым духом, командным духом, Иисус с нами все дни до конца наших дней» [7. С. 3]. Святой дух – доказательство существования Христа – ассоциируется с командным духом, без которого невозможно существование футбольной команды. Сами футболисты – не боги, как утверждает светское общество, а ловцы, последователи Иисуса, а команда – это общество детей Божьих (Gesellschaft der Kinder Gottes).

Социальный уровень когнитивного измерения конфессиональной языковой личности соответствует коллективному сознанию, которое, по Э. Дюркгейму, понимается как «духовное единство общества, не являющееся простой суммой индивидуальных сознаний, существующее независимо от них в виде социальных факторов (обычаев, морали, права, традиций, знаний и т. д.), оказывающее сильное влияние на индивидуальное сознание» [4. С. 231–235]. Данный уровень когнитивного измерения реализуется в религиозной картине мира в целом, и в сакрально-мифологической языковой картине мира в частности.

В качестве иллюстрации отражения коллективного сознания современной конфессиональной языковой личности рассмотрим некоторые особенности актуализации концепта “Sünde” в католической и протестантской традиции и остановимся на дополнительных смыслах, входящих в рассматриваемый концепт. Ядро данного концепта образует система семи смертных грехов, зафиксированных в

Евангелии и сохраняющихся в сознании верующих людей как основной свод морально-этических правил социального поведения. Однако с развитием общества меняются его жизненные, социальные и нравственные ценности. Изменение общественного сознания приводит к корректировке религиозной картины мира и отдельных ее составляющих. Поэтому в условиях современных рыночных отношений католическая церковь определила и обнародовала официальный список грехов, выделив среди них еще семь наиболее существенных. Таким образом, современная конфессиональная личность к грехам относит чрезмерное богатство и действия, которые порождают социальную несправедливость (*soziale und wirtschaftliche Ungerechtigkeit*), рост числа бедных (*Anstieg der Anzahl von armen Menschen*), загрязнение окружающей среды (*Umweltverschmutzung*), генетические манипуляции (клонирование, изменение ДНК).

В ходе анализа были выделены три группы греховного поведения, актуализируемые в протестантских проповедях: греховное отношение к Богу, греховное отношение к себе и греховное отношение к обществу. Именно последний тип греховного поведения характеризует светскую культуру и является реакцией Церкви на социально-экономические изменения в современной Германии. Так, актуализаторами концепта “*Sünde*” гражданско-правового типа служат следующие лексические единицы: “*Verkehrtsünder*”, “*Dopingsünder und -sünderinnen*”, “*Umweltsünder*”. Иными словами, грехом / грешниками считаются те, кто нарушает правила дорожного движения, употребляет допинг, а также загрязняет окружающую среду. В католических проповедях была выделена еще одна группа греховного поведения – этические грехи. Это «*Genmanipulation / геновые манипуляции*», «*Abtreibung / аборт*», «*Pädophilie / педофилия*», «*Drogenhandel / торговля наркотиками*», «*Prostitution / проституция*», «*Love-Parade / гей-парад*».

Третий уровень самоидентификации конфессиональной языковой личности соответствует национально-культурной идентификации, выражающейся в национальной картине мира, продуцируемой в коммуникативной деятельности каждого представителя данной культуры. Выше, описывая концепт «*Sünde*», мы указывали на национально-культурную специфику его реализации. Рассмотрим реализацию данного уровня на примере прецедентных

текстов, отражающих культурное своеобразие картины мира немецкоязычной и русскоязычной конфессиональной языковой личности. Бесспорно, что в качестве авторитетных источников как для католических, так и для протестантских и православных проповедников выступают Священное Писание (Библия), Священное Предание (патристика); Символ веры и катехизис; богослужебные книги и сборники молитв [5]. Данные тексты признаются не только конфессионально-прецедентными, но и универсальными прецедентными текстами. Они известны каждому образованному члену Европейского общества, воспитанному в христианских традициях. Однако в процессе коммуникации религиозные деятели апеллируют к национально- и культурно-обусловленной светской литературе, к корпусу текстов, «значимых для той или иной личности (адресанта) в познавательном и эмоциональном планах, имеющих сверхличностный характер, т. е. хорошо известных широкому окружению данной личности (адресатам), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4. С. 105]. Так, для немецкоязычной конфессиональной языковой личности в качестве прецедентного текста может выступать ода «К радости» Ф. Шиллера, учение об этике и религии И. Канта. Православные священники в своих выступлениях апеллируют к произведениям Ф. М. Достоевского и Н. А. Бердяева.

Итак, современная конфессиональная языковая личность – это многомерная и многоуровневая функциональная система логико-лингвистических форм, структурирующих и детерминирующих внутреннюю и внешнюю деятельность индивида. Структура современной конфессиональной языковой личности базируется на ментально-когнитивном, дискурсивно-прагматическом и риторико-стилистическом измерениях. Когнитивное измерение представляет собой самоидентификацию конфессиональной языковой личности, ее соотнесение с определенной социальной и национальной общностью. На уровне личной идентификации когнитивное измерение реализуется в индивидуальной картине мира и отражает особенности религиозного мировоззрения и мировосприятия каждого отдельного индивида. Религиозная картина мира характеризует конфессиональную языковую личность как представителя общественного института церкви. Она подвержена трансформации под

воздействием развития светского общества. На национально-культурном уровне конфессиональная языковая личность продуцирует в процессе коммуникации национальную религиозную картину мира, отражающую особенности исторического, культурного, политического и экономического развития общества.

Список литературы

1. Дюркгейм, Э. Социология: ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. 352 с.
2. Иванцова, Е. В. Проблемы формирования методологических основ лингвоперсонологии // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2008. № 3 (4). С. 27–43.

3. Ивин, А. А. Теория аргументации : учеб. пособие. М., 2000. 414 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М., 2010. 264 с.
5. Мечковская, Н. Б. Язык и религия : учеб. пособие. М., 1998. 352 с.
6. Скорнякова, Р. М. Лингвокультурологическая концепция моделирования языковой картины мира : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 49 с.
7. Ruckert, Ralf. Predigtcollage Jesus & Fußball – für den Kirchengottesdienst in Rodemann. Juni 2002 [Электронный ресурс]. URL: www.predigtpreis.de.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 143–147.

М. А. Самкова

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Рассматривается учебно-педагогический дискурс как самостоятельный, целостный объект, выделяются его конститутивные элементы, дается определение целевых установок, перечисляются основные характеристики данного вида дискурса.

Ключевые слова: учебно-педагогический дискурс, учебный текст, интертекстуальность, интердискурсивность, метод активизации возможностей личности и коллектива.

По утверждению многих ученых, исследование структуры учебно-педагогического дискурса обусловлено возросшим интересом к дискурсивной лингвистике как современному направлению в языкознании и учебно-педагогическому дискурсу как перспективному объекту лингвистического анализа.

Учебно-педагогический дискурс характеризуется рядом отношений, в центре которых находятся два коммуниканта. Своеобразной «точкой пересечения» коммуникантов является учебный текст, который можно определить как «речевое произведение, связывающее партнеров по учебной коммуникации» [3]. По В. П. Ясману, взаимодействующими сторонами в учебно-педагогическом дискурсе одновременно выступают учащийся – педагог, учащийся – учебная дисциплина, учащийся – книга (текст) [8]. Взаимодействие конституентов педагог – учебный текст – учащийся составля-

ет стержень учебно-педагогического дискурса.

На наш взгляд, основой учебно-педагогического дискурса является отношение педагог – учащийся: педагог, владеющий профессиональным знанием, оказывает воздействие на учащегося посредством текста (устного или письменного), в результате которого у учащегося формируется система профессиональных знаний и представлений. Система отношений внутри учебно-педагогического дискурса в общем виде представлена на рисунке 1 (см. Рис.).

Каждый из компонентов структуры учебно-педагогического дискурса включает три составляющие: 1) экстралингвистическую (собственно информационную ситуацию), 2) психологическую (коннотативные характеристики акта «учебной коммуникации»), 3) лингвистическую составляющую (учебно-научные тексты с комплексом системных языковых характеристик) [3].

Мы рассматриваем учебно-педагогический дискурс как систему организованного обучения / общения, заключающуюся во взаимодействии педагога и учащихся посредством учебных текстов и других знаковых комплексов в рамках целостной учебно-педагогической ситуации. Учебно-педагогический дискурс понимается как двухкомпонентная структура: дискурс педагога и дискурс учащегося. Первичный текст является учебно-научным текстом педагога, вторичный текст – учебно-научный текст учащегося. Последний представляет собой речевое произведение учащегося как скорректированное результирующее отображение – воспроизведение первичного учебно-научного текста педагога.

Учебно-педагогический дискурс понимается как процесс перехода языковых характеристик педагогического дискурса в ходе смыслового восприятия субъекта дискурса (реципиента / учащегося) в речевые и языковые характеристики учебного дискурса. «Этот процесс происходит в учебной коммуникации во время уяснения-освоения / усвоения-присвоения содержания языковой системности дискурса в вариант ученической речи [1. С. 2]. Учебная коммуникация рассматривается как взаимодействие педагогического и учебного дискурсных пространств в целенаправленном регистре речевого воздействия. Таким образом, учебно-педагогический дискурс является сложным коммуникативным языковым явлением, обладающим рядом специфических характеристик.

Исследование проводилось нами на основе метода активизации возможностей личности и коллектива, разработанного Г. А. Китайгородской в 1970-х гг. Метод служит одной цели – обучение и овладение языком как средством межкультурного общения. В основе обучения по методу активизации лежит общение посредством иностранного языка (в устной и пись-

менной формах), которое выступает одновременно целью обучения, основным средством и условием его достижения. Метод объединяет в себе несколько видов обучения. Во-первых, метод является интенсивным видом обучения иностранным языкам, обеспечивает овладение языком в сжатые сроки, ориентирован преимущественно на обучение общению, предполагает использование психических резервов личности учащегося и различных способов активизации учебной деятельности в процессе занятий. Во-вторых, процесс обучения иностранному языку по методу активизации максимально приближается к процессу реального общения, или коммуникации. Поэтому метод отражает все основы коммуникативного подхода и воплощает новейшие идеи коммуникативной лингвистики, психологии и межкультурной коммуникации. И наконец, в методе активизации отражается личностно-ориентированный подход, в основе которого лежит признание индивидуальности, самобытности, самоценности каждого учащегося.

В личностно-ориентированном образовании учащийся – главное действующее лицо всего образовательного процесса. Педагог выступает не столько «источником информации» и «контролером», сколько диагностом и помощником в развитии личности учащегося. Помимо этого, обучение по методу активизации характеризуется цикличностью и концентрированностью в организации учебного материала и учебного процесса. Данные характеристики находят свое воплощение в предлагаемой Г. А. Китайгородской трехуровневой модели овладения устными и письменными формами иноязычного общения «Синтез–Анализ–Синтез». Этапы овладения учащимися иноязычным общением по данной модели непосредственно связаны с объемом учебного материала и его распределением в курсе обучения. Открывшиеся воз-

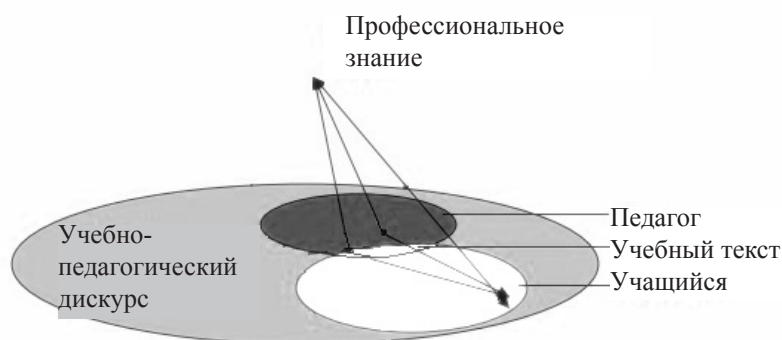

Рис. 1. Система отношений в рамках учебно-педагогического дискурса

возможности активизации учебной деятельности создают предпосылки для успешного усвоения повышенных объемов концентрированной учебной информации. С другой стороны, «концентрированность учебного материала оказывает активизирующее воздействие на познавательные процессы. Учащиеся перестраиваются на новый, более активный режим деятельности, который способствует максимальным проявлениям его творческих возможностей, в частности, возможности запоминать большие объемы информации без специального заучивания» [2. С. 70].

Понятие цикличности отражает наше понимание нелинейности познавательного процесса, когда «движение» учебного материала и овладение им происходит как бы по спирали в постоянном взаимодействии и последовательном переходе от Синтеза 1 к Анализу и затем к Синтезу 2. Реализация цикличности связана с вводимыми понятиями цикла и микроцикла. Цикл – один из этапов (курсов) целостной многоуровневой методической системы, в которой функционирует данная модель (начальный курс – первый этап обучения в данной системе). Микроцикл – структурная единица учебного процесса и пособия, обладающая всеми свойствами и характеристиками целого курса обучения. Микроцикл книги для учащегося реализуется в микроцикле учебного процесса и состоит из трех этапов: введение нового учебного материала (основного учебного текста-полилога) – Синтез 1, тренировки в общении – Анализ, практики в общении – Синтез 2 [2. С. 93].

Специфическими характеристиками метода Г. А. Китайгородской являются:

- 1) интерактивность;
- 2) дискурсивная связность;
- 3) наличие текстовой основы;
- 4) игровой характер организации учебного материала;
- 5) концентрированность учебного материала;
- 6) полифункциональность учебной деятельности;
- 7) личностно-ориентированная направленность;
- 8) наличие коллективного взаимодействия;
- 9) терминологичность;
- 10) интертекстуальность / интердискурсивность.

Дадим краткое описание каждой характеристики. Интерактивная специфика дискурсивных практик участников учебного общения «эксплицируется в стратегическом потенциа-

ле, интенциональном содержании речевых шагов интерактантов (педагог, учащийся), последовательности коммуникативных ходов, типах речевого воздействия и речевого реагирования коммуникантов, согласованности интеракции в практике учебного общения» [6. С. 3]. Основу интерактивности учебно-педагогического дискурса создают стратегии и реакции на них реципиента, т. е. учащегося. Реакция на речевые стратегии педагога как одного из участников учебной коммуникации неизбежно влечет за собой выдвижение встречных – согласованных или противоречивых – стратегий, что и создает динамическую основу интерактивности учебно-педагогического дискурса.

Фундаментальным свойством любого естественного дискурса, вне зависимости от его классификационной принадлежности, является связность, которая определяется как сочетание и взаимодействие ряда дискурсивных практик, организующих учебно-педагогический дискурс в целое образование. В зависимости от того, как воспринимается, интерпретируется и продуцируется учащимися учебный текст, выделяют несколько дискурсивных практик, формирующих общий порядок дискурса. В частности, Л. Н. Пономаренко выделяет такие педагогические практики, как проведение урока, консультации, лекции, воспитательной беседы [5. С. 155].

Текстовая основа – это информационная составляющая учебно-педагогического дискурса. В целом учебно-педагогический дискурс предстает не как изолированная текстовая или диалогическая структура, а как единство языковой формы, значения и действия; «речь, погруженная в жизнь», взятая в динамичном контексте конкретной социальной ситуации. Текстовую основу учебно-педагогического дискурса составляет «учебный текст». На сегодняшний день не существует четкого определения понятия «учебный текст», несмотря на высокую частоту его использования в научно-педагогической литературе. Учебный текст должен воплощать в себе целостную систему деятельности учащегося, а также содержать компоненты, обеспечивающие восприятие заключенной в нем информации. Отметим, что учебный текст имеет полифункциональную природу: во-первых, он содержит учебную информацию; во-вторых, является носителем общих и профессиональных знаний, культуры, элементом сознания и, в-третьих, текст имплицитно содержит способы и методы овладения

учебной информацией и культурными ценностями. Учебный текст выполняет информативную, когнитивную и креативную функции. Они реализуются в процессе выполнения педагогом определенных заданий, например, по отбору необходимой для себя информации. Тем самым формируется мировоззрение, присваиваются культурные, личностные смыслы, происходит сознательное овладение сокровищами языка. Учебный текст является, во-первых, главной содержательной единицей обучения, так как он выполняет очень важные образовательные, воспитательные и развивающие задачи; во-вторых, важной составляющей учебно-педагогического дискурса, где наличествуют три основных участника – педагог, учащийся и учебный текст.

Следует отметить, что в структуре учебно-педагогического дискурса не только учебный текст определяет границы, содержание и специфику взаимодействия коммуникантов. Игровой характер процесса моделирования учебной ситуации расширен за счет параметров и функций игры. Такие параметры игры, как цель, задачи, время, поэтапность, содержание, механизм, правила и подведение итогов, наряду с ее функциями, развивающей, познавательной, мотивационной и интеллектуальной, рассматриваются в работе как дискурсивные и вводятся как игровые параметры учебно-педагогического дискурса. Игровой характер отражается и в психолого-педагогическом принципе, на котором основывается метод активизации. Принцип игровой (ролевой) организации учебного материала и процесса обучения предполагает постоянную активность субъектов общения (всех учащихся и педагога), которые не ограничиваются просто восприятием сообщения и реакцией на него, а стремятся выразить свое отношение к полученной информации. Помимо этого, ролевое общение – эффективный способ приобретения речевой компетенции [2. С. 50].

Полифункциональность учебной деятельности (упражнений) соответствует тому подходу при обучении иностранному языку, который предполагает одновременное и параллельное овладение языковым материалом и речевой деятельностью, в отличие от традиционного подхода, предусматривающего последовательное овладение сначала языковым материалом, а затем – речью [2. С. 77].

Личностно-ориентированная направленность является базовой, системообразующей характеристикой. Под личностно-ориентиро-

ванным общением понимается диалогическое общение в широком смысле, которое приводит к активной позиции каждого его участника, а также развивает одно из важнейших умений – умение слушать собеседника [2. С. 37].

Наличие группового (коллективного) взаимодействия определяет такой способ организации учебного процесса, при котором:

- учащиеся активно общаются друг с другом, обмениваясь учебной информацией, расширяя за счет этого свои знания, совершенствуя умения и навыки;
- между участниками складываются благоприятные взаимоотношения, служащие условием и средством эффективности обучения и творческого развития каждого;
- условием успеха каждого является успех остальных.

Терминологичность учебно-педагогического дискурса является прагматически значимой характеристикой употребляемой в нем лексики и подразумевает использование не только терминов, но и некоторых специальных понятий, не вписывающихся в традиционно используемую в качестве критерия понятийную дихотомию «термин / нетермин». Исходя из этой особенности, некоторые лингвисты предлагают заменить «дихотомию «термин / нетермин» на «более гибкое и относительное понятие терминологичности» [7. С. 8].

Учебный текст и учебно-педагогический дискурс выступают как взаимодействие (совпадение или противоречие) разных представлений о знании, как «диалог разных картин мира», «переплетение разных культур» и характеризуются понятиями интертекстуальности / интердискурсивности. «Актуализация интердискурсивных связей предполагает «когнитивное переключение» с одной системы знания или типологической модели текстопроизводства на другую» [4. С. 137], что означает переход в сознании учащегося с одного типа дискурса на другой. Интертекстуальные связи предусматривают иной механизм тексто- и смыслообразования, который состоит в эксплицитном воспроизведении слов и высказываний педагога, автора учебного текста, переосмысляемых учащимся. Учебно-педагогический дискурс обнаруживает высокую степень интертекстуальности / интердискурсивности. Интердискурсивность как свойство дискурса осуществлять взаимопересекающиеся связи различных текстов в учебно-педагогической коммуникативной ситуации является важнейшей характеристикой учебно-пе-

дагогического дискурса. Интертекстуальность понимается как «заимствование учащимся элементов текста учебника или педагога непосредственно в рамках коммуникативного события. Маркером является парафраз, т. е. воспроизведение содержания «чужого» текста словами автора принимающего текста. Интертекстуальность предполагает создание учащимися текстового парафраза как результата решения познавательной задачи.

Обобщая все сказанное, приходим к выводу, что учебно-педагогический дискурс – это система организованного обучения / общения, обладающая целью формирования новых знаний в различных областях человеческой деятельности, от которой зависит выбор стратегий и тактик участников учебно-педагогического дискурса. Непосредственными участниками учебно-педагогического дискурса являются педагог и учащиеся, взаимодействующие посредством учебных текстов (учебно-научных, дидактических и разговорных) и других знаковых комплексов в рамках целостной учебно-педагогической ситуации. Учебно-педагогический дискурс отличается интерактивностью, дискурсивной связностью, интердискурсивностью, наличием текстовой основы, личностно-ориентированной направленностью, концентрированностью учебного материала; полифункциональностью учебной деятельности. Кроме того, учебно-педагогический дискурс подразумевает определенные обстоятельства общения (место, время коммуникации) и наличие особого кода – языка учебной терминосферы.

Список литературы

1. Калинина, В. Д. Учебный дискурс в речевой процессуальности учебной коммуникации: психолингвистическая модель : дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2002. 162 с.
2. Китайгородская, Г. А. Интенсивное обучение иностранным языкам. Теория и практика. М., 2009. 277 с.
3. Носар, Ю. А. Дискурс vs текст в учебной коммуникации [Электронный ресурс] // Методы активизации учебного процесса и практической подготовки студентов в современных условиях. URL: http://tverlingua.by.ru/archive/006/section_2_6/2_2_6.htm.
4. Пелевина, Н. Н. Интердискурсивность научного и художественного текстов // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 78. С. 137–143.
5. Пономаренко, Л. Н. Дискурс как социальная педагогическая практика // Высш. образование в России. 2007. № 8. С. 155–156.
6. Ращупкина, К. С. Интерактивная характеристика учебного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2010. 20 с.
7. Шелов, С. Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения. СПб, 2003. 278 с.
8. Яссман, В. П. Психолингвистические аспекты понимания в процессе подготовки специалистов [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.sakhgu.ru/archive/2004-02-7.doc>. <http://journal.sakhgu.ru/archive/2004-02-7.doc>.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315).
Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 147–152.*

О. А. Солопова

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ БУДУЩЕГО РОССИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, США И БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ (середина XIX – начало XX в.)

Статья посвящена когнитивно-дискурсивному анализу модели будущего России в политическом дискурсе Российской Империи, США и Британской Империи середины XIX – начала XX века. В центре внимания автора находятся метафорические модели, являющиеся наиболее частотными в дискурсах трех стран.

Ключевые слова: метафора, модель, политический дискурс, образ будущего.

Исследовательская задача в рамках данной статьи – взглянуть сквозь текст на часть прошлой реальности, которая лежит за этим текстом, и на модель будущего, конструируемую им, т. е. рассмотреть не только то, «откуда идет история, но и куда она направляется» [2] или могла бы направляться.

Выбор указанного исторического периода (середина XIX – начало XX в.) для анализа модели будущего России в политическом дискурсе обусловлен интертекстуальными (межмодельными) отношениями с другими моделями. Отмечено, что когнитивно-дискурсивные матрицы, разработанные в процессе изучения современного хронологического среза в российском, американском и британском политическом дискурсе, отличаются темпоральным схематизмом, одной из составляющих которого является «сжатая ретроспекция» – частотное обращение к реалиям прошлого России при моделировании ее будущего [3].

Синхронные матрицы, созданные для анализируемого хронологического среза, представляют собой систему концептуальных допущений о положении дел в будущем России с точки зрения прошлого. Понимание политического дискурса предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, бытующих в конкретную эпоху [1].

Применительно к метафорам, репрезентирующим образ России в СМИ Российской Империи, США и Британской Империи середины XIX – начала XX в., следует отметить интенсивность создания метафорических единиц, принадлежащих к определенным понятийным областям сферы-источника и нацеленных на одну и ту же область-цель – будущее России. Данные единицы образуют комплекс (систему) устойчивых и воспроизводимых в политических дискурсах трех стран метафорических единиц.

В анализируемом корпусе британских текстов зафиксировано 1409 контекстов, активизирующих 17 моделей, в американских текстах – 1232 метафорических контекста, реализующих 16 метафорических моделей, в российском дискурсе – 1014 единиц и 14 метафорических моделей (см. табл., где ММ – метафорическая модель, римской цифрой в скобках выделены пять наиболее частотных моделей, реализуемых при концептуализации будущего в дискурсе каждой страны).

Система метафорических моделей, зафиксированных в политическом дискурсе Российской Империи, США и Великобритании

Разновидность метафорической модели (ММ)	Россия, %	США, %	Великобритания, %
ММ пути	32,1 (I)	9,8 (IV)	17,4 (I)
Физиологическая ММ	14,3 (II)	6,7	5,9
Морбиальная ММ	9,6 (III)	11,4 (II)	12,3 (IV)
Фитоморфная ММ	6,9 (IV)	4,5	2,3
ММ неживой природы	6,3 (V)	10,6 (III)	4,7
Милитарная ММ	5,4	7,6	7,1
Криминальная ММ	5,4	7,8 (V)	14,4 (II)
Механистическая ММ	5,1	2,6	3,9
ММ строительства	3,9	2,6	-
Зооморфная ММ	3,3	14,4 (I)	13,3 (III)
Театральная ММ	2,8	6,8	2,1
ММ родства	2,2	4,5	0,7
Педагогическая ММ	1,7	3,2	1,8
ММ дома	1,1	-	1,5
ММ игры	-	5,5	7,6 (V)
Религиозная ММ	-	1,1	2,8
Инструментальная ММ	-	-	1,3
Спортивная ММ	-	-	0,9
Монархическая ММ	-	0,9	-

В контекстах, приводимых в статье для иллюстрации тех или иных положений, сохранена орфография, пунктуация и шрифтовые выделения оригинальных текстов середины XIX – начала XX в. **русского, американского и британского** политических дискурсов (контексты из американских изданий даются тексте с пометой US, из британских изданий – с пометой GB).

Показательно, что тематика пространства, выбора направления и пути выступает одной из самых популярных сфер-источников образного моделирования будущего, занимая первое по частотности место в дискурсе России и Великобритании и четвертое – в американских текстах, что отражает линейное восприятие времени человеком – движение из прошлого через настоящее в будущее: *But progress implies change; and change involves danger. A man is safe while he stands still; but if he moves, he may fall. The ship is at anchor or in port; but if she casts off restraining her chains and starts upon her voyage, the winds will toss and can destroy*

her. And yet she is a useless hulk unless she moves. And so is growth, improvement, progress involving change, the necessity of all societies. A nation to-day cannot anchor in ages past / The New York Times, 26.11.1851.

Особенно активны метафоры пути в отечественном политическом дискурсе. Новое направление пути выбирается по мере обнаружения того, что прежнее направление ведет в тупик, а новое, как правило, считается лучше предыдущего: *Крымская война имѣла цѣлью повредить Россіи, но только ей и принесла пользу. Веревки, которыми мы были связаны по рукамъ и ногамъ – ослабли, перетерлись во время войны, испуганный тюремщик самъ померъ... И Россія съ тѣх поръ идетъ мощно впередъ по широкой дорогѣ, не смотря на всѣ черепки и битыя бутылки, в родѣ Панина, Орлова, Муравьева, оставленные у ней подъ ногами упрямымъ и небрежностью шоссейнаго смотрителя, не смотря на дворянскія комитетскія лужи и бакалдины, ни на ложныя маяки доктринеровъ / Колоколовъ, май 1859.*

В политическом дискурсе Великобритании метафоры пути часто связаны с экспансионистскими устремлениями Российской Империи: *Onward and onward, ever on – to the Far East, until the conqueror signs a Treaty of Peace with the vanquished British – that is due of the fixed objects of the Slavonian mind. Every step in advance may be painful and perilous, but the great prize is not grasped at once; it is approached by a systematic course of stealthy advances / The Era, 11.01.1857 (GB).*

Еще одной общей для трех дискурсов моделью образного представления будущего Российской Империи является морбиальная метафора (третья по частотности модель в российском дискурсе, вторая – в американском, четвертая – в британском).

Обращение к метафорическим единицам со сферой-источником «болезнь» при моделировании будущего логически оправдано. Как и в случае с метафорой пути, когда настоящее страны оценивается либо в качестве движения по ложной дороге, либо в качестве преодоления невероятных препятствий на пути к будущему, в рамках метафоры болезни Россия представляется тяжело или неизлечимо больной: *Россія все еще не здоровая страна, а лазаретъ / Русь, №1, январь 1884.*

Опытные врачи обследуют ее, пытаются поставить диагноз и предложить лечение: *It is a sort of clinical study of the situation in Russia, a*

diagnosis of the case, with a full prognosis and a suggested cure for the existing evil afflicting the body politic / The New York Times, 26.08.1905 (US). В зависимости от принадлежности текста дискурсу той или иной страны морбиальная метафора участвует в создании диаметрально противоположных образов будущего. Одни настаивают на неизлечимости болезни: *The malady of Russia is incurable. It is a political system that places a semi-barbarous population at the feet of one man / The Times, 30.11.1855 (GB).* Другие – на возможности выздоровления в будущем: *Въ органическомъ тѣлѣ, вслѣдствіе извращения естественныхъ отпращиваній его, могутъ развиваться уродливыя и болѣзненныя явленія; но если въ этомъ тѣлѣ сила жизни велика, она побѣдитъ болѣзненное разстройство / Вѣстникъ Юго-западной и Западной России, январь–декабрь 1863.*

Содержательные аспекты концепта болезни используются в зависимости от идеологической позиции автора текста и от того, ставит ли он перед собой цель подчеркнуть в образе будущего положительные моменты или, наоборот, отрицательные.

В российском и американском дискурсах анализируемого исторического периода востребованной является метафорическая модель, где будущее страны связывается с миром неживой природы, занимая пятое и третье по частотности место соответственно.

В политическом дискурсе США метафорические единицы рассматриваемой понятийной сферы активно используются для моделирования будущего двух стран – России и Америки – в одном контексте: *As we look into the future, with the past and the present for our guides, we see two great objects looming up conspicuously above all others, Russia and the United States, each one having double the population that is now possessed by all Europe / The New York Advertiser, 15.03.1852.*

Несмотря на меньшую частотность в политическом дискурсе Российской Империи, метафоры неживой природы более образны и, как правило, насыщены смыслами стихийного разрушения, невозможности противостоять силам природы: *Да Россія – это океанъ широкій и бездонный. Когда онъ расходится, и прибрежный его прибой – грозень, а въ срединѣ его находили и найдутъ неизбѣжную могилу отважные аргонавты / Вѣстникъ Юго-западной и Западной России, март 1863.* Актуализация указанной сферы-источника в отечественном дискурсе не

столько нацелена на моделирование будущего самой России, сколько на предостережение тех, кто посягает или собирается посягнуть на ее ширь и мощь: *Гдѣ начнется разгромъ – въ потухнушемъ ли французскомъ кратерѣ или на морскомъ днѣ англійской жизни, куда вѣтеръ не доходитъ, гдѣ бури неслышны, куда самый свѣтъ едва проникаетъ?* / Колоколь, №4, 1961.

Следует отметить, что в российском дискурсе помимо неживой природы к числу наиболее востребованных сфер-источников при создании матрицы будущего в политических текстах анализируемого исторического периода относится организм человека (вторая по частотности модель): *Въ Россіи, кажись, пришелъ конецъ нѣмецкимъ вліяніямъ, она серьезно желаетъ стать на свои собственныя ноги и жить для себя, руководствуясь только своими русскими, народными интересами* / Исторический вѣстник, Т.3, 1882.

Другой значимый источник метафор – растительный мир (четвертая по частотности модель): *Оранжерея наша приходитъ все болѣе и болѣе въ ветхость, разросшія насажденія все сильнѣе вытираютъ стекла и стѣны, – но этого недостаточно. Всего умнѣе въ настоящее время открыто сознать и признать это наше невольное скудоуміе какъ плодъ нашей оранжерейной культуры, и устремиться къ тому, чтобъ просвѣщенія сѣмена падали въ грунтъ глубоко, въ черноземъ родной почвы и возрастали на родномъ, вольномъ воздухѣ* / Русь, №1, январь 1884. Фитонимные метафоры, обычно позитивно нагруженные, подчеркивающие непрерывность развития жизни, при концептуализации настоящего России выражают негативный смысл невозможности дальнейшего развития при сохранении существующих условий, а при моделировании будущего – жажду позитивных преобразований.

Следует особо подчеркнуть, что в англоязычном дискурсе – США и Великобритании – наиболее востребованными являются четыре общих сферы-донора. Помимо рассмотренных образов пути и болезни, относящихся к числу частотных также в российском дискурсе, в американских и английских текстах, тематикой которых является будущее Российской Империи, велика доля криминальных метафор: *Russia is never at a loss for such excuses as will, in her own eyes, justify her acts of aggression and robbery* / The Sheffield Daily Telegraph, 29.03.1878 (GB). *Russia having grabbed all the*

land that she wants under the menace of war, now asks for a pause in the conversation that she may grace over her stolen mutton. There is no moral sanction to the czar's proposals / The Aspen Daily Times, 14.03.1899 (US). *We take all possible precautions against the success of Russian machinations in that direction!* / The New York Times, 08.09.1860 (US).

В криминальных метафорах актуализируются аспекты мошенничества, грабежа, нацеленные на моделирование хищнической политики Российской Империи и в связи с этим подчеркивающие необходимость предотвратить ее нечестные маневры, воспрепятствовать им, поскольку сама она себя всегда оправдает.

Особенно активна криминальная метафора в моделировании будущего в британском дискурсе, модель занимает второе по частотности место, представляя структурированное образование: *Since he (the Emperor Nicholas) deliberately chooses to stand alone, not against the public opinion of Europe only, since that might be wrong as well as he, but against right and justice – in the face of a reasonable and pacific opponent – in defiance of the best interests of humanity, he makes himself an outlaw, and must expect to be treated as such. If he be suffered to rob and waste other's lands unchecked, there is no security for any one. Peace loads the cannon which are aimed at the disturber. Such being the case, the blow which must be struck is that of the Nemesis. The safety of mankind demands that the blow which he thus dares shall be heavy, sharp, deterrent* / The Hereford Times, 21.01.1854 (GB).

В центре эмоциональных состояний, на формирование которых направлен концептуальный вектор криминальной метафоры при обращении к образу будущего в рамках исследуемой статической матрицы, находится отрицание сложившейся монархической системы власти Российской Империи, что обусловливает представление в качестве главного преступника настоящей и будущей России ее правителя.

Еще одной сферой метафорической экспансии при моделировании будущего России, общей для англоязычного дискурса рассматриваемого хронологического среза, является зооморфная, занимающая первое по частотности место в политическом дискурсе США и третье – в дискурсе Великобритании: *The highest representative of a newly born sister Republic is now among us – for, though crushed and bound, the Hungarian Republic still lives, – may his mis-*

sion be accomplished, as well as his presence honored; for the interest of the civilized world demands that the Republic exist, as an outpost to watch and check the Northern Bear / The New York Times, 13.12.1851 (US). Conscious of his irresistible strength, the British Lion, with a contemptuous glance, is complacently watching the progress of the Russian Bear, as he is waddling up in a direct line towards India, which he has long marked for a prey. It is true that the Lion can and will, by a single effort, release India from the grasp of the Bear, but not till India has been scratched to bleeding. The inevitable struggle between the Lion and the Bear for undisputed supremacy in Asia cannot be long deferred / The Derby Mercury, 18.01.1882 (GB).

В большей части метафорических контекстов со сферой экспансии «мир животных» эксплуатируется «медвежья» метафора, с которой отождествляется вся империя. Метафорические смыслы, рождаемые метафорой в англоязычном дискурсе рассматриваемого периода, профилируют варварство, агрессию и непредсказуемость России.

Показательно, что помимо того, что в российском политическом дискурсе зооморфная модель занимает лишь десятое по частотности место, в нем не зафиксировано ни единой «медвежьей» метафоры. Данный факт свидетельствует о том, что в XIX в. Россия не ассоциировала себя с образом медведя, столь востребованным в отечественном дискурсе последующих столетий.

В британском политическом дискурсе рассматриваемого хронологического периода к числу частотных моделей относится также метафора игры. Российская Империя, по мнению авторов аналитических статей Великобритании, постоянно играет в политические игры, продумывая целые серии ходов, стремясь завоевать тот или иной приз. Часто игра ее нечестна: *Russia is playing an underhand game, and not acting fairly by her two partners, England and France / The Star, 11.07.1895 (GB). Но, несмотря на этот факт, столь весомый и важный политический игрок не может оказаться вне игры: Russia can afford to disregard the presumptuous clamour of those who tell her she is played out. A State of her importance is not to be extinguished by a few newspaper articles, and were she ten times more isolated than she is said to be, no change of importance can be effected in Europe without her assent / The Standard, 03.10.1879 (GB).*

Таким образом, в концептуализации вероятного будущего Российской Империи в рам-

ках статических матриц, созданных на основе анализа материала политических дискурсов России, США и Великобритании середины XIX – начала XX в., наиболее метафоричным является британский дискурс, насчитывающий 17 метафорических моделей, что обусловлено, прежде всего, историческими причинами: международной политической обстановкой, противостоянием России и Великобритании в Средней Азии, на Востоке, в Тихом Океане, военными столкновениями, в которых страны выступали либо как соперницы, либо как союзницы враждующих государств.

Обращает на себя внимание, что наибольшая часть индивидуально-авторских метафорических контекстов, репрезентирующих будущее Российской Империи, характерна не для британского дискурса, а для корпуса текстов США, несмотря на то, что общие показатели активности метафорических единиц в американском дискурсе несколько ниже. Однако британцы более склонны использовать «стертые метафоры», в то время как американцы – яркие, что свидетельствует о лингвокультурной специфике метафорических моделей политического дискурса двух наций, говорящих на одном языке.

К наиболее частотным в дискурсе трех стран относятся метафоры со сферами-источниками «путь» и «болезнь». Для политических текстов Великобритании и США, нацеленных на концептуализацию будущего Российской Империи, также характерно совпадение двух наиболее частотных сфер метафорической экспансии – криминальных и зооморфных образов. Следует особо отметить активное использование «медвежьих метафор» в политическом дискурсе этих стран на фоне отсутствия подобных единиц в российском дискурсе. В американском и российском политических дискурсах активно употребляются метафорические модели со сферой-источником «неживая природа».

К специфике метафорической репрезентации будущего Российской Империи в рамках исследуемых синхронных моделей (середина XIX – начало XX в.) можно отнести активное использование фитоморфных метафорических единиц в российском дискурсе, а также функционирование метафорической модели игровой сферы в англоязычном дискурсе.

Список литературы

1. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии //

Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. 2002. № 3. С. 32–43.

2. Ключевский, В. О. Специальные курсы // Ключевский, В. О. Собр. соч. : в 9 т. М., 1989. Т. 6. 457 с.

3. Солопова, О. А. Методика когнитивно-дискурсивного исследования моделей будущего в политическом тексте // Омск. науч. вестн. 2011. № 6 (102). Сер. Общество. История. Современность. С. 124–128.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 152–156.

И. В. Степанова

КРЕОЛИЗОВАННЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА *LOVE* (на материале комиксов *Love is*)

Описываются различные способы взаимодействия вербальной и иконической составляющих в креолизованном тексте комикса *Love is*. Выявляются функциональные, образные, ценностные и символические признаки в структуре концепта *love*.

Ключевые слова: *концепт, креолизованный текст, иконические и паралингвистические средства, семиотические системы, интердискурсивность.*

Антропоцентрическая научная парадигма в современном языкознании предопределяет применение исследователями интегративного подхода к изучению языковых явлений. В междисциплинарных исследованиях, выполненных на пересечении когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, теории языка активно разрабатываются проблемы взаимодействия языка, мышления и культуры, исследуются механизмы формирования концептуальной картины мира и отдельных ее фрагментов. Перспективными в плане изучения процессов познания и категоризации окружающего мира представляются креолизованные тексты, которые приобретают все большее значение в межкультурной коммуникации и являются средством не только вербализации когнитивной структуры определенного концепта, но и воплощения ее посредством кодов других семиотических систем.

Под креолизованным (семиотически осложненным) текстом понимается некая целостная коммуникативная единица, сложное текстовое образование, в котором вербальные и иконические составляющие образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное прагматическое воздействие на адресата [1. С. 17]. Взаимодействие вербального и иллюстративного

кодов в подобных поликодовых текстах не только обуславливает их огромную воздействующую силу, но и раскрывает связи языка с мышлением и духовной культурой, способствуя более глубокой интерпретации базовых концептов картины мира, фундаментальных культурных ценностей. Концепт, выступающий частью концептуальной системы и заключающий в себе знания об определенном фрагменте мира, которые формируются общенациональными признаками и дополняются признаками индивидуального опыта и личного воображения [3. С. 59], в современных лингвистических исследованиях изучается путем выявления его признаков. Можно предположить, что концептуальный анализ текстов комиксов серии *Love is*, объединенных общей тематикой, позволяет выявить функциональные, образные, ценностно-оценочные и символические признаки в структуре концепта *love*.

Креолизованный текст комикса *Love is* включает вербальный и иконический компоненты. Вербальный компонент содержит одно предложение, представленное двумя графически автономными частями – подлежащим *Love is...* (слева над рисунком) и предикативной частью высказывания, которая размещается снизу, под рисунком. Предикативная часть наиболее частотно выражена герундиальными обо-

ротами (*Love is remembering the day, hour and minute you met*), придаточными определительными с союзом *when* (*Love is when he murmurs your name*), именами существительными (*Love is commitment*) и прилагательными (*Love is endless*). Цвет рисунка в оригинальных комиксах, впервые созданных новозеландской художницей Ким Гроув (Касали) в конце 60-х гг. XX в., – черно-белый, во вкладышах жевательной резинки (благодаря которым комиксы широко известны и в России), изобразительная составляющая представлена в цвете.

Одной из основных языковых особенностей комиксов является обилие в них оноματοпоэтических элементов, чаще всего размещаемых внутри рисунка и позволяющих более полно и объемно передать смысл изобразительного ряда. В иллюстративной части комикса используются языковые репрезентации самых разнообразных звуков, производимых как людьми, так и различными предметами. В результате визуальный ряд не только коррелирует с основной вербальной составляющей, но и дополняется акустической картиной мира, что приводит к более целостному восприятию креолизованного текста. Например, цепочка букв *zzzzzz*, написанная мелким шрифтом, передает мерное сопение влюбленных, дремлющих на лужайке в летний полдень (*enjoying the simple pleasures of life, together*); восклицания *yak! yak! babble! babble!* имитируют звуки хохота и бессмысленной болтовни людей вокруг счастливой пары, для которой ничто не имеет значения кроме них самих (*when nothing else matters*); звукоподражательные слова *CRASH! BANG!*, написанные заглавными буквами, воспроизводят громкий шум, создаваемый приехавшими в гости к бабушке и дедушке внуками.

Подписи внутри картинки воссоздают не только фоноакустические особенности речи и иные внешние звуковые образы, но и вербализуют «мысли» персонажей (которые традиционно размещаются внутри филактер – словесных «пузырей») и их эмоции. Так, буквосочетание *EEEE!* отражает ужас героини, забравшейся при виде паука на стул; в другой ситуации звукоподражание *GRRRR!* подчеркивает крайнюю степень ее раздражения и гнева; междометие *WOW!* используется в «речи» мужского персонажа для выражения восхищения внешним видом женщины. Для передачи внутреннего состояния героев применяются и параграфемные средства (знаки препинания), например, изображение двух вопросительных

знаков над головами персонажей, в задумчивости приложивших палец к нижней губе, символизирует сложность вербализации концепта *love*, невозможность объяснить это чувство, что подтверждается и текстовой составляющей – *Love is harder to define, the more you try to analyze*.

К вербальной составляющей иллюстрации относятся также различные надписи, вывески, таблички, выполняющие функцию указания точного местоположения персонажей. В одном из комиксов счастливые герои сидят на облаке с указателем *7th Heaven* (Седьмое небо), который дополняет текстовый компонент *Love is made in heaven*, в свою очередь представляющий собой трансформацию устойчивого выражения *Marriages are made in heaven* (Браки заключаются на небесах). Дорожный указатель *Lover's Lane* (Переулок Возлюбленных) фигурирует в комиксе, персонажи которого обнимают друг друга при лунном свете (*being in the right place, with the right person, at the right time*). В иллюстративной части комикса номинативную функцию выполняют также таблички с названиями официальных учреждений, например, таких как *MEGA Media Inc.*, мимо солидного здания которого герой, не задерживаясь, проходит на встречу со своей девушкой (*when the only scheduled meeting is with you*); *Hospital Admissions* (приемный покой), куда направляется героиня, сопровождаемая своим партнером (*his comforting arm around you*); *JOINT ACCOUNTS* в здании банка, где герои открывают общий счет, поскольку полностью доверяют друг другу (*having complete trust in each other*).

Размещение в комиксах табличек с названиями позволяет подчеркнуть семантическую двуплановость креолизованного текста, установить ассоциативные связи между различными предметными ситуациями в структуре концепта *love*. Негомогенная структура креолизованного текста предопределяет возможность использования приема двойной актуализации значения лексических единиц. Например, текстовая составляющая *Love is making a key decision, together* без опоры на изображение актуализирует лишь обобщенное значение – «совместное принятие важных решений» (*a key decision* – ключевое решение). На рисунке счастливая пара стоит на фоне многоэтажного дома рядом с рекламным щитом-указателем с надписью *CONDO FOR SALE* (продается квартира в жилом доме). Наклеенная на него

широкая растяжка со словом *SOLD* актуализирует буквальное значение вербальной составляющей – «покупка квартиры» (*key* – ключ от дверного замка).

Отдельная роль в иллюстративной части комикса отводится различным спискам, которые, будучи включенными в графическую составляющую, позволяют актуализировать достаточно большой объем информации, выполняя аддитивную и интегративную функции. Так, текст *Love is taking everything into account* (принимать во внимание все) дополняется иконическим изображением женского персонажа с большим листом бумаги в руке, на котором указано точно подсчитанное количество поцелуев (*KISSES 20*), цветов (*FLOWERS 12*), невыполненных обещаний (*BROKEN PROMISES 5*), улыбок (*SMILES 57*) и др. Аналогичным образом функционируют в иллюстративной части комикса и заголовки трех газет *CAREERS*, *SCHOOLS*, *COLLEGES*, которые изучает персонаж-отец, склонившийся над детской кроваткой, в комиксе с вербальной составляющей *Love is thinking of his future, already*.

В исследуемых комиксах находим и различные знаки-предписания, которые требуют юмористического переосмысления в новом контексте. Так, традиционно размещаемая на двери или воротах ограждения надпись *STRICTLY OFF LIMITS* (вход строго воспрещен) появляется в комиксе в виде таблички на холодильнике, призванной помочь герою следовать диете (*helping him stick to his diet*). Надпись *IN CASE OF EMERGENCY BREAK GLASS* (в случае крайней необходимости разбить стекло) обычно можно встретить на ящике со средствами пожаротушения либо другими специальными инструментами для разрешения чрезвычайных ситуаций, в комиксе же в ящике за стеклом нарисовано сердце (*Love is there when you need it most*).

В иллюстративную часть креолизованного текста комикса включаются не только собственно языковые знаки, но и знаки и символы других семиотических систем. Так, графическое изображение музыкальных звуков – некоторого количества восьмых нот (♪♪♪♪) – используется для передачи звуков мужского голоса, раздающегося из телефонной трубки. Метафорический текстовый компонент *Love is when his voice is music to your ears* получает, таким образом, буквальную интерпретацию. В комиксах находим и традиционные денежные символы, например, текст *Love is when life is*

richer for knowing you (знакомство с тобой обогащает мою жизнь) сопровождается изображением обнимающейся парочки, окруженной несколькими знаками-символами американской валюты (\$).

Введение в вербальное пространство текста комикса различного рода схем и диаграмм как иконических знаков, в основе которых лежит отношение подобия [2. С. 101], также способствует установлению интермедийных связей между компонентами когнитивной структуры концепта *love*. Математико-статистические закономерности изобразительно передаются с помощью линии графика растущего любовного интереса (на плакате с надписью *LOVE INTEREST* (досл. «процент любви»)), который сопровождает текстовую составляющую *love is always on your mind*. Процентное соотношение чувств в другом комиксе (*Love is the biggest slice of your pie*) графически представлено в виде круговой диаграммы с надписью *PIE CHART*, один из секторов которой, обозначенный словом *LOVE*, занимает чуть менее 50%.

В иконической части комикса встречаются элементы математического метаязыка, абстрактные символы, формулы. Последовательность арабских цифр и многоточий *1...2...3...4...5...*, расположенная в филактере над головой персонажа-мужчины, актуализирует его стремление сохранить спокойствие и невозмутимость в конфликтной ситуации общения, для чего ему необходимо досчитать до 10 (*counting until 10 instead of shouting*). В другом тексте вербальный компонент *Love is never feeling your age* (не замечать возраста) получает уточняющую трактовку в результате декодирования реципиентом иконической составляющей – рисунка, на котором последовательность из цифр (*30, 40, 50, 60, 70*) окружает бодро идущих персонажей. В тексте комикса, повествующем о невозможности дать научное, рациональное объяснение феномену любви (*Love is something science still can't quantify*), используется изображенная на школьной доске фундаментальная формула теории относительности Альберта Эйнштейна, хотя она и претерпевает некоторые контекстуальные трансформации, такие как замена международного символа физической величины *E* (энергия) на «сердечко», являющееся в изобразительной символике общепринятым символом любви ($\heartsuit = mc^2 \times 2 = ?$).

В другом тексте «энергетическая» сущность любви актуализируется на вербальном уровне

путем использования метаязыка физики (*Love is kinetic energy*), а на иконическом – изображением обнимающихся персонажей, от которых исходит «энергия» в виде зигзагообразных штрихов и сердечек, чередующихся друг с другом. Образный признак энергии в когнитивной структуре концепта *love* обогащается и ассоциациями со светом и, шире, с идеей духовного просветления в креолизованном тексте, метафорический вербальный компонент которого *Love is what lights your way* (освещает твой путь) интерпретируется буквально в графической части комикса, где персонажи изображены на темном заштрихованном фоне в шахтерских касках с фонариками в форме сердечек.

Своеобразие метафорической концептуализации ментальной единицы *love* раскрывается и через ее соотнесение с концептуальной сферой вещественности. Ассоциативная связь между различными предметными ситуациями реализуется в комиксах через изображение определенных предметов, выполняющих в семиосфере ту или иную символическую функцию. Например, сложность и многогранность межличностных отношений в паре раскрывается через метафорическое сравнение любви с кубиком Рубика (*Love is sometimes like a Rubic's Cube*), что иконически также актуализируется с помощью картинке механической головоломки, грани которой заполнены сердечками разного цвета. В другом комиксе изображение песочных часов, традиционно символизирующих течение времени, подводит реципиента к глубокому философскому пониманию любви с позиций не только концептуальной сферы времени и темпоральности, но и категории пространства. Вне связи с данным иконическим элементом языковая составляющая *wishing you could spend more time together* (хотелось бы проводить больше времени друг с другом) характеризуется коннотацией мечтательности, задумчивости, и передает лишь некоторое сожаление. Однако изобразительная составляющая комикса драматизирует ситуацию, привнося элемент отчаяния, поскольку грустно глядящие друг на друга герои сидят в замкнутых пространствах разных половинок песочных часов.

Диахронический аспект категории времени раскрывается в тексте *Love is being proud of your roots* (гордиться своими корнями). В иллюстративной части символом исторических корней выступает семиотический код одежды: персонажи изображены в шотландских наци-

ональных костюмах из шерстяной клетчатой ткани с килтами, в беретах с перьями и помпонами. Чувство гордости шотландцев историей своей страны, неизменно отстаивавшей свою национальную самобытность, метафорически соотносится с чувствами людей, которые гордятся историей своей семьи, своей родословной (*roots*), что подкрепляется иконически изображением в руках героев плаката с надписью *FAMILY TREE* и схематичным изображением на нем генеалогического древа.

Включение в визуальный ряд комикса элементов одежды может иметь и денотативное значение, конкретизируя тот или иной контекст. Так, в результате декодирования семиотического кода одежды в комиксе, на котором мужской персонаж изображен в военной форме, мы получаем информацию о роде деятельности героя. Иллюстративная часть рисунка дополняется изображением знаков другой семиотической природы – кинесических знаковых средств: руки жены и детей сложены в молитвенном жесте, что подкрепляется и денотативно с помощью вербального компонента *Love is a prayer for daddy*. Элементы одежды и аксессуары могут выступать символами принадлежности к той или иной лингвокультуре. Мужская шляпа-сомбреро, титульная лента с надписью *Miss USA* и диадема на голове женского персонажа в комиксе с текстом *Love is a universal language* позволяют интерпретировать метафору «Любовь – это универсальный язык» буквально, так как иллюстрируют идею отсутствия фактического языкового барьера между двумя любящими людьми – представителями разных стран (Мексика, США).

Специфика структурной организации креолизованного текста обуславливает возможность взаимодействия в нем не только кодов различных семиотических систем, но и различных видов дискурсов, что открывает широкие возможности реализации концепта *love* посредством интертекстуальности и интердискурсивности. Характерной особенностью креолизованных текстов комиксов является частотное обращение к различным прецедентным феноменам художественного дискурса и дискурса кино. Так, комикс с изображением персонажей, стоящих среди лиан в леопардовых шкурах, снабженный текстом *Love is when I'm Tarzan and you're Jane*, относит нас ко всемирно известному персонажу книги Э.Р. Барроуза, образ которого получил огромную популярность в массовой культуре (в том числе

и в серии комиксов 1931 г.). Аллюзия на прецедентное высказывание *I'm going to make him an offer he can't refuse* (из фильма «Крестный отец», снятого по одноименному роману М. Пьюзо) содержится в текстовой составляющей *Love is when he makes a proposal you can't refuse*, в которой существительное широкой семантики *offer* заменено более подходящим по ситуации словом *proposal* (предложение руки и сердца).

Средством реализации концепта *love* и его метафорического переосмысления выступают также интермедийные связи текста комикса с дискурсом пространственных видов искусства. Размещение в иллюстративной части комикса *Love is* легко узнаваемых упрощенных изображений знаковых произведений живописи, скульптуры, архитектуры позволяет реципиенту установить дополнительные ассоциативные смысловые связи в структуре концепта. Например, идея осознания скоротечности времени прослеживается в комиксе с вербальной составляющей *feeling the time is running out*. В иконическом компоненте с помощью метафоры дождя актуализируется буквальное значение глагола *to run out* (истекать, вытекать): женский персонаж грустно стоит под часами, проливающимися водой на ее раскрытый зонт. Форма стекающих часов отсылает нас к живописному полотну Сальвадора Дали «Постоянство памяти» (1931), в котором время по замыслу автора уничтожается с помощью знаменитых «мягких» часов.

В комиксе с текстом *Love is hoping he'll take the hint* герои находятся в помещении музея, где стоят рядом с известной мраморной скульптурой «Поцелуй» (1882) французского ваятеля Огюста Родена. Дополняет изображение музейная надпись-указатель внутри картинки – *The Kiss by Rodin*, выполняющая репетиционную функцию. Посредством мимики лица женского персонажа (улыбка, подмигивание) акцентируется прямое значение лексической единицы *hint* (намек). В другом тексте вербальный компонент *Love is a wonder of the world* метафорически концептуализируется иконической составляющей – изображением пары на фоне всемирно известных египетских пирамид. Внешний облик архитектурного сооружения – пирамиды Хеопса, единственного из семи чудес света древнего мира, сохранившегося до наших дней – выступает в пространстве семиосферы как символ постоянного, вечного и вместе с тем – загадочного и необъяснимого.

Стоит отметить, что в вербальных и иконических репрезентациях концепта *love* в исследуемых комиксах обнаруживаются в основном универсальные характеристики данного концепта; лишь незначительное количество текстов отражают национально-культурную специфику, связанную с обычаями и привычками, традиционно сложившимися в англоязычной культуре. Например, универсальный вербальный компонент *Love is a leap into the unknown* (прыжок в неизвестность), метафорически свидетельствующий о непредсказуемости развития межличностных отношений в паре, приобретает национально-культурную специфику, интерпретируясь буквально благодаря рисунку, на котором персонажи стоят с озадаченным видом на вышке для прыжков с тарзанкой под табличкой с надписью *BUNGY JUMP*. Изобразительный компонент комикса, сопровождаемого текстом *Love is all about communication*, также расширяет и дополняет универсальный объем понятия межличностного общения, поскольку мужской персонаж на рисунке выступает в роли человека-рекламы на улице с прикрепленным к нему рекламным щитом с надписью *I love you*.

В целом, можно заключить, что исследование способов взаимодействия вербальной семиотической составляющей с кодами других семиотических систем в поликодовых текстах комиксов *Love is*, а также выявление и интерпретация интермедийных связей текстов комиксов с различными видами дискурсов, взаимодействующих в пространстве семиосферы в целом, позволяют уточнить когнитивно-семиотические особенности реализации базового концепта *love*, раскрыть ассоциативную многокомпонентность и многослойность его структуры.

Список литературы

1. Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учеб. пособие. М., 2003. 128 с.
2. Олизько, Н. С. Интердискурсивность постмодернистского письма (на материале творчества Дж. Барта). Челябинск, 2009. 162 с.
3. Пименова, М. В. Концептуальные исследования. Введение : учеб. пособие / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. М., 2011. 176 с.

ГЕРОИЗАЦИЯ ОБРАЗА СПОРТСМЕНА-ПАРАЛИМПИЙЦА (по материалам британской прессы о XXX Паралимпийских играх в Лондоне)

Рассматривается феномен героизации спортсмена-паралимпийца в текстах британских газет, освещающих XXX Паралимпийские игры. Анализируются характеризующие номинации спортсменов, выявляется структура лингвокультурного поля, представляющего паралимпийца героем, модельной личностью, образцом для подражания.

Ключевые слова: герой, героизация, образ, спортсмен-паралимпиец, концепт, номинации, репрезентации.

В любые исторические эпохи общество нуждается в героях. В XXI в. ценностные ориентиры существенным образом изменились, вместе с ними произошли изменения и в представлениях о герое. Современными героями становятся те, кто, сумев преодолеть серьезные физические недостатки, достигают таких результатов, которых бывает трудно достичь даже физически здоровым людям. Речь идет о паралимпийцах.

Согласно словарю Oxford Dictionary Online, герой в английском языке интерпретируется как “*a person, typically a man, who is admired for their courage, outstanding achievements, or noble qualities*” (человек, который вызывает восхищение своим мужеством, выдающимися достижениями или благородством) [3].

Объектом настоящей статьи является процесс героизации образа спортсмена-паралимпийца, осуществляемый на лексическом и дискурсивном уровнях в текстах британской прессы, посвященных XXX Паралимпийским играм.

Материалом для исследования послужили статьи из газет “The Independent” [2] и “The Telegraph” [1] за первую неделю сентября 2012 г. Период выбран не случайно: XXX Паралимпийские игры в Лондоне проходили с 29 августа по 9 сентября и избранный временной интервал можно рассматривать как некий «экватор» Летних игр, когда британская пресса проявляла повышенный интерес к ходу и результатам соревнований.

Проведенный дискурс-анализ текстов позволил выявить около 30 номинаций, репрезентирующих образ спортсмена-паралимпийца.

Приведем перечень названий статей, подвергнутых анализу (в скобках дан перевод на русский язык).

(1) *Oscar breaks the spell. Truth is, these ‘superhuman’ athletes err like the rest of us* (Оскар

ломает стереотипы. Правда в том, что «сверх»-атлеты ошибаются, как все остальные). – The Independent.

(2) *Oscar Pistorius ‘sorry’ for criticising Alan Oliveira’s blades after Paralympics 200m defeat* (Оскар Писториус сожалеет о том, что критиковал протезы Элана Оливейра после поражения в забеге на 200 метров). – The Telegraph.

(3) *Fired-up Bushell sets the mercury rising* (Ничего не могло остановить Бушела в его стремлении к победе). – The Independent.

(4) *There is a downside to the Paralympic athletes’ incredible feats* (Есть оборотная сторона в невероятном подвиге паралимпийцев). – The Independent.

(5) *Team GB gold rush continues as records tumble* (Бьются рекорды, и команда Великобритании продолжает погоню за золотом). – The Independent.

(6) *Emotions in free flow at the watershed Games* (Эмоции не сдерживаются в Олимпийском бассейне). – The Independent.

(7) *Richard Whitehead smashes his own world 200 metres record* (Ричард Вайтхед побил свой собственный мировой рекорд). – The Independent.

(8) *Ohuruogu rejects inspiration in favour of hero worship* (Охуругу отдает честь героям). – The Independent.

Статья (1) посвящена неоднозначной ситуации, возникшей на Паралимпийских играх, когда Оскар Писториус, южноафриканский бегун-спринтер с ампутированными ногами, обвинил своего соперника из Бразилии, опередившего его на 200-метровой дистанции, в том, что длина его протезов дает ему «нечестное преимущество». Отметим, что в дальнейшем эта ситуация разрешилась, и Оскар заявил, что сожалеет о критике в адрес соперника.

Спортсмен-паралимпиец характеризуется в этой статье следующим образом: “*the ultimate*

hero of the Paralympic movemen, a man with a whole set of Olympian ideals” (непревзойденный герой паралимпийского движения; человек, олицетворяющий олимпийские идеалы).

В статье (2) приводятся комментарии по поводу произошедшего, сделанные соперником Писториуса на XXX Летних Паралимпийских играх Оливейра. В них также содержится оценка известного паралимпийца:

Oliveira admitted he was “saddened” to be criticised by his “great idol” (Оливейра признался, что расстроился из-за критики от своего кумира);

He is not a bad loser, he is a great athlete (Он не неудачник, он великий атлет);

For me he is a really great idol and to hear that from a great idol is difficult (Для меня он действительно кумир, и слышать такое от кумира непросто).

Таким образом, спортсмену даются следующие характеристики: *the ultimate hero, a great idol, a great athlete, a really great idol*. Стоит отметить, что Оскар Писториус, человек без обеих ног, передвигающийся на углеводородных протезах, впервые в мировой истории на Олимпиаде в Лондоне наравне с обычными атлетами участвовал в забеге на 400 метров. По нашему мнению, приведенные выше характеристики спортсмена являются вполне обоснованными.

Статья (3) посвящена достижениям британских атлетов в беге на разных дистанциях. Здесь раскрывается история взаимоотношений двух спортсменов-паралимпийцев – Мики Бушела (*Mickey Bushell*) и Дэвида Вейра (*David Weir*). Мики Бушел, паралимпийский атлет из Телфорда (Великобритания), родившийся без 7 позвонков, утверждает, что Дэвид Вейр, британский паралимпиец-колясочник, завоевавший 6 золотых медалей на Паралимпийских играх 2008 и 2012 гг., вдохновил его на победу и является для него образцом для подражания:

Dave’s been a massive influence. He was there for me in Beijing, even with all the stuff he had to deal with as well. He’s a fantastic guy, a great role model to look up to. (Дэйв оказал большое влияние на меня. Он поддерживал меня в Пекине, хотя у него и самого дел хватало. Он удивительный парень, настоящий образец для подражания).

В следующем фрагменте, завершающем рассказ о болезни Бушела, журналист подчеркивает взаимную связь двух британских спортсменов с ограниченными возможностями:

The quietly spoken Bushell is made of role model stuff of his own. Last night he moved up on to the same top step of the podium that Weir had occupied earlier in the day, drawing a tweeted tribute from the home hero of the night before. (Говорящий тихим голосом Бушел сам стал примером для подражания. Вчера вечером он взошел на высшую ступень пьедестала почета, получив такое же признание, как его соотечественник Вейр накануне).

В материале упоминается также Марсель Хаг (*Marcel Hug*), паралимпиец-колясочник из Швейцарии, имя которого сопровождается следующей характеристикой: *the Swiss world record holder (обладатель мирового рекорда из Швейцарии).*

Таким образом, в статье приводится целый ряд характеризующих номинаций атлетов-паралимпийцев: *a fantastic guy, a great role model to look up to, role model stuff of his own, the home hero, the world record holder*.

Статья (4) поднимает серьезную проблему: триумф на Паралимпийских играх людей с ограниченными возможностями, которые сумели, несмотря на физические недостатки, достичь поразительных результатов, не означает прекращения их дискриминации за пределами Олимпийского стадиона. В следующих строках выражена главная мысль статьи:

Just because Paralympians have triumphed over disabilities doesn’t mean that all the rest of the disabled can or must. (Тот факт, что паралимпийцы смогли преодолеть свои недуги, не означает, что все остальные люди с ограниченными возможностями могут сделать это либо должны).

Автор статьи восхищается стремлением людей с ограниченными возможностями доказать, что они нисколько не хуже физически полноценных людей, однако опасается, что это может привести к отмене всех преференций в отношении инвалидов, так необходимых им в повседневной жизни (речь идет, в частности, о сокращении рабочих мест для людей с ограниченными возможностями).

Журналист газеты “*The Independent*” использует красочные метафоры, описывая спортсменов-паралимпийцев:

Richard Whitehead, winner in the 200 metres, became a Grecian God with fab biceps; double amputee South African Oscar Pistorius looked like a bird of paradise as he took off in the 200-metre heats... (Ричард Вайтхэд, победитель забега на 200 метров, стал греческим богом с красивы-

ми бицепсами, а южноафриканец без обеих ног Оскар Пистриус выглядел как райская птица, когда он стартовал в 200-метровом забеге...);

The superhuman participants have pushed their bodies and minds beyond all limits <...>. The competitors are not victims, not physically and mentally deficient, not grotesque, not abnormal, but gifted and determined. They don't expect pity or special pleading. They are winners. (Участники, которых можно назвать «сверхлюдьми», вышли за пределы физических и умственных возможностей <...>. Соревнующиеся – не жертвы, они не ограничены физически или умственно, не нелепые или ненормальные, но одаренные и имеющие цель. Они не ждут жалости или особого обращения. Они – победители).

В следующем фрагменте автор называет участников Паралимпийских игр героями, при этом поднимает вопрос о трудностях их повседневной жизни:

It's all very well to celebrate heroes but hundreds of thousands of incapacitated people must feel bewildered in this suddenly victimless environment they are told is around them. (Очень хорошо чествовать героев, но сотни тысяч инвалидов должно быть чувствуют недоумение из-за того, что оказались в обществе, где больше нет жертв).

Выделим оценочные обозначения паралимпийцев в статье (4): *a Grecian God with fab biceps, a bird of paradise, the superhuman participants, the competitors, winners, heroes*. Данные оценки дополняются следующими характеристиками спортсменов: *not physically and mentally deficient, not grotesque, not abnormal, gifted, determined, who does not expect pity or special pleading*.

В статье (5) рассказывается об эмоциях паралимпийца Алэда Дэвиса (*Aled Davies*), который завоевал золото в метании диска и получил свою награду из рук герцогини Уэльской. Приведем контексты, содержащие характеристики спортсмена:

Welshman Aled Davies, 21, later declared himself "the happiest guy on the planet right now" after winning gold in the discus. (21-летний уроженец Уэльса Алэд Дэвис, чемпион в метании диска, сказал после победы: «Я сейчас самый счастливый парень на земле»);

The Duchess of Cambridge made a guest appearance in the Olympic stadium to present a gold medal to proud discus hero Davies. (Герцогиня Уэльская появилась на Олимпийском стадионе, чтобы вручить золотую медаль герою ме-

тания диска Дэвису).

Выделим оценочные номинации паралимпийца: *the happiest guy on the planet, proud discus hero*.

Героем статьи (6) стал велосипедист Джод Синд (*Jody Cundy*), который, несмотря на дисквалификацию предыдущего дня, проявил волю к победе и завоевал бронзовую медаль. Джоди назван в публикации "*an elite competitor*" (*выдающийся спортсмен*):

<...> but it represents a triumph of will that signals the authenticity of his instincts, as an elite competitor. (<...> это триумф воли, что позволяет говорить о нем как о выдающемся спортсмене).

В этой же статье, напоминая читателям о том, какой физический недостаток имеет спортсмен, автор называет его "*the courageous gamble of a champion*" (*мужественный игрок, чемпион*):

That's not a reference to the amputation of Cundy's right foot, at the age of three. His was the courageous gamble of a champion. (Это не намек на то, что Сиди ампутировали правую ногу в возрасте трех лет. Он – мужественный игрок, чемпион).

Далее в статье рассказывается история еще одного паралимпийского героя, имя которого Хусейн Омар Хасан (*Hussein Omar Hassan*):

Hassan, who has no right arm, was a mysterious figure who trudged distractedly rather than ran. <...> He finished more than seven minutes behind the winner, as an unlikely hero. (Загадочной фигурой был Хассан, у которого нет правой руки, он скорее шел с трудом, чем бежал. <...> Он отстал от победителя более чем на 7 минут, но все равно оказался еще одним героем).

Завершая свой материал, автор статьи утверждает, что спортсмены-паралимпийцы служат образцом для подражания, помогают обществу двигаться в правильном направлении:

Archers without arms, cyclists without legs and footballers without sight <...> are role models who place the political pretensions of the Big Society into proper perspective. (Лучники без рук, велосипедисты без ног и незрячие футболисты <...> это примеры для подражания, которые придают политическим амбициям общества правильный вектор).

В целом, в статье (6) используются следующие оценочные номинации паралимпийцев: *an elite competitor, the courageous gamble of a champion, an unlikely hero, the role models*.

Статья (7) посвящена описанию спортивного подвига Ричарда Вайтхэда (*Richard White-*

head), побившего собственный рекорд. Автор наделяет паралимпийца характеристиками *inspirational athlete* (вдохновляющий атлет) и *the fastest man on the planet* (самый быстрый человек на планете):

Inspirational athlete Richard Whitehead proved he is the fastest man on the planet today by smashing his own world record in front of a packed Olympic Stadium. (Вдохновляющий атлет Ричард Вайтхэд доказал, что является самым быстрым человеком на планете, побив свой собственный мировой рекорд на заполненном олимпийском стадионе).

В статье приводится описание того, как многочисленные зрители поддерживали спортсмена без ног и чествовали его как настоящего героя:

The stadium erupted as the double amputee ran a lap of honour before hugging his family, who proudly watched in the stands. (Стадион стоя приветствовал спортсмена без ног, пока тот бежал круг почета, перед тем, как обнять свою семью, которая с гордостью наблюдала за ним).

В приведенных фрагментах использованы следующие оценочные номинации спортсмена-паралимпийца: *inspirational athlete, the fastest man on the planet*.

В статье (8) Кристин Иджеома Охуруогу (*Christine Ijeoma Ohuruogu*), британская легкоатлетка, бегунья на короткие дистанции, чемпионка мира, восхищается подвигом паралимпийцев и называет спортсменов “*absolutely incredible people*” (просто удивительные люди): *They’re incredible people – absolutely incredible. (Они удивительные люди – просто удивительные).*

Кристин была приглашена на паралимпийские соревнования для поддержки участников. Она призналась в том, что паралимпийцы стали для нее настоящим примером: *For me, it was just about telling them that they’ve already fought the hardest battle. (Я просто хотела сказать им, что они уже победили в самой сложной битве).*

В целом, в статье приводятся следующие характеристики спортсменов-паралимпийцев: *absolutely incredible people, who fought the hardest battle*. В названии публикации “*Ohuruogu rejects inspiration in favour of hero worship*” паралимпийцы названы героями, которым нужно поклоняться.

Рассматривая образ спортсмена-паралимпийца с позиций концептуализации типизируемой личности, представим приведенные выше характеризующие номинации в качестве поля вербализаторов концепта и определим его

структуру, выделив ядро, центр и периферию.

Ядро поля вербализаторов составляют наименования, транслирующие основное значение «спортсмен-паралимпиец»: *the athletes, the competitors, the winners, the world record holder*. Вокруг ядра группируются номинации, профилирующие героический образ паралимпийца. К ним относятся: *a hero, the ultimate hero, the home hero, the heroes, a proud discus hero, an unlikely hero*.

Ближнюю периферию образуют номинации, характеризующие паралимпийца как модельную личность, образец для подражания: *a great idol, a really great idol, the role models, a great role model to look up to, role model stuff of his own*.

К дальней периферии относятся номинации, подчеркивающие исключительность спортсменов (метафорические обозначения, эпитеты, ассоциативные номинации, формы превосходной степени). К ним относятся: *a great athlete, a fantastic guy, a Grecian God with fab biceps, a bird of paradise, the superhuman participants, the happiest guy on the planet, an elite competitor, the courageous gamble of a champion, an inspirational athlete, the fastest man on the planet, absolutely incredible people*.

Кроме того, героический образ спортсмена-паралимпийца формируют в текстах следующие характеристики: *not physically and mentally deficient, not grotesque, not abnormal, gifted, determined, who does not expect pity or special pleading, who fought the hardest battle*.

Таким образом, героизация спортсмена-паралимпийца в британских газетных текстах осуществляется через использование разнообразных лексических и дискурсивных средств. Как следует из словарной дефиниции героя, восхищение и признание выступают необходимыми составляющими его образа. В связи с этим в рассмотренных статьях о спортсменах-паралимпийцах особое место уделяется реакции зрителей, пришедших поддержать спортсменов, – описанию оваций, которыми щедро одаривали участников XXX Паралимпийских игр в Лондоне.

Список литературы

1. The Independent [Электронный ресурс]. URL: <http://www.independent.co.uk>.
2. The Telegraph [Электронный ресурс]. URL: <http://www.telegraph.co.uk>.
3. Oxford Dictionary Online [Электронный ресурс]. URL: <http://oxforddictionaries.com>.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС – ЭТО ВОЙНА» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается концептуализация экономического кризиса посредством военной метафоры в современном англоязычном экономическом дискурсе.

Ключевые слова: когнитивная метафора, метафорическая модель, фрейм, экономический дискурс.

Важное место в современных лингвистических исследованиях занимают труды по когнитивной метафоре, которые во многом изменили традиционный взгляд на взаимосвязь языка и мышления, языка и процесса познания. Авторы теории когнитивной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что метафора – это способ осознания неизвестного через известное, нового через уже познанное. По мнению ученых, метафоры «являются феноменами, обеспечивающими понимание», выступают «ментальной операцией, способом познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира» [6. С. 27].

Новым для современного поколения явлением, требующим оценки, осмысления и категоризации, стал глобальный экономический кризис. Череда событий в сфере экономики, повлекших за собой серьезные политические и общественные перемены и широко обсуждаемых в СМИ, привела к возникновению большого количества новых метафорических образов и наименований. Происходящие в мире события нашли отражение и в лингвистических исследованиях: на сегодняшний момент экономический дискурс (и в его рамках – экономический кризис) выступает в качестве объекта многочисленных исследований, в том числе и в ключе когнитивной метафоры.

В данной статье рассматривается метафорическая модель «экономический кризис – это война» в современных англоязычных текстах, посвященных ситуации мирового финансового кризиса. Дж. Лакофф и М. Джонсон указывают, что метафоры из сферы-источника «война» являются базисными для американской культуры [6. С. 29]. Е. В. Колотинина, исследовавшая американский экономический дискурс, обнаружила, что метафорическая модель ЭКОНОМИКА – это ВОЙНА входит в число самых продуктивных, и это позволило ей сделать вывод,

что «военные метафоры становятся универсальным средством осмысления экономических реалий» [4. С. 20].

Нами проанализированы 20 статей из различных англоязычных изданий, где обнаружены 97 примеров реализации метафорической модели «Экономический кризис – это война», структурно представленной следующими фреймами и слотами.

1.1. Фрейм *War and Kinds of War* - Война и виды войн

1.2. Слот *Kinds of War* виды войн

Разнообразные метафоры, входящие в состав данного слота, представляют проблемы и трудности в той или иной сфере экономики как *войну (war)* или *конфликт (conflict)*:

Two events this week have highlighted the growth of global economic tensions and the slide toward international trade and currency wars. (WSWS, 09.18.2010);

Under conditions of slowing growth and stagnant markets, this inevitably heightens trade conflicts between competing capitalist nations. (WSWS, C).

Разногласия между политическими силами или финансовыми организациями также метафорически осмысляются как различные виды войны: *война за сферу влияния (turf wars)*, *ближний бой (infighting)*, *кампания (campaign)*. Например:

It says the Office of the Comptroller of the Currency, which regulates some banks, and the Office of Thrift Supervision, which oversees savings and loans, blocked states from curbing abuses because they were “caught up in turf wars.” (The New York Times 01.25.2011);

Swonk said if the U.S. can learn anything from Europe, it is to stop the political infighting in Washington. (Chicago Tribune 11.13.2011);

The financial industry spent \$2.7 billion on lobbying from 1999 to 2008, while individuals and committees affiliated with it made more than \$1

billion in campaign contributions. (The New York Times 01.25.2011).

Обязанность какой-либо структуры или государства противостоять кризису метафорически номинируется как *миссия (mission)*:

On the other hand, the report is harsh on regulators. It finds that the Securities and Exchange Commission failed to require big banks to hold more capital to cushion potential losses and halt risky practices, and that the Fed "neglected its mission". (The New York Times 01.25.2011).

В целом, метафоры данного слота концептуализируют экономический кризис как угрозу извне, представляют его в качестве всеобщего врага мирового масштаба, с которым должны бороться все страны сообща. Метафоры имеют отрицательную коннотацию, ассоциируются с агрессией, жестокостью, непримиримостью.

1.3. Слот «War planning» - «Военное планирование»

Немногочисленные примеры актуализации данного слота подчеркивают важность принятия государствами обдуманных решений, разработки стратегических программ борьбы с кризисом. В основном встречается номинация *план спасения (rescue plan)*, что указывает на тяжелое экономическое положение стран, требующее быстрого поиска выхода из ситуации.

Europe's rescue plan (The Economist 10.29.2011)

Yet in the light of day, the holes in the rescue plan are plain to see. The scheme is confused and unconvincing. (The Economist 10.29.2011)

1. Фрейм Warfare - Ведение войны

1.1. Слот The beginning of war - Начало войны

Данный слот представлен в текстах немногими примерами, которые описывают возникновение нестабильности в экономике как *развязывание войны (unleash war)* или *нарушение соглашения (breach agreement)*, приводящее к конфликту:

Economic crisis threatens to unleash global currency wars. (WSWS 9.18.2011);

The move, the first such intervention by Japan in more than six years and the country's biggest ever one-day currency action, breached a tacit agreement among the established industrial powers to avoid unilateral currency moves. (WSWS 9.18.2011).

1.2. Слот Warfare – Ход военных действий

Метафорические переносы, относящиеся к данному слоту, наиболее частотны и разнообразны. Посредством глаголов события в сфе-

ре экономики метафорически описываются как военные действия. Их участники *сражаются друг с другом (battle)*, *атакуют (attack)*, *наносят удары (hit)*, *стирают что-либо с лица земли (wipe out)* или *отступают (retreat)*:

U.S. banks have been buying credit default swaps to insure against losses, but Swonk said a default in Italy or Greece would be a direct hit on the large U.S. banks that underwrote the swaps. (Chicago Tribune 11.13.2011);

By one measure, for about every \$40 in assets, the nation's five largest investment banks had only \$1 in capital to cover losses, meaning that a 3 percent drop in asset values could have wiped out the firm. (The New York Times 01.25.2011);

You can hardly blame Council of Economic Advisers head Austan Goolsbee for picking this moment to retreat to his tenured university post in Chicago. (Time 06.08.2011).

К данному слоту также можно отнести метафорические переносы из источниковой сферы драки, как достаточно стертые (*драгаться (fight)*), так и неожиданные образные метафоры, обладающие большим прагматическим потенциалом, как например:

Senator Charles Schumer, a New York Democrat, said, «China's currency manipulation is like a boot on the throat of our recovery and this administration refuses to try to get China to remove that boot.» (WSWS 9.18.2011)

1.3. Слот Defense Оборона

Данный слот также представлен в основном глаголами с общим значением «защищать». Меры, предпринимаемые политиками или организациями, метафорически обозначаются как оборонительные действия: *защищать (to defend)*, *поддерживать (to back)*, *закрывать щитом (to shield)*, *обезопасить (to safeguard)*.

This line of defence isn't guff. Italy's banks are generally a sober bunch. (The Economist 02.23.2013);

The decision in 2000 to shield the exotic financial instruments known as over-the-counter derivatives from regulation, made during the last year of President Bill Clinton's term, is called "a key turning point in the march toward the financial crisis." (The New York Times 01.25.2011);

Executives at the American International Group were found to have been blind to its \$79 billion exposure to credit-default swaps, a kind of insurance that was sold to investors seeking protection against a drop in the value of securities backed by home loans. (The New York Times 01.25.2011);

Unconvincing, because too many details are missing and the scheme at its core is not up to the job of safeguarding the euro. (The Economist 10.29.2011).

Меры по преодолению кризиса, метафорически представленные через сферу военных действий, активизируют в текстах вербальную агрессию. Фрейм представлен немногочисленными положительно окрашенными метафорами, относящимися к слоту «Оборона», однако основная масса наименований имеет высокий потенциал негативного воздействия, ассоциативно связана с идеями конфликта, насилия и жестокости.

2. Фрейм Participants of war – Участники войны

2.1. Слот «Military personnel – военнослужащие»

Лидеры стран или экономических организаций, обладающие большим влиянием и принимающие ответственные решения, метафорически номинируются как капитаны, а те, кто исполняет их волю, – как боевой отряд.

The captains of finance and the public stewards of our financial system ignored warnings and failed to question, understand and manage evolving risks within a system essential to the well-being of the American public. (The New York Times 01.25.2011);

Despite the hands-off warning from Brussels, the IMF has been itching to send a hit squad across the Atlantic to help sort out Greece's acute budgetary crisis. (Guardian 02.07.2010).

Хотя метафорические переносы в рамках данного фрейма немногочисленны, они образно актуализируют идею руководства, решительных действий.

3. Фрейм Weapon – Оружие

В войне с экономическим кризисом участники используют оружие (*ружье (gun)*) и мобилизуют свою *огневую мощь (firepower)*:

But the extent of the lending to major banks - and the generous terms of some of those deals - heighten the political peril for a central bank that is already under the gun for a wide range of actions, including a recent decision to try to stimulate the economy by buying \$600 billion in U.S. bonds. (Post Business 12.02.2010);

The disclosure shows "how really profound the financial crisis was in the fall of 2008 and the fire-power the Fed mustered in response," said analyst Karen Shaw Petrou of Federal Financial Analytics. (Post Business 12.02.2010).

Широкий метафорический контекст позволяет говорить об эффективности использова-

нии вооружения, направленного на борьбу с противником – экономическим кризисом.

4. Фрейм Outcomes of War - Итоги войны

4.1. Слот Defeat – Поражение

Слот представлен метафорой *поражения (defeat)*, с помощью которой концептуализируются неудачи тех или иных участников борьбы с кризисом:

The (Japanese) markets were taken by surprise, thinking that the defeat of Ozawa, who had called for stronger action to halt the appreciation of the yen, lessened the likelihood of an intervention. (WSWS 09.18.2010).

4.2. Слот Losses – Потери

Основу слота составляет метафорическая номинация *poteri – losses*, описывающая в основном неудачные финансовые операции:

Having posted huge losses in 2011 and 2012, the bank was forced to accept a state bail-out this year. (The Economist 02.23.2013);

And because the EFSF bears the first losses, its capital is at greater risk of being wiped out than under a loan programme. (The Economist 10.29.2011).

4.3. Слот Wounds and Death – Ранение и смерть

Поражение в спорах или обвинения в принятии неверных решений метафорически номинируются как *нанесение вреда / ран*. Действия политиков могут *убить (killing)* важные экономические показатели.

Timothy F. Geithner, who was president of the Federal Reserve Bank of New York during the crisis and is now the Treasury secretary, was not unscathed; the report finds that the New York Fed missed signs of trouble at Citigroup and Lehman, though it did not have the main responsibility for overseeing them. (The New York Times 01.25.2011);

"Obama's radicalism is killing the Dow," warned an article by Michael Boskin, an economic adviser to both Presidents Bush. (The New York Times 03.08.2013)/

В метафорах, представляющих данный слот, наиболее ярко проявляются негативные смыслы, связанные с кровопролитием, болью, страданием.

В целом можно сказать, что метафорическая модель «Экономический кризис – это война» является весьма продуктивной и частотной, обладает развернутой фреймово-слотовой структурой и наряду со стертими метафорами репрезентируется в ярких авторских метафорах, что свидетельствует о значительном прагматическом и когнитивном потенциале данной модели.

Фреймы и слоты рассматриваемой метафорической модели имеют, главным образом, негативный прагматический потенциал и актуализируют в сознании реципиентов представления об агрессии, жестокости, насилии и разрушениях. Небольшое количество позитивно окрашенных единиц в составе слота «Оборона», скорее, можно считать исключением.

Таким образом, война выступает актуальной сферой-источником осмысления экономического кризиса, что обусловлено влиянием господствующей ментальности в ряде западных стран, где отношения в обществе носят преимущественно конкурентный характер. Кроме того, богатый военный опыт человечества и частые военные конфликты в настоящем также становятся причиной концептуализации экономики в базовых терминах войны.

Список литературы

1. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая метафорология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2008. 248 с.
2. Воякина, Е. Ю. Экономический дискурс как сфера-мишень метафорической экспансии (на материале ономастических метафор) // Вестн. центра междунар. образования Моск. гос. ун-та. 2011. № 2. С. 63–66.
3. Каслова, А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 208 с.
4. Колотнина, Е. В. Развертывание концептуальной метафоры в английском экономическом тексте // Лингвистика: бюл. Урал. лингв. общества. Екатеринбург, 2003. Т. 9. С. 17–27.
5. Кондратьева, О. Н. Диахронический аспект изучения концептуальных метафор // Вестн. Костром. гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. 2011. № 2. С. 171–175.
6. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. М., 2004. 256 с.
7. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2003. 238 с.

Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 164–169.

Е. А. Титова

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗВУКОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Статья посвящена анализу прагматической значимости благозвучия и неблагозвучия при переводе поэтических текстов. Утверждается, что фонетическое оформление стихотворного текста участвует в смыслообразовании и вызывает у читателя эмоциональный отклик.

Ключевые слова: *поэтический текст, звуковая организация, прагматический аспект, благозвучие, неблагозвучие, перевод поэтического текста.*

Для адекватной передачи прагматических свойств поэтического текста при его переводе необходим тщательный анализ оригинального произведения и учет всех его особенностей, в том числе смены настроения [3. С. 180]. Прагматический потенциал звуковой инструментальной организации в поэзии напрямую зависит от прагматической направленности всего текста. В процессе творчества поэт

может переживать целую гамму чувств, что отражается в его произведении. Если переводчик игнорирует звуковые особенности оформления различных эмоций, это влечет за собой создание неадекватного в прагматическом плане перевода.

Рассмотрим особенности звуковой организации текста оригинала и перевода на примере стихотворения Дж. Китса “Sonnet to Sleep”.

В исходном произведении мы сталкиваемся с противопоставлением положительных и отрицательных эмоций, которые автор выражает, используя контраст благозвучия и неблагозвучия.

Общая идея текста – обращение лирического героя к сну, который является для него спасением от мук совести.

При прочтении оригинала нельзя не заметить, что в нем преобладают «мажорные» [i], [m], [l], [n]. Практически в каждой строке употребляются как звуки, так и звукосочетания, передающие спокойное, умиротворенное настроение человека: *O soft embalmer of the still midnight, Shutting, with careful fingers and benign, our gloom-pleas'd eyes, embower'd from the light, Enshaded in forgetfulness divine...* Первые строки являются благозвучными за счет использования автором обилия «светлых» звуков и отсутствия напряженных сочетаний. У реципиента возникают положительные впечатления, и образ сна воспринимается им через эту позитивную призму.

Ощущение спокойствия также возникает благодаря аллитерации шипящих [s] (*soft, still, forgetfulness, soothest, sleep, midst, saved, passed*); [ʃ] (*shutting, enshaded, conscience, hushed*). Помимо этого, в начальных строках сонета замечаем повтор сочетаний «гласный + носовой сонорный», что создает дополнительные положительные эмоции у реципиентов: [im] (*embalmer, embower'd, hymn*); [in] (*shutting, fingers, enshaded*); [ain] (*benign, divine*); [a:m] (*embalmer*).

Частотное использование [l] также способствует возникновению приятных впечатлений (*still, careful, gloom, pleas'd, forgetfulness*). Причем [l] в основном встречается в позиции так называемого «латерального» взрыва, где он сочетается со смычными «темными», тем самым «осветляя» их. Это помогает создать

Таблица 1

*John Keats / В. Попова О. Чухонцев
Sonnet to Sleep / К сну*

O soft embalmer of the still midnight ,	Бальзам душистый льешь порой полночной ,	О ты, хранитель тишины ночной ,
Shutting, with careful fingers and benign ,	Подносишь осторожные персты	Не пальцев ли твоих прикосновенье
Our gloom-pleas'd eyes, embower'd from the light ,	К моим глазам, просящим темноты .	Дает глазам, укрытым темнотой ,
Enshaded in forgetfulness divine :	Целитель Сон! От света в час урочный	Успокоенье боли и забвенья?
O soothest Sleep! if so it please thee, close	Божественным забвеньем их укрой ,	О Сон, не дли молитвенный обряд ,
In midst of this thine hymn my willing eyes ,	Прервав иль дав мне кончить славословье ,	Закрой глаза мои или во мраке
Or wait the “Amen” , ere thy poppy throws	Пока твой мак рассыплет в изголовье	Дождись , когда дремоту расточат
Around my bed its lulling charities .	Моей постели сновидений рой .	Рассыпанные в изголовье маки ,
Then save me , or the passed day will shine	Спаси! Мне на подушку день тоскливый	Тогда спаси меня , иль отсвет дня
Upon my pillow, breeding many woes,-	Бросает отсвет горя и забот .	Все зablужденья явит , все сомненья ;
Save me from curious Conscience , that still lords	От совести воинственно-пытливой ,	Спаси меня от Совести , тишком
Its strength for darkness, burrowing like a mole ;	Что роется во мраке , словно крот ,	Скребущейся , как крот в норе горбатой ,
Turn the key deftly in the oiled wards ,	Спаси меня! Твой ключ мироточивый	Неслышно шелкни смазанным замком
And seal the hushed Casket of my Soul .	Пускай ларец души моей замкнет .	И ларь души умолкшей запечатай .

ощущение того, что сон может «плохое» сделать «хорошим», перевести негативные эмоции в позитивные.

Произведение Дж. Китса “Sonnet to Sleep” является благозвучным. Все слова подобраны и выстроены таким образом, что создается ощущение гармонии с миром и с самим собой. Автор практически не использует «агрессивного» [r] и «напряженного» [j]. Если мы встречаем их в тексте, они «поглощаются» тем гармоничным настроением, которым пронизано все стихотворение: *Around my bed its lulling charities. Then save me, or the passed day will shine upon my pillow, breeding many woes,- save me from curious Conscience, that still lords...* Здесь присутствует [r], но в таком малом количестве, что не привлекает к себе внимания.

Только последние строки произведения приобретают немного более «грубый» оттенок из-за появления большего количества «темных» звуков: [t], [f], [d], [k], [b], [o]. *Its strength for darkness, burrowing like a mole; Turn the key deftly in the oiled wards, and seal the hushed Casket of my Soul.* Именно в этих строках меняются рифмообразующие звуки – здесь ими становятся темный [o] и дифтонг [эу], которые сочетаются соответственно с напряженным сочетанием [dz] и мягким [l], это усиливает противопоставление «сон» – «муки совести»: **lords – mole – wards – Soul.**

При помощи такой звуковой инструментальности в последних строках произведения Дж. Китс создает контраст между образом сна (мягкий, гармоничный) и муками совести (грубые, вносящие дисгармонию). Вследствие этого появ-

ляется неблагозвучие, противопоставленное общему настрою, что вызывает в душе читателя легкий дискомфорт, негативные эмоции. Тем не менее нельзя говорить о том, что они доминируют над общим позитивом – даже в этих строках присутствуют мягкие звуки, которые «поглощают» неприятные ощущения. Эти выводы можно проиллюстрировать с помощью схемы (см. Рис. 1).

Опираясь на приведенную схему, мы выделяем следующие фонические приемы создания положительных эмоций, которые характеризуют образ Сна:

- 1) обилие «мажорных» звуков и сочетаний;
- 2) аллитерация шипящих, что способствует созданию ощущения спокойствия и гармонии;
- 3) нечастотное использование напряженного [r], в результате чего текст становится благозвучным.

Что касается звукоизобразительных способов выражения негативных эмоций, в данном произведении они представлены следующим образом:

- 1) обилие «темных» звуков;
- 2) использование в качестве опорного звука «минорного» [o] в сочетании с напряженным [dz], что влечет за собой создание неблагозвучного текста, это вызывает негативные впечатления [2. С. 120].

При рассмотрении перевода В. Потаповой, мы замечаем, что «мажорных» звуков используется меньше, чем в оригинальном тексте. Достоинства этого перевода заключаются в том, что текст очень гармоничен и благозвучен. Такой эффект достигается при помощи использо-

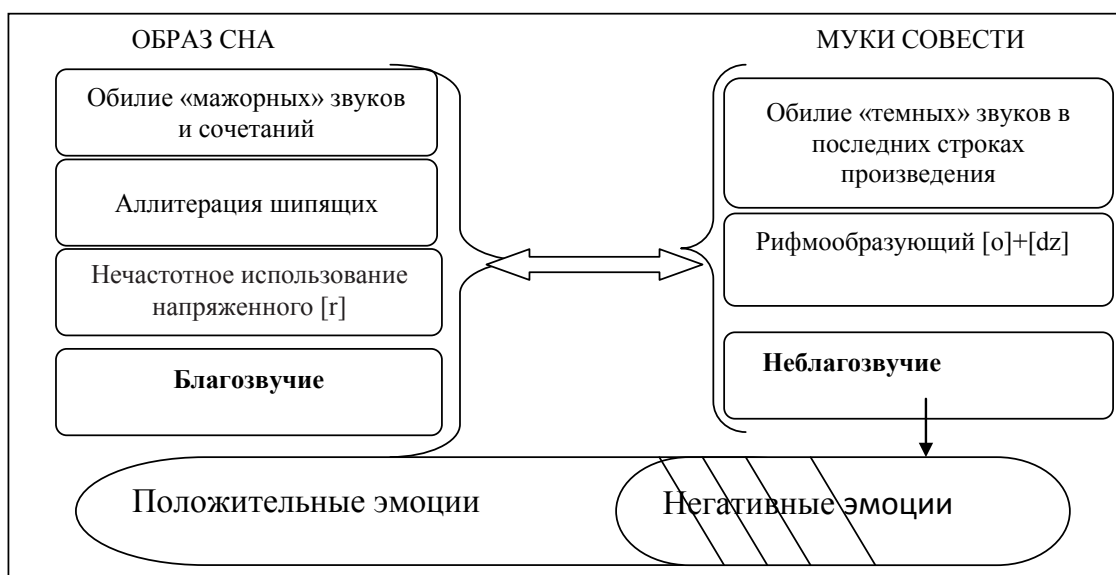

Рис. 1. Звуковая организация стихотворения Дж. Китса “Sonnet to Sleep”

вания большого количества палатализованных согласных (*льешь, забвеньем, просящим, целитель, иль, славословье*).

В то же время в тексте перевода практически в каждой строке встречается русский напряженный [p], который максимально опущен в оригинале: *Бальзам душистый льешь порой полночной, подносишь осторожные персты к моим глазам, просящим темноты. Целитель Сон! От света в час урочный Божественным забвеньем их укрой, прервав иль дав мне кончить славословье, пока твой мак рассылет в изголовье...*

Это, вероятно, связано с фонетическими особенностями русского языка, поскольку в нем звук [p] произносится в любой позиции, в то время как в английском – только перед гласными. В связи с этим англоязычным идилическим произведениям свойственна более ощутимая благозвучность. «Напряженный» [p] способствует созданию менее мягкого образа Сна. В. Потапова компенсирует «недостаток мягкости» образа за счет аллитерации шипящих, которая, как и в оригинале, помогает создать ощущение спокойствия: [ш] (*душистый, льешь, подносишь*); [ш'] (*просящий*); [ч] (*час, урочный*); [с] (*душистый, подносишь, осторожные*).

Образ Сна, созданный на звуковом уровне в этом переводе, вызывает у реципиентов положительные эмоции, но они немного «разбавляются» появлением [p], что уменьшает контраст между Сном и муками совести, при описании которых переводчица, так же, как и Дж. Китс, использует обилие «темных» и «напряжен-

ных» звуков: *Что роется во мраке, словно крот, Спаси меня! Твой ключ миропочивый пускай ларец души моей замкнет*. Несмотря на некоторое несоответствие в создании образов, в тексте перевода сохраняется рифмообразующий «темный» [o] в комбинации *пусть не с* напряженным сочетанием, как в оригинале, но с «минорным» [t].

Перевод В. Потаповой в целом является адекватным в плане передачи коммуникативного эффекта. Проиллюстрируем эти утверждения схемой (см. Рис. 2).

Как показано на схеме, в переводе не полностью передается обилие «мажорных» звуков и сочетаний и довольно часто встречается «напряженный» [p], но такие недостатки фонетической организации компенсируются сохранением аллитерации шипящих и обилием палатализованных согласных. В результате текст приобретает относительное благозвучие и способен вызвать положительные эмоции. При создании негативного эффекта В. Потапова использует достаточное количество «минорных» звуков в конце произведения и заменяет напряженное сочетание [dz] на «темный» [t], что полностью соответствует звуковой инструментовке оригинала. Учитывая некоторое несовпадение в рамках создания образа Сна, контраст получается не столь ярким, как в произведении Дж. Китса, в результате соотношение «положительные – негативные эмоции» проявляется не так четко. Данный момент влечет за собой некоторые различия в восприятии русскоязычными реципиентами текста перевода в сравнении с восприятием подлинника.

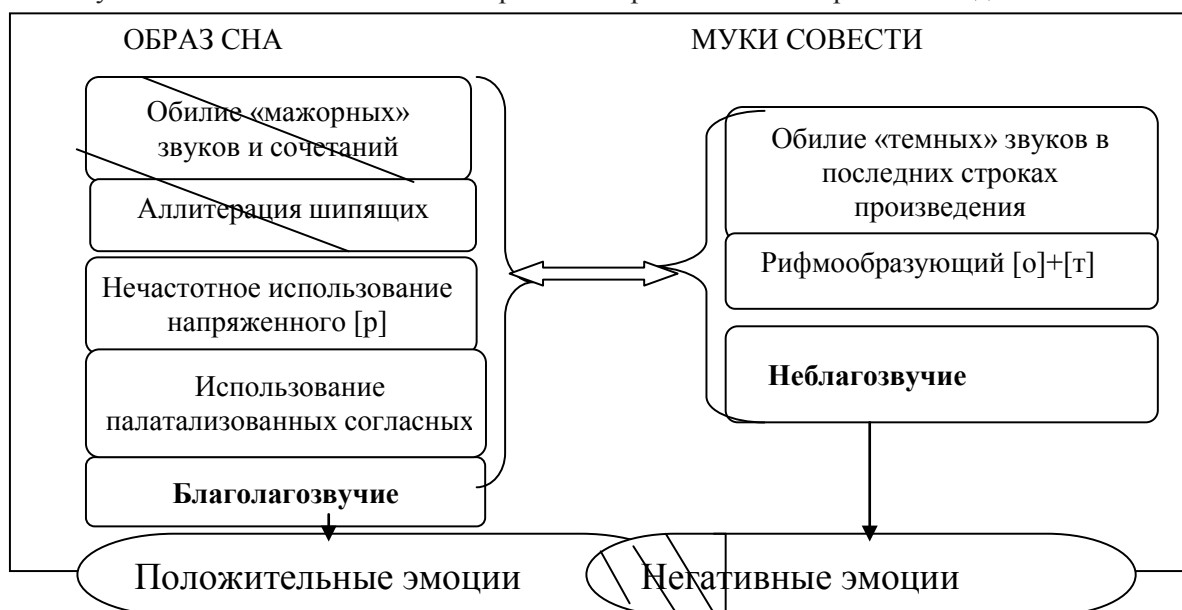

Рис. 2. Звуковая организация текста в переводе В. Потаповой

Анализируя другой вариант перевода, выполненный О. Чухонцевым, замечаем употребление большого количества «светлых» звуков, что обладает умиротворяющим эффектом и благодаря чему текст становится благозвучным и гармоничным. Причем «мажорных» звуков в этом переводе больше, чем в тексте В. Потаповой, а «напряженно-агрессивный» [р] встречается реже. В тех строках, где он присутствует, он «затушеван» «светлыми» звуками. О. Чухонцев, как и В. Потапова, использует сочетания с палатализованными согласными, но делает это гораздо чаще, что придает тексту большую гармоничность и добавляет «мягкости», тем самым «скрадывая» русский [р] (прикоснове**нь**е, умиротворе**нь**е, забв**ень**е, заблужде**нь**я, сомне**нь**я).

Так же, как и в тексте оригинала, О. Чухонцев вводит большее количество «темных» звуков в конце произведения и добавляет неблагозвучные сочетания, что вызывает у читателя негативное, контрастирующее с образом Сна, отношение к мукам совести: *Скребущейся, как крот в норе горбатой, неслышно щелкни смазанным замком и ларь души умолкшей запечатай.*

Но здесь, как и в подлиннике, неблагозвучие «поглощается» общим гармоничным настроением, чему также способствует появление аллитерации шипящих на протяжении всего текста: [с] (успоко**е**нье, со**н**, дожд**и**сь, рассыпан**н**ые, спас**и**, отве**т**); [ш] (тиш**и**не, тиш**к**ом, неслыш**н**о, душ**и**, умолкш**е**й); [ш'] (скребу**щ**ейся, щелк**н**и).

О. Чухонцеву удается сохранить рифмообразующий «темный» [о], но в отличие от оригинального текста, где он сопровождается напряженным сочетанием, автор перевода «осветлил» этот звук «мажорным» [м], что снижает контраст между Сном и муками совести.

Таким образом, на наш взгляд, образ Сна, переданный О. Чухонцевым, больше соответствует оригинальному, чем в переводе В. Потаповой, образ «муки совести» более точно воссоздала В. Потапова. Несмотря на то, что и в первом, и во втором случае авторы переводных текстов учитывали звуковые особенности подлинника, есть некоторое несоответствие в плане передачи эмоций. У В. Потаповой прерогатива принадлежит негативным эмоциям, в то время, как в переводе О. Чухонцева «муки совести» вызывают меньше отрицательных эмоций у получателей перевода, чем у реципиентов оригинала. Такие отличия можно наглядно представить в виде схемы (см. Рис. 3).

Как видим, в переводе О. Чухонцева образ Сна оформлен в соответствии с тем, что мы наблюдали в оригинале Дж. Китса. «Мягкости» этому образу добавляет обилие палатализованных согласных, это полностью компенсирует фонетические отличия русского и английского языков, связанные с тем, что в русской лирике звук [р] является более частотным. За счет использования рифмообразующего сочетания с «мажорным» [м] О. Чухонцев создает более мягкий образ «мук совести», чем в оригинале.

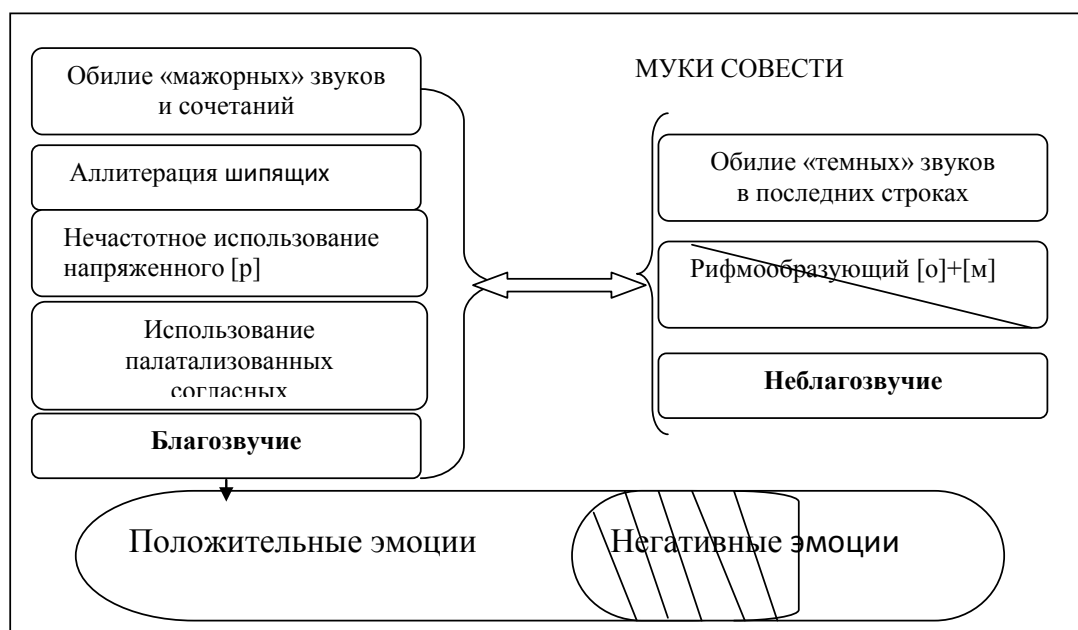

Рис. 3. Звуковая организация текста в переводе О. Чухонцева

Таким образом, явления благозвучия и неблагозвучия приобретают прагматическую насыщенность в рамках контекста поэтического произведения и помогают автору ярче выразить эмоциональное состояние. Поэтому при переводе стихотворений на другой язык необходимо передавать такие явления с учетом тех особенностей, которые были характерны для оригинального произведения, принимая во внимание их соотношение, сосуществование или противопоставление, а также качество использованных звуков. В противном случае эмоции, возникшие у получателей перевода, будут отличаться от эмоций реципиентов подлинника.

Список литературы

1. Английский сонет XVI–XIX веков : сб. / сост. А. Л. Зорин; на англ. яз. с параллел. рус. текстом. М., 1990. 698 с.
2. Воронин, С. В. Основы фоносемантики. Л., 1982. 244 с.
3. Гачечиладзе, Г. Р. Художественный перевод. М., 1980. 255 с.
4. Гончаренко, С. Ф. Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод // Поэтика перевода / сост. С. Ф. Гончаренко. М., 1988. 235 с.
5. Журавлев, А. П. Фонетическое значение. Л., 1974. 160 с.
6. Лотман, Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. 245 с.

*Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315).
Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 169–172.*

О. В. Томберг

ОБРАЗ НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ В АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривается динамика образов Беовульфа и Робин Гуда в лингвокультурной перспективе. Конституентами образов являются концепты, выявляющие их ценностное содержание. Язык как репрезентант образа на каждой стадии исторического развития обуславливает особенности актуализации образов в лингвокультуре.

Ключевые слова: образ, концепт, лингвокультурология, аксиология.

Обилие подходов к изучению художественного образа обусловлено комплексным характером этого сложного междисциплинарного явления. Образ был и остается предметом исследования различных научных дисциплин: эстетики, поэтики, литературоведения, семиотики, лингвостилистики, теории информации. При этом особенности образа, выделяемые и анализируемые в рамках различных методологических подходов, так или иначе соприкасаются с основным способом духовного существования человека – со сферой культуры.

Культурообусловленными и культуроспецифичными являются все конституенты феномена «художественный образ»: действи-

тельность и ее фрагменты, ценности и идеалы, особенности поэтики и специфика языка как основного материального репрезентанта образа. По мнению О. В. Евтушенко, образ следует причислить к объектам лингвокультурологии, так как преобразование реальности в образе обусловлено в том числе и историко-культурными причинами [5. С. 40]. Поскольку «концептуальное осмысление категорий культуры находит свое воплощение в системе образов» [7. С. 250], исследование последних заключается в выявлении их культурной специфики и значимости. Для этого необходимо реконструировать отраженные в образе элементы духовной культуры определенного исторического

этапа. И здесь релевантным будет соотношение понятий «образ» и «лингвокультурный концепт».

Концепт как «сгусток культуры в сознании человека» (Ю. С. Степанов) – ключ к пониманию и иерархизации доминант той или иной культуры. На наш взгляд, «образ» и «концепт» – явления разного порядка: концепт – категория ментальности и культуры, запечатленная в естественном языке, а образ – явление вторичной моделирующей системы. Однако сферой их пересечения является то, что в образе отражены определенные культурные доминанты – собственно лингвокультурные концепты и особенности их осмысления. Язык как «категоризатор вневербального знания» (О. А. Корнилов) является основным репрезентантом культурной информации в лингвокультурологическом поле образа.

Каждая историческая эпоха, каждый этап развития той или иной этнокультуры вырабатывает свою систему культурных констант (Н. Ф. Алефиренко), преобладающих категорий культуры (А. Я. Гуревич) – реальность или идею, которая доминирует над другими на протяжении длительного времени. С лингвистической точки зрения материалом для реконструкции данных доминант являются тексты, при этом «образность лучше поддается изучению, когда мы обращаемся к изучению первоначального источника художественной культуры – к фольклору» [2. С. 226]. С этой точки зрения оправданным является изучение центральных фольклорных образов как культурных доминант, результатов эвристической деятельности той или иной этнокультуры.

Одной из таких констант английской средневековой культуры является архетипическая идея о народном заступнике, которая нашла воплощение в фольклорном образе национального героя. Английская фольклорная традиция эксплицирует идею народного героя на двух исторических срезах, что открывает перспективы исследования данного феномена в динамическом аспекте. Первый – англосаксонский период (VII–X в.), представленный эпосом «Беовульф», и второй – позднее средневековье (XIV–XV в.), время создания баллад о Робин Гуде. Культурные и социально-политические изменения влияют на когнитивное поле культуры, в результате чего возникают несоответствия в когнитивно-концептуальном пространстве образов Беовульфа и Робин Гуда. Лингвистические изменения получают свое отражение

в различии способов и средств репрезентации образов и в соотношении названных уровней.

Лингвокультурологический аспект исследования художественного образа возможен сквозь призму изучения ценностных маркеров той или иной эпохи, отраженных в данном образе. Основанием для такого подхода является представление лингвокультуры в ценностно-смысловом пространстве языка как методологической доминанты лингвокультурологии [1. С. 99], поэтому «в лингвокультурологии личность целесообразно описывать через систему ценностных ориентаций» [3. С. 160]. Данный ракурс исследования выводит изучение образа в когнитивное поле культуры: исследование аксиологических концептов, которые подлежат интериоризации посредством образа, концептуального пространства художественного образа, особенностей концептов – конститuentов образа. С этой точки зрения конститuentами образа Беовульфа являются следующие концепты: родство, слава, мужество, материальные ценности, судьба, доспехи, битва/война. Наибольшей номинативной плотностью отличаются концепты «родство», «доспехи», «война/битва».

Практически все лексемы-этнонимы на основе родства, характерные для древнеанглийского языка, присутствуют в разработке образа Беовульфа: *maeg, sun, sib, folc, leod, theod, faeder, brothrum, modor*. Коннотативный фон этнонимов в тексте поэмы положительный, что объясняется мировоззренческими и социальными особенностями эпохи начала становления этнической общности, когда слишком сильны пережитки прежних кровно-родственных отношений. Родное наделено только самыми позитивными и ценными качествами: *min faeder folcum gecyþed, æþele ordfruma* (262–263); *mære mæga; frod folces weard; freowine (A noble friend) folca; wes þu us god (leodgebyrgean – larena аллитерация); min mægas/minus leodum/suna minus/usses cynnes* и т. д.

Аксиологическая значимость концепта «доспехи» для образа Беовульфа обусловлена функцией и предназначением эпического героя – спасением человечества от чудовищ и драконов. Важными помощниками Беовульфа в этой борьбе являются не только воины и соплеменники, но и предметы вооружения (*beadu-scruda*): прежде всего, меч (*sweord*), кольчуга (*lyc-syrce*), копье (*gar*), доспехи (*searwum*), щит (*bord; geolo-rand*) и латы (*byrnan*). Наибольшей ценностью обладает меч, о чем сви-

детельствуют, во-первых, высокая частотность данной лексемы в речи Беовульфа, во-вторых, лингвостилистические описания меча: *deoran sweorde* (561), *leohtan sweord* (2492), *fagum sweordum* (586), *wrætlic wægsweord* (1489), *eald sweord* (1663), *gud̥sweord geatolic* (2154), *aðsweord* (2064).

Концепт «война, битва» – в эпосе представлен ядерными лексемами «*gúþ*», «*beadu*», «*heaðu*», «*wig*». Для Беовульфа битва – это место проявления его героизма, его основного жанрового предназначения – победы над чудовищами. Данные лексемы являются основой большого количества поэтических композитов и кеннингов с семантической доминантой «битва, война». *Heaðu* – *grim* (very fierce), *heaðu* – *ræs* (a battle-rush), *heaðu* – *lac* (battle), *heaðu* – *swat* (blood shed in battle), *heaðu* – *mære* (illustrious in war), *gúþ* – *helm* (a helm) *gúþ* – *floga* (a dragon) *gúþ* – *sele* (a war-hall), *gúþ* – *wine* (a comrade, friend in war), *gúþ* – *ræs* (a warlike attack), *gúþ* – *wiga* (a warrior), *beadohrægl* (a war-garment).

Интересна динамика англосаксонского мышления в отношении концепта «судьба», представленного ядерной лексемой «*wyrd*». Ссылки на судьбу являются преимущественно заключительными в речах Беовульфа, более в того – значимость данной лексемы в речи может быть усилена коммуникативным типом высказывания, когда оно является восклицательным: *Gæð a wyrd swa hio scel!* (455). Это также коррелирует с синтаксическими особенностями актуализации концепта: «*wyrd*» – подлежащее и, следовательно, основной агент действия: *Wyrd oft nered* (572), *Gæð a wyrd* (455), *wyrd forsweop* (2814). Эти примеры указывают, на наш взгляд, на пациентивную позицию человека по отношению к судьбе в англосаксонский период. Однако речь Беовульфа эксплицитно фиксирует один важный момент – активную позицию по отношению к судьбе. Единственное, что, по его мнению, может противостоять силе судьбы, силе обреченности (сделать воина *unfægne* – not appointed to die / не обреченного на смерть) – это мужество (*ellen*): *...Wyrd oft nered unfægne eorl, þonne his ellen deah* (572–573).

Концептуальный анализ образа Робин Гуда выявил иные ценностные доминанты. Наиболее репрезентативной является концептуальная область «слои общества», которая отличается наибольшей частотностью и номинативной плотностью: *knight*, *yeman*, *squyer*, *bishops and archbishops*, *page*, *erle*, *baron*, *sherif*. Ве-

душими лингвоаксиологическими маркерами являются эпитеты: *gentyl knight*, *gentyl knight and trewe*, *gode yeman*, *sir knight*, *priude sherif*, *wyght yeman*, *riche abbot*, *a knight of force*, *kinge dere*, *our comly kunge*. Данные характеристики вскрывают существенную особенность балладного стиля – формульность, при которой существует выраженная тенденция фиксировать в сравнительно узких понятийных рамках языковую материализацию образов, отбор слов или фигур [6. С. 84]. В контексте формульного стиля балладного повествования, ограничивающего стилистическое развитие одной-двумя типовыми характеристиками, особую аксиологическую значимость приобретают такие синтагматические и парадигматические сопряжения, как: “For the loue of my kinge...” (377), “We lyue by our kings dere...” (387), “I loue no man in all the worlde So well as I do my kinge” (386). В целом можно констатировать, что важнейшей аксиологической доминантой речевых портретов Беовульфа и Робин Гуда является одна сфера – «члены общества», однако репертуарные расхождения огромны: если Беовульф является ярким представителем родо-племенного сознания, выступает манифестацией родственных ценностей, то Робин Гуд – носитель ценностей позднефеодального сословного общества.

Важное место в образе Робин Гуда отведено концепту «Бог», который вербализован лексемами “*God*”, “*Trinity*”, “*Our Lady*”, “*Lady Margaret*”, “*Mary Magdaleyne*”, “*Peter*”, “*Paul or John*”. Лингвоаксиологическими маркерами данных лексем являются эпитеты “*worthy*”, “*dere*”, “*Our*”, “*dere worthy*”, “*the trewest*” и такие поэтические сопряжения, как “For *Our Lady*, by her *selerer*...” “*God* is holde a *ryghtwys* man, and so is his *dame*.” Данная концептуальная область была точно представлена в образе Беовульфа и, соответственно, не была выделена в качестве аксиологической доминанты. Объяснение этому явлению находим в смене религиозного контекста двух эпох: переход от язычества к христианству (эпоха Беовульфа) завершился упрочением христианских норм, значимостью церкви во всех сферах человеческой деятельности и расширением в коллективном сознании христианских идей (эпоха Робин Гуда), что отразилось на концептуальном уровне и получило дальнейшее лингвостилистическое развитие.

Важным лингвокультурным контрапунктом образов национальных героев двух эпох является концептуальная сфера «ценности». Од-

нако семантические трансформации, которые претерпел этот концепт, иллюстрируют смену дескрипторного фокуса: золото как наивысшая ценность для Беовульфа трансформируется в тематическую группу «деньги» в образе Робин Гуда. Частотная лексема “tresoure” получает следующее лексико-семантическое развитие: *four hundred pounde, ten shelinges, one peny, money, pay – borowe*. Лексема “gold” употребляется в речи Робин Гуда в связи с перечислением сокровищ, которыми владеет церковь: “And ye haue chyrches and rentes both, And gold full grete plente...” (377). В свете преемственности сакрального мотива золота, реализованного в «Беовульфе» (золото в грязи, золото, приведшее к убийству героя), интересно употребление данной лексемы в следующем контексте: “Johan, that thou were *slaw*, For all the *golde* in mery Englonde, Though it lay now on a *rawe*.” (306).

Образ актуализируется средствами языка определенного периода развития лингвокультуры, т. е. язык на том или ином этапе своего исторического развития детерминирует особенности репрезентации образа. Это позволяет ставить вопрос о лингвистических особенностях репрезентации образа на определенной стадии развития национального языка, который «оказывает воздействие только через самого себя» [4. С. 377]. При этом в творческом аспекте «каждый элемент языка перестает быть равным самому себе и обретает способность, моделируя мир, одновременно творить его заново» [Там же]. Синтетический древнеанглийский язык обусловил такие особенности репрезентации образа Беовульфа, как аллитерация, сложные субстантивные эпитеты, кеннинги, эпический претерит. Лингвопоэтическая актуализация образа национального героя в среднеанглийский период во многом обусловлена языковыми процессами на данном историческом этапе – переходом от синтетизма к ана-

литизму. В результате роль аллитерации (возможной в силу наличия в языке пережитков синтетизма) снижается до орнаментального средства, сложные субстантивные эпитеты и кеннинги остаются в синтетическом прошлом англосаксонской поэтической традиции. Им на смену приходят новые лингвистические средства репрезентации образа Робин Гуда: уникальная балладная метроритмика, складывающееся категориальное значение аналитических глагольных форм для протягивания образа на ось настоящего (связь с концептуальным хронотопом балладного жанра).

Исследование художественного образа в лингвокультурологической перспективе представляется актуальным, при этом движение «язык – образ» является взаимонаправленным: образ как продукт культуроспецифичного освоения действительности находит свое концептуальное отражение в языке; язык на определенном историческом этапе своего развития обуславливает особенности актуализации образа.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. М., 2010. 288 с.
2. Аникин, В. П. Теория фольклора : курс лекций. М., 2004. 432 с.
3. Воробьев, В. В. Лингвокультурология. М., 2008. 336с.
4. Гумбольдт, В. фон. Характер языка и характер народа // В. фон Гумбольдт. Язык и философия культуры. М., 1985. 452 с.
5. Евтушенко, О. В. Художественная речь как инструмент познания. М., 2010. 552 с.
6. Зюмтор, П. Опыт построения средневековой поэтики. СПб., 2003. 544 с.
7. Маслова, В. А. *Homo lingualis* в культуре. М., 2007. 320 с.

ЛИНГВОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ GOOGLE

Миссия Google – организовать всю имеющуюся в мире информацию, сделав ее доступной и удобной для использования.

Статья посвящена лингвосоциокультурному анализу поисковой системы Google и ее скрытого влияния на интернет-пользователей. Автозамена Google, гуглбллинг и скрытые методы влияния рассматриваются с точки зрения социолингвистики и лингвокультурологии.

Ключевые слова: Гугл, гуглбллинг, автозаполнение, автоподсказки гугл.

Google [gu:gl], рус. Гугл – крупнейшая поисковая система, принадлежащая корпорации Google Inc. Изначально поисковая система Google была создана в качестве учебного проекта студентов Стэнфордского университета Ларри Пейджа и Сергея Брина. В 1996 г. они работали над поисковой системой BackRub, а в 1998 г. на ее основе создали новую поисковую систему Google.

Домен Google.com был зарегистрирован 15 сентября 1997 г., а сама корпорация основана 2 сентября 1998 г., когда один из основателей компании Sun (**Sun Microsystems** – американская компания, производитель программного и аппаратного обеспечения, основана в 1982 г., в 2010 г. была поглощена корпорацией Oracle; штаб-квартира компании располагалась в Санта-Кларе, Калифорния, в Силиконовой долине) Энди Бехтольшайм выписал чек на сумму 100 тыс. долларов США на имя еще не существующей организации.

Название Google произошло от намеренно искаженного Сергеем Брином математического термина «гугол» (googol), которое означает «десять в сотой степени» – 10^{100} . Цитата с сайта Google: «По словам одного из основателей компании, Ларри Пейджа, идеальная поисковая система способна точно определить, что имеет в виду пользователь, и показать именно те результаты, которые ему нужны» [5]. Сотрудники компании Google постоянно разрабатывают новые технологии, которые, по их мнению, помогают приблизиться к идеалу. Главной задачей любой технологии, начиная от поиска и заканчивая приложениями Chrome и Gmail, команда Google считает ускорение поиска нужной информации и помощь в реализации задуманного. Именно попытка поисковика точно определить, что имеет в виду пользователь, и вызывает наибольшее количество «не-

чаянных шуток», ляпов и т. д. В данной статье будет рассмотрен лишь один сервис, предоставляемый компанией Google, – Поисковик Google.

Поисковая система Google обладает качественным поисковым «движком». В своей системе она использует механизм PageRank, изменяющий «важность» сайта при выдаче результатов поиска. **PageRank** (пэйдж-ранк) – один из алгоритмов ссылочного ранжирования. Алгоритм применяется к коллекции документов, связанных гиперссылками (таких, как веб-страницы из Всемирной паутины), и назначает каждому из них некоторое численное значение, измеряющее его «важность» или «авторитетность» среди остальных документов. Вообще говоря, алгоритм может применяться не только к веб-страницам, но и к любому набору объектов, связанных между собой взаимными ссылками, т. е. к любому графу [4].

PageRank зависит от количества и качества ссылок на ресурс. Другими словами, Google выдает страницы в порядке их популярности и «важности», которые высчитываются исходя из количества посещений и запросов. Анализ полученных данных позволяет сделать любопытный лингвосоциокультурный срез той или иной общности, страны.

Визуально это выглядит следующим образом: Гугл автоматически выдает возможные варианты, так называемые «подсказки», которые становятся причиной шуток, приколов или даже причиной судебных разбирательств. Поиск Google неоднократно оказывался в центре внимания СМИ из-за подобных ошибок. Вот несколько наиболее «громких» примеров. В 2003 г. Google спас Джорджа Буша от «бомбы», как сообщает “The New York Times” со ссылкой на заявление представителей Google: раньше на первом месте среди результатов

поиска при введении запроса «жалкий неудачник» (miserable failure) стояла ссылка на раздел страницы Белого Дома, посвященный Президенту США. В 2010 г. сервис на запрос «vatican» первым в списке предложений выдавал сайт www.pedofilo.com. В том же году поиск по французскому выражению *trou du cul*, означающему «задница», выводил первой ссылкой на домашнюю страницу Никола Саркози. Все эти случаи стали результатом так называемого «гуглбомбинга» [2], когда интернет-пользователи в шутку вводили большое количество запросов с сайтом известной личности и бранным выражением.

Проанализировав подсказки Google, мы выделили два наиболее интересных явления – гуглбомбинг и автозаполнение.

Гуглбомбинг (англ. *Googlebombing*, также известна как *link bomb* или «поисковая бомба») – феномен функционирования поисковой системы (не обязательно Google), когда какой-нибудь запрос приводит к выдаче абсурдного или провокационного результата. Гугл-бомбы иногда являются случайной ошибкой поисковой системы, но многие из них, особенно связанные с острыми социальными и политическими конфликтами, провоцируются искусственно. Для этого используется техника поискового спама. Другим словами, это намеренное действие, предпринимаемое некоторым количеством пользователей для антипиара, подрыва доверия или в связи с иной корыстной целью, что, несомненно, заслуживает более пристального изучения, поскольку подобный способ оказывается мощным инструментом в борьбе за влияние на массы. Нас, к примеру, возмутил и удивил следующий факт. При наборе в поисковой строке слова «путин» Google предлагает следующие варианты продолжения фразы:

- путин краб (Результатов: примерно 232 000) – выражение вошло в обиход 14 февраля 2008 г. после пресс-конференции по поводу восьмилетнего президентства Путина. Президент произнес фразу: «*Все эти восемь лет я пахал как РАБ на галерах*». То ли кто-то про-

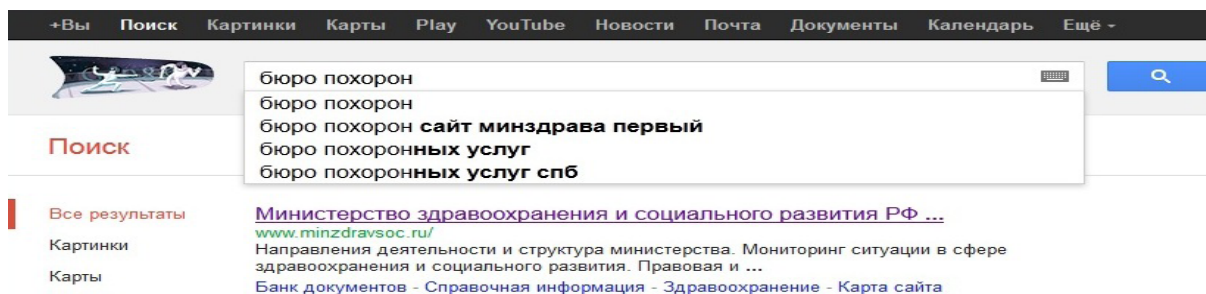
сто неправильно расслышал фразу, то ли имеет место намеренный саботаж (автор статьи придерживается последнего варианта), суть не в этом. Эта «шутка», имевшая огромную популярность в 2008 г., до сих пор по результатам поиска оказывается на первом месте, что наводит на размышления об искусственно поддерживаемом рейтинге данного словосочетания;

- путин и кабаева (Результатов: примерно 575 000) – строка является откликом на утку, запущенную СМИ. Думается, что по прошествии времени она упадет в рейтинге;

- путин (Результатов: примерно 84 300 000) – несмотря на то, что Google выдает результат запросов в приблизительном количестве 84 миллиона, запрос только на **третьем** месте. Почему?

При этом американского президента Google спасает от «бомбы» и даже пиарит Барака Обаму. «Поисковая система Google по-разному учитывает интерес пользователей к Бараку Обаме и Митту Ромни. Как показало исследование The Wall Street Journal, для тех, кто искал Обаму, персонализируются результаты поиска по другим запросам, которые никак не меняются, если пользователь интересовался соперником действующего президента» [7]. Русская служба Google не то что никак не реагирует, а наоборот, поддерживает рейтинг «бомбы», направленной на подрыв доверия к российскому Президенту. Обращает на себя внимание, что правительство России до сих пор никак не реагирует на подобную политику полускрытого интернет-влияния, хотя все основания для того, чтобы бить тревогу, есть. Граждане других стран пристально следят за своим имиджем в Интернете. Так, например, во Франции все утки, создаваемые гуглбомбингом, сразу же подвергаются разоблачению при помощи СМИ [8.].

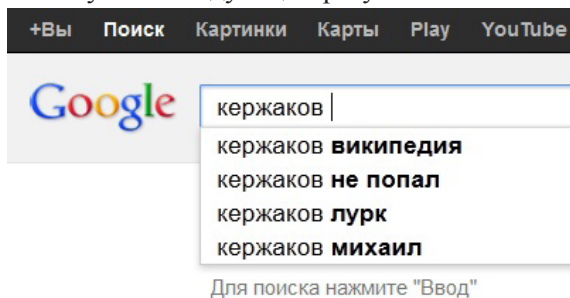

Гуглбломбинг направлен не только на физических лиц, но также и на организации: при запросе бюро похорон, первой строчкой Google выдает Минздрав РФ.

Поисковик Yandex («Яндекс» – российская ИТ-компания, владеющая одноименной системой поиска в Сети и интернет-порталом. Поисковая система «Яндекс» является 5-й среди поисковых сайтов мира по количеству обработанных поисковых запросов. По данным за сентябрь 2011 г., им было обработано более 3 млрд запросов [9]) себе такого не позволяет. Может быть, дело в том, что он отечественный?

Автозаполнение представляет собой социолингвистический феномен, позволяющий охватить сферу интересов среднестатистического пользователя. Если проанализировать, как меняется первая десятка результатов на запросы, начинающиеся со слов «как», «почему» и «сколько», в течение года, то получится интересная картина, отражающая социальные потребности и мировосприятие среднестатистического российского пользователя.

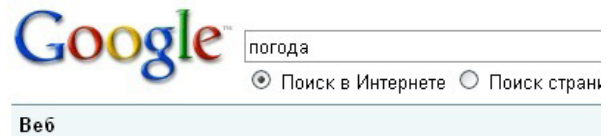
Необходимо упомянуть, что со временем результаты поисковых запросов претерпевают изменения, откликаясь на внешне-политические или внутренние события. Так, к примеру, во время прохождения чемпионата Европы по футболу Евро 2012 после ввода фамилии нападающего российской сборной Кержакова Александра Анатольевича, Google предлагал следующие варианты: «промахнулся» (примерно 70 600 результатов), «не попал» (примерно 934 000 результатов) или «промахнулся видео» (примерно 35 300 результатов). Эти данные были взяты из Интернета в июле 2012 г. Повторив запрос в январе 2013 г. путем ввода в поисковую строку слова «Кержаков», мы получили следующий результат.

Прокомментируем этот результат. С одной стороны, произошел спад ажиотажа, вызван-

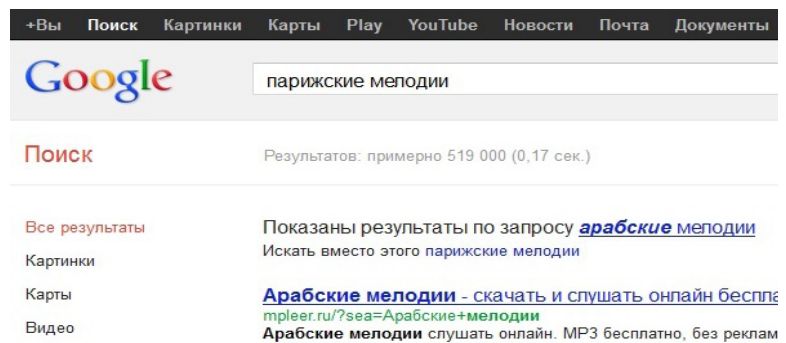
ного событиями Евро 2012, с другой стороны (и это самое интересное), на вариант «Кержаков не попал» Google выдал примерно 556 000 запросов, что почти в два раза меньше, чем в июле. Что это как не обнуление счетчика? Однако почему в этом случае не обнуляются, но, наоборот, поддерживаются нелицеприятные для россиян результаты поиска, касающиеся нашего президента?

При поиске информации Google предлагает интерпретацию или продолжение запросов, нередко совершенно нелепые:

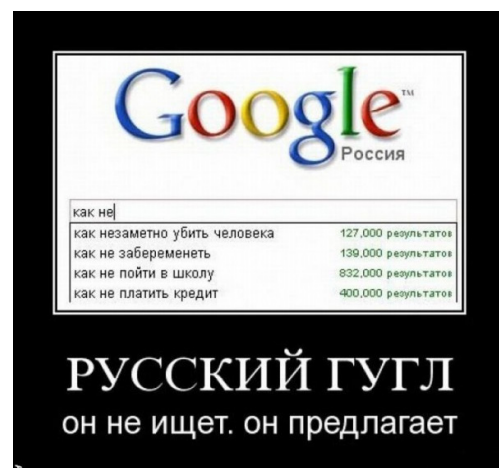

Возможно, вы имели в виду: [резиновые сапоги](#)

Иногда же Google тонко «шутит», намекая, например, на рост количества арабского населения во Франции (хотя данное явление относится, скорее всего, к «пасхалкам» или easter eggs [3]):

Больше всего скандалов и судебных исков на компанию Google связано именно с функцией автозаполнения, что не ускользает от внимания пользователей. Судить об этом можно по появлению в сети множества демотиваторов [1. С. 125].

И вновь дальше высмеивания этого, на наш взгляд, весьма опасного влияния в России дело не идет. При этом, как сообщает “Japan Times”, окружной суд Токио запретил компании Google использовать функцию автозаполнения запросов пользователей в поисковике по требованию неназванного человека [8]. Газета “Le Monde” сообщает следующее: «Французские правозащитные организации подали в суд на корпорацию Google из-за «антисемитских» подсказок в поисковике. Истцы отметили, что во многих случаях механизм автоподсказок предлагает пользователям дополнить поисковый запрос, связанный с именами известных людей, словом «еврей». Такое поведение, в частности, они обнаружили при вводе имен кандидатов в президенты Франции» [11].

Гуглобомбинг и функция автозаполнения на первый взгляд являются разными интерпретациями одного и того же лингвосоциокультурного явления, но если в первом случае создание бомбы является делом частных рук, то во втором – это полностью инициатива компании Google. И вновь возникает вопрос: почему российские спецслужбы ничего не предпринимают для борьбы с этим негативным интернет-влиянием?

В ходе лингвосоциокультурного анализа поискового сайта Google мы попытались ответить на вопрос, являются ли подсказки, выдаваемые Google в строке ввода, преднамеренными. Представители Google заявляют, что поисковик предлагает закончить фразу по итогам популярности обращений, а первая десятка результатов формируется по количеству обращений к данной теме. Таким образом, компания Google, на которую уже подано огромное количество исков по всему миру, успешно избегает ответственности за понижающие статус определенных организаций и лиц подсказки, ссылаясь на запросы пользователей. Однако изучение сервиса Google-переводчик вновь заставляет задуматься о причастности компании к негативному интернет-влиянию и воздействию на определенные группы людей. Бездействие государственных структур, к сожалению, приводит к тому, что интернет-пользователи в ответ на свои запросы получают полуправду [2. С. 238].

Таким образом, с лингвосоциокультурной точки зрения анализ средств скрытого влияния, используемых в сети Интернет в целом и в поисковом сервисе Google в частности,

представляет не только научный, но и государственный интерес, поскольку касается вопросов национальной безопасности. Вне всякого сомнения, поднятая в настоящей статье тема заслуживает самого детального и пристального научного изучения.

Список литературы

1. Голиков, А. С. Демотиваторы в Интернет-коммуникации: генезис, смыслы, типология / А. С. Голиков, А. А. Калашникова // Вестн. Харьк. гос. ун-та. 2010. Вып. 16. С. 124–130.
2. Шелестюк, Е. В. Уклон как прием речевого воздействия // Лексические и грамматические категории в свете типологии языков и лингвокультурологии : материалы Всерос. науч. конф. Уфа, 2007. С. 238–240.
3. Часовский, П. В. Семиотика «Easter eggs», или Игровое начало в компьютерных играх // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2012. № 36 (290). С. 63–67.
4. Sullivan, D. Google Bombs Aren't So Scary [Электронный ресурс] // Search Engine Watch, 17.03.2002. URL: <http://searchenginewatch.com/article/2064860/Google-Bombs-Arent-So-Scary>.
5. Google, Inc. What we do [Электронный ресурс]. URL: <http://www.google.com/intl/com/about/company/products>.
6. Как рассчитывается Pagerank [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/pagerankclub/matematiceskij-algoritm-pagerank>.
7. Поисковик Google уличили в «поддержке» Обама [Электронный ресурс] // Lenta.ru, 05.11.2012. URL: <http://lenta.ru/news/2012/11/05/findobama>.
8. Саркози стал жертвой «бомбы» в Google [Электронный ресурс] // Lenta.ru, 6.09.2010. URL: <http://lenta.ru/news/2010/09/06/sarko>.
9. Яндекс вошел в пятерку самых популярных поисковиков мира [Электронный ресурс] // Lenta.ru, 27.10.2011. URL: <http://lenta.ru/news/2011/10/27/yandex>.
10. Google ordered to delete terms from autocomplete [Электронный ресурс] // The Japan Times. 26.03.2012. URL: <http://www.japantimes.co.jp/text/nn20120326a2.html>.
11. Google poursuivi pour les suggestions de son moteur de recherche // LeMonde. 26.04.2012 [Электронный ресурс]. URL: http://www.lemonde.fr/societe/article/2012/04/28/google-poursuivi-pour-les-suggestions-de-son-moteur-derecherche_1692742_3224.html.

ОТЗЫВЫ. РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ З. И. КОМАРОВОЙ «МЕТОДОЛОГИЯ, МЕТОД, МЕТОДИКА И ТЕХНОЛОГИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ» (Екатеринбург, 2012)

Учебное пособие З. И. Комаровой – уникальный по своему замыслу и степени обобщения научно-исторических фактов, идей, концепций и направлений в развитии лингвистического знания труд. Это результат поистине подвижнических усилий ученого, предпринявшего попытку системно представить современное состояние лингвистики как ключевой науки, объединяющей подходы, выработанные в рамках естественнонаучного и гуманитарного знания. Лингвистика и знание – два базовых концепта, от которых отталкивается и к которым стремится исследователь в своих размышлениях и постулатах.

Автор прекрасно отдает себе отчет в масштабности поставленной перед собой задачи – познакомить молодого исследователя-лингвиста с основами лингвистической методологии, раскрыть теорию лингвистического метода и ввести в методику и технологию лингвистических исследований.

Главное, что с самого начала знакомства с книгой подкупает читателя, это ощущение неразрывности современной науки с длительной традицией изучения языка как духовного и культурного «свода», хранилища и транслятора знаний, ценностей, национальной и общечеловеческой памяти. Сопричастность к предшествующему опыту, преемственность, на наш взгляд, важнейшее качество, отличающее работы отечественных лингвистов. И нам глубоко понятно стремление З. И. Комаровой показать эволюцию лингвистических методов на внимании прежде всего к фундаментальным концепциям российских языковедов и освоенным русской мыслью трудам, идеям и подходам зарубежных исследователей. Как подчеркивает З. И. Комарова, цитируя Ф. М. Березина и Б. Н. Головина, «природа языка и его свойства инвариантны для всех конкретных языков и могут быть замечены и показаны на материале немногих (или даже одного) языков». И это «понимание языка как структуры семантической, а не формальной, предполагает, что читатель свободно опознает семантику языковых знаков и «распоряжается» ею в двух случаях: если имеет дело с родным языком или если он знает иностранный язык так же хорошо, как свой родной» (с. 6). Таким образом, автор дости-

гает не только решения сугубо учебных задач, но и приобщает начинающих исследователей к национальным традициям изучения языка.

Учебное пособие посвящено центральной проблеме современной лингвистики – проблеме методологии исследований. Как известно, успешность научных поисков во многом зависит от выбора адекватных для избранного материала методов и приемов. Только понимая, в какой научной парадигме находится лингвист, чьи подходы к изучению языковых фактов он разделяет, за кем следует и от чего отказывается, действуя последовательно и целенаправленно, он может получить по-настоящему весомые научные результаты.

В качестве главной задачи учебного пособия автор видит «создание основ системной методологии лингвистики на базе синтеза работ по методологической проблематике» (с. 5). Но поскольку книга адресована прежде всего молодым исследователям, эта масштабная задача формулируется автором более конкретно – «введение в системную методологию».

Метафорически представляя методологию той опорой, основанием, на котором возводится здание любой научной работы, автор использует термин «архитектура» для описания композиции своей книги. Несмотря на фундаментальность пособия (это восьмисотстраничный труд!), его структура прозрачна. Первая часть посвящена основам системной лингвистической методологии (представляет ее источники и составные компоненты), вторая раскрывает теорию лингвистического метода, третья описывает методику лингвистического исследования и четвертая – его технологию. Иначе говоря, от основ лингвистической методологии автор последовательно переходит к теории, общим и частным методам, методике и технологии.

Во введении дается краткий обзор основных учебников и учебных пособий по общему языкознанию и формулируются важнейшие принципы и постулаты системной методологии: антропоцентризм, деятельностный подход, системность, дискурсивность, парадигмальность (vs непарадигмальность) и количественно-качественная структуризация языко-

вого материала (статистико-комбинаторный принцип). Здесь же обосновывается авторский взгляд на структуру лингвистического метода. По мнению З. И. Комаровой, последний включает не три, как традиционно считается, а четыре значимых компонента (концепта): методологию, метод, методику и технологию. Введенный исследователем концепт «технология» как составляющая метода подразумевает, что научное познание – это «операциональный процесс деятельности, который позволяет получать одни и те же результаты всем людям, овладевшим технологией» (А. Г. Войтов).

Остановимся более подробно на одной из глав этого объемного издания (целостное представление которого вряд ли возможно в рамках небольшой рецензии) – «Макропарадигмальные методы и методики лингвистики». З. И. Комарова, предложив свое понимание парадигмы как «модели постановки проблем и их решений», выделяет четыре важнейшие лингвистические макропарадигмы, последовательно сменяющие друг друга: сравнительно-историческую (компаративизм), системно-структурную (структурализм), коммуникативно-прагматическую и когнитивно-дискурсивную. В двенадцатой главе пособия подробно раскрывается сущность каждой из названных парадигм, представляются ее базовые концепты, методы и методики.

Обращает на себя внимание, что две последние парадигмы признаются автором сопряженными друг с другом. Как отмечает З. И. Комарова, «по существу когнитивная парадигма сложилась путем синтеза коммуникативно-прагматических моделей языка и идей когнитивной науки» (с. 459). Объединяющим методологическим началом той и другой парадигм выступает концептуальная междисциплинарная интеграция.

Определив основные постулаты когнитивно-дискурсивной парадигмы, которая, как указывается в работе, «формируется в наши дни и до конца еще не сложилась», З. И. Комарова обосновывает в качестве ее главного метода когнитивно-коммуникативный. Основными объектами, на который он направлен, являются, по мнению автора, когниция и коммуникация (дискурс), концептуализация и категоризация, концепт и категория, концептосфера, картина мира, языковая картина мира и менталитет.

Предметом изучения в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы выступают знаковая репрезентация ментального мира, соотнесение языковых форм с их когнитивными структурами и выявление того, какая часть концептуаль-

ного содержания и каким образом фиксируется языковыми значениями.

Теоретически значимым в рецензируемой работе является авторский обзор основных методик анализа концептов и категорий. Автору удается кратко и емко охарактеризовать важнейшие труды, составляющие предпосылочное знание когнитивной теории, и выделить на этой основе три этапа изучения категорий в науке: структурный, функциональный и когнитивный. На последнем этапе, подчеркивает З. И. Комарова, категория предстает как «формат знания», или «способ представления знаний на мыслительном и языковом уровне» (с. 473).

Молодым ученым будет полезно включенное в эту часть работы системное описание основных методик анализа категорий и способов категоризации языковых единиц: прототипической семантики, когнитивной грамматики Р. Лэнкекера, фреймовой семантики Ч. Филлмора, когнитивной семантики Р. Джекендоффа и др. С необходимой полнотой показаны в этой главе и разнообразные методики анализа дискурса, отмечена их связь с предшествующим лингвистическим знанием.

Глава завершается рассуждениями автора по поводу эвристического потенциала и перспектив лингвокогнитивных исследований. Проявив сдержанность в оценках, З. И. Комарова отмечает, что когнитивно-коммуникативный метод в целом и его основные методики, обладая большой экспланаторной и эвристической силой, «как и остальные методы, имеет определенные границы применения» (с. 494).

Думается, что подобная сдержанность вполне объяснима на фоне недавнего «повального» увлечения российскими лингвистами анализом всевозможных концептов. Разумеется, любое исследование концепта не должно становиться самоцелью, оно значимо лишь в том случае, если подчинено конкретной научной задаче (например, сопоставлению языков и соответствующих картин мира), включено в лингвистический анализ текста, дискурса или языковой категории.

Без сомнения, учебное пособие Зои Ивановны Комаровой, исключительно своевременное и значимое, найдет своих благодарных читателей и послужит верным ориентиром в их познавательной деятельности. Хочется пожелать автору дальнейших успехов в научной деятельности и столь же убедительных результатов на пути интеграции науки и образования.

Доктор филологических наук, профессор
Е. И. Голованова

SUMMARY

AZNACHEEVA E. N. Some Aspects of Lingua-cognitive Research of Professional Consciousness

The article is focused on the analysis of peculiarities of gnosiological and cognitive-discourse approaches towards the professional linguistic personality research. Some aspects of the professional linguistic personality typology are studied.

Keywords: professional linguistic personality, cognitive modelling, discourse, typology, metaphorical models, mental styles, self-reflection, professional evaluation.

BOKHAN Ya. A. Representation of Economic Crisis in Chinese Media Texts

The article is devoted to the concept of “economic crisis”, its comprehension and representation in Chinese media texts. The author’s attention is focused on the conceptual area of economic crisis. We use frame as an instrument of our research. The analysis is based on the materials of authoritative Chinese news publications.

Keywords: economic crisis, concept, frame, text, mass media.

BOLDYREV N. N. Theoretical Grounds and Methodological Principles of a Cognitive Study of Language

The article focuses on the theoretical grounds and methodological principles of a cognitive approach in the study of language. The notion of the interpreting function of language in the framework of an integrative theory of linguistic representation of world knowledge is being argued. A special attention is drawn to the interplay of the three aspects of linguistic processing of knowledge (representative proper, semiotic, and interpretative) as a result of the implementation of the three functions of language: cognitive, communicative, and interpretative.

Keywords: theory, methodology, representation, interpretation, function, knowledge, semiosis, concept, category.

BOYARSKAYA O. V. Terminology of the Tachygraphic Documents-Descriptions of the end XVIII – first half XIX c.

The article deals with the functioning of the South Ural documents-descriptions terminology at the end of XVIII – first half of XIX c. Thematic groups of nominations, word building and grammatical peculiarities are outlined.

Keywords: terminology, document-description, Russian of the end XVIII – first half XIX century.

BUDYKINA V. G. Planning and Compiling the Dictionary of Russian Higher Education Terminology Regarding the Integration into European Higher Education Area

The article describes the methods and principles of planning and compilation of English-Russian Dictionary of Higher Education Terminology and its tailoring to the needs of Russian students, teachers, educators and researchers who experience the influence of integration processes facing Russia.

Keywords: terminology of higher education, dictionary of higher education terms, lexicography.

BURDINA O. B. A Variation of the Pharmaceutical Terminology in the Medicines Abstracts

The article is devoted to the problem of terminology variation in the texts of abstracts of medicines in the most popular Internet-reference books in Russia.

Keywords: term, variation, text, pharmaceutical discourse, abstract of medicines.

BURMAKINA N. A. Language Personality Structure of the First Yenisei Governor A. P. Stepanov: Features of Lingvo-cognitive Level

The article is devoted to the means of verbalization of key axiological concepts “Beauty” and “Utility” in the linguistic picture of the world of A.P. Stepanov’s language personality. The author of the article defines common and special features in the conceptosphere of the first Yenisei governor.

Keywords: linguistic personality, concept, individual linguistic picture of the world.

CHASOVSKIY P. V. Lingua-socio-cultural Analysis of Google Web Search

The article is devoted to the lingua-socio-cultural analysis of Google Web Search and its camouflaged influence upon Internet users. We attempt to determine the value of this lingua-socio-cultural phenomenon. Google autocorrect, Google bombing and the hidden methods of influence are considered from the point of view of sociolinguistics and cultural linguistics.

Keywords: Google bombing, translation, autocorrect.

GENERALOV V. A. On Modifying Positions Categorization in the Multicomponent Terms Structure (on the Basis of English Language Sources)

The present article considers such categories of multicomponent terms as the ranking of modifiers and the gradation of complication steps of the onomasiological source basis of a term.

Keywords: categorization, multicomponent terms, steps of modification, significant modifying positions, recognizability, hypothetical general model of modification, simulacrum, genesis.

GLAZYRINA A. I. Computer Sublanguage: Terms, Jargon Words and Professionalisms

The article differentiates such notions as terms – jargon words – professionalisms within the scope of computer sublanguage.

Keywords: computer sublanguage, terms, computer jargon, professionalisms.

GOLOVANOVA E. I. Cognitive Terminology: Issues, Tools, Trends and Prospects

In the article the author's perspective on the basic directions of cognitive terminology development in Russia is revealed. The system of basic ideas and methodological principles of cognitive term study, the priority research areas research are formulated, and approaches to the solution of specific problems are introduced.

Keywords: cognitive terminology, term, special vocabulary, conceptual structure, knowledge, professional linguistic personality.

GRIGORIEVA N. Yu. A study of Cognitive Activity of a Polycode Text Recipient

Cognitive comic book interpretation as a polycode text is viewed in the article.

Keywords: polycode text, comic, perception, mental representation.

IVANCHENKO N. V. On Peculiarities of Chinese Set Expressions Stability

The article touches upon relations between language and culture, and envisages different types of set expressions represented only in Chinese linguistic and cultural society.

Keywords: linguistic and cultural specifics, Chinese language, national component, set expression, phraseological units, quotation, byword, case phenomenon, aphorism, chengyu, yanyu, sehouyu, guanyu.

IVANOVA E. V. Archetypal Concept and the Ecological Archetype

The article deals with the terms of the concept and archetypal concept and argues the presence of the ecological archetype *home* as a special kind of concept in the unconscious structure.

Keywords: archetype, concept, archetypal concept, symbol, ecological archetype.

KOMAROVA Z. I. The Basics of System Methodology of Modern Polyparadigmatic Linguistics

The article substantiates the need to create system methodology of modern polyparadigmatic linguistics and discloses the principles, postulates and concepts of system methodology. The work gives a four-part structure of the following epistemic chain: methodology – method – methods – techniques. The article suggests a hierarchical structure of system methodology of a modern linguistics.

Keywords: system methodology, method, technique, technology, epistemic chain.

KONOVALOVA M. V. Virtual Space and Virtual Gestalt

In the article gestalt is considered as a virtual cognition configuration in the virtuality, the mechanism and features of its realization, the author's definitions of virtuality and virtual gestalt are given, its basic properties and characteristics are identified.

Keywords: virtuality, virtual space, gestalt, the virtual cognition configuration.